

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя

запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 9

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2013

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

М.Э. Часноўскі

Намеснікі галоўнага рэдактара:

А.А. Гарбацкі, А.М. Сендзер (*гуманітарныя і грамадскія навукі*)

К.К. Красоўскі, У.А. Плецохоў (*прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, В.Е. Гайдук, А.Ф. Равінскі, М.П. Ярчак

Міжнародны савет:

В.Р. Бязрогаў (Расія), Я.А. Грэбенікаў (Расія), А.М. Круглашоў (Украіна), В.А. Несцяроўскі (Украіна),

Ежы Нікітаровіч (Польшча), Марк Пілкінгтон (Францыя), А. Юўка (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст (*адказны рэдактар па гуманітарных і грамадскіх навукках*),

Н.С. Ступень (*адказны рэдактар па прыродазнаўчых навукках*),

У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.М. Ватыль, А.М. Вітчанка,

А.Л. Гулевіч, М.П. Жыгар, Г.А. Зорын, М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель,

У.У. Лосеў, М.І. Ляўчук, У.Ф. Мартынаў, А.А. Махнач, А.В. Мацвееў, З.П. Мельнікава,

Я.М. Мяшэчка, Я.В. Радына, Ст.Р. Рачэўскі, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, Б.В. Саліхаў,

У.В. Салтанаў, В.Ф. Саўчук, У.С. Секарьжыцкі, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч, А.І. Смолік,

В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, М.М. Труш, У.М. Хоміч, А.В. Чарнавалаў, А.В. Чычурын, І.А. Швед,

Т.І. Якавук, Я.К. Ялавічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224665, г.Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 23-34-29

e-mail vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-139-4 (ч. 1)

ISBN 978-985-555-138-7

© УА «БДУ імя А.С. Пушкіна», 2013

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university
named after A.S. Pushkin»

Proceeding

Of Brest University

Collection of scientific works

Issue 9

Part 1

The Humanities and Social Sciences

Brest • 2013

Founded 2005

Editor-in-chief

M.E. Chasnoyski

Editor-in-chief Deputies

A.A. Garbatski, A.N. Sender (*the humanities and social sciences*)

K.K. Krasovski, V.A. Pletsyuhov (*natural sciences*)

Editorial council:

L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshko, V.E. Gaiduk, A.F. Ravinski, N.P. Yarchak

International council:

V.G. Bezrogov (Russia), E.A. Grebenikov (Russia), A.N. Kruglashov (Ukraine), V.A. Nesterovski (Ukraine),
Ezhy Nikitarovich (Poland), Mark Pilkington (France), A. Yuvka (Poland)

Editorial board:

G.I. Zaimist (*the humanities and social sciences managerial editor*),

N.S. Stupen (*natural sciences managerial editor*),

V.V. Amelkin, S.V. Artyemenko, M.A. Bagdasarov, V.F. Bainev, V.N. Vatyl, A.N. Vitchenko,

A.L. Gulevich, M.A. Dobrinin, M.P. Zygar, G.A. Zoryn, M.S. Kovalevich, T.A. Kovalchuk, C.S. Kirvel,

V.V. Losev, M.I. Levchuk, Y.F. Martynov, A.A. Makhnach, A.V. Matveev, Z.P. Melnikova,

E.N. Meshechko, Y.V. Radyno, S.G. Rachevski, S.V. Reshetnikov, D.G. Rotman, B.V. Salikhov,

V.V. Saltanov, V.F. Savchuk, V.S. Sekerzhitski, V.A. Senkovets, I.A. Sheved, E.V. Skakun, E.S. Slepovich,
A.I. Smolik, V.A. Stepanovich, V.I. Senkevich, N.N. Trush, V.M. Homich, A.V. Chernovalov, A.V. Chichurin,

T.I. Yakovuk, Y.K. Yalovicheva, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:

224665, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 23-34-29

e-mail vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-139-4 (ч. 1)
ISBN 978-985-555-138-7

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin», 2013

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

ЗБОРНИК НАУКОВЫХ ПРАЦ

2013 • Вып. 9 • Ч. 1

ЗМЕСТ

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Чесновский М.Э. Научная деятельность университета: региональный аспект.....9

ФІЛАСОФІЯ

Беляева Е.В. Неотрадиционализм как характеристика системы нравственности белорусского общества.....15

Лагуновская Е.А. Ценности христианства в формировании созидательного сознания и нравственных отношений в современном белорусском обществе22

Лепешко А.Б. Феноменолого-коммуникативный подход в праве: эвристические возможности и преимущества.....35

ПАЛІТАЛОГІЯ

Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Интернет и современный политический процесс.....42

Добродум О.В. Мультимедийные технологии в современной религиозной жизни51

Алейникова С.М. «Вульгарное понимание светскости» – политическое мифотворчество или новый путь развития?.....58

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Информационные технологии как механизм расширения индустрии отдыха и рекреации.....63

Бордун О.Ю. Геопространственные особенности международных туристических потоков между Украиной и Беларусью67

ГІСТОРЫЯ

Горбацкий А.А. Хозяйственно-культурный образ Ивановского района во второй половине XVI в.78

Кузьмин А.Д. Учреждения и чиновники министерства внутренних дел в Могилёвской губернии (1881–1917 гг.)90

ПРАВА

Василевич Г.А. Роль конституционного правосудия в процессе реализации правовых норм97

Чмыга О.В. Правовые основания возникновения и прекращения мандатов членов парламентов Беларуси и Польши: сравнительный аспект	107
Храмов С.М. Криминологические аспекты сокрытия совершенных преступлений посредством инсценировок	115

ПЕДАГОГІКА

Северин С.Н. Технология проектирования педагогического эксперимента в структуре прикладного исследования в педагогике	123
Пивоварук Т.В. Формирование инструментария управления учебным процессом по математике в школе и вузе	135
Ковалевич М.С. Региональная специфика динамики профессионально-ценностного самоопределения абитуриента	147
Шукевич Л.В., Зданевич А.А., Жидков А.В. Уровень проявления показателей физического развития юных хоккеистов в возрасте 8 лет	153
Шукевич Л.В., Зданевич А.А., Ермолик А.В. Характеристика и особенности показателей тотальных размеров тела пловцов высокой спортивной квалификации.....	158
Александрович Т.В. Моделирование развития творческого потенциала личности студента в процессе его профессионального образования.....	166
Гурникевич Яцек. Применение наказания детей: за и против (Часть 2) (мнение студентов специальности «Педагогика» психолого-педагогического факультета Белостокского университета)	173
Филипэк Агнешка. Безотлагательная помощь в ситуации домашнего насилия	184
Микелсоне Илзе. Изменения парадигм в высшем образовании – переход на достижимые и измеряемые результаты обучения.....	194
Дудэль Барбара. Проинновационное поведение в оценке учеников третьего класса начальной школы.....	203
Глосковска-Солдатов Малгожата. Диагноз чувства контроля учеников младшего школьного возраста	212

ЭКАНОМІКА

Цекановский З., Силюк Т. Человеческий капитал как фактор регионального развития.....	219
Седель О.Я., Шкорупа А.В. Государственное регулирование доходов населения Республики Беларусь	229
Петрукович Д.А., Дубина Е.Н. Оценка стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства в Республике Беларусь.....	233
Яскевич Марек, Олейник Кшиштоф, Возняк Гжегож. Экономические аспекты воздействия автомобильного набора «седельный тягач-трейлер увеличенной длины на 1,3 м» на дорожную инфраструктуру, среду и систему безопасности на транспорте.....	240

ФІЛАЛОГІЯ

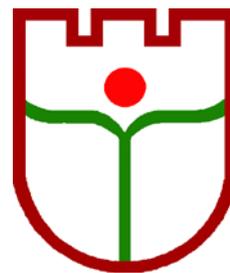
Швед И. Об архаической модели «Люди – птицы» в белорусском фольклоре	250
---	-----

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Котляр И.И. Республиканский научно-методологический семинар по правам человека и гражданскому обществу как явление научной жизни страны.....	259
---	-----

Звесткі аб аўтарах.....	262
-------------------------	-----

Scientific Proceedings

of Brest state University

COLLECTION OF SCIENTIFI WORKS

2013 • Issue 9 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Chesnovski M.E. Scientific Activity of the University: Regional Aspect9

PHILOSOPHY

Belyaeva E.V. Neo-traditionalism as the Characteristic of Morality System of the Belarus Society ..15

Lahunouskaya A.A. Christian Values in the Formation of Creative Consciousness and Moral Relations in Modern Belarusian Society22

Lepeshko A.B. Heuristic Potential of a Phenomenological Approach to Law35

POLITOLOGY

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Internet and Contemporary Political Process.....42

Dobrodum O.V. Multimedia Technology in the Contemporary Religious Life.....51

Aleinikova S.M. «Vulgar Understanding of Good Breeding» – Political Mythopoeetry or a New Way of Development?58

SOCIOLOGY

Yakavuk T.I. Information Technologies as a Mechanism for Expansion of the Industry of Rest and Recreation63

Bordun O. Geospatial Especially International Tourism Flows Between Ukraine and Belarus.....67

HISTORY

Gorbatski A.A. The Economic and Cultural Image of Ivanovo District in the Second Half of the 16th century78

Kuzmin A. Establishments and Officials of the Ministry of Internal Affairs in the Mogilev Province (1881–1917).....90

LAW

Vasilevich G.A. The Role of the Constitutional Justice in the Implementation of Laws97

Chmyga A. The Legal Grounds of Origin and Termination of Mandates of Members of Parliaments of Belarus and Poland: Comparative Aspect	107
Chramov S.M. Criminological Aspects of Concealing Crimes Through Dramatizations	115

PEDAGOGICS

Severin S.N. Project Technology of Pedagogical Experiment in the Structure of Applied Research in the Pedagogics	123
Pivovaruik T.V. Formation on Management Technology of Educational Process at School and University	135
Kovalevich M.S. Regional Specificity of the Dynamics of Professional and Value Self-determination of 2012 Applicants	147
Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Zhidkov A.V. Level of Indicator Demonstration of Physical Development of Young Hockey Players Aged 8.....	153
Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Ermolik A.V. Characteristics and Indicator Peculiarities of Total Size of Swimmers' Body of High Sports Qualification	158
Aleksandrovich T.V. Modeling Development of Student's Creative Personality Potential in the Process of Professional Education	166
Gurnikevich J. About the Acceptance to Practice discipline Mistakes by Pedagogy Students towards their Future Pupils.....	173
Filipek Agnieszka. The Urgent Help in a Domestic Violence Situation	184
Mikelsone Ilze. Change of Paradigms in Higher Education – Transition to Achievable and Measurable Learning Outcomes	194
Dudel Barbara. Proinnovative Behaviour in the Primary School Third Class Students' Evaluation ...	203
Gloskovska-Soldatov Malgozhata. Sense of Control among Children in Early School Age.....	212

ECONOMICS

Tsekanovski Z., Silyuk T. Human Capital Assets as a Factor of Regional Development	219
Sedel O.Y., Shcorupa A.V. Government Control of Profits of Population of the Republic of Belarus ...	229
Petrukovich D.A., Dubina E.N. Business Valuation of Subjects of Small Entrepreneurship in the Republic of Belarus	233
Yaskevich Marek, Oleinik Kshishtof, Vozhnyak Gzhegozh. Economic Aspects of the Impact of a Set: Truck – trailer, with an Increased Length of 1.3 m, for Road Infrastructure, Environment and Safety in the Transport System.....	240

PHILOLOGY

Shved I.A. About Archaic Model «People–birds» in Belarusian Folklore.....	250
--	-----

CURRENT EVENTS of SCIENTIFIC LIFE

Kotlyar I.I. Republican Scientific- methodological Seminar on Human Rights and Civil Society as the Phenomenon of Country's Scientific Life.....	259
---	-----

Information about the authorsx	262
--------------------------------------	-----

УДК 378 (476.7)

М.Э. Чесновский

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Побудительный мотив к написанию этих редакционных строк – сохраняющиеся различия в подходах республиканских руководящих ведомств и вузовских коллективов к организации науки. Сегодня они по-разному видят решение проблем финансирования и материального обеспечения исследований, формирования научных коллективов, конкурсов по отбору проектов. Исследователей на местах не устраивают затратные пропорции учебных поручений и занятия наукой, жесткое доведение плановых показателей на внедрение научного результата, неадекватное реальным запросам вложение в подготовку кадров высшей научной квалификации и т.п.

Сама постановка вопроса об анализе регионального среза университетской науки может вызвать возражение методологического характера, так как нет науки столичной либо районной, белорусской либо американской. Есть наука как феномен общемирового уровня. И тем не менее уместно говорить о ее региональных аспектах в плане особенностей организации научной деятельности.

Полагаю, их не много, но они существенно влияют на организационные, содержательные, внедренческие стороны и результативность науки в региональном университете. К особенностям, обеспечивающим его преимущества, можно отнести разве что традиционный «зеленый свет» для целевой аспирантуры. Все остальные особенности – это сплошное проблемное поле. Вокруг него не утихают дискуссии в любом региональном вузе. Данные размышления в большой степени изложены с учетом мнений представителей кафедр Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (БрГУ).

Наиболее сильно научное поле регионального университета истощает проблема свободного от учебных поручений времени для занятий научными исследованиями. При годовой нагрузке доцента (основной фигуры в науке регионального университета) в 840 часов, из которых более половины – аудиторные, и постоянной актуализации задач методического обеспечения, на серьезные исследования времени не хватает физически. Уменьшить аудиторную нагрузку даже результативному ученому-преподавателю чрезвычайно трудно из-за особенностей структуры нагрузки в региональном вузе, где мало научного руководства курсовыми, дипломными, магистерскими, аспирантскими проектами, и учебные поручения преимущественно «горловые». Перевод части аудиторных занятий на самостоятельную работу студентов уже почти исчерпал лимит и дальше будет вести к падению уровня их знаний. Да и он требует от добросовестного преподавателя не меньше интеллектуальных вложений, чем на аудиторных занятиях.

Вторая проблема – формирование научных коллективов, в составе которых должны быть штатные научные сотрудники, не связанные (или связанные лишь частично) с учебным процессом. В условиях регионального университета, не имеющего права открывать бюджетные ставки научных работников, процесс создания научного коллектива уже с порога обречен преодолевать искусственные барьеры.

Третья проблема – создание материальной базы науки. Даже теоретические разработки сегодня нуждаются в обеспечении компьютерной и оргтехники. А вот приобрести оборудование для учебно-научных (не говоря о чисто научных) потребностей при

сегодняшней запутанной системе аукционов, тендеров, переговоров и согласований по закупкам крайне сложно.

Четвертая проблема – финансирование и материальное стимулирование научных исследований. Обремененная многочисленными оговорками и жесткими ультимативными условиями система финансирования весьма нередко отпугивает даже перспективного исследователя вероятной компенсацией нерационально (несвоевременно, нецелевым образом, не в соответствии с первоначальной сметой) потраченных средств. С учетом названных выше проблем именно такая перспектива оказаться должником возникает у ученого из региона. В реальной жизни для опытного преподавателя типичной становится альтернатива: проще, да и экономически выгоднее заниматься репетиторством, даже сочетать преподавание с непедагогическими видами заработка, чем рассчитывать на материальный довесок от науки.

Пятая проблема – круг научного общения. Полноценные научные исследования невозможны без личного общения не только с соотечественниками, но и с зарубежными коллегами из смежных областей научного знания. В условиях экономии каждой копейки, типичных для подавляющего большинства региональных вузов, подобная роскошь становится слишком щедрой. А интернет не в состоянии полноценно заменить стажировки, непосредственное общение на научных конференциях, личные консультации и т.п.

Шестая проблема – экспорт научного продукта. Ежегодно отраслевое министерство «нарезает» подчиненному вузу план экспорта наукоемкой и инновационной продукции. Терпимо, если этот вуз технический или инженерный. Там всегда найдется ликвидный научный продукт. А вот в областном гуманитарном университете такая возможность чаще отсутствует. Такой вуз ведь создан для реализации иных образовательных и научных задач. Но доведенный план всякими правдами и неправдами приходится «вытягивать». И, к слову, проданные с трудом крохи не всегда пойдут в зачет, ибо статорганы, оказывается, не учитывают поступление от экспорта средств ниже 1 тыс. условных единиц. Может, и справедливо, что Белстату не к лицу блюсти закономерности малых чисел. Но ведь заработанные 999, или 500, или 300 у.е. – это тоже финансовые средства, и надо придумать, как их все же учитывать. И еще: многие университеты успешно внедрили в консорциумы по выполнению международных образовательных программ. БрГУ имени А.С. Пушкина ежегодно получает не менее 50 тыс. евро от реализации проектов в рамках программ «ТЕМПУС», «Жан Моне», «Эразмус Мундус» и др. Но в план экспорта научных услуг эти средства не зачисляются, хотя всем совершенно очевидно, что научная составляющая в них весьма существенная.

Седьмая проблема – ежегодно доводимые кафедрам объемы оказания необразовательных платных услуг. Их выполнение отвлекает значительную часть времени, тем самым мешая развитию научной составляющей в университете.

Нет сомнения, что перечисление проблем можно продолжить. А у представителя любого регионального вуза найдется свой перечень не менее резонных проблем.

Как представляется, назрела пора высказаться относительно назревшей задачи более тщательного и разностороннего научного изучения самой системы высшего образования. Эту проблему называю преимущественно в постановочном плане. Куда идет высшая школа страны? Как она должна воспринимать образовательные инновации? Какими основными и дополнительными материальными средствами подпитываться? Ведь в действительности, как отмечает российский профессор В.В. Сериков, «в большинстве случаев вопрос о том, чему и как учить человека, решался «безо всякой науки», исходя

из традиций, опыта, наития, «запросов времени», социальной, экономической, а подчас и «революционной» целесообразности. Вопрос решался, как правило, властями, чиновниками, лидерами господствующих партий, а затем уже это решение поручали обосновывать ученым. Понятно, что такая... «наука» не пользовалась авторитетом в среде культурных и мыслящих людей».

В идеале наука должна опережать практику. В этой связи одной из приоритетных задач науки является научное обоснование и проектирование просчитанных на близкую и отдаленную перспективу моделей высшего образования с учетом экономической, социальной, демографической, культурной динамики страны и мира.

Какие современные образовательные и научные проекты выглядят наиболее перспективно для БрГУ? Анализируя их, постараюсь соблюсти как место и особенности региональных вузов Беларуси в системе высшего образования, так и специфические возможности нашего университета.

Итак, с учетом тяготения студентов-заочников именно к региональным вузам, требуется с особой тщательностью и вниманием подойти к созданию для них максимально эффективных и комфортных условий обучения. В первую очередь, назрела необходимость развивать и совершенствовать методики дистанционного обучения как в пассивном, так и активном (online) режиме. Сегодня студент заочной формы получения образования в целом подготовлен к восприятию знаний в дистанционной форме, владеет навыками и персональными средствами приема электронного носителя. Выработка и адаптация средств, приемов и методов дистанционного обучения уже не бросает в шок и вузовского преподавателя, в своей основе освоившего современные образовательные технологии. От его введения выиграют, в особенности, приемы контроля знаний и умений. Очищенные от сердобольного субъективизма («заочник во всем заслуживает снисхождения!»), удалившие тотальное списывание и бесконтрольное скачивание с электронных носителей (программа дистанционного контроля сразу обнаружит плагиат), они сильно повысят уровень ответственности обучающегося за результаты на всех этапах промежуточного контроля. Возрастет скорость и целостность получения знаний, а в итоге – качество образования.

Не первый раз персонально акцентирую внимание ученых БрГУ на имеющих место попытках подменить реальную научную деятельность ее имитацией. Что имеется в виду? В погоне за увеличением количества баллов «за науку», влияющих на размер годовых надбавок к окладу, преподаватели нередко грешат рекордами по количеству статей и тезисов во всевозможных сборниках научных материалов. Пусть и с определенной скидкой, но стоит согласиться, что такие сборники хороши для учета проведенных научных мероприятий, но минимально полезны для развития научного знания. Наблюдения показывают, что их содержание редко привлекает читателя.

Конечно, эпоха сборников научных материалов – тезисов и докладов – не ушла в прошлое. Для молодых исследователей пусть они остаются неплохим средством апробации научного продукта. Но в основном результаты дискуссии после проведенной научной конференции должны системно обрабатываться редакционной коллегией, чтобы выделять новое полученное знание, акцентировать внимание читателя на новых, ярких, перспективных, оспариваемых, отвергаемых гипотезах и положениях. Пропущенные через такого рода преобразования, научные доклады должны предстать в комплексе как коллективная монография по одной либо нескольким актуальным научным проблемам. Попутно заметим, что оформляться такая монография должна не только по республиканским, но и всем международным стандартам. А что касается рейтинговой

оценки научного вклада преподавателя за год, то понадобится ее ошутимее дифференцировать: за опубликованные тезисы доклада – минимальный балл, за включение доклада в коллективную монографию – максимальный. Подобным образом надо стимулировать гораздо сильнее публикации статей в рецензируемых переводных зарубежных научных журналах.

Рядом с излишним увлечением сборниками тезисов и докладов сохраняется проблема дифференциации индивидуальной нагрузки преподавателя по категориям: преимущественно учебная и преимущественно научная. В силу стойкой кафедральной традиции выделять каждому преподавателю усредненную учебную квоту, высвобождение отдельных результативных ученых-исследователей от ее части не становится фактом. Даже бесспорно авторитетные заведующие кафедрами не рискуют нарушать традицию одинаковой раздачи нагрузки – «всем сестрам по серьгам». Лишь в отдельных столичных вузах имеют место попытки дифференциации, да и то как продолжение первичного перевода преподавателя на часть должностной ставки научного работника.

Не способствует стимулированию научной деятельности и традиционный спор между «физиками и лириками». Насколько известно, учет их научной продукции при выстраивании персональных рейтингов во всех вузах (даже в условиях частых попыток «разделиться») в конце концов сводится к унификации. Возникающие после «разделения» рейтингов жалобы на необъективность материального стимулирования заставляют администрацию вуза реставрировать унификацию. Между тем она не выполняет главного заказа современного общества: давать быстрый эффект от научных разработок. Представители естественных наук с их весомой прикладной составляющей, способной на быстрое внедрение, оказываются в выигрыше перед гуманитариями. Здесь коренится необходимость государственно-дифференцированной корректировки. Ведь гуманитарные науки имеют преимущественно фундаментальный характер, а результаты исследований по ним лишь изредка приносят экономический эффект. Зато они содержат выразительную (пусть трудно поддающуюся учету в рублях, тоннах, километрах) социально значимую компоненту. Научная общественность обязана гармонизировать полярные подходы и критерии при оценке научных разработок гуманитарного и естественно-научного плана. Они должны утратить искусственную унификацию, как это имеет место в настоящее время.

Отдельно надо сказать об особенностях развития научного знания, о вопросах спорта, физической культуры и внедрении здорового образа жизни. Их актуальность подстегивается не только устаревшей вузовской спортивно-тренировочной и физкультурной материальной базой, но и, что существенно в особенности, устаревшим понятийным багажом большинства преподавателей высшей научной квалификации. Как показывает анализ современных диссертаций по данной проблематике, они не «дотягивают» до общемировых критериев. Преподаватели и тренеры весьма часто пользуются интерпретированными (в сторону упрощения) современными достижениями зарубежных школ. Собственное научное мнение с трудом оформляется в научно-практические результаты. Аспиранты и докторанты мало ориентированы на защиту, так как сталкиваются с барьером, который с учетом перечисленных реалий выстраивает для сферы физического воспитания ВАК Республики Беларусь.

По мнению специалистов, для становления молодых научных работников в области спорта и физической культуры особо актуальным становится решение следующих проблем:

- овладение современной методологией научного исследования процессов физического воспитания и спортивной тренировки;
- усвоение интегративной природы научного знания о выбранной профессии, основанное на достижениях физиологии, биомеханики, психологии, педагогики, социологии и других наук, а не только на традиционной базе теории и методики физического воспитания;
- умение соотносить основные научные концепции деятельности в сфере физического воспитания и спорта с общими проблемами развития науки и общества.

Далее. Не отрицая необходимости централизованного управления наукой, можно утверждать, что назрела пора усилить элементы региональной самостоятельности, предоставив возможность ученым заниматься творческим трудом и содействуя их участию в решении региональных социально-экономических проблем. Как это реализовать? На Брестчине, похоже, будет найден искомый алгоритм. Немногом более года назад под эгидой облисполкома создан Межуниверситетский ученый совет; утвержден план работы на предстоящие годы; определены востребованные области научного проектирования. Материальным стержнем объединения должен стать Региональный фонд научных разработок. Приняты к финансированию первые научные проекты. Полагаю, республиканские органы управления могут и должны поддержать данный вариант организации научной деятельности региональных вузов путем включения его в соответствующие реестры и виды отчетности. Будет весьма полезным и всяческое содействие финансовому пополнению Регионального фонда научных разработок.

Невозможно обойти вниманием и проблему повышения эффективности подготовки кадров высшей научной квалификации. В БрГУ 4-й год действует Целевая программа «Аспирантура». В нее максимально заложены как механизмы стимулирования научной и творческой активности аспирантов, так и разнообразные рычаги принуждения. Поскольку реализация этой программы показала ее определенную эффективность, постольку считаю допустимым кратко раскрыть суть нашей работы. Итак,

- установлено ежегодное назначение на конкурсной основе надбавок Совета университета аспирантам, успешно аттестованным по промежуточным итогам обучения;
- при отборе кандидатов для поступления в целевую аспирантуру в основу положена практическая потребность кафедр в научных кадрах высшей квалификации;
- внешних руководителей – кандидатов наук к научному руководству аспирантами и соискателями привлекаем в исключительных случаях и только при отсутствии специалистов соответствующего профиля в университете;
- отказываем в научном руководстве аспирантами и соискателями кандидатам наук, являющимся руководителями трех и более аспирантов либо выпускников аспирантуры, не защитивших диссертации;
- привлекаем аспирантов первого года к работе в исключительных случаях, при острой потребности кафедры в работниках;
- направляем аспирантов на зарубежную стажировку только после утверждения кафедрой развернутого плана работы над темой диссертации в период стажировки, а по ее окончании заслушиваем развернутый отчет о выполнении запланированных исследований;
- с целью усиления ответственности за выполнение аспирантами индивидуальных планов работы ввели полугодовую отчетность научных руководителей о работе с аспирантами и соискателями;

- заслушываем отчеты научных руководителей аспирантов и соискателей – выпускников текущего года – ежегодно в октябре на Совете университета.

И все же, несмотря на большой объем прделываемой университетом работы, очевидно, что вузовских усилий явно недостаточно для необходимого усиления результативности аспирантуры и решения проблемы обеспеченности всех сфер страны научными кадрами высшей квалификации. В результате большинство вузов, региональных прежде всего, столкнулись с проблемой старения научно-педагогических кадров. Одна из ее причин – расхождение между официальными требованиями к кандидатской диссертации как квалификационной работе и реально действующими на уровне советов по защите, экспертных советов и президиума ВАК Республики Беларусь ожиданиями от аспиранта теоретических открытий (что в принципе не всегда достигается даже в рамках докторской диссертации).

Как представляется, повышению результативности аспирантуры и докторантуры будут способствовать:

- разработка на республиканском уровне эффективного социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодых талантливых ученых в науке;
- совершенствование оплаты труда и механизма научного руководства;
- регламентация ответственности и стимулирования научных руководителей по критериям качества и срокам подготовки диссертационных работ;
- усиление персональной ответственности за результаты научного руководства;
- повышение мотивации к научно-исследовательской деятельности;
- усиление социальной гарантии лиц, завершающих обучение в аспирантуре и докторантуре с защитой диссертации.

Подводя вкратце итог сказанному, должен подчеркнуть: назрела пора объявить серию открытых конкурсов для уточнения действующих механизмов организации и стимулирования НИР, внедрения ее результатов, определения стратегически выверенных путей развития науки о высшем образовании, решения пока никак не разрешаемой проблемы достижения реальной результативности аспирантуры и докторантуры. Темы и заказы реального сектора экономики должны обязательно доходить до региональных университетов, а научный поиск, планирование и оформление результатов НИР надо очистить от излишних бюрократических обременений.

Импульсом для активизации инновационной деятельности региональных вузов видится разработка преимущественно таких научных тем, которые выводят исполнителей на их финансирование. Тогда сами научные проекты начнут давать практическую отдачу, а на кафедрах расширится кадровая прослойка, отвечающая современным вызовам в сфере образования и науки. Для реализации подобного подхода необходимо отвлечение части преподавателей от учебной работы как основной, значительное расширение кооперативных связей с субъектами реального сектора экономики, выделение специальных лабораторий, создание опытных исследовательских центров, организация научно-производственных предприятий на базе вузов.

УДК 17 (091) (043.3)

Е.В. Беяева

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ПРАВСТВЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В исторической динамике нравственности выделяется традиционная нравственность и нравственность модерна, каждая из которых обладает специфическим способом регуляции и нормативно-ценностной структурой. Система нравственности современного белорусского общества может быть охарактеризована как неотрадиционная, сложившаяся в результате освоения современных и постмодерных способов моральной регуляции на основе традиционных нравственных ценностей. К числу традиционных ценностей относится уважение старших, ценность семьи, трудолюбие, коллективизм. Мораль модерна в белорусском обществе представлена рациональным индивидуальным субъектом моральной регуляции, приверженностью таким ценностям как свобода и профессионализм, и в меньшей степени индивидуализм и гражданский патриотизм. Также на базе автохтонных нравственных концептов в общественном моральном сознании формируются функциональные аналоги постмодерных ценностей (коммунитаризма, локального патриотизма, толерантности, эгоцентризма).

Введение

Исследования соотношения традиций и инноваций в современной культурной динамике показывают, что модернизация страны и ее вхождение в глобальный мир могут иметь позитивный смысл только на основе традиционной идентичности и собственного «проекта современности». Одним из способов осмысления такого рода процессов стала идея «неотрадиционализма». Данное понятие используется в культурологической, этнографической и политологической литературе для обозначения определенной реакции традиционной культуры на вызовы современности [1–4]. В целом неотрадиционализм связывается с оживлением внимания к тем или иным фрагментам традиционного наследия и включением их в современные практики, либо с развитием базовой традиции за счет включения элементов инноваций. Поскольку в качестве носителя традиции чаще всего выступает народ, то большинство исследований неотрадиционализма оказываются этно-ориентированными, прослеживающими конкретные его проявления в жизни отдельных этносов. Применительно к нравственной культуре термин «неотрадиционализм» до сих пор практически не применялся, а между тем анализ динамики нравственной культуры в терминах неотрадиционализма может оказаться весьма плодотворным, актуальным для осмысления нравственных процессов в Республике Беларусь.

«Неотрадиционализм» в анализе исторической динамики нравственности

Сложность определения неотрадиционализма в предметном поле этики связана с многообразием представлений о сущности традиционной нравственности. Понятие «традиционная нравственность» широко используется в научной литературе, однако чаще всего не имеет статуса научного термина, его содержание трактуется расплывчато: так именуется любая нравственность, устоявшаяся в данном обществе благодаря традиции, в отличие от текущих изменений. Зачастую под «традиционной» подразумевается «нравственность, передающаяся по традиции», в результате под это определение подходит вообще любая система моральных представлений. В данной статье под традиционной нравственностью понимается специфическая система регуляции и моральных представлений, присущая традиционным обществам в отличие от обществ модерна: индустриальных и постиндустриальных. При всех этнических и цивилизационных раз-

личиях она обладает удивительной устойчивостью и единообразием. В этом смысле традиционная нравственность белорусского народа мало отличается от аналогичного феномена в истории любого другого этноса. Несмотря на то, что традиционная нравственная культура выступает для народа одной из основ его этнической идентичности, специфичной в ней является лишь этнографически-фольклорная форма, в то время как нормативно-ценностное содержание характеризуется общечеловеческим единством.

Исторически под влиянием процессов модернизации происходит не столько замещение традиционной нравственности новой, современной, сколько синтез двух нормативно-ценностных программ. Специфика современной системы нравственности определяется в первую очередь специфическим способом регуляции, в основе которого лежит автономия индивидуального субъекта, соотносящего себя с большими анонимными коллективными субъектами, такими, как нация, социальный класс, человечество. Залогом образования модерно-традиционной системы нравственности выступает способность общества освоить новый способ регуляции, включив в него элементы традиционных ценностей.

Необходимость освоения нравственных инноваций вновь возникла в эпоху глобализации и постмодернизации социальных систем, когда размывание великих традиций и унификация культурных практик сопровождается также стремлением возродить традиционные ценности. Зачастую следствием этого становится нравственный фундаментализм – попытки прямого воссоздания не только ценностей, но и способа регуляции, свойственного традиционным обществам, – что вовсе не приводит к восстановлению исторически аутентичной традиционной нравственности. Последняя не может функционировать в современном плюралистическом моральном пространстве в качестве одной из многих, а потому обретает вид симулякра. Заинтересованные группы используют нравственный фундаментализм в идеологических целях, стремясь с помощью организационных процедур реконструировать идеи и действия, которые прежде транслировались в органической практике жизни.

В отличие от фундаментализма, противостоящего любой моральной инновации и расценивающего ее как «моральное разложение», неотрадиционализм предполагает ревитализацию собственной культурной традиции, в контексте которой нравственная модернизация обретает смысл. Более того, традиционная культура разных народов сама содержит автохтонные феномены, на основе которых становится возможным освоение постмодерных нравственных инноваций. В сетевом культурном пространстве традиционная нравственность, сложившаяся в доиндустриальных обществах и по сей день занимающая важное место в жизни людей, оказывается одним из локальных вариантов нравственности, контактирующих с прочими по общим принципам взаимодействия. При этом неотрадиционалистское укрепление культурными сообществами собственных нравственных представлений не только не противоречит, но и способствует приобщению к глобальному миру. Традиционные ценности становятся предметом рефлексивного индивидуального выбора и поддерживаются постмодерными регулятивными механизмами. Как отмечает одна из разработчиков понятия «неотрадиционализм» С.А. Мадюкова, «социокультурный неотрадиционализм проявляется в привнесении в процесс воспроизводства традиций рефлексии и рациональности» [4, с. 11], в сохранении (возрождении) того содержания, которое несет с собой традиция, но в ином социальном контексте [4, с. 9]. Подобным образом в современной нравственной культуре неотрадиционализм представляет собой сохранение традиционных нравственных ценностей на базе модерных и постмодерных способов моральной регуляции поведения.

Традиционные ценности белорусского народа в контексте модернизации

Нравственные процессы в Республике Беларусь происходят, с одной стороны, в условиях социальной трансформации, направленной на укрепление суверенного национального государства, а с другой – в ситуации постмодернизации и глобализации современного мира. Отечественные исследователи, стремясь определить степень значимости традиционных, современных и постсовременных представлений в современном моральном сознании, делают вывод о смешанном, плюралистическом характере нравственности современных белорусов. Ядро нормативно-ценностной структуры системы нравственности белорусского общества составляет традиционная нравственность, в то время как способ регуляции приобрел черты нравственности модерна.

Традиционная нравственность ассоциируется с патриархальной незыблемостью семейной и возрастной иерархии. В нашем обществе матрица нравственных представлений нашего общества по-прежнему задается старшими поколениями, однако это не означает, безусловного одобрения нормы «уважай старших». Эволюционирует и мотивация исполнения нормы: пиетет по отношению к старшим как источнику нравственного авторитета дополняется состраданием к старикам как незащищенному социальному слою. Все более распространенным становится убеждение в том, что к людям надо относиться в соответствии с их реальными заслугами, а не в зависимости от возраста. Отношения старших и младших постепенно пересматриваются не только молодежью, но и самими представителями старшего поколения, они имеют тенденцию развиваться в направлении «морали без возраста», с едиными нормами взаимоотношений между людьми разных статусов и солидарностью поколений.

Принцип патриархальности в традиционной нравственности, который проявлялся в нравственном лидерстве мужчины, весьма существенно уменьшил свое влияние. «Исследование европейских ценностей» показало: «В Беларуси в сознании населения доминирует эгалитарный тип семьи, обеспечивающий гендерное равенство и партнерство супругов в выполнении ими семейных обязанностей» [5, с. 73]. Более того, именно женщины отдают предпочтение ценностям модерна (индивидуализму и профессионализму, уважению дисциплины и долга) и выступают нравственными лидерами нашего общества.

Еще одной доминантой традиционной системы ценностей является семья, которая образует ценностное ядро сознания белорусов и занимает первую позицию как среди базовых, так и среди инструментальных ценностей. Следует заметить, что высокая значимость семьи характерна, как для традиционного социума, так и для обществ постмодерна, однако ее функции в этих системах нравственности существенно различаются. В белорусском обществе при сохранении высочайшей ценности семьи происходит существенное изменение содержательного наполнения этой ценностной ориентации, переосмысление приемлемого типа семейных отношений.

Безусловной ценностью традиционного белорусского менталитета является трудолюбие. Трудолюбие занимает первое место в списке идеальных черт белоруса (93%) и второе в автопортрете современного белоруса (74,6%) [6, с. 155–157]. Трудолюбие неизменно входит в число важнейших качеств, которые белорусские родители стремятся воспитать в своих детях. Однако если традиционное трудолюбие белоруса можно охарактеризовать как привычку к труду (працавітасць), то мотивацию к труду современных жителей Беларуси следует анализировать с учетом ценностей модерна: в иерархии нравственных качеств человека наивысшую оценку студенты дали профессионализму [7, с. 634–636].

Функционирование принципа коллективизма в белорусском обществе определяется тем, что, невзирая на волны модернизации, в нем воспроизводятся сообщества общинного типа. Наши соотечественники понимают коллективизм в духе «грамады», когда главной ценностью выступает не универсальный закон морали (общество модерна) и не согласование интересов (общество постмодерна), а хорошие межличностные отношения с ближайшим окружением.

Элементы модерна в моральной регуляции

О наличии в нашем обществе духовного потенциала модерна свидетельствует приверженность белорусов свободе, профессионализму, рационализму и универсализму морального мышления, их вера в способности индивидуального субъекта регуляции. Однако в ходе исторических перемен произошло не столько усвоение готовых ценностей модерна, сколько трансформация морального сознания, в ходе которой сформировались современные концепты, аутентичные менталитету белорусов.

«Включение в ядро в качестве одного из важнейших компонентов современной ценности свободы свидетельствует о значительных сдвигах массового сознания белорусов в сторону модернизации» [8, с. 40–41]. При этом содержательное наполнение этой ценности обусловлено социокультурными особенностями развития белорусского народа. Свобода мыслится как независимость («незалежнасць»), уход из-под гнета социальных институтов, это не столько социальное, сколько ментальное качество личности, связанное в первую очередь с самоуважением личности, с чувством собственного достоинства. Стремление к личной свободе как характеристику реального белорусского менталитета отметили 29,8% граждан Беларуси, при этом 89,6% включили ее в идеальный портрет белоруса [6, с. 155, 157].

На протяжении последних двух десятилетий в общественном сознании произошла не только переориентация с принципа коллективизма на принцип индивидуализма, но и содержательная модификация последнего. Системная трансформация общества приблизила нас к глобальной постиндустриальной цивилизации, в которой индивидуализм выражается не столько в индивидуальной деятельности, сколько в индивидуальности потребления, а также в индивидуальности образа жизни. Индивидуалист такого типа не противопоставляет себя обществу, это индивидуалист-конформист. Индивидуализм не стал принципом морального сознания белорусского общества, зато косвенно повлиял на укрепление автономии индивидуального субъекта морального поведения. В частности, наиболее значимым фактором, регулирующим поведение большинства людей, белорусы считают совесть.

Признаком модернизации принципа трудолюбия может служить эволюция его мотивов и общая динамика в направлении профессионализма как специфической ценности культуры модерна. Трудолюбие стоит на первом месте в иерархии средств достижения жизненного успеха, но вовсе не является самоценностью. В структуре представлений о трудолюбии как нравственном принципе в молодежной среде господствует индивидуалистически-личностная его трактовка. Господствует убеждение, что трудолюбие дает возможность самовыражения, обеспечивает самостоятельность и независимость человека.

Некоторой модернизации в современном белорусском обществе подвергся и принцип патриотизма, что связано с политическим курсом на построение суверенного национального государства. Молодежь поколения периода социальной трансформации склонна уделять внимание гражданским аспектам патриотизма. Исследование, прове-

денное в 2000–2005 гг., показало, что «если для представителей старшего поколения быть белорусом прежде всего значит любить и гордиться Беларусью, то для молодежи быть белорусом значит больше ощущать себя гражданином, знать и использовать гражданские права, выполнять обязанности, быть причастным к жизни страны» [9, с. 16–17]. К проявлениям гражданского патриотизма следует отнести стремление молодых людей самостоятельно совершенствовать жизнь в своей стране, сделать все на благо своей страны, способствовать ее процветанию. Традиционное уважение к свершениям предков органично дополняется у них мыслями о будущем, об их собственном участии в развитии экономики, культуры и социальных отношений в республике [10, с. 152].

Однако между осознанием необходимости освоения морали модерна и сложившимися ментальными характеристиками общества наблюдается определенная диспропорция. Модерные представления относятся к ценностному резерву морального сознания белорусов, хотя именно в нем за последние десятилетия произошли наиболее существенные сдвиги [8, с. 44]. При сравнении ментального автопортрета современного белоруса с его идеальным портретом оказалось, что именно качеств модерна (точности, обязательности, законопослушности, соревновательности и предприимчивости) недостает нашим гражданам, в то время как созерцательности и стремления к медленным переменам (ментальных характеристик человека традиционного общества) – явно в избытке [6, с. 160]. Общество стремится воспитать в подрастающем поколении именно нравственные ценности модерна, при этом само молодое поколение, в принципе, также ориентировано на них. Ценностный дискурс модерна выражен у 43% белорусских студентов [11, с. 92].

Автохтонный постмодерн в традиционной нравственной культуре

Вхождение Беларуси в глобальное культурное пространство приводит к актуализации глубинных слоев ее идентичности, функционально сходных с культурными процессами постмодерна. При этом ценности глобального мира на белорусской почве обретают специфическое наполнение.

Главной функцией морали постмодерна выступает обеспечение толерантного сосуществования в едином мире различных культур и их носителей. В этом контексте можно показать, что толерантность является не новой, а как раз традиционной особенностью белорусского национального менталитета, которая исторически обусловлена пограничным положением страны между Западом и Востоком, католицизмом и православием [12, с. 131–132]. Толерантность белорусов проистекает из такого их качества, как «памяркоўнасць» (рассудительность), и эта ценность играет все более значительную роль в жизни наших молодых современников. Потребность в доброжелательных отношениях с другими людьми оказывается важнее, чем соответствие их жизни неким абстрактным нормам и принципам. В целом две трети современных белорусов считают толерантность чертой реального белорусского менталитета [6, с. 157]. В основе постмодерной толерантности как способности адаптироваться к существованию в социуме различных систем нравственных представлений лежит традиционная «цярплівасць» (терпение) – общепризнанная особенность белорусского национального характера.

Индивиды постмодерного сетевого общества характеризуются стремлением обрывать сообщества, основанные на частных интересах и личных привязанностях, объединенные особым образом жизни. В этом контексте ревитализируется традиционная приверженность белорусов аффективным типам идентичности (семья, друзья, соседи) [8, с. 33], происходит укрепление коммунальных социальных связей. Традицион-

ный коллективизм малых групп, устойчивая ценность низовых сообществ выступает функциональным аналогом коммунитаризма как ценностной ориентации постмодерного общества, предполагающего приверженность индивида ко множеству избранных им локальных сообществ.

Процессы постмодернизации в целом связаны с ослаблением роли национальных государств и усилением значимости сообществ. Как показывают исследования, белорусская идентичность имеет слабую гражданскую и этническую привязку; базовым интегрирующим фактором для белорусов оказывается общая территория и совместное проживание [9, с. 8–14]. В результате исторически преобладавший среди жителей Беларуси тип социокультурной идентичности под метафорическим названием «тутэйшыя» остается господствующим и в наши дни [8, с. 36; 9, с. 9].

Переход обществ на стадию постмодерна характеризуется также переходом к постматериалистическим ценностям ориентациям, среди которых особое внимание уделяется экологическим ценностям. В постмодерном контексте экоцентризм традиционной нравственной культуры, забота о природной среде, взаимосвязь жизни человека с благополучием других живых существ, вновь актуализируются.

Таким образом, в западных обществах, к числу которых относится и Беларусь, наблюдаются автохтонные функциональные аналоги феноменов постмодерна в нравственной культуре. К ним относятся нравственная ценность сети семейных и дружеских связей, приверженность к низовым сообществам, толерантность и экоцентризм. Они выступают залогом успешного вхождения страны в глобальную цивилизацию, а также решения проблем этой цивилизации на основе ценностей традиционной культуры.

Заклучение

Параметры системы нравственности белорусского общества свидетельствуют, что тенденцией современного нравственного развития становится восстановление традиционных ценностей с помощью современных и постмодерных способов моральной регуляции поведения, т.е. неотрадиционализм. О неотрадиционалистском статусе системы нравственности современного белорусского общества говорит, во-первых, способ регуляции, который характеризуется наличием независимого индивидуального субъекта; во-вторых, нормативно-ценностная структура, включающая традиционное ядро (уважение старших, ценность семьи, трудолюбие, коллективизм) и креативную периферию современных и постмодерных элементов. Свобода как ценность модерна была интерпретирована как личная духовная независимость; в качестве реакции на процессы модернизации и постмодернизации произошло укрепление локальных типов патриотизма и коллективизма; устойчивая ценность низовых сообществ стала предпосылкой эволюции коллективизма в постмодерный коммунитаризм; традиционная добродетель терпимости, и постмодерная толерантность образовали единый концепт; экологические ценности постматериалистической культуры были освоены на традиционной идейной платформе; трудолюбие эволюционировало в профессионализм и утвердилось как обязательное нравственное качество личности. Место системы нравственности белорусского общества в глобальном мире будет определяться ее способностью транслировать свою аутентичность в условиях открытой коммуникации с другими системами нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов, В.А. Традиционализм в политической жизни России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.03 / В.А. Ачкасов ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1997. – 51 с.

2. Макаров, А.И. Традиционализм / А.М. Макаров, А.И. Пигалев // Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-812.htm. – Дата доступа : 18.03.2010.
3. Пика, И.А. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого / И.А. Пика // Социолог. исследования. – 1996. – № 11. – С. 47–53.
4. Мадюкова, С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла: на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / С.А. Мадюкова ; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – 17 с.
5. Воднева, А.К. Семья / А.К. Воднева, С.Ф. Сидоренко // Ценностный мир современного человека : Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск, 2009. – С. 53–74.
6. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель : Изд-во ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 321 с.
7. Беляева, Е.В. Ценностная структура морального сознания современных студентов / Е.В. Беляева // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Вып. 9. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – С. 634–643.
8. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л.Г. Титаренко. – Минск : РИВШ, 2006. – 144 с.
9. Специфика гражданского и этнического самосознания представителей трех поколений / Л.И. Науменко [и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2005. – 28 с.
10. Беляева, Е.В. Интерпретация патриотизма в сознании студенческой молодежи / Е.В. Беляева // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Вып. 7. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – С. 146–157.
11. Кислова, О.Н. Ценностный мир постсоветского студенчества : результаты применения методов интеллектуального анализа данных / О.Н. Кислова, Л.Г. Сокурская // Социология. – 2008. – № 3. – С. 88–100.
12. Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М. Бабосов. – Минск : Право и экономика, 2005. – 229 с.

Belyaeva E.V. Neo-traditionalism as the Characteristic of Morality System of the Belarus Society

In historical dynamics of morals there is traditional morality and morality of modernity, each of which possesses specific mode of moral regulation and norm-value structure. The morality system of the modern Belarus society can be characterized as neotraditional, it was formed as a result of development of modern and postmodern mode of moral regulation on the basis of traditional moral values. The respect for the seniors, the value of a family, diligence, collectivism are traditional values. Morality of modernity in the Belarus society are presented by the rational individual subject of moral regulation, which is attached to such values as freedom and professionalism, and to a lesser individualism and civil patriotism. On base of national moral concept in public moral consciousness functional analogues of postmodern values (communitarism, local patriotism, tolerance, eco-centrism) are formed.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2013

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская

ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОЗИДАТЕЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируются место и роль ценностей христианства в развитии нравственной культуры современного белорусского общества: его нравственного сознания, нравственных отношений и нравственной деятельности. Исследуется система христианских ценностей как основа духовно-нравственного развития личности и социума. Представлено авторское видение формирования созидательного сознания белорусского народа как главной цели развития его нравственной культуры.

Введение

В новых исторических и социокультурных условиях суверенного развития белорусского народа актуальным является дальнейшее выявление гуманистического потенциала христианских ценностей в формировании системы ценностных регулятивов субъекта нравственной культуры, в частности идеалов, норм, целей, установок и др. Нравственная культура определяется как системное единство морального сознания, отношения и поведения, нацеленное на репрезентацию опыта социальной деятельности, как ценностное образование, которое качественно влияет на состояние современного белорусского общества. Духовность понимается как категория, характеризующая состояние человека, ориентированного на усвоение огромного культурного опыта человечества, а через него – христианских ценностей как его неотъемлемой части. Восприятие данных ценностей в XXI в. рассматривается как уникальный творческий акт, а не прорыв к неким вечным и неизменным идеальным сущностям. Христианству более 2 000 лет, но его духовные ценности на современном этапе развития белорусского общества по-прежнему актуальны.

В связи с тем, что духовные ценности христианства рассматриваются в контексте социального пространства, предлагаемое автором понятие «созидательное сознание» применимо к любому обществу. Однако характер и формы репрезентации христианских ценностей зависят от конкретных социально-экономических и социокультурных особенностей определенного этапа общественного развития. В данной статье решается задача социально-философской рефлексии ценностей христианства как фактора созидательного сознания белорусского народа.

Христианские ценности в формировании созидательного сознания белорусского народа

На современном этапе глубинные трансформации во всех сферах человеческой жизнедеятельности привели к мировоззренческой и нравственной неустойчивости постиндустриального общества. Необходимо признать реальное противоречивое состояние нравственной культуры современного белорусского общества, наличие антисоциальных и аморальных поведенческих интенций в индивидуальной и социальной практике. Несмотря на растущее количество обращений за профессиональной психологической помощью, растет и число суицидов в экономически развитых странах. В условиях независимого белорусского государства ориентации на прагматические ценности, направленные на преодоление социально-экономического кризиса, уже недостаточно. Обще-

ственное сознание как на обыденном, так и на научно-теоретическом уровне находится сегодня в состоянии поиска духовных ориентиров, способствующих самоопределению и самореализации человека. В настоящее время формирование созидательного сознания белорусского народа является главной целью развития его нравственной культуры. Вместе с тем серьезную проблему представляет реализация нравственных норм и принципов в повседневной жизни, формирование ответственного отношения к характеру и последствиям человеческой деятельности.

Созидательное сознание – это ориентированное на нравственный выбор определенное видение реальности, предзадающее ее первичное понимание и предваряющее ее дальнейшее осмысление на основе соотнесения процессов целеполагания и целереализации, конституирующих творческое преобразование окружающей действительности. При этом необходимо отметить, что проблема созидательного сознания в данном контексте широка по объему и ее решение требует значительных дополнительных исследований. В этой работе специфика осмысления данной проблемы состоит в объективации направленности сознания на нравственный выбор и творческое преобразование окружающей действительности путем обращения к духовному началу личности и нивелирования аморальных и деструктивных поведенческих интенций. При этом видение реальности предстает как исходное отношение человека к миру, активное начало его практического опыта и познавательного отношения к действительности. Данное определение созидательного сознания в контексте его направленности на мир как на предмет творческой установки способно выступить как смыслообразующий источник созидательной деятельности человека, создавать свой собственный мир понятий, конституирующих процессы духовной жизнедеятельности человека.

Социально-философский анализ проблемы созидательного сознания на основе идей и положений Священного Писания, являющегося первичным источником мировоззрения христианства, объединяющем все христианские конфессии, позволяет поставить акцент в ее решении на соотнесении процессов целеполагания и целереализации, конституирующих творческое преобразование окружающей действительности. Опыт индивидуальной и социальной практики христианства, представленный в Библии, включает в себя как практическое, так и теоретическое отношение человека к миру: человек приходит в мир как практический деятель и только впоследствии становится теоретиком и фиксирует свой опыт. При этом в Библии подчеркивается активно-деятельностное отношение человека к миру, людям, самому себе (В Новом Завете записано: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:21)). Идеи и положения христианского вероучения ориентированы на их практическую реализацию в сознательной, целеполагающей деятельности человека. Социально-критический взгляд на ценности христианства как моральные ориентиры-регулятивы индивидуальной и социальной практики не позволяет абсолютизировать духовное начало человека и отделить его активную сущность от материального мира.

Развитие содержания нравственной культуры современного белорусского общества на основе ценностей христианства ориентировано на эффективное использование созидательного потенциала каждого индивида, социальной группы, всего социума. Психологический компонент сознания народа, формировавшийся столетиями и обеспечивающий межпоколенную трансляцию норм и механизмов повседневной деятельности человека, который не может быть изменен в короткие сроки, является важным фактором развития нравственной культуры современного белорусского общества на основе христианских ценностей. В период системных трансформаций ценности, пропаганди-

руемые низкопробными образцами экранной культуры, противоречащие традиционному мировоззрению белорусского народа, являются дестабилизирующим фактором самобытности белорусской национальной культуры, влекущим духовные и идентификационные кризисы. В современных условиях, даже если человек ощущает необходимость реализации потребности не только в получении любви и признания, но и способности отдавать любовь, то данный факт находится в прямой конфронтации с ценностями неумеренного потребления. Находясь в рамках потребительских установок и не имея достаточных знаний о традиционных ценностях белорусского социума, человек не в силах осознать возможность изменения своего внутреннего мира посредством личностных усилий, направленных на самоотдачу и самоограничение. Воздействие совокупности данных внутренних и внешних факторов усиливает в постиндустриальном обществе тенденцию внешними средствами заполнять внутреннюю пустоту и страх перед жизненными обстоятельствами. На современном этапе смещение акцентов в структуре духовного мира человека формирует деструктивные ценностные установки, когда наиболее значимым в отношении к самому себе становится еда или алкоголь, сексуальное влечение или накопительство, а в отношении к социальной действительности доминирует недовольство окружающими, излишняя требовательность, осуждение и т.д. К внутренним угрозам духовно-нравственной безопасности, проявляющимся на уровне личности, наряду с деформацией жизненных ориентаций, различными неудовлетворенностями и нездоровыми амбициями, следует отнести также неразвитость индивидуальных чувств и интеллектуальных способностей, разочарование, неадекватность оценок и самооценок, ...и полную личностную деградацию [5, с. 10].

Анализ ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов нравственного поведения в современном белорусском обществе позволил категориально представить их тремя основными группами, адекватными трем модусам отношения человека с миром, с конкретной социальной действительностью, ценности как основание внутренней рефлексии индивида:

1. Ценности, раскрывающие отношения человека с внешним миром (библейские заповеди, христианский морально-нравственный идеал, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки).

2. Ценности, выражающие личностное отношение человека к человеку (любовь как главное моральное чувство и состояние, духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации).

3. Рефлексивные ценности. В контексте формирования нравственной культуры личности духовные ценности христианства, выражая смысл существования человека и его жизнедеятельности, определяют отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру. К таким ценностям относятся любовь, достоинство, совесть, свобода, характеризующие степень восхождения человека к христианскому идеалу на основе нравственного самосознания, самооценки, самоконтроля, саморегуляции, самовоспитания, самодисциплины и др., являющихся структурными компонентами процесса внутриличностной рефлексии.

Модус нравственного отношения человека к самому себе и своему внутреннему миру в вероучении и практике христианства обусловлен ценностью уникальной человеческой личности – бессмертного, духовного существа, созданного Богом по своему образу и подобию («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39)). Ценность достоинства человека раскрывается в его призвании реализовать в жизни свои лучшие качества и стать «солью земли» и «светом миру», отвергнув все, что мешает этому.

Высшая степень достоинства человека состоит в обретении им подлинной свободы – свободы стать самим собой. В процессе стремления человека к достижению христианского идеала происходит корректировка самосознания, мировоззрения и мироощущения человека, что невозможно без его личных усилий, направленных на раскрытие своего духовно-творческого потенциала и преодоления негативных поведенческих интенций. Таким образом, гармония внутреннего мира человека и формирование его нравственной культуры невозможны без сознательных духовных усилий и работы над собой. В вероучении и социальной практике христианства обосновывается, что при отсутствии надличностных ценностей, общественной и творчески-созидательной ориентации, жизнедеятельность человека обусловлена деструктивными аморальными переживаниями (страстями), что понимается как нравственная деградация. Данные идеи являются сквозными в творчестве М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа, Ф. Достоевского, понимавших, что только на основе нравственного сознания может быть сформирована установка, препятствующая реализации негативных поведенческих интенций человека.

На современном этапе «свобода для себя» привела к конформизму по отношению к безнравственности, к непониманию очевидных фактов в духовной, этической, социальной сферах. Наиболее распространенным критерием нравственного поведения являются индивидуальные интересы конкретного субъекта без учета духовных ориентиров индивидуальной и социальной практики, выработанных в русле общечеловеческого опыта. В случае если человек решил следовать заповедям христианства, то его сознательный выбор предполагает личностную активность и ежедневные усилия, направленные на преодоление негативных поведенческих интенций. Свобода выбора без сознательного стремления к самосовершенствованию может проявляться в умственной и волевой расслабленности, что приводит к резкому снижению социальной активности, исчезновению положительных идеалов, за которыми следует нравственная деградация. В результате человек сознает себя не столько как личность, сколько как индивидуальность, не умеет оценивать себя с нравственной точки зрения, не понимает смысла личной свободы, склонен к бесполезной психологической рефлексии и переживаниям аутического типа. По мнению Э. Фромма, «человек станет действительно человеческим», только «если существенно изменятся общественные, экономические и политические условия» [8, с. 348]. Разрешение проблемы человеческого существования основатель гуманистического психоанализа видит в овладении искусством любить. Произведя анализ природы любви, он делает вывод «об ее общем отсутствии сегодня», что приводит философа к критике социальных условий, которые, по его мнению, ответственны за ее отсутствие [9, с. 572].

В соответствии с христианскими установками, благосостояние всего общества зависит от уровня нравственной культуры всех его граждан, от сознательного индивидуального выбора каждого. Ценность свободного и ответственного экзистенциального и социального выбора человека в философии христианства связана с его представлением о смысле жизни. Именно данные фундаментальные императивы христианства являются наиболее жизнеспособными идеями, влияющими на созидательное сознание белорусского народа и актуализацию его активной творческой деятельности. При этом идея смысла жизни понимается как проистекающая не из фатально предзаданной логики формирования глобального миропорядка, а из чувства уверенности и сопричастности человека надличностным ценностям, понятным и соразмерным его индивидуальным устремлениям [2, с. 115].

Социогуманитарные науки и традиционные религии рассматривают смысл жизни как стержень ценностных ориентаций личности, обусловленный целями и интересами общества, к которым принадлежит человек. Однако основная задача религии – нравственное формирование личности, нацеленное на укрепление и развитие ее духовности, а социогуманитарное знание, эксплицируя человека в процессе социализации, ориентировано на лучшую организацию жизни. На современном этапе различие ценностных ориентаций формирует многообразие подходов к определению смысла жизни, среди которых можно выделить философский, этический, социологический, психологический.

Проблема смысла жизни была и остается предметом дискуссий различных философских направлений. Если идеализм смысл жизни связывает с трансцендентной сферой, то материализм утверждает, что смысл жизни человека нельзя искать вне самой его жизни. В материалистическом понимании смысла жизни выделяют два разновекторных аспекта. В соответствии с философией марксизма смысл жизни понимается как достижение человеком цели переустройства мира на началах добра и справедливости. Данный подход превращает каждого человека в средство для окончательной цели могущества грядущего человечества, в котором никто из нас «не будет иметь удела» (Н.А. Бердяев). В основу другого философского подхода к определению смысла жизни положено утверждение о том, что смысл жизни создается самим субъектом. В соответствии с данным утверждением жизнь ставит перед человеком ситуацию выбора из множества альтернативных потребностей и путей их реализации. Роль ориентира выполняют сформировавшиеся в единую доминанту наиболее типичные для данного субъекта потребности, интересы и переживания, обуславливающие возникновение ценностей. В данном философском аспекте определения смысла жизни категория «ценность» выступает как основание выбора субъектом целей, средств и результатов деятельности, отвечающее на вопрос, во имя чего совершается данная деятельность, что предполагает поиски соответствующего жизненного идеала. Однако необходимо обратить внимание на возможность насильственного установления деструктивных идеалов как в индивидуальном, так и в общественном сознании и деятельности.

Если философский аспект в определении смысла жизни вытекает из общих принципов отношений человека и мира, то этический – из нравственных принципов отношений человека с миром и другими людьми. Поэтому в истории этики представлены различные линии рассуждения относительно смысла жизни, детерминированные представлениями о морали [3, с. 11].

Первую линию рассуждений, исходящую из натуралистической сферы основных человеческих желаний и интересов, представляет гедонизм – направление в этике, утверждающее наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения. В тесной связи с гедонизмом возник эвдемонизм, понимающий счастье и блаженство как высшую цель человеческой жизни. Однако понимание счастья основано на многообразных индивидуальных представлениях о нем. Если человек видит его в угождении плоти, то внешне это может проявляться в чревоугодии, лени, мечтах о «богемном» образе жизни, склонности к развлечениям и аморализму. В соответствии с утилитаризмом, считающим пользу основой нравственности и критерием человеческих поступков, всякий стремится к личной выгоде, в чем и состоит смысл жизненных усилий человека. Утилитаристская мораль связана с укоренением индивидуализма как особой жизненной позиции, утверждающей приоритет интересов отдельной личности над интересами коллектива и общества. При этом гуманистическая этика обращает внимание на то, что нравственный человек не может достигать собственного счастья за

счет несчастья других и даже наслаждаться собственным счастьем по-настоящему, пока другие страдают. Различные проявления эгоизма человека в его практической деятельности по изменению окружающего мира могут быть нацелены на сохранение памяти о себе, соответствуя желанию прославиться. Стремление к славе, власти, богатству разделяет людей и является источником всех войн в истории человечества. На современном этапе усиливаются гедонистические тенденции в направленности личности. Если представители поколений, сформировавшихся в советскую эпоху, в своем подавляющем большинстве (исключение составляли чуть более 1% опрошенных) отвергали возможность вступления в брак по расчету, а тем более – вступления в физическую близость за плату, то почти третья часть (32%) формирующегося ныне поколения молодежи считает нормальной первую возможность, а каждый десятый – вполне «допустимой» и даже «нормальной» – вторую [1, с. 24, 21]. Стремление к удовлетворению низших потребностей в философии христианства понимается как ориентация на моральное зло: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8:34).

Вторая линия этики делает акцент в определении смысла жизни на его соотношении с абсолютной ценностью (вечной жизнью, богом, идеей). Христианские моральные принципы отвергают материальные, вещественные факторы как основу укорененности человеческого существования, как точку опоры человека в шкале его мировоззренческих ценностей (Ин. 12:43). Христианство осмысливает имманентное бытие исключительно во вспомогательном качестве, способствующем возвышению души человека.

Социологический подход к определению смысла жизни связан с освоением и воспроизводством общественных ценностей, детерминирующих тип поведения и деятельности человека. Соответственно, главные стимулы деятельности человека в обществе могут быть связаны с физическими, экономическими, социальными и духовными потребностями, причем если первичные потребности не удовлетворены, то о последующих человек просто не думает. Философия христианства обращает внимание на то, что, не осознавая свои высшие потребности, человек пребывает в состоянии духовного вакуума: «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» (Еккл. 6:7). Необходимо констатировать, что, несмотря на растущее количество обращений за профессиональной психологической помощью, число суицидов в наиболее экономически развитых странах не уменьшается.

На современном этапе в формировании независимого белорусского государства ориентации на прагматические ценности, направленные на преодоление социально-экономического кризиса, уже недостаточно. Большое значение для обеспечения целостности и стабильности общества и государства имеет приоритет духовно-нравственных принципов в решении стоящих перед ними задач. Возникновение ценностного вакуума и ослабление роли духовно-нравственных ценностей и норм в регулировании поведения способствует дестабилизации общества. В постиндустриальном обществе 10% самоубийц – психически больные люди, в то время как 90% – душевно здоровые, но духовно глубоко поврежденные люди. Их 34–40 человек на каждые 100 000 населения, т.е. десятки тысяч, причем лидируют экономически развитые страны [4]. В современном белорусском обществе признают наличие глубокого духовного кризиса 20,6% молодых респондентов, а 33,3% экспертов связывают его преодоление с упрочнением духовности, в чем большую роль призвана играть религия [1, с. 101]. Осознание на современном этапе таких рефлексивных ценностей христианства, как достоинство, совесть, свобода воли, стремление к самосовершенствованию через нравственное самосознание, самооценку, самоконтроль, саморегуляцию, самовоспитание и самодисциплину, пред-

стает как возможность восстановления гармонии внутреннего мира и преодоления деструктивных внутриличностных процессов.

Психологический аспект определения смысла жизни связан с исследованием психологической структуры личности, ее свойств и особенностей, обусловленных как биологическими, так и социальными факторами. Высшим уровнем развития личности является ее направленность, включающая желания, интересы, склонности, идеалы, взгляды, убеждения человека, его мировоззрение, особенности характера и самооценки. Направленность наиболее полно отражает идеологию общности, в которую человек включен. В зависимости от воспитания направленность личности может быть сформирована следующим образом:

1. Ориентация на индивидуализм, признающий превосходство отдельной личности и ее интересов, вытекающий из принципа антропоцентризма гуманистической философии эпохи Возрождения. В абсолютном гуманизме современной эпохи цель человека – быть самим собой, а условие достижения такой цели – быть человеком для себя. Данная ценностная ориентация, в которой человек и его интересы выступают как «мера всех вещей», обуславливает изоляцию индивида от всех остальных людей, от общества, «в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», реализация его прав [7, с. 13].

2. Ориентация на гармоничное взаимодействие с окружающим миром, соответствующая коллективизму традиционных для Республики Беларусь христианских конфессий. Любовь к Богу (стремление к самосовершенствованию) и к ближнему (способность видеть в каждом человеке самого себя, способность отдать свою жизнь за другого человека) как основа всех заповедей христианства предполагает совокупность устойчивых моральных средств-регулятивов (ценностей, норм, установок, принципов и др.). Следование ценностям традиционных конфессий удерживает от аморальных поступков, помогает стать высоконравственным человеком, направляет на совершенствование своих отношений с окружающим миром.

Решение проблемы смещения смысло-жизненных ориентаций современного белорусского общества от потребительских идеалов к поиску путей самореализации личности, ее всестороннего развития является важным фактором формирования созидательного сознания белорусского народа. Обращаясь к различным аспектам в определении смысла жизни, каждая наука вносит ценный вклад в объяснение этого сложного и многогранного феномена. В процессе преподавания дисциплин социогуманитарного цикла системный подход к проблеме смысла жизни, учитывающий эвристический потенциал ценностей христианства, призван способствовать молодому человеку в определении жизненной стратегии и стремлению к изменению социальной действительности в соответствии с собственным проектом.

Организации, систематизации и целенаправленности процесса созидательного развития белорусской молодежи призвано способствовать, с одной стороны, информирование о духовно-нравственном наследии христианства на предметах социогуманитарного цикла при рассмотрении проблемы смысла жизни (или во внеклассной и внешкольной работе, курсах по выбору); с другой стороны – обращение к проблеме самореализации в повседневности, актуализирующее реализацию принципов нравственного поведения. Таким образом может быть организована постоянная корреляция объективных и субъективных условий формирования нравственного сознания белорусского народа. Если на предметах социогуманитарного цикла при рассмотрении проблемы смысла жизни будет происходить знакомство с высшими, духовными потребностями лич-

ности, то обращение к проблеме самореализации призвано артикулировать рациональный анализ субъектом своей духовной жизни и выработку им индивидуальных нравственных принципов, характеризующих сферу «горизонтальных» устремлений конкретной личности, ее отношений с людьми и обществом.

Эвристическая значимость подхода, определяющего ценности христианства как фактор созидательного сознания белорусского народа, состоит в их возможности объективировать свободный и ответственный экзистенциальный и социальный выбор человека, а также способствовать формированию творческой деятельности на основе духовно-нравственного подхода к цели и смыслу жизни, проистекающего из чувства сопричастности непреходящим ценностям, понятным и соразмерным его индивидуальным устремлениям.

Место и роль ценностей христианства в развитии нравственных отношений в современном белорусском обществе

В жизнедеятельности современного белорусского общества соблюдение христианских нравственных норм можно рассматривать как методологию предотвращения потенциальной опасности его дестабилизации: они раскрывают обязанности, соблюдение которых предоставляет каждому человеку возможность преодоления деструктивных личностных процессов и построения конструктивных социальных коммуникаций. В соответствии со Священным Писанием, благосостояние страны во многом зависит от соблюдения заповедей (Втор. 28:1–14). Библейские положения призывают восстановление страны, различные экономические и политические преобразования в ней начинать с приоритета ценности ответственности в жизнедеятельности каждого человека, соблюдения им нравственных норм. В вероучении и практике христианства ответственность понимается как единица измерения личностной зрелости человека, осознания им того, что каждый в первую очередь отвечает за свои действия и их результаты.

Влияние христианских ценностей на созидательное сознание современного белорусского общества призвано способствовать формированию ответственности человека за творческое построение своей жизни при осуществлении выбора между различными ценностными ориентациями: «Жизнь и смерть предложил Я тебе... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19). Вероучение и практика христианства ориентируют человека, обладающего творческими силами, активной волей к победе совершенного, на реализацию способности практически осуществить высокий духовно-нравственный идеал: «Все мне позволено, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6:12). Свобода выбора человеком своей жизненной позиции как ценность христианства создает условия для осуществления социальной организации, обеспечивающей свободу творчества в разных формах жизнедеятельности всех слоев и групп общества, а также отдельного индивида. Социальное значение христианских ценностей для развития современного белорусского общества состоит в их способности стимулировать конструктивную направленность чувств и мыслей, воплощенную в конкретных нравственных действиях человека. Духовно-нравственное совершенствование как личностная позиция верующего определяет направленность процессов целеполагания и целереализации в его жизнедеятельности. Практическое воплощение в сознании и поведении личности ценностей христианства выступает как уникальный творческий акт по восприятию и выявлению их духовной сущности для перевода на новый уровень, где они выступают как ориентир для действий в конкретных общественно-экономических и социально-культурных условиях.

Категория «ответственность» является связующей при переходе от личной веры человека к его индивидуальной и социальной деятельности. В практической сфере ответственность проявляется в процессе поиска и реализации человеком способа преодоления своих внутренних ограничений или внешних обстоятельств ради цели духовного развития. Постоянство в следовании христианским моральным принципам гарантирует человеку духовно-нравственное совершенствование, целостность личности, зрелость мышления. В евангельском понимании Бог не ставит перед людьми недостижимых целей: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48). Постоянство, стремление к совершенству делает спортсмена чемпионом, музыканта – лауреатом, ученика – учителем, христианина – святым.

В соответствии с христианскими ценностными ориентациями началом осуществления человеческого предназначения является добросовестный, самоотверженный труд. В контексте развития нравственных отношений в современном белорусском обществе труд людей предстает как главный ресурс Республики Беларусь. Ценность самореализации в практике христианства формируется на основании реалистичной оценки своего места и положения в обществе, раскрытия своих способностей и взаимодействия с окружающими. Выполняя свои прямые обязанности перед обществом, другим человеком и самим собой, каждый выступает в роли творца, что способствует реализации общей цели. Христианские установки рекомендуют человеку, исполняющему различные социальные роли, определить, за что он сегодня реально отвечает: «И как ...имеем различные дарования, то ...имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли – в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» (Рим. 12:6–8). Осознание ответственности в сфере своей деятельности как установка христианства способно обеспечить духовно-нравственную устойчивость современного белорусского общества, несмотря на кризисные потрясения, которые оно продолжает испытывать. Позитивной оценки заслуживает тот факт, что среди белорусской молодежи 61% ориентирован на занятия любимым делом, 77% стремится к активному социальному самоутверждению и 81% – к самовыражению в социуме [1, с. 24, 40]. Стимулирование созидательной общественной активности индивида находится в прямой зависимости от утверждения в жизнедеятельности белорусского социума равных и обязательных для всех норм нравственности, что невозможно без артикуляции процессов личностного развития.

В индивидуальной и социальной практике стремление к самосовершенствованию как духовный стержень системы ценностей христианства, конституируя отношение личности к социальной действительности и своему внутреннему миру, предполагает построение взаимоотношений, основанных на любви и ответственности, выступающих как подлинное творчество. В своих «Педагогических сочинениях» Н.И. Пирогов утверждает: «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить в себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане» [6, с. 235]. В современном белорусском обществе, согласно социологическим исследованиям, растет число детей и подростков, поведение которых должно быть классифицировано как девиантное, нередко с нарушением нравственных норм. Последовательное соблюдение христианских заповедей в современном белорусском социуме, предоставляющих возможность пожать плоды «воздержания» (Гал. 5:23), способно выступить одним из главных факторов формирования созидательного сознания народа.

В условиях современного общества многим нравится ощущать себя свободными, однако при этом связанная со свободой ответственность, ограничивающая удовлетворение желаний, как правило, не принимается. Например, курение или подчинение своим страстям, которое может выражаться в социопатии, связывают свободу человека конструктивно распоряжаться собой. Это унижает достоинство личности, наносит вред физическому и психическому здоровью как личности, так и окружающих. В постиндустриальном обществе чем более проблематичным становится удовлетворение духовных потребностей, тем большей ценностью обладает христианское отношение человека к внешнему миру, другому человеку и себе, основанное на стремлении к духовно-нравственному совершенству.

Духовная жизнь в вероучении и практике христианства предстает как подлинная свобода и высшая форма творчества, начинающаяся с ограничения потребностей тела – в физическом плане, и своего «эго» – в процессе коммуникации: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5:13). Соблюдение заповедей является духовно-нравственным основанием христианского идеала, способствующим преодолению наследственных установок и врожденных генетических проблем человека. Стремление воплотить заповеди в индивидуальной и социальной практике предстает как свобода для творчества и разумного ограничения. В жизнедеятельности белорусского народа ценности христианства аккумулируют его историческое стремление к свободе, самостоятельности и благосостоянию, сохранению и развитию независимого белорусского государства, гражданскую ответственность за будущее страны.

Для наиболее полной реализации человеком своих духовных возможностей и актуализации его творческой деятельности ценности христианства ангажируют стремление к возведению в бесконечную степень высших личностных качеств: свободы, разума и любви. Утверждение этих ценностей в системе общественных отношений связано с формированием духовной зрелости социума и закреплением ее в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях. Духовная зрелость человека выражается в «свободе для ...», духовная незрелость – в «свободе от ...». Духовно зрелый человек ценит свою свободу и дорожит ей. Ориентация на «свободу от ...» исключает возможность духовного роста. На постсоветском пространстве большинство людей оказались неспособными применить полученную свободу для созидательных целей, что проявляется в таких личностных качествах, как осуждение, обвинение других в неудачах в своей собственной жизни. Перенос ответственности за свою жизнь на другого человека как выбор личности не противоречит пантеистической философии Востока. В вероучении христианства наряду с верой в личного Бога множественность индивидуальных душ сохраняет свою самостоятельность, что позволяет акцентировать в его практике ценность индивидуальной ответственности: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7). На современном этапе в Республике Беларусь все более отчетливо проявляется позитивная тенденция, выражающаяся в обретении молодыми людьми свободы как необходимого условия плодотворной деятельности, что подтверждается ростом значимости для них таких ценностей, как свобода личности, свобода выбора профессии и жизненного пути, утверждение в обществе законности и правопорядка. Согласно социологическим исследованиям, эти ценности очень важны для 36–44% опрошенных молодых людей [1, с. 132]. По мнению К. Ясперса, традиционные христианские конфессии способствуют критичности мышления, формируют ответственность молодежи в кризисные времена [10, с. 356]. Соблюдение хри-

стианских норм, оценок, принципов поведения и общения призвано способствовать пониманию и принятию своей и чужой индивидуальности, конструктивному решению жизненных ситуаций и, в конечном итоге, актуализации личностной ответственности.

Реализм средств массовой информации, играющих главную роль в сфере досуга современной белорусской молодежи, способствует разрушению психического здоровья нации, нравственных законов и духовных ценностей, передававшихся из поколения в поколение [1, с. 92]. Человек, лишенный нравственных ориентиров, выходит за пределы системы координат, способствующей различению добра и зла, что подтверждает рост жесточайших преступлений в мире. При этом условия современного общества предоставляют возможность оправдать тот или иной аморальный поступок, что, в конечном итоге, закрепляет признание личной и коллективной безответственности. Одним из наиболее ярких примеров ухода от ответственности в современном мире является нарушение одной из десяти важнейших заповедей общечеловеческой нравственности фактически всем европейским населением, результатом чего и является демографический кризис – вырождение Европы. Практической задачей для человека является выживание, а его внутренний и внешний мир – предметом рефлексии и преобразования. Различение, анализ и выделение как структурные компоненты процесса рационального выбора протекают на основе приписывания значений, что делает поведение человека осмысленным и понимаемым (как для него самого, так и для других).

В постиндустриальном обществе человек, принимая различные решения, воспринимает и осмысливает множество разнообразной информации. Ориентация на христианские заповеди в условиях принятия решений относительно различных жизненных ситуаций обуславливает выбор с учетом нравственных позиций. При выборе между рациональностью и иррациональностью необходимо отметить, что поскольку рациональность в противопоставлении иррациональности составляет ценность, то это нравственный выбор. Этот нравственный выбор имеет глубокие следствия во многих областях человеческой жизни. Вера в разум как частный случай веры в духовно-нравственные ценности лежит в самой основе всякой осознанной человеческой деятельности, раскрывая для каждого человека возможности достижения гармонии отношений с самим собой, окружающими и миром.

Осознание ценности рационального выбора христианской нравственности для процесса принятия решений формируется через осмысление личностью христианского идеала, заповедей, принципов. Гносеологическая сторона нравственной культуры проявляется не только в уровне знаний личности о ценностях христианства, но и в умении соотнести их с нормами и потребностями социальной практики. Знание христианских норм выражается в способности давать нравственные оценки поступкам и отношениям (других людей и собственным), решать экзистенциальные вопросы. Ценности христианства, конституируя отношение личности к социальной действительности, формируют высший уровень развития аксиологической стороны ее нравственной культуры, при котором любовь становится мировоззренческим основанием морального сознания, и, соответственно, внутренним императивом целей, мотивов, установок и ориентаций. Заповеди, предполагающие моральную оценку действительности, поступков и отношений, формируют культуру поступка человека, т.к. призывают реализовать воспринимаемые ценности в конкретных нравственных действиях.

Одной из главных особенностей влияния христианских ценностей на поведенческий аспект нравственной культуры современной личности является формирование ее сознательного и творческого отношения к социальной действительности и собствен-

ным возможностям. Ценность любви как общей для всех людей ориентир социального поведения, возвышающий их в духовно-нравственном отношении, ангажирует обращение к внутреннему миру субъекта. Ценности достоинства, совести, свободы и самосовершенствования ориентируют личность на их преломление в поступках, что формирует ее творческую способность вносить коррективы в свои ориентации и установки.

В условиях социальных трансформаций человек обладает функциональной способностью постигать ценности любви, добра, творчества, усваивать заповеди, ставшие частью общечеловеческого опыта, связывающего людей в единую общность. Этот фактор в духовной жизни современности имеет исключительное значение, так как в исторически изменяющихся формах духовности и нравственного сознания поколений проявляется как всеобщее в культуре и социальной практике. Основу христианских ценностей составляют вечные незыблемые начала человеческой жизни, вытекающие из самого существования человека и общества. Стремление общества к реализации всего потенциала своей духовности выступает одновременно как фундамент его устойчивого развития и условие плодотворной человеческой жизни, имеющей цель и смысл. В жизнедеятельности современного белорусского общества христианские ценности, репрезентуя общечеловеческое в духовности, способны выступить как идеальная форма всеобщности, непосредственно обнаруживающая себя в диалоге культур, т.е. как гуманистический опыт, который не нарушает ни права верующих, ни права атеистов. В процессе самоидентификации белорусского народа духовно-нравственные ценности христианства с их конструктивным потенциалом призваны занять доминирующее положение в социокультурном пространстве нашей страны.

Выводы

Проведенное исследование показало, что репрезентация духовных ценностей христианства как традиционного в своей сущности феномена в социальном пространстве, ее характер и формы зависят от конкретных социально-экономических и социокультурных особенностей определенного этапа общественного развития. Христианство (как и любая мировая религия) приобретает при встрече с конкретной культурой и цивилизацией национальную форму.

Социально-философский анализ ценностей христианства в формировании нравственного сознания, нравственных отношений и нравственной деятельности современного белорусского общества позволил определить их как:

- а) модусы взаимоотношений человека с миром вообще, конкретной социальной действительностью, основание внутренней рефлексии индивида;
- б) фактор созидательного сознания белорусского народа, творческого самовыражения его членов;
- в) ориентиры в решении экзистенциальных проблем и социальном выборе человека и в процессе принятия решений;
- г) регулятивы противодействия аморальным формам поведения и влиянию деструктивных некультурных;
- д) образец поведения, нравственный идеал, оценочное основание в развитии нравственной культуры на уровне государства, общества и личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е.М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е.М. Бабосова. – Минск : Современное слово, 2001. – 144 с.
2. Зеленков, А.И. Глобальный контекст современной социодинамики и христианские ценности / А.И. Зеленков // Христианские ценности в современной культуре : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20 дек. 2000 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.И. Зеленков [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1. – С. 113–115.
3. Зеленкова, И.Л. Проблема смысла жизни: опыт историко-этического исследования / И.Л. Зеленкова. – Минск : Университетское, 1988. – 125 с.
4. Кузнецов, М.Т. Социология и психобиология самоубийства / М.Т. Кузнецов, Ю.М. Бубнов, Б.М. Голденберг. – Минск : Право и экономика, 2006. – 238 с.
5. Павловская, О.А. Система духовно-нравственной безопасности современного общества: опыт систематизации / О.А. Павловская // Весн. Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. – 2009. – № 3. – С. 5–12.
6. Пирогов, Н.И. Избранные педагогические сочинения / Н.И. Пирогов. – М. : Педагогика, 1985. – 496 с.
7. Право быть человеком : сб. / АН Беларуси, Отд. науч. информ по гуманит. наукам; редкол.: Л.Ф. Евменов [и др.]. – Минск, 1996. – 236 с.
8. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм // Душа человека / Э. Фромм. – М., 2004. – С. 235–432.
9. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм // Душа человека / Э. Фромм. – М., 2004. – С. 433–572.
10. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994. – С. 288–418.

Lahunouskaya A.A. Christian Values in the Formation of Creative Consciousness and Moral Relations in Modern Belarusian Society

This article analyzes the role and place of Christian values in the formation of moral culture of the modern Belarusian society, its moral consciousness, moral attitudes and moral activity. We study the system of Christian values as the basis of spiritual and moral development of the individual and society. The author's vision of the formation of the creative consciousness of Belarusian people as the main objective of their moral culture is presented.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2013

УДК 340.1(075.8)

А.Б. Лепешко

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

В статье анализируется понятие «феноменология», являющееся одним из основополагающих в феноменолого-коммуникативном подходе. Продемонстрированы эвристические возможности применения данной категории в праве. Охарактеризованы такие дефиниции, как «интуиция», «метод», «методология», «новая рациональность» и другие. Показаны возможности феноменологической методологии в процессе правового исследования.

В феноменолого-коммуникативном подходе наряду с «коммуникацией» и «многоединством» понятие «феноменология» является основополагающим. Отметим, что феноменология как теория чрезвычайно сложна, многоаспектна, дает возможность формулировки, интерпретации, развития разнообразных теоретических направлений, одних и тех же, на первый взгляд, идей. Вместе с тем именно это привлекает многих современных теоретиков, которые неоднократно пересматривают собственные подходы, ищут новые эвристические возможности. Феноменология в определенном смысле отвечает духу времени в том аспекте, что именно сегодня фиксация множественности тем, решений, альтернативных интерпретаций является значимым признаком так называемого «методологического плюрализма», который является реакцией на господствовавшие достаточно длительное время монистические методологические концепции.

Выбор именно феноменологической методологии теоретиками коммуникативно-феноменологического направления в праве далеко не случаен. Здесь проявилась известная тенденция, связанная, с одной стороны, с разочарованием в возможностях классического правопонимания и попытками, с другой стороны, найти «новый путь» на основе строго научных, логико-математических подходов, о которых говорил Э. Гуссерль. В своем классическом двухтомном труде «Логические исследования» немецкий мыслитель определил основной объект своего исследования именно как научное знание и познание. Это замечание важно постольку, поскольку распространены и иные теоретические подходы, базирующиеся на таких категориях, как «интерпретация», «альтернативность» и др., но именно феноменология апеллировала к науке, к теории познания, к истине, в отличие, скажем, от экзистенциализма и «чистого» интуитивизма, представителем которого был А. Бергсон.

На это стоит обратить внимание потому, что сам Э. Гуссерль был глубоко уверен в том, что обосновывает не некие модернистские, постмодернистские изыски теоретического знания, а рационализм, правда, рационализм нового вида. Он критиковал не науку как таковую, а кризис традиционного рационалистического знания, коренящийся еще в проектах мыслителей Нового времени. Критика была направлена на присущий им скептицизм, релятивизм, психологизм и т.п., однако еще при жизни мыслителя отмечалось, что его сугубо рационалистические намерения входили в противоречия с его же собственными текстами. Исследовательница гуссерлианства Н. Мотрошило-

Научный руководитель – И.Л. Вершок, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета

ва отметила, что «Гуссерль прослыл – и далеко не случайно – провозвестником некоторых иррационалистических тенденций, связанных прежде всего с возникновением экзистенциализма» [1, с. 214]. При обращении к собственно правовой проблематике сторонники коммуникативно-феноменологической школы также не всегда выдерживают нормы «чистой феноменологии», «ранней феноменологии», в силу чего мы будем говорить о переплетении, взаимодополнении идей как рационалистического, так и иррационалистического характера. Далекое не случайно А. Поляков в ходе обсуждения своей монографии «Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход» прямо заявил, что «рациональное построение общества невозможно, это утопическая черта социального мышления» [2, с. 93]. Чтобы понять смысл этого высказывания, обратимся к основным характеристикам феноменологии как методологии, как это видится адептам феноменолого-коммуникативного подхода в праве.

Первый тезис можно сформулировать следующим образом: феноменологический подход (концепция) не должен применяться изолированно от ряда иных важнейших достижений современной постнеклассической науки. Нет такой «феноменологии», которую можно, как кальку, «приложить» к тому или иному правовому феномену. Здесь известный вывод о необходимости интегративности правового знания «работает» в полной мере. Как пишут А. Поляков и Е. Тимошина в работе «Общая теория права», «использование феноменологического подхода в соединении с дополняющими его идеями синергетики, герменевтики и коммуникологии позволяет описать право как самоорганизующую и саморазвивающуюся систему, в которой все элементы связаны между собой, и отсутствие хотя бы одного из них разрушает сам феномен права» [3, с. 103]. Таким образом, в качестве методологического базиса выступают категории собственно «феноменологии», а также сопутствующие ей дефиниции и соответствующие теоретические проекты: синергетика, герменевтика и коммуникология (теория коммуникации). В предыдущих публикациях уже отмечалась значимость категорий «многоединство» и «интегративность» в понимании авторского подхода. Смысл этих констатаций в том, что и феноменология – лишь один из аспектов «многоединства», феноменология тогда имеет смысл, когда ее ключевые идеи рассматриваются в смысловом, содержательном единстве с идеями иных теорий.

Заметим, что логика рассуждений авторов феноменолого-коммуникативного подхода парадоксальным образом может содержать противоречие. Скажем, известно требование заменить в ходе гносеологического анализа термин «определение» терминами «раскрытие» и «описание». Это значит, что понять право можно не через его определение (это, как утверждается, привычный формализм, апеллирующий к априорным формам мышления), а через описание и раскрытие структуры права, в которой выражается его эйдетический (сущностный) смысл. Но заявленный «выход» за пределы формальной логики несколько не мешает умозаключать, определять – словом, осуществлять все те же логико-понятийные процедуры. Упомянутый выше учебник «Общая теория права» справедливо завершается словарем терминов, в котором даны ключевые понятия курса, сформулированные, кстати, в соответствии с классическими аристотелевскими образцами. Здесь, вероятно, основное различие между указанными подходами («определение» или «описание») надо искать в той констатации, что право – динамичная система, она не может быть «определена» в принципе, хотя бы потому, что процесс его развития постоянен. Здесь вопрос в понимании специфики права, которое (для авторов рассматриваемого подхода) есть не данность (определенность), а процесс (описание). Ведь рассмотреть тот или иной феномен, описать его сущность можно не путем

выявления его сущностных признаков, как это происходит в рамках классического правопонимания: надо определить свою особую позицию по отношению, например, к потоку сознания, в том числе и путем «переживания» этого потока. Не «определение» с помощью привычного логического аппарата, а именно «переживание».

Далеко не случайно в категориальный аппарат феноменолого-коммуникативного подхода в качестве основополагающего вводится такое понятие, как интуиция. Нельзя не обратить внимания на ссылки А. Полякова на труды Н.Н. Алексева, который писал, в частности, что в основе феноменологии «лежит блестящая интуиция, открывающая нам некую новую сторону мирового целого и дающая целый ряд способов для его познания и постижения. Феноменология как интуиция всеобщего, как способ вчувствоваться и вмыслиться в идеи есть познавательный прием, открывающий перед нашим умственным взором ряд совершенно новых, почти невиданных отношений. Феноменология открывает перед нами совершенно новый мир духовных предметов» [4, с. 41]. Если речь идет об интуиции как методе, то, действительно, здесь открываются большие возможности. Необходимо, однако, отметить, что первичной реальностью в интуиции такого рода (и в данном теоретическом подходе в целом), свобразной точкой отсчета становится сознание индивидуального субъекта, причем из этого сознания искусственным образом устранены все элементы реального существования человека, вся его конкретная деятельность. Переход к феноменологическому сознанию, как его формулировал и аргументировал Э. Гуссерль, предполагает длительный процесс, в ходе которого исследователю необходимо абстрагироваться («очиститься») от всего «натурального», «естественного», а затем постепенно (в том числе и с помощью феноменологической редукции) двигаться по пути феноменологического анализа. Причем обозначенный мыслительный процесс не тождествен привычному для нас абстрагированию. Э. Гуссерль говорил о приоритете процесса созерцания, в ходе которого даны и предмет (сущность, эйдос), и уверенность в том, что этот предмет, эта сущность «усмотрены».

Возвращаясь к специфике интуиции как важнейшего феноменологического метода, заметим, что апелляция именно к нему как одному из основных методов познания становится все более распространенной. В качестве примера приведем мысли автора монографии «Семиотика», посвященной анализу знаков, знаковых систем, В. Агеева. Исследователь отмечает, что понятие интуиции тесно связано с образным мышлением, причем ученые давно заметили, что творческое мышление протекает и в невербальной форме, и бессознательно. Так, например, А. Эйнштейн утверждал, что «подлинной ценностью является, в сущности, только интуиция», а французский математик А. Пуанкаре выразился так: «Для того чтобы создать геометрию или какую бы то ни было науку, нужно нечто другое, чем чистая логика. Для обозначения этого другого у нас нет иного слова, кроме слова интуиция» [5, с. 31]. Но более актуален вопрос о связи понятий «интуиция» и «право» в рамках изучаемого подхода. Важнейшей здесь является та мысль, что право есть область ценного, а не область истин чистого разума. Ценности в праве (как полагал Н.Н. Алексева и как это представляют его современные последователи) не только усматриваются, познаются теоретически, но чувствуются, переживаются. Поэтому возможны различные степени соответствия с ними человеческой души, начиная с поверхностного признания ценностных свойств какой-либо данности и кончая «полным погружением в нее вплоть до самозабвения». К слову, с этой точки зрения различие между нравственностью и правом сводится к различным степеням глубины переживания ценностей, но это отдельный вопрос. В этой достаточно непростой проблеме (право и интуиция как методы познания правовых феноменов), очевидно, остаются бе-

лые пятна и для самих авторов феноменолого-коммуникативного подхода, ведь не случайно эта тема фактически обойдена в учебном пособии А. Полякова и Е. Тимошиной (во всяком случае, на категории «интуиция» внимание не было акцентировано) [3].

Феноменология не может быть отождествлена с философией права, как отмечал Н.Н. Алексеев, развивавший идеи Э. Гуссерля применительно к праву. Феноменология является лишь «существенной частью всякой научно оформленной философско-правовой системы». Философия права в этом контексте может быть обозначена как умение «прозревать», интуитивно угадывать пути развития человечества. По мнению феноменологов, на это были способны Сократ и Платон, отцы церкви, Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескье, А. Хомяков и Ф. Достоевский. При этом акцент на творческой интуиции вовсе не означает, что разум здесь отрицается. Как отмечает Н.Н. Алексеев, «то, что явилось предметом гениального прозрения, отнюдь не должно быть совершенно неразумным и случайным по своему внутреннему существу. Даже в самых иррациональных стремлениях наших может открываться некоторый присущий им внутренний смысл» [4, с. 45]. То есть речь не идет о воздвижении некой непроходимой стены между рациональным и иррациональным подходом, скорее, можно говорить о «взаимодополнении» методов и методологий. Скажем, здесь же у Н.Н. Алексеева следует оговорка: правовой идеал как таковой есть средство не феноменологического, а философского мирозерцания. Поиск идеала, его «открытие» – акт скорее веры, нежели науки. Это не эмпирическое, да и не рациональное знание. «Живой идеал» проповедуется, а не формулируется. Эти же требования мы можем смело отнести, например, и к идеалам справедливости, то есть и к правовым идеалам.

Важно, что феноменологическая методология для авторов коммуникативного подхода является не просто постнеклассической, а рационалистической методологической конструкцией. Здесь необходимо сосредоточить внимание на следующих моментах. Во-первых, сущность (в том числе и права), которая обнаруживается в ходе феноменологического анализа не «идеальный тип», не «идеальная конструкция», это есть нечто более важное и более реальное, нежели конкретный факт, реальность, существование. «Сам эйдос, – пишет Гуссерль, – есть усматриваемое, доступное усмотрению всеобщее, чистое, безусловленное, а именно: такая сущность не обусловлена никаким фактом, а соразмерна только со своим собственным интуитивным смыслом. Она предшествует всем понятиям в смысле значений слов» [1, с. 239]. То есть выявление сущностных структур сознания есть не субъективно-идеалистический процесс, как это можно было бы трактовать. Во-вторых, в процессе феноменологического анализа важнейшую роль играет понятие «субъект». Логика рассуждений теоретиков коммуникативно-феноменологического подхода здесь имеет следующий вид. Ранее, в теориях классического правопонимания, предполагалось, что объективность и достоверность результатов научного познания может быть достигнута путем «упразднения всех индивидуальных особенностей личности». В постнеклассической науке признано, что субъект из процесса познания устранен быть не может по принципиальным соображениям. Этот тезис понятен, особенно в контексте именно теории коммуникации, которая «начинается» с субъекта (двух субъектов). Однако суть вопроса еще и в том, что основной, существенный признак права в трактовке авторов коммуникативной теории – это «наличие субъектов, обладающих взаимообусловленными правами и обязанностями». Как отмечает А. Поляков, «с момента осознания своего существования в социальном мире человек становится субъектом права и участником разнообразных правовых коммуникаций. Быть субъектом права и означает иметь субъективные права и обязанности и действо-

вать в соответствии с ними, т.е. в рамках правовых отношений» [7, с. 282]. Идея о возможности существования субъекта прав вне правоотношений с точки зрения теоретиков коммуникативного подхода объявляется абсурдной, поскольку невозможно иметь права, если отсутствуют субъекты «коммуникативной обязанности», то есть те, кто должен соотносить свое поведение с этими правами. В этом контексте А. Поляков любит приводить пример с человеком, попавшим на необитаемый остров. Он один, нет коммуникации, следовательно, нет и права. Но здесь можно сформулировать такое возражение: а если этот условный Робинзон начнет уничтожать окружающую природу, то есть, вступит в конфликт с теми нормами (точнее, объективными условиями существования), которые определяет, например, экологическое право? Да, экологического права для Робинзона нет, но есть его отношения с природой: морем, животным миром. Разве они не могут быть представлены в виде неких «нормирующих» права и обязанности (Робинзона) отношений, пусть в неосознанном, невербальном виде? Ведь для того, чтобы выжить, человек на необитаемом острове должен каким-то образом строить отношения с окружающим миром. Здесь, в этом примере, мы можем увидеть справедливость ряда положений теоретиков юснатурализма, полагавшим, что право может и должно носить объективный характер.

Уместен вопрос: а как быть с механизмом применения феноменологической методологии к праву, существует ли вообще такой механизм? Авторы коммуникативного подхода замечают, что этот процесс еще не завершен, работа продолжается. Используется данный подход, данная методология главным образом в «критическом» аспекте как оппозиция статистским теориям, психологическим концепциям, юснатурализму, очевидно, чтобы избежать «одномерности» и прийти к «многоединству», новой интеграции правового знания. В «Общей теории права» А. Поляков и Е. Тимошина так описывают иные аспекты обозначенной проблемы: «Основным моментом, характеризующим суть феноменологического подхода к праву, является взгляд на право как на часть человеческого бытия, часть intersubъективного жизненного мира. Следовательно, правовая теория должна в первую очередь сосредоточиваться на личности, а затем уже на поверхностных явлениях права – законах, судебных решениях, нормах, принципах и т.д. В рамках феноменологической теории право интерпретируется как специфический опыт человеческого взаимодействия. Такое взаимодействие есть коммуникативное и intersubъективное. Коммуникативным оно является потому, что правовое взаимодействие опосредуется правовыми текстами, которые легитимируются (признаются) в рамках жизненного мира общества, а intersubъективным потому, что является межсубъектным отношением, существующим в рамках жизненного мира субъектов и опосредуемым знаковыми структурами (правовыми тестами)» [3, с. 53]. Если мы по возможности кратко проанализируем эту цитату, то придем к следующим выводам. Во-первых, право – это не норма, не следствие деятельности государства, право – это часть нашего бытия, часть наших отношений. По-другому это сложно представить, поскольку феноменология направлена на анализ сознания, его структур. Более того, здесь важно помнить, что феноменология – своего рода «предтеория», в том смысле «пред-», что возникает до логики, до «определений» и «умозаключений». Как в этом аспекте понимать тот факт, что правовая теория должна быть «сосредоточена на личности»? Исключительно в коммуникативном контексте: есть коммуникация – есть предпосылки для права (очевидно, понимаемого чрезвычайно расширительно). Нет таких предпосылок – нет и права. Во-вторых, здесь содержится признание сугубой важности такой категории, как правоотношения. Данная дефиниция – одна из ключевых в рассматриваемой нами

теории. Она фиксирует, что не нормы, а отношения участников правового процесса являются «конституирующими» для права. Эта точка зрения не является общепризнанной: в частности, профессор М. Байтин полагает, что у теоретиков коммуникативной школы «нормы права, с одной стороны, противопоставляются законодательству, а с другой, отождествляются с отношениями, которые призваны регулировать» [7, с. 111]. Надо полагать, данное замечание все же можно оспорить. Здесь суть не в «отождествлении права с правоотношениями», а в том, что право «вырастает» из правоотношений, и текст закона должен соответствовать условиям «жизненного мира» участников правового процесса (а это значит – членов конкретного общества), тому, как он воспринимается, из каких предпосылок (исторических, психологических, ментальных, иных) он вырастает, как он интерпретируется, легитимируется и каково его содержание с точки зрения структуры правовой коммуникации. Эта ремарка имеет тот смысл, что критика коммуникативного подхода, которая может иметь основания, должна базироваться на несколько иных принципах.

Непростым является вопрос о роли субъекта в феноменологическом анализе, в том числе и правовом. Для родоначальника теории и его адептов было несомненным, что субъект, сознание субъекта являются само собой разумеющимися предпосылками анализа. Но как избежать субъективизма в ходе феноменологических операций, как безукоризненно выполнить процедуру «вынесения за скобки» в ходе феноменологической редукции? В работах сторонников коммуникативно-феноменологического подхода сложно найти прямые ответы на эти вопросы. Однако указывается, что «с момента осознания своего существования в социальном мире человек становится субъектом права и участником разнообразных правовых коммуникаций. Быть субъектом права и означает иметь субъективные права и обязанности и действовать в соответствии с ними, т.е. в рамках правовых отношений». И далее: «Для того чтобы быть субъектом права (и субъектом правовой коммуникации), лицо должно быть способно понимать смысл существующих в обществе правовых норм (правил поведения), способно оценивать их социальную значимость, быть адресатом предусмотренных правовыми нормами субъективных прав и обязанностей, иметь право своими действиями приобретать эти права и обязанности, быть способным самостоятельно реализовывать свои субъективные права и обязанности и своими действиями порождать новые права и обязанности» [6, с. 282]. Требования к субъекту права ясны, но неясно, где основания, предпосылки того, что эти требования будут выполнены надлежащим образом? Более того, получается, что мы рассуждаем не столько о феноменах права, сколько о структуре самой субъективности. Таким образом, здесь (в частном механизме применения феноменологического подхода) мы имеем существенные смысловые лакуны, которые не позволяют адекватно оценить возможности самого метода. И еще: не является ли уровень требований, предъявляемый субъекту права, чрезмерно высоким и расширительным? Ведь быть субъектом права означает быть «субъектом правовых отношений», «обладать правосубъектностью», «праводееспособностью», быть способным вступать в коммуникацию, выступать носителем прав и обязанностей, «понимать смысл правовых норм», уметь оценивать социальную значимость правовых норм, самостоятельно реализовывать права и обязанности и т.д.

Завершая анализ феноменологической проблематики, констатируем, что понятие «феноменология» в рамках рассматриваемой нами теории должно рассматриваться комплексно, интегративно, это не самодостаточная категория; особую роль здесь играет такая дефиниция, как «ценность», поскольку право есть «область ценного»; отсюда

понимание права не только как «нормы», но и «воли», «интереса», «свободы» и т.д.; в основе феноменологического подхода не «определение» (логика), а «описание» правовой структуры. К соображениям адептов феноменолого-коммуникативного подхода по вопросу методологических основ рассматриваемой концепции следует добавить лишь одно соображение: понимание феноменологических феноменов в праве сложно адекватно оценить вне герменевтического контекста, а также вне обращения к проблемам семиотики и коммуникологии, что явится предметом рассмотрения в ходе последующей работы над темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мотрошилова, Н.В. Феноменология / Н.В. Мотрошилова // Современная буржуазная философия. – М. : Высшая школа, 1978. – С. 211–280.
2. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. – СПб. : Правда, 2001. – 156 с.
3. Поляков, А.В. Общая теория права : учеб. пособие / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб., 2005. – 468 с.
4. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
5. Агеев, В.Н. Семиотика / В.Н. Агеев. – М. : Весь Мир, 2002. – 256 с.
6. Поляков, А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций / А.В. Поляков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.
7. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.

Lepeshko A.B. Heuristic Potential of a Phenomenological Approach to Law

«Phenomenology» which is one of the basic categories of phenomenological-communicative approach is analyzed in the article. Heuristic possibilities of using this category in jurisprudence are demonstrated. Such definitions as «intuition», «method», «methodology», «new rationality» and others are characterized in the article. Possibilities of phenomenological methodology in the process of legal research are characterized.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.07.2013

УДК 316.28

А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская

ИНТЕРНЕТ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В данной статье исследуются формы и способы влияния интернета на современный политический процесс. Анализируются конкретные параметры интернет-технологий, интегрированных в политический процесс. Указывается на противоречивость их политического воздействия, когда, с одной стороны, интернет-технологии могут стимулировать политическое участие граждан, расширяя их доступ к информации, а с другой – его ограничивать, порождая «психологию зрителей». Изучаются способы детерминации интернетом политических практик, а также политические аспекты его регулирования. Специально изучается практика организации электронного правительства (E-governance).

Введение

Все возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в социально-политических процессах и явлениях последних десятилетий привела к формированию нового типа общества – информационного, для которого характерны масштабная интеграция в единую глобальную индустрию (сеть) электроники, компьютеров и средств телекоммуникации, благодаря которым звук и видеоряды сохраняются и передаются с огромной скоростью. При этом «информация сливается в невиданные потоки... и архитектура информации и ее потоков начинает оказывать влияние на содержание информации, ее смысл» [1, с. 69]. Возникают понятия виртуальности, виртуального пространства, виртуального сообщества, интернет-коммуникаций и т.п.

Несмотря на то, что до сих пор нет устоявшейся дефиниции информационного общества, практически все исследователи выделяют три ее главных характеристики: 1) большую часть национального дохода составляет прибыль от деятельности, связанной с переработкой информации, а не от промышленного производства; 2) информация и связанные с ней знания, а также высокие технологии являются основополагающим производительным фактором и одновременно основной движущей силой экономического роста; 3) наличие все возрастающего числа пользователей интернетом и предприятий «новой экономики» (интернет-компаний). Применение этих и иных критериев определения информационного общества позволяет, например, белорусскому аналитику и бизнесмену Ю. Зиссеру утверждать, что в настоящее время в Республике Беларусь оно находится в стадии активного зарождения, но пока далеко от зрелой стадии [2, с. 317–322]. Применительно к современной Беларуси пока целесообразно использование понятия преинформационного общества. Однако страна находится в активной стадии формирования информационного общества. Так, в статистическом сборнике ООН «Электронное правительство. Обзор 2012» РБ по уровню развития ИКТ по сравнению с 2008 г. поднялась с 84-го на 48-е место [3, с. 9]. Стратегическая ее задача – к 2015 г. войти в топ-30 стран по уровню развития ИКТ.

Становление информационного общества и связанных с ним новых ИКТ существенным образом трансформирует политический контекст, событийный ряд и пейзаж. Существует уже достаточно большое количество научных публикаций, анализирующих процесс детерминации интернетом политических феноменов. В данной работе мы ставим перед собой цель системным образом проанализировать процесс подобной детерминации сквозь призму его противоречивости и динамичности, ориентируясь, в первую очередь, на изучение качества укоренения в современном обществе принципов «электронной демократии» (Э-демократии).

Интернет как предпосылка демократии

Очевидно, что постепенное, но неуклонное становление информационного общества стимулирует создание Э-демократии, основанной на масштабном использовании интернета в общественной жизни и политических процессах. «Новая электронная демократия... уже не является только голосованием, выборами или властью, исполняющей общие решения, – это и каждодневная политическая экспрессия граждан, предоставляющая каждому возможность высказаться» [1, с. 67].

Интернет обладает совокупностью черт, формирующих Э-демократию, в особенности, развитие институтов гражданского общества, поскольку, во-первых, он не знает пространственных и социальных ограничений, включая в систему общественных коммуникаций практически всех граждан конкретного государства. В силу того, что стоимость компьютеров и иных носителей электронной информации, а также пользования интернетом неуклонно снижается, можно утверждать, что в большинстве стран мира практически все социально ответственные сообщества могут иметь к нему доступ. Так, например, в РБ уровень проникновения интернета среди всего населения уже выше 40%, а среди населения 16+ – свыше 50%. По данным Минстата РБ, если в 2000 г. в Беларуси на 100 семей приходилось 2 компьютера, то уже в 2007 г. – 26, а в мае 2012 г. – 46.

Удешевление услуги мобильной связи привело в пространство интернета миллионы белорусов. В декабре 2011 г. доля мобильных пользователей среди общего числа пользователей интернета составила 11,4%, а в настоящее время резко выросла в связи с льготной ценовой политикой в этом сегменте и с увеличением продаж смартфонов. Например, «в июле 2012 г. доля мобильных пользователей портала TUT.BY составила около 15%, в то время как годом ранее она находилась... в пределах 5%» [2, с. 318–319]. В настоящее время на долю обладателей мобильных телефонов, смартфонов и т.п. приходится около 20% всех посещений интернета.

Во-вторых, он децентрализован, в подавляющем числе стран неподцензурен, так как на глобальном уровне отсутствуют властные структуры, установившие контроль за его использованием и функционированием. Разумеется, в любой стране существует правовая регламентация его деятельности, но только несколько стран мира (Северная Корея, Мьянма, Туркменистан, Узбекистан) причисляются правозащитной журналистской организацией «Репортеры без границ» к «странам – врагам интернета».

В РБ функционирование интернета регулируется Указом президента РБ № 60 от 1 февраля 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования сегмента сети Интернет». В целом он гарантирует свободу пользования интернетом, поскольку позволяет любому белорусу-потребителю получить доступ к любым сайтам, а также посредством него читать, обсуждать и передавать разнообразную информацию. Однако этот же Указ предусматривает, что по запросу пользователей сети интернет поставщики интернет-услуг могут ограничивать доступ пользователей к информации, если ее содержание связано с осуществлением экстремистской деятельности, незаконным оборотом оружия, отравляющих и наркотических средств, содействием незаконной миграции и торговле людьми, распространением порнографических материалов, пропагандой насилия и других действий, запрещенных законодательством. В 2011 г. правительством РБ была утверждена Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере ИКТ на 2011–2015 гг., призванная радикально повысить качество информационных услуг в стране.

В-третьих, интернет индивидуализирован, т.е. предполагает свободу выбора индивидом определенных информационных источников (сайтов, страниц), что имеет принципиальное значение, поскольку, по утверждению немецкого исследователя М. Каазе,

«Э-демократия, в первую очередь, означает переход от коммуникаций с массами к коммуникациям с индивидами» [4, с. 37]. В ее рамках человек получает свободный доступ к неограниченному объему информации. Действительно, применительно к современной Беларуси мы можем говорить о том, что если государственные телевидение, радио и газеты доминируют в информационном пространстве страны, то в сфере интернета наблюдается безусловный информационный (и политический) плюрализм.

Кроме этого, сама интернет-информация по своей сути и во всем своем разнообразии ориентирована на ее потребление отдельным, а не «коллективным» человеком, приспособляясь к его ожиданиям.

В-четвертых, интернет интерактивен, т.е. его потребители не удовлетворяются только отбором существующих в интернет-пространстве содержаний (сообщений), но и сами создают и передают их другим потребителям, удовлетворяя, тем самым, широкий спектр собственных и общественных потребностей. К тому же, как отмечала украинская исследовательница Л. Компанцева, «интернет-коммуникация позволяет установить потребность или проблему пользователя и определить ресурс, способный эту проблему решить (чат, переписка, форумы, виртуальные дневники и т.д.). Кроме этого, интернет-дискурс позволяет людям развить и интериоризировать собственные способности, интересы, жизненные стратегии» [4, с. 399]. В конечном счете, в силу своей интерактивности и обладая «многоконтактностью», интернет является социально спланирующей силой.

В-пятых, в интернете заключен гигантский информационный ресурс, имеющий общемировой характер распространения, обеспечивая множество пользователей доступом к различной, в том числе, политически альтернативной информации.

В-шестых, интернету присущи оперативность и высокая скорость передачи информации, чем уже в возрастающей степени пользуются различные политические субъекты. Например, в период так называемой «арабской весны» в Египте и Тунисе с помощью мобильного интернета не только поступали сообщения из мест событий, но и координировалась деятельность самих участников политических акций. Поэтому, осознавая это, авторитарные власти различных государств в период социальных потрясений, как правило, блокируют распространения интернета на «восставших территориях».

В-седьмых, интернет является важным инструментом политической социализации личности, в особенности молодежи, поскольку с его помощью люди могут присваивать различные ценности, что, в свою очередь, детерминирует их социально-политические практики. По мнению Г. Почепцова, «информация, как никогда, стала инструментом власти. Она постепенно заменила собой грубую силу, насилие, которое долгое время считалось единственным орудием управления. Как утверждал президент США Ричард Никсон, «1 доллар, вложенный в информацию и пропаганду», является «более ценным, чем 10 долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежедневно и повсеместно» [6, с. 120]. Об очевидном влиянии интернета на формирование политических взглядов граждан Беларуси свидетельствуют и результаты социологических исследований последних лет [7–9].

В-восьмых, интернет предоставляет возможность объединения различных людей на основе общих интересов, благодаря чему возникают виртуальные сообщества, некоторые из которых ставят перед собой цель организации политических акций. В качестве примера можно назвать политическую кампанию белорусской оппозиции «Революция через социальные сети», организованную в 2011 г. и призванную вызвать акции протеста через систему интернет-коммуникаций. Однако очевидно, что сами по себе

подобные коммуникации социальные революции не создают, если для них не созданы соответствующие социоэкономические условия, протестный потенциал, что подтвердил и «белорусский опыт».

Отметим также, что интернет по своей природе не только создает социальные сети, но может их и разрушать, поскольку способствует развитию среди его потребителей чувств антагонизма и взаимного отчуждения, предоставляя платформу для выражения экстремистских взглядов, для компрометации участников политического процесса, широко используя оскорбительную риторику.

В-девятых, специфика интернет-коммуникаций способствует актуализации и активизации принципов «демократии непосредственного участия» граждан государства, так как они устраняют социально-политические статусы, вводят в «политический оборот» систему прямых действий и предполагают непосредственное свободное участие всех граждан в принятии решений «здесь» и «сейчас», следуя принципам равенства и транспарентности.

В-десятых, интернет предоставляет новые технические возможности для проведения политических кампаний. Речь идет не только о политических дебатах, организованных на интернет-форумах, но и об использовании в политическом процессе активно посещаемых кратких, игровых, зачастую скандальных фильмов, видеороликов, которые широко представлены на канале YouTube, что привело к рождению нового феномена, а вместе с ним и понятия – Ютубизация политики.

Интернет как фактор детерминации политической деятельности

Выше обозначенные факторы, имманентно присущие интернету, формируют новые правила и способы политической практики. Как отмечает американский исследователь Дэвид Тэпскотт, «старая система основана на том, что граждане слушают политические речи, дебаты, избирательные лозунги, платят деньги и голосуют, но когда речь заходит об участии в определении политических целей и принятии важных решений, то они оказываются выброшенными на обочину. Эта модель политических коммуникаций не соответствует уже ожиданиям молодого поколения. Те, кто вырос в цифровой эпохе, надеются на сотрудничество с политиками, а не на выслушивание их ораторских посланий. Они хотят быть непосредственно политически ангажированными – вести диалог, представлять собственные идеи, выдвигать инициативы, и не только во время выборов, но также и тогда, когда политическая победа уже состоялась» [10, с. 404–405].

В первую очередь эти «новшества» касаются способов проведения избирательных кампаний. С особой силой и очевидностью новая (и существенная) роль интернета в политическом процессе проявилась во время первой избирательной кампании президента США Барака Обамы, который с помощью эффективного использования интернета во многом смог обеспечить политическую победу первоначально внутри Демократической партии над Хиллари Клинтон, а потом и над кандидатом от республиканцев Джоном Маккейном. Речь идет о создании членами его команды интернет-сервиса my.barackobama.com, позволившего канализировать в нужном направлении активность множества людей, в особенности молодых, для победы «их» кандидата, организовав с помощью «сети» сбор пожертвований в его пользу и создав систему обратной связи, обеспечив виртуальный контакт между Обамой и его сторонниками, что позволило каждому участнику интернет-коммуникаций не только оказать ту или иную поддержку кандидату, но и почувствовать себя частью большого политического сообщества, в котором действуют такие же, как он сам, люди, имеющие единую политическую цель.

Однако далеко не всегда, как показывает политическая практика, умелое использование интернета гарантирует успех. Польский исследователь П. Жукевич отчетливо это продемонстрировал на примере соперничества Юлии Тимошенко и Виктора Януковича во время последней президентской избирательной кампании 2010 г.

Он отметил, что Тимошенко, рассчитывая на поддержку и мобилизацию молодых людей, организовала свою интернет-кампанию образцово: ее интерактивная интернет-страница не была перегружена информацией, на канале YouTube постоянно размещались ее выступления и звучала ее «избирательная» песня, исполненная звездами украинской поп-музыки, она имела собственное konto на социальных порталах Facebook, Twitter и активно вела часто посещаемый и обсуждаемый блог.

По сравнению с активностью в интернете команды Тимошенко, действия штаба Януковича в этой сфере представлялись блеклыми и напоминали 90-е гг. прошлого века [11, с. 108–109]. Несмотря на это, избиратели во втором туре выборов отдали свое предпочтение именно Януковичу. Безусловно, одна из причин этого выбора заключалась в ограниченности распространения сети интернет в Украине. В этих условиях даже идеальная кампания, проведенная в сети, не гарантирует лидеру поддержку, обеспечивающую доступ к высшей позиции в государстве. Но главное в другом – в том, что интернет является одним из факторов, способствующих политической победе, фактором безусловно важным, но не решающим.

Следует отметить, что интернет приобретает особое (ключевое) значение для организации отдельных политических институтов и процессов. Речь идет, главным образом, о новых социально-политических движениях, работающих сетевым образом в международном масштабе (Экологические движения, Феминистские организации и др.), для которых интернет выступает идеальным инструментом управления и координации деятельности их децентрализованных рабочих структур и команд.

И, безусловно, очевиден политический тренд, согласно которому органы государственной власти с каждым годом в возрастающей степени используют интернет-технологии для повышения эффективности собственных действий. Государственное управление с активным использованием электронных средств, интернет-технологий принято называть Электронным правительством (Э-правительство).

В наибольшей степени принципы Э-правительства среди стран Центральной и Восточной Европы были реализованы в Эстонии, в которой уже в 1993 г. были приняты первые правительственные документы, определяющие перспективы развития электронной системы, касающейся сферы оказания публичных административных услуг. Компьютеризация общества была провозглашена по сути дела национальной идеей. В правительстве возник специальный департамент, распоряжающийся значительным бюджетом, предназначенным для реализации инвестиций в сектор интернет-технологий. Была введена система бесплатного доступа к интернету во всех государственных министерствах и департаментах. Начиная с 2000 г., министры используют исключительно электронные документы на заседаниях правительства, а также могут принимать в них участие, используя интернет-сети, находясь за пределами зала заседания. Органы государственной власти этой страны уже перешли на безбумажный документооборот, что только на стоимости бумаги экономит стране около 200 тыс. долл. США в год. В 2001 г. была введена в действие интернет-система, обеспечивающая эффективную циркуляцию информации между гражданами и органами государственной власти. Поэтому неслучайно подавляющее число эстонцев подают налоговые именно е-декларации, а также с помощью интернета голосуют на локальных и парламентских выборах.

Однако подобная эффективность в создании «Э-правительства» на постсоветском пространстве является скорее исключением, нежели правилом. Например, в современной Украине, как подчеркивает Ю. Чеснокова, электронные ресурсы президента, правительства, министерств и ведомств, местных органов власти не в состоянии исполнять функции, являющиеся элементами системы Э-правительства, «не способствуют уменьшению числа бумажных документов, не освобождают кадры чиновников, не избавляют граждан от бюрократического своеволия, не освобождают их от многократного сбора документов и справок для различных служб, а также не уменьшают времени осуществления трансакций с официальными органами». И делается вывод о том, что «подобное состояние вещей является результатом несистемного отношения правительства к проекту электронного правления, что является результатом отсутствия правительственных решений, которые определяли бы институциональную основу Э-правительства, инструментарий и ресурсы его функционирования [12, с. 45–46].

В свою очередь, Россия, несмотря на впечатляющий скачок в рейтинге ООН готовности стран к использованию электронного правительства (2010 г. – 59-я позиция, 2012 г. – 27-я), существенно отстает, тем не менее, в этой области от ведущих стран мира, что обусловлено, по мнению М.Ю. Павлютенковой, действием следующих факторов: 1) непоследовательностью со стороны власти в реализации стратегии формирования электронного правительства; 2) недостаточным развитием нормативно-правовой базы в этой сфере; 3) неравномерностью развития ИКТ в регионах; 4) низким уровнем компьютерной грамотности государственных служащих; 5) отсутствием специальных программ обучения как чиновников, так и граждан по применению технологии Э-правительства и др. [13, с. 92, 95].

Несмотря на интенсивное развитие интернета, многие ученые отмечают, что его политические возможности используются лидерами и социально активными гражданами пока еще недостаточно. Как показывают социологические исследования, к примеру, в современной Польше политические лидеры и их последователи не стремятся к активности и интерактивности в интернете. Так, в октябре 2010 г. (перед выборами в органы самоуправления) социологами были подвергнуты анализу интернет-страницы ведущих польских политиков с целью определить, насколько они ориентированы на передачу информации к гражданам, в какой степени интернет является платформой для коммуникаций с ними. Для анализа были выделены четыре элемента, присутствие или отсутствие которых изучалось на интернет-страницах, а именно: 1) интерактивность, т.е. возможность постоянного контакта с политическим лидером либо с его штабом; 2) актуальность, т.е. сроки актуализации интернет-страницы, а также публикация новейших материалов; 3) креативность, определяемая как наличие «оригинальной идеи на интернет-странице»; 4) доступность, т.е. время, необходимое для ее обнаружения без предварительного знания интернет-адреса.

В результате исследования выяснилось, что политические лидеры все еще редко используют интернет-страницы в своей повседневной деятельности. У некоторых из них появлялись проблемы с легкостью доступа до страницы. Большинство интернет-страниц выглядели чрезвычайно скромно, эстетически блекло, а информация на них размещалась нерегулярно и имела скорее публицистический характер, чем информационный.

Также исследования пользователей интернета, проведенные в рамках проекта World Internet Project 2010, показали, что в Польше большинство пользователей не видит необходимости в политизации сети интернета. Основную часть политической информации поляки черпают не из интернета (50% упоминаний), а из других источников:

телевидения (90% упоминаний), радио, газет, от родных и знакомых. Пользователи интернета также редко участвуют в политических дискуссиях на интернет-форумах или блогах. Среди тех, кто декларирует подобную активность, большинство посвящают ей немного времени – не больше нескольких раз в месяц [11, с. 107–108, 112].

В целом же интеграция интернета в политический процесс является противоречивой, имеющей как свои плюсы, так и минусы. Исследователи по этому поводу придерживаются различных мнений. Мы выше уже вели речь о его позитивных эффектах, подчеркивая, что благодаря интернету потенциально может значительно вырасти объем участия граждан в политических процессах и возможности их контроля над государственной элитой. Одновременно использование интернета в политике вызывает новые риски и угрозы, в особенности применительно к процессам Э-демократии. Тем более что очевидно: в реальности порождаемые ИКТ новые возможности участия граждан в политике с использованием интернета на практике пока не приводят к более активному участию граждан в выборах. Например, в последних выборах в Европейский парламент в очередной раз было отмечено падение числа голосующих во всех странах Евросоюза (с 45,5% в выборах 2004 г. до 45% в – 2009 г.) [11, с. 106].

Некоторые исследователи обращают внимание на постепенное падение уровня интеллекта потребителей интернет-новостей, что негативно влияет на качество осуществляемых ими политических практик. Многие из них испытывают нежелание к поиску ответов на сложные вопросы, некритично, социально инфантильно относятся к отбору политических интернет-сообщений, и, принимая участие в политических кампаниях, выборах, часто голосуют, опираясь на иррациональные (и эмоциональные) мотивы, а не на информацию, полученную из интернета. По этой причине некоторые авторы полагают, что поколение интернета является поколением нарциссов, которых интересует не политика, а собственный меркантильный интерес и стремление к удовольствию. Все это в конечном счете приводит к политической пассивности и превращению Э-демократии в «демократию зондажей и изучения мнений» (Ж. Жафре).

Действительно, многие потребители интернет-сети используют ее позитивным и конструктивным образом для того, чтобы повысить свою политическую квалификацию, получить новую информацию, сформулировать политическую инициативу, осуществить контроль за бюрократией и т.д. Однако очевидно и то, что многие граждане (их большинство) используют интернет только как средство для игр и развлечений, полезной бытовой информации, не обращая внимания на его политические функции.

Кроме этого, очевидна реальная угроза цифрового (информационного) неравенства как внутри отдельных государств, так и за их пределами, которое «означает ограничение возможностей социальной группы или страны из-за отсутствия доступа к современным средствам коммуникации... Цифровое неравенство проявляется не только в форме ограничения доступа к ИКТ из-за низкого уровня экономического развития страны, но и через ограничение доступа населения к сети интернет в отдельных странах мира» [14, с. 77, 80]. В международном контексте страны с более развитыми ИТ-технологиями имеют экономическое, военное и политическое превосходство над другими государствами. Это может проявляться не столько в виде технологического доминирования, но и в качестве угрозы потери национальным государством или содружеством государств контроля за использованием ИКТ на своей территории в результате формирования глобального информационного пространства.

Практически все государства в современном мире, исходя из соображений национальной безопасности, в той или иной мере стремятся контролировать и регулиро-

вать интернет. Так, ныне действующая Директива Европейского союза предписывает хранить протоколы транзакций пользователей в интернете в течение 2 лет. В ЕС, РФ, РБ, РП и США интернет-провайдеры должны обеспечить доступ спецслужб к передаваемой информации. Во Франции в случае нарушения законодательства отдельные интернет-сайты блокируются. В отдельных же государствах (Северная Корея) интернет недоступен не только для населения, но и для властвующей элиты. Большинство же стран стремится локализовать только сайты экстремистского характера.

В авторитарных государствах существуют, однако, и более жесткие формы «упорядочивания» интернета. Так, например, в Ливии эпохи Каддафи функционировал центр прослушивания населения, который контролировал весь сегмент интернета и мобильной связи в стране. Подобная картина зафиксирована и в Сирии, где команда президента страны Башар аль-Асада имеет возможность контролировать интернет, включая и доступ к логинам и паролям своих граждан, открывающий путь к их электронной переписке, страницам в социальных сетях Facebook и Twitter.

Что же касается внутренне-политического контекста, то, как отмечал Л. Белинис, «мы можем утверждать, что если в традиционном обществе XIX и начала XX века была возможна тирания большинства, а в условиях реальной демократии возможна тирания меньшинства, то в условиях Э-демократии вполне возможна тирания одной личности, если эта личность освоит тонкости компьютерной коммуникации и будет обладать необходимыми ресурсами» [3, с. 67, 74]. Следовательно, обеспечение контроля над информационным сегментом является важным фактором утверждения модели политического господства авторитарного типа.

Выводы

Очевидно, таким образом, что влияние интернета на современный политический процесс является существенным, но внутренне противоречивым. С одной стороны, можно отметить, что Э-политика пока еще не приобрела системного качества и в большинстве государств лишь в ограниченной степени имплантирована в процесс принятия политических решений, несмотря на то, что они уже провозгласили своей задачей формирование Э-правительства.

С другой стороны, новые ИКТ не только действуют в соответствии с теми требованиями, которые формирует общество, но и влияют на него с помощью своих технологий, создавая технические и экономические условия для трансформации демократии в направлении утверждения принципов Э-демократии. В этих уже «объективных» рамочных условиях перед субъектами политического процесса стоит задача использования параметров интернета для укрепления позиций социально активного индивида в информационном демократическом обществе, а также минимизации тех его (интернета) проявлений, которые приводят к стимулированию человеческих слабостей и своеобразному политическому отуплению, оглушению и росту инфальтивности гражданина государства.

Важно все-таки отдавать себе отчет, что шансы на расширение политического участия с помощью интернет-пространства только тогда будут использованы, когда все стороны процессов политики – лидеры и их последователи, бюрократы и эксперты, журналисты и массовая публика – согласятся с тем, что интернет является площадкой для взаимной коммуникации и ресурсом, который можно (и нужно) использовать в текущей политической деятельности для усиления принципов демократии и позиций гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинис, Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации / Л. Белинис // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4. – С. 67–81.
2. Зиссер, Ю. Интернет в Беларуси и демократия / Ю. Зиссер // Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов. – СПб. : Невский простор, 2012. – С. 317–341.
3. Пантелей, Н.П. Информационно-коммуникационные технологии Беларуси: задачи, приоритеты, этапы реализации / Н.П. Пантелей // Проблемы управления. – 2012. – № 4. – С. 8–12.
4. Kaase, M. Demokratisches System und die Mediatisierung von Politik / M. Kaase // Politikvermittlung in der Mediengesellschaft (Hrsg. U.Sarzinelli). – Wiesbaden : Westdeutsche Verlag, 1998. – S. 479.
5. Компанцева, Л.Ф. Гендерные основы интернет-коммуникации в постсоветском пространстве / Л.Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2003. – 404 с.
6. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. – М. : «Рефл-бук», 2001. – 352 с.
7. Фаблинова, О.Н. Интернет-социализация молодежи и ее поведение в интернет-пространстве / О.Н. Фаблинова // Весн. Брэсцкага ўн-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2012. – № 2. – С. 162–168.
8. Фаблинова, О.Н. Студенческая молодежь г. Минска: портрет интернет-пользователя / О.Н. Фаблинова // Весн. Брэсцкага ўн-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2013. – № 1. – С. 122–128.
9. Хамутовская, С.В. Значение средств массовой информации для формирования когнитивных ориентаций населения республики Беларусь / С.В. Хамутовская // Весн. Брэсцкага ўн-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2012. – № 2. – С. 155–161.
10. Tapscott, D. Cyfrowa dorosłość / D. Tapscott. – Warszawa : Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne. – 2010. – 450 s.
11. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin SA, 2011. – 440 s.
12. Чеснокова, Ю. Электронный уряд Украіны: сучасний стан та перспективи впровадження / Ю. Чеснокова // Форум: суспільно-політичний журнал. – 2007. – № 1 (4). – С. 45–52.
13. Павлютенкова, А.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы / А.Ю. Павлютенкова // Полис. – 2013. – № 1. – С. 86–97.
14. Пипченко, Н.А. Осуществление политической коммуникации в условиях цифрового неравенства / Н.А. Пипченко // Весн. Брэсцкага ўн-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2013. – № 1. – С. 77–81.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Internet and Contemporary Political Process

In this article the forms and ways of internet influence on the contemporary political process. The specific parameters of internet technologies integrated into the political process are analyzed. The controversy of their political influence, when, from the one hand, internet technologies can stimulate political participation of the citizens, broadening their access to the information; but, from the other hand can narrow it, forming the «psychology of the spectators» is shown. The ways of how the internet determines the political practices, as well as the political aspects of its regulation. More detailed analysis is given to the practice of organizing of E-governance.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.06.2013

УДК 291.13+004.738.5

О.В. Добродум

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Мультимедийные технологии являются одной из характеристик современной эпохи. На данном этапе информационного развития термины «виртуальность», «виртуальная реальность», «виртуализация» переходят из исключительно технического оборота в дискурс философский и религиозный. В данной статье были проанализированы некоторые аспекты виртуализации как конвергентного процесса современной религиозной жизни, охарактеризован феномен виртуализации религии на общем фоне возрастания роли мультимедийных технологий в обществе в целом.

Киберпространство обладает развивающимся религиозным сегментом: в нем находят свою нишу практически все существующие в оффлайне религии, конфессии, движения и деноминации. Виртуализация религии представляет собой сравнительно новый тип существования религии, религиозный Интернет получает все более широкое распространение, учитывая экстерриториальный, трансграничный, наднациональный характер Глобальной паутины.

Виртуализация религии, как и отображение этого процесса в социальной сфере, воспринимается достаточно амбивалентно: от надежд на глобальную демократическую Интернет-революцию и достигнутой благодаря социальным медиа и технологиям религиозную свободу до компьютерного эскапизма, технологического тоталитаризма «единой религии».

Введение

Основные векторы функционирования информационного общества состоят в активном внедрении интеллектуального потенциала динамично развивающегося общества, привлечении high-tech в разные сферы социального производства, в высоком уровне оказания информационных услуг всем слоям населения. Несмотря на разные подходы к анализу этого типа социального устройства, можно выделить присущие ему черты, среди которых: стремительное распространение ИТ, охватывание ими практически всех аспектов социальной инфраструктуры, увеличение информационного сектора в экономике, необходимость овладения навыками работы с новейшими технологиями практически каждым членом социума и пр. Главным фактором социальных изменений становится производство и использование информации.

Мультимедийные технологии являются одной из характеристик современной эпохи. Еще теоретики постиндустриального, информационного общества – М. Маклюэн, М. Кастельс, Э. Тоффлер, Й. Масуда, З. Бжезинский, Д. Белл – предвещали смену технологических эпох в русле эволюционистской теории, констатировали развитие технологий в рамках смены этих сред, предчувствовали фазы их конвергенции и интенсивное распространение визуальной коммуникации. М. Кастельс писал: «Культура интернета – это культура, построенная на техномеритократической вере в прогресс человечества под воздействием техники, принятая сообществами хакеров, развивающимися на основе свободного и открытого технического творчества, внедренная в виртуальные сети, ставящие своей целью построение нового общества» [1].

Проблематика развития инфокоммуникационных технологий и ухода социальной активности в онлайн-сферу стала темой многих исследований, например, таких авторов, как З. Бжезинский, К. Боулдинг, У. Дайзард, Р. Дарендорф, А. Этциони. Критическая традиция анализа информации и средств массовой коммуникации (СМК) нашла свое выражение в работах американского социолога Ч.Р. Милса. Проблематика

культуры и массовой коммуникации занимает видное место в трудах теоретиков Франкфуртской школы: Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера.

Формирующееся электронно-цифровое информационное общество с социальной точки зрения исследуют Д. Белл, Р. Дарендорф, П. Друкер, У. Дайзард, М. Кастельс, М. Маклюэн, Й. Масуда, Э. Тоффлер, А. Турен, В.Л. Иноземцев, В.С. Степин. Социокультурный анализ виртуальной реальности и виртуальных сообществ можно найти в работах Х. Рейнгольда, С. Жижека, Н.А. Носова, С.С. Хоружего и др.

Американский политолог Д. Белл в 1965 г. выдвинул понятие «постиндустриального общества», различные его варианты были впоследствии предложены А. Тоффлером, Дж.К. Гэлбрейтом, У. Ростом, Р. Ароном, З. Бжезинским, Г. Каном и др. [2].

Разновидностью «теории постиндустриального общества» выступает и учение об «информационном обществе». Так «технологический детерминизм» получает свою конкретизацию или трансформируется в некий «информационный детерминизм», развиваемый М. Маклюэном, Е. Масудой и др. По мнению ряда исследователей, в постиндустриальном обществе формируется «инфосфера», которая оказывается определяющей не только в структуре самой «техносферы», но и в структуре общества в целом. Так в информационном обществе появляется «четвертый» сектор экономики – «информационный», который начинает доминировать над остальными тремя: промышленностью, сельским хозяйством и «сервисным сектором».

Все это, по мнению теоретиков «информационного общества», имеет следствием изменение социальной структуры. Так, согласно японскому социологу Й. Масуде, ведущее место в структуре «информационно-компьютерного общества» будет принадлежать «информационным сообществам». «Информационным обществом» будет управлять постклассовая научно-техническая или «кибернетическая элита» (К. Штайнбух): математики, программисты, экономисты; в нем утвердятся принципиально новый тип демократии – «компьютерный» (Г. Краух и др.), или «прямой». Аргентинский философ М. Бурге предлагает в качестве альтернативы капитализму и социализму «холотехнодемократию», или «интегральную технодемократию» [3].

Различные модификации «теории постиндустриального общества» служат отдельным исследователям основанием заявить о наступлении новой эры в истории человечества или новой цивилизации («информационной» или «глобальной»), контуры которой начинают вырисовываться вместе с появлением триединства – спутника, кабельного ТВ и персональных компьютеров (ПК) – и распространением «железных воротничков» (т.е. роботов), пришедшим на смену «белым воротничкам» (т.е. научно-техническим работникам) и «синим воротничкам» (рабочим). Глобальная информационная цивилизация, таким образом, характеризуется установлением единого планетарного информационного пространства, представляющего собой синтез ТВ, компьютерной службы и энергетики, т.е. то, что Дж. Пелтон называет «телекомпьютерэнергетикой» [3].

В современной эпохе «технофобия» присутствует прежде всего в т.н. «антисциентистских направлениях» западной философии, таких, например, как философия жизни и вырастающие из нее экзистенциализм и философская антропология. К технофобам можно причислить и некоторых теоретиков «глобально-экологического катастрофизма», среди которых А. Печчеи, Д. Медоуз, Дж. Форрестер, П. Эрлих, А.Дж. Бахм, Г. Гардин и др.

Интернет сам порой предстает как религия, задавая континуум значений эпохи, являясь методологической инновацией и концептуальным фоном эпохи, знаменуя пришествие глобального медиадискурса и информационной мифологической реальности,

сакральнай/конфessionальнай виртуальнасці і онлайнвай ойкумены. Інфармацыйная картина свету абумашлаваляе стэратыпізацыю камунікатывнага прастранства, выражающуюся, в частности, в медыйным вяденні разных народаў і рэлігій праз тэлевізійны экран ці камп'ютэрны монітор.

Інтэрнет можа прадставіць як нешта свэрхчелавеческае (с точки зрэння тэхналагічнага гностыцызма, і Бог, і Машина явяляюцца воплошчэннем высшай рацыянальнасці, адсутнасці нізавых эмоцый і чалавеческіх інстынктаў: Машина – гэта, некаторым абразам, Бог без «Id» З. Фрэйда), як трансцэндэнтальная перспектыва і тэхнічная дыаконія ў свеце, як віртуальны свет артефактаў і інфармацыйны космас, інтэгральны фактар, фарміруючы ідэнтычнасць ХХІ в.

Віртуальная рэальнасць некаторымі таксама ўспрымаецца і як нешта недачелавеческае і дада інфернальнае ў русле разважанняў Э. Фромма аб некрофіліі, як воплошчэнне «Thanatos» ў тэрміналогіі З. Фрэйда. Здаць жа, палязуючы канцэптуальным наследдзем псіханалізу, можна прадставіць, як грядучыя архетыпы high-tech ўстаюць із глыбін каллектыўнага бессознатальнага, фарміруюць будучыя змяненні ў рэлігійнай сфэры жыцця грамадства ў мультымедыйным кантэксце, ў ІТ-гомагенізацыі рэлігійнага прастранства, ў дыснейлендзізацыі рэлігій, ўпрыхіваю амерыканізацыю інфармацыйнага прастранства.

В ХХІ в. тэндэнцыю актуалізацыі навучнага інтарэса к праблемам віртуалізацыі можна адзначыць у спецыялістаў ў разных абласцях: так, напрыклад, ў рэлігійнаведэнні Э.І. Мартынюк прадпалажыў тэрмін «віртуалізацыя» для абазначэння аднаго із канвэргентных працэсаў ў рэлігійнай жыцці, абзначаючага ўзрастанне ролі кібернетычных СМІ і ўключаючага ў сябе рад аспектаў. Сярод іх указанне на плуралізм віртуальных свету, выкарыстанне камп'ютэрнай сеткі як сродства цэнтралізацыі рэлігійнай і царкоўнай жыцця і стварэнне магчымасці для аўтанамізацыі ўсіх узроўняў носьбітаў рэлігій (групы, індывідуума і т.д.), з'яўленне віртуальных рэлігій, фарміраванне праблемы «Бог і камп'ютэр», новы спосаб адображэння рэлігійнай жыцця ў Інтэрнете, новацыі, звязаныя з выкарыстаннем магчымасцяў камп'ютэра, звязі між камп'ютэрнай залежнасцю і рэлігійным вопытам [4].

Цель даследавання. Учытваючы вопыт развіцця зарубежнай і адчэсвеннага мыслі, даследавальскія парадыгмы, канкуруючыя ў рамках прадметнага поля сацыяльнага філасофіі, аўтар ставіць цэлю канцэптуалізацыю рэлігійнай жыцця ў яе мультымедыйным вымярэнні. С дапамога атрыманых даных прадпалажаецца даследаваць механізм функцыянавання дыгталнага рэальнасці ў абласці рэлігій.

Матэрыял і метады

Об'ект даследавання – сацыяльны феномен віртуалізацыі рэлігій. Прадметам работы з'яўляецца мультымедыйнае ўспроізводство рэлігійных адношэнняў.

Тэарэтыка-метадалагічную аснову даследавання прадставленнасці мультымедыйных тэхналогій ў рэлігійнай жыцці могуць склаваць агульнапрынятыя прынцыпы філасофіі, історыі і акадэмічнага рэлігійнаведэння: сусветназренчэскага і метадалагічнага плуралізма, непредубежденнасці і гуманізма, кампаратывнасці і незаангажыраваннасці, ідэалагічнага і рэлігійнага многаобразія, толерантнасці і внеконфessionальнасці, светскосці і міжконфessionальнага дыялога. Камунікацыйны падыход к грамадству, канцэпцыі тэарэтыкаў інфармацыйнага грамадства Д. Белла, М. Кастельса, М. Маклюэна, Й. Масуды і пр. дапамагалі раскрыццю сутнасных характэрыстык віртуалізацыі рэлігійных адношэнняў.

В исследовании обозначенной тематики могут быть задействованы методы: конкретно-исторический и междисциплинарного синтеза, комплексного анализа философских и религиоведческих источников и приемы исследовательской работы смежных научных дисциплин: методы индукции и дедукции в философии и этнорелигиозные в политологии, социологические методы анализа эмпирических данных, в частности, контент-анализ и метод включенного наблюдения, и теоретико-журналистская методология как методологическая база проведения количественных и качественных исследований СМИ. В качестве частнонаучных методов могут быть использованы проблемно-хронологический и историко-генетический, системно-структурный и критического анализа философских источников, социально-феноменологического анализа и визуальной антропологии. Исследование может опираться на концептуально-дискурсивный, системно-хронологический и проблемно-конфессиональный подходы к научному осмыслению явлений и событий религиозной жизни.

Многочисленность лакун, белых пятен и недоработанность религиозной тематики в XXI в. в виртуальном пространстве в целом обусловили мультикультуралистский методологический подход данной работы на грани научных дискурсов и на стыке наук, а также синергетическую парадигму данной научной отрасли, когда проблема, предмет и объект находятся в состоянии неопределенности. High-tech предстают вызовом религиоведческой и философской науке XXI столетия, предвзяря появление новых методов философского исследования.

Исследование виртуализации религии может опираться на ряд методов, выработанных классической, неклассической и постнеклассической философией: экзистенциально-трансцендентально-психоаналитический и метод религиозно-философской компаративистики, проблематизации и концептуализации религиозно-философского материала, контекстуальный и интерпретационный, информационный и мифологический, ретроспективный и футурологический.

Влияние виртуального пространства на религиозную жизнь возрастает экспоненциально, потому теоретико-методологической базой философского исследования Интернета предстают положения технократически и рационалистически ориентированных теорий коммуникативного действия, постиндустриального, информационного, сетевого общества и концептуальные построения антитехнократически и постнеклассически настроенного постмодернизма.

На этапе интернет-поиска могут использоваться методы научной эвристики, анализа и синтеза, сравнительный, описательный, систематизации, классификации и критики источников. Метод виртуальных полевых исследований включает непосредственное наблюдение мультимедийной фиксации и экспликацию изучаемой тематики в онлайн-энциклопедиях и виртуальных мирах, блогах и форумах, компьютерных играх и флэшмобе, кинематографе и мультипликации, вирусах и спаме и пр.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время происходят трансформации социальной реальности, обусловленные проникновением ИТ в религиозные процессы. Мир вступает в информационную эпоху своего развития [5]. Этот процесс начался в XX в., когда получили распространение инновации: фотография, кинематограф, телефонная связь, радиовещание, ТВ и мультимедийные технологии.

Релятивизируя континуум пространственно-временного мира, религиозный Интернет пренебрегает такими ранее непреодолимыми преградами, как государственные

границы, языковые барьеры, стратификационные идентификации и пр. Это является причиной поиска виртуального мира как лучшего из миров. Как уже отмечалось, своеобразной моделью медиального сетевого консьюмеристского мегасоциума выступает Матрица, что может свидетельствовать о складывании идеологии нетократизма и нетократической философии.

Складывающаяся ситуация способствует дискурсу идеологии сетевого либерализма, либертарианской идеологии, полицентризма, политеизма, мультикультурализма и «кнопочной демократии». В Сети существует множество приложений, позволяющие зачислять Священные Писания в цифровые устройства. Симбиоз религии и технологий приводит к странным результатам: все больше людей просят хоронить или кремировать их вместе с сотовыми аппаратами и гаджетами. Эта «мода», начавшаяся в ЮАР, распространилась на США и другие страны.

Религиозный характер восприятия Глобальной паутины можно проиллюстрировать и сетевым фольклором: «Добро пожаловать в программу установки Windows. Откиньтесь в кресле, расслабьтесь, закройте глаза, и молитесь» [6]. «Ритуал любителя компьютерных игр: садясь за компьютер, надо обязательно перекреститься (нажать на клавиатуре «стрелка вверх – стрелка вниз – стрелка вправо – стрелка влево»); и со словами «ну, с Богом» можно отправляться в ад» [7]; «Говорят, скоро появится новый компьютерный вирус «Инквизитор». Он будет проверять веб-страницы на богословскую безупречность и иногда выдавать сигнал: «Alert! На сайте обнаружена ересь! Вам нужно немедленно покинуть этот сайт, а затем перезагрузить и переосвятить компьютер» [8].

Пришествие «человека кликающего» предвещает эпоху, когда биотехнологии соединятся с информационными для слияния сознания и искусственного интеллекта, в которой жизнь человека станет исключительно информационной, появится сверхчеловеческий интеллект и будет достигнуто цифровое бессмертие. Так, сайт lifonaut.com предлагает создать резервную копию себя, существует проект «личный геном» на сайте personalgenomes.org, а общественное движение «Россия 2045» (сайт www.2045.ru) ставит конечной целью создание искусственного тела человека, а промежуточными – создание искусственных органов, разработку способов продления жизни. Подобные сингулярные и технофутурологические рефлексии нормальны для современных людей. Так, среди опрошенных американцев 81% полагают, что компьютеры начнут разговаривать так же, как люди; 42% верят, что ученые будут сканировать человеческий мозг и читать мысли [9].

Высказываются предположения, что к 2030 г. настанет эра постчеловека и трансгуманизма, произойдет интеграция оффлайна с онлайн, настольных игр с компьютерными, человека и техники, мозга и биотехнологий, нейронов и микросхем; распространенными темами научного дискурса являются технологическая сингулярность, генная инженерия, симбиоз разных форм интеллекта, робототехника и пр.

В ситуации постмодернизма религия некоторым образом перемещается в Матрицу, а великий либерально-гуманистический проект предстает исчерпанным. Говорится о формировании постчеловечества, киборгах и мультирасовых андрогинах, химиках-мутантах и спиритах – существах, перенесших сознания в виртуальность и обитающих в электротоннелях, о заключении браков с компьютерами [10] и роботами [11], а также превращении робота в священника [12].

В эпоху виртуальной реальности, электронной цивилизации, интернетизации и дигитализации компьютерная программа может восприниматься как зародыш Сверхума, электронные существа – как ангелы, становится знаковой возрастающая вплетен-

ность компьютеров в саму структуру жизни, появление невидимой интеллектуальной сети в форме компьютеринга и чипизации. В киберпространстве постепенно формируется трехмерная Вселенная с виртуальными религиями, происходит объединение человеческого и искусственного интеллекта, появление нейрорелигии. Человечество все более осознает свое нахождение внутри компьютерной симуляции, трехмерные видеокамеры создают эффект полного присутствия, следствием чего является возрастающая релятивизация конфессиональных границ.

Заклучение

Виртуализация религии может способствовать погружению религии в релятивизм, приводя к семантическим и герменевтическим смещениям как реализации проблематики мирской религиозности масс-медиа. Новые религиозные медиа, web 3.0, мультимедиаконвергенция могут обеспечивать физикализацию виртуальных разновидностей религии с помощью веб-сенсорных устройств, компьютерные программы для медитаций, мандалы в 3D, видео-, аудио-, графические паломничества, 3/4/5D-туры по святым местам и видеопаломничества.

Как сторонники теорий «информационного общества» предстают технофильски и технофобски ориентированными, так и рядовые пользователи воспринимают киберпространство в достаточно амбивалентных коннотациях – от оптимистических до пессимистических, от обожествляющих до демонизирующих, а Интернет уподобляется орудию ангелов и демонов, божественных и inferнальных сил,рая и ада. Религиозный Интернет развивается все более интенсивно: конструируется компьютерный язык, распространяется феномен флэшмоба, а Всемирная сеть воспринимается как прообраз и модель ноосферы.

В то же время виртуализация религиозной жизни требует разработки адекватного исследовательского инструментария, наличия академического дискурса и экспертного сегмента развития Глобальной паутины при условии реализации принципов синергетичности, мультипарадигмальности в социогуманитарных науках, междисциплинарности научных исследований в целом и Интернет-сообществ в частности. Философия религии насыщается медийностью, будь то письменный текст или изображение, аудиоили видеоряд, включающий документальный кинематограф, электронные источники, онлайн-артефакты. Сетевая философия, или философия виртуальной реальности, становится субдисциплиной философской науки, рост роли медиа-структур и СМИ детерминирует развитие системы мобильного глобального геопозиционирования и коммуникационный менеджмент государственной власти. Наступает период непосредственного включения виртуализации в общий контекст философских исследований. Одним из актуальных аспектов данных исследований и является феномен представленности мультимедийных технологий в современной религиозной жизни

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе ; пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – С. 80.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М. : Академия, 1999.
3. Аль-Али, Н.М. Философия техники : очерки истории и теории / Н.М. Аль-Али. – СПб. : А-принт, 2004. – С. 142.

4. Мартинюк, Е. Конвергентні процеси у релігійному житті другої половини ХХ століття / Е. Мартинюк // Компаративістські дослідження релігії: наука і релігія, проблеми діалогу. – Одеса : Наука і техніка, 2002. – Вип. 1. – С. 37–49.
5. Hoover, S.M. Mass Media Religion: The Social Sources of the Electronic Church / S.M. Hoover. – Newbury Park, California : Sage, 1988.
6. Hoover, St.M. Practicing Religion in the age of the media: exploration in media, religion, and culture / St.M. Hoover and L.S. Clark. – N.Y. : Columbia University Press, 2002.
7. Soukup, P. The Influence of Information Technologies on Theology / P. Soukup, F.J. Buckley, D.C. Robinson // Theological Studies. – 2001. – № 62.
8. Porter, D. Internet Culture / D. Porter. – N.Y., 1997.
9. Анекдоты. – Режим доступа : <http://www.femina.com.ua/page7/razdel3/anek199.html>.
10. Анекдоты из России. – Режим доступа : <http://www.anekdot.ru/id/192305/>.
11. Мозаика. «Лоскутки». Из зарисовок протоиерея Всеволода (Чаплина) // Interfax-Religion. – 2006. – 21 нояб.
12. Американцы боятся скорого начала третьей мировой войны и ждут Второго пришествия Христа : опрос // Interfax-Religion. – 2010. – 23 июня.
13. Блондинка вышла замуж за ноутбук // Руформатор. – 2010. – 20 янв.
14. «Церковь джедаев» обвенчала американку с R2D2 // Interfax-Religion. – 2010. – 24 авг.
15. Свадебную церемонию провел... робот! – Режим доступа : <http://www.newstube.ru/media/svadebnyu-ceremoniyu-provel-robot>.

Dobrodum O.V. Multimedia Technology in the Contemporary Religious Life

Multimedia technology is one of the characteristics of the modern era. At this stage of the Information Development, the terms «Virtuality», «Virtual Reality», «Virtualization» » move from exceptive technical use into the Philosophical and Religious studies discourse. In this article some aspects of the Virtualization as a Convergent process of the Contemporary Religious life are analyzed, the phenomenon of Virtualization of Religion in the background of increasing of the role of multimedia technology in the Society as a whole is characterized.

Cyberspace has a developing Religious segment: almost all of the existing offline-Religions, Confessions, Movements and Denominations are finding a niche in it. Virtualization of Religion is a relatively new type of the existence of Religion; Religious Internet is becoming more widespread, given extraterritorial, cross-border and supranational nature of the Global Web.

Virtualization of Religion, as a reflex of this process in the Social sphere, is perceived quite ambivalent: from the hopes on a global democratic Internet-revolution and achieved thanks to the Social Media and Technology Religious Freedom to the computer escapism, technological totalitarianism «of the total Religion».

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.06.2013

УДК: 32.019.51

С.М. Алейникова

**«ВУЛЬГАРНОЕ ПОНИМАНИЕ СВЕТСКОСТИ» –
ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ИЛИ НОВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ?**

В статье рассматриваются проблемы множественности подходов и интерпретаций светскости государства в действующем законодательстве, научной литературе, выступлениях представителей Русской православной церкви. Автором делается вывод о формировании в российском религиозно-политическом пространстве вариативной модели интерпретаций светскости, предполагающей подготовку необходимого общественного мнения, предшествующего, как правило, разработке и внедрению дискуссионных законодательных инициатив.

Введение

Политизация религии, активное участие Русской православной церкви (далее – РПЦ) в процессах конструирования новой идентичности и формирования религиозно-политического единства российского общества все чаще влекут отсылки к конституционно закреплённому принципу светскости государства, вызывая острую полемику в обществе.

РПЦ, на сегодняшний день не обладая полномочиями, позволяющими нивелировать данную конституционную норму, становится перед необходимостью переориентации смысла и восприятия категории светскости, адаптировав ее к задачам своей текущей деятельности, политическим запросам и реалиям. В этой связи предметом изучения в статье является ряд интерпретаций понятия светскости в действующем законодательстве, научной литературе, выступлениях представителей РПЦ. Здесь и далее все цитаты приведены со ссылкой на один источник – официальный сайт РПЦ [1].

Светскость «правильная» и «неправильная»

Анализируя выступления представителей РПЦ, в которых присутствует обращение к категории светскости, следует отметить преимущественно негативную оценку конституционной нормы, предусматривающей светскость государства. Принцип отделения церкви от государства характеризуется как «неверная», «ложно понятая» и «неправильно понимаемая» трактовка, которая «односторонне перетолковывается» и тем самым обуславливает «утрированное», «жесткое, буквалистское», «своеобразное» понимание светскости. Выявление же «правильного», с точки зрения православной церкви, понимания светскости значительно затруднено отсутствием единого подхода и множественностью трактовок светскости прежде всего внутри самой РПЦ.

Так, например, глава РПЦ Патриарх Кирилл объясняет причину провала введения в российских школах «Основ православной культуры» (далее – ОПК) следствием «неверной трактовки... понятия светскости государства». В данном контексте в понимании Патриарха «светское» и «нерелигиозное» равнозначно «атеистическому»: «наши сограждане должны знать, что светская этика – это нерелигиозная, то есть атеистическая мораль», «это атеистическая, нерелигиозная этика».

Светское же (атеистическое) оценивается Патриархом однозначно негативно в русле общей тенденции российской идеологии по демонизации советского прошлого: «А что такое светская этика? Некоторые путают светскую этику со светским этикетом и думают, что будут преподаваться правила поведения: как правильно есть, как сидеть,

как галстук повязывать. Но в этом курсе предложат нечто иное – будет преподаваться атеистическая мораль, как та, что мы с вами изучали в советское время».

Подобную трактовку светскости можно обозначить как наивную и поверхностную, однако в других заявлениях Предстоятель РПЦ призывает «не ставить знак равенства между светскостью и нерелигиозностью», интерпретируя светскость «как идеологическую и мировоззренческую нейтральность», что вызывает вопросы о последовательности и корректности выстраивания Патриархом соответствующего ассоциативного ряда.

Председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского Патриархата В. Чаплин заявляет об «утрированном» и «по-советски примитивном» понимании светскости, в то же время представляя собственную, достаточно неоднозначную конструкцию, последовательно отождествляя светскость:

- 1) с религией;
- 2) с научным мировоззрением;
- 3) с секуляризмом.

В частности, светское мировоззрение отождествляется В. Чаплиным с научным, которое, однако, также «своего рода религия, что базируется на культе человека, и лишь один из возможных человеческих выборов» и поэтому «является одним из вариантов религиозного выбора». Секуляризм соответственно выступает одновременно и как «достаточно длительный исторический эпизод», и «как идеология», и как «мировоззрение»: «секуляризм – это не нейтральное мировоззрение, а лишь один из вариантов мировоззренческого выбора». По существу, нивелирование дифференциации представлений о фундаментальных различиях основных общенаучных и философских категорий влечет отождествление В. Чаплиным: а) светскости (принципа), б) секуляризма (концепции, идеологии) и в) секуляризации (процесса).

Следует отметить, что в церкви присутствуют и другие подходы к пониманию светскости. В частности, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет высказывал несогласие с тем, что «светскость равнозначна атеизму»: «Такое мнение находится в противоречии единой стратегической устремленности Церкви, общественности и государства, – устремленности к формированию полноценной личности».

Аналогичной позиции придерживается Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, отмечая «неоправданно низкий процент выбора» ОПК, но заявивший, что «светскость – совсем не синоним «атеизма». При этом митрополит Меркурий уточняет понятие светскости в контексте распределения полномочий: «в этом смысле школа не отделена от Церкви. И в светской школе есть, говоря научным языком, сфера совместной компетенции государства и Церкви». С точки зрения Митрополита Волоколамского Илариона, светское также «не синоним атеистического». В то же время митрополит предлагает очередную отсылку к советскому прошлому, не раскрывая смысла светскости: «В советское время нам внушали, что атеизм – это некая общая идеология, а религия есть частное дело отдельных заблуждающихся людей».

Таким образом, анализируя выступления представителей РПЦ, в которых присутствует обращение к светскости, приходится констатировать множественность интерпретаций и отсутствие единого понимания светскости прежде всего внутри самой РПЦ. Однако в конечном же счете все многочисленные характеристики светскости сводятся к дихотомии «неправильное – правильное». «Правильное» понимание светскости, по видимому, предполагает одностороннее отделение государства от религии и ограничивается принципом невмешательства государства в дела церкви. Церковь же, однако, предусматривает за собой аналогичное право по отношению к государству, вплоть до

неподчинения действующему законодательству, обозначенному как возможность «мирного гражданского неповиновения»: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении». Соответственно, церковь подвергается резкой критике и оставляет за рамками рассмотрения правовую, научную и другие «неправильные» трактовки светскости.

Светскость: правовой, научный, политический аспекты

В рассматриваемом контексте логическим завершением дискурса о содержании светского представляется заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости ухода от «вульгарного примитивного понимания светскости». В этой связи актуальным становится рассмотрение существующих в настоящее время конституционных правовых границ светскости, закрепленных в действующем законодательстве, научно-практических комментариях Конституции, научной литературе.

Отсутствие нормы о светскости государства в белорусском законодательстве дает основание обратиться к российским правовым источникам.

Так, статья 14 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип светскости государства: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Кроме этого, п. 6 ст. 3 Закона Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает «светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность».

Приведенные нормы согласуются с провозглашенной ст. 28 Конституции РФ свободой совести и вероисповедания и закрепленной ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантией равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии. Свобода совести, являясь неотъемлемым личным правом человека, включается в группу важнейших прав и свобод, составляющих основу статуса гражданина, и находит признание в конституциях демократических стран. В таком правовом контексте она предстает как свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного/нерелигиозного восприятия действительности. Различия в мировоззренческих позициях, проявляющиеся в ходе реализации свободы совести, влияют на общий социальный статус индивида или социальной группы, определяют один из срезов социальной дифференциации общества. В демократическом государстве свобода совести традиционно характеризуется равным правовым статусом граждан независимо от наличия или отсутствия у них какого-либо вероисповедания, свободу выражения религиозных и атеистических взглядов, равенством всех религий (религиозных объединений и организаций) перед законом.

В некоторых странах наряду со свободой совести законодательно закреплен принцип светскости – государства, образования и т.д. Анализ научно-практических комментариев Конституции Российской Федерации, а также научной литературы позволяет уточнить содержание и рамки светскости, сложившиеся на сегодняшний день в политико-правовом поле России и Беларуси. Обобщая, их можно обозначить как нейтралитет (безразличие) государства по отношению к любой религии, а также взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в дела друг друга [2, с. 96; 3, с. 164]. Т.Ф. Акчурина кратко сформулировала светскость как принцип «взаимной свободы»: государства от религии и религии от государства [4, с. 57].

В правовом измерении принцип «взаимной свободы» может быть охарактеризован следующими основными положениями. Светскость государства предполагает отсутствие прямого государственного финансирования религиозных организаций; недопустимость обязательного вероисповедания; отсутствие религиозных судов общей юрисдикции; непризнание религиозных норм и актов в качестве источника права. Деятельность органов государственной власти не должна сопровождаться публичными религиозными обрядами и церемониями, а должностные лица не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии и др. [5, с. 31; 6, с. 89; 9].

Обращает на себя внимание, что в более поздних комментариях уже появляется утверждение, что «светское государство нельзя понимать как безоценочное, мировоззренчески нейтральное, не отдающее предпочтение вообще никакому мировоззрению», однако основные правовые характеристики светскости соответствуют приведенным выше [7, с. 57].

Л.Е. Земляков предлагает дифференцированный подход, рассматривая многоаспектность светскости государства как: 1) основы конституционного строя; 2) политико-правового принципа; 3) политико-правовой характеристики государства; 4) политико-правового института; 5) политико-правового требования; 6) системы политико-правовых отношений; 7) политико-правового процесса. Системообразующими же элементами политико-правового института светскости государства являются отделение религиозных организаций от государства, а также недопустимость установления обязательной для граждан идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп [8, с. 32–33].

Таким образом, принцип светскости и отделения церкви (религиозных организаций) от государства можно обозначить как взаимное невмешательство в деятельность друг друга, обеспечиваемое юридически закрепленным разграничением сфер полномочий, прав и обязанностей сторон, т.е. четким разделением их компетенции.

Следует отметить, что подобная позиция согласуется с формулировкой, содержащейся в «Основах социальной концепции РПЦ» – программном документе РПЦ, предлагающем достаточно четкое определение позиции Церкви относительно принципа светскости, который «предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга».

Заключение

Анализ законодательства, научно-правовых комментариев и официальных документов РПЦ позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день официальная церковная и политико-правовая характеристики светскости государства в целом совпадают, что вызывает вопросы относительно:

- а) обоснованности дискуссий по данной проблеме;
- б) наличия в российском обществе адекватного представления о существующих правовых границах принципа светскости государства;
- в) знакомства отдельных представителей РПЦ с соответствующими положениями Основ социальной концепции и другими программными документами самой РПЦ.

В то же время формулирование итогового тезиса о «вульгарном примитивном понимании светскости» дает основание говорить о последовательном формировании в религиозно-политическом пространстве вариативной модели интерпретаций светскости,

предполагающей возможное нивелирование данной конституционной нормы и дальнейшее ужесточение российского законодательства в сфере свободы совести.

Границы нового понимания светскости, механизмы замещения восприятия «неправильной» трактовки на «правильную» лишь предстоит обозначить, что, по-видимому, станет в ближайшее время актуальным предметом научной разработки в рамках общественно-политических дисциплин в перспективе развития нового этапа конституционного развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru>. – Дата доступа : 15.07.2013.
2. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А.С. Автономов [и др.] ; рук. авт. коллектива и отв. ред. В.А. Четвернин / Центр конституц. иссл. Моск. обществ. науч. фонда. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1997. – 702 с.
3. Конституция Российской Федерации : науч.-практ. коммент. / Т.Е. Абова [и др.] ; под ред. Б.Н. Топорнина / Ин-т гос-ва и права РАН. – М. : Юристъ, 2003. – 830 с.
4. Акчурина, Т.Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) / Т.Ф. Акчурина // Пространство и Время. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
5. Борисов, А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с комментариями Конституционного суда Рос. Федерации / А.Б. Борисов. – М. : Книжный мир, 2009. – 271 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации ; под общ. ред. Л.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Новая правовая культура, Проспект, 2009. – 520 с.
7. Конституция Российской Федерации. Постатейный науч.-практ. коммент. Коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина / под рук. Е.И. Козловой. – М. : Библиотечка РГ, 2009. – 382 с.
8. Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. – Т. 1 : Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – 292 с.
9. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497//>. – Дата доступа : 25.09.2013.

***Aleinikova S.M.* «Vulgar Understanding of Good Breeding» – Political Mythopoeetry or a New Way of Development?**

In the article problems of plurality of approaches and interpretations of good breeding of the state in the current legislation, the scientific literature, statements of representatives of Russian Orthodox Church are considered (examined). The author judges formation in the Russian political space models of interpretations of the good breeding supposing preparation of a necessary public opinion, previous development and to introduction of debatable legislative initiatives.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.10.2013

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ РАСШИРЕНИЯ ИНДУСТРИИ ОТДЫХА И РЕКРЕАЦИИ

В статье рассматривается глобализация, приводящая к развитию и внедрению новых телеинформационных технологий, обеспечивающих оперативную передачу информации непосредственно пользователю. Эффективность использования таких технологий является вызовом для современного субъекта на рынке, субъекта, вынужденного вести так называемый электронный бизнес, с применением в своей деятельности современных систем и носителей информации. Влияние информационных технологий на развитие туризма находит подтверждение в наиболее актуальных отчётах Европейской комиссии по вопросам путешествий. Современные информационные технологии с успехом используются на всех этапах деятельности туристического предприятия – изучения мотиваций путешественников, индустрии отдыха и рекреации, рынка туристических услуг, на этапе проектирования туристического пакета, а также рекламы и реализации туристических продуктов. Главенствующая роль при этом отводится глобальной сети Интернет, активное присутствие в которой во многом определяет возможности субъекта туристической деятельности.

Современные направления развития в теории и практике обслуживания туристического движения тесно связаны с увеличением значения информации в жизни человека, а информация же, в свою очередь, характеризуется увеличением доступа к ней и использованием современных коммуникационных технологий. В отчёте, представленном Международной организацией по туризму (WTO), об общих тенденциях развития туризма до 2020 г. рассмотрены новые факторы, характеризующие туризм XXI в. [1]. Среди упоминаемых в отчёте глобальных тенденций особого внимания заслуживает тот факт, что многие из них прямо или косвенно связаны именно с информацией:

- 1) выбор пунктов назначения туристических маршрутов будет осуществляться с помощью информационных технологий;
- 2) использование атласов на CD-ROM и Интернет-экскурсий по номерам гостиниц с целью выбора места путешествия;
- 3) очевидная поляризация вкусов клиентов, их разделение на тех, кто стремится к комфорту, и на тех, кто основным приоритетом считает посещение объектов живой природы;
- 4) большая забота о внешнем виде пунктов назначения туристических маршрутов, являющихся первоначальным условием дифференциации и увеличения привлекательности для туристов.

Влияние информационных технологий на развитие туризма находит подтверждение также в наиболее актуальных отчётах Европейской комиссии по вопросам путешествий (European Travel Commission – ETC). Здесь на основе результатов исследований развития европейского туризма в 2004 г. говорится о росте на 34% по сравнению с 2003 г. числа мест, забронированных в режиме реального времени. Прошедшее десятилетие показало, что эта тенденция не только сохранилась, но и набирала силу в течение всех последующих лет вплоть до настоящего времени [2]. Решающее значение в определении направлений развития рынка туристических услуг имеет прогресс в сфере использования передовых информационных технологий, в том числе компьютерных и телекоммуникационных. Обеспечение общего доступа к использованию информационных систем и различных методов сбора, анализа и переработки информации вызвало настоящую революцию в области теории и практики обслуживания туристического движения.

Как известно, повсеместное развитие информационных технологий предоставляет производителям туристических услуг новые возможности для активной деятельности. Интерактивное телевидение, Интернет, а также сети мобильной связи становятся основными носителями маркетинговой информации, а удаленность мест потребления от мест закупки и связанная с этим необходимость перемещения туристов в интересующем их направлении приводят к тому, что туристическая отрасль становится одним из крупнейших бенефициариев технологической революции и современных технологий передачи информации. Благодаря этим технологиям даже небольшой туристический регион может не только приобрести большую популярность, но и популяризировать и обеспечивать эффективную продажу всего того, что он может предложить потенциальным туристам по всему миру: гостиницы, музеи, фестивали, народные гуляния, конгрессы и прочие элементы туристического предложения.

Развитие Интернета предоставляет возможность продажи туристических услуг (в том числе услуг, предлагаемых гостиницами, авиалиниями и т.д.) непосредственно от производителя этой услуги. Новинкой на рынке авиаперевозок стало использование так называемых электронных авиабилетов, представляющих собой лишь электронную запись, использующуюся не только крупными корпорациями, но и мелкими европейскими фирмами, в частности, так называемыми дешёвыми авиалиниями: EasyJet Лондон и AirJet Париж, AirPolonia и пр. Несмотря на такие всё ещё имеющиеся ограничения, как, например, медленная работа коммуникационных сетей или отсутствие (в основном с точки зрения клиентов) полной безопасности информации, Интернет всё шире и шире используется практически в каждом секторе сферы туризма как поставщиками туристических услуг, так и самими клиентами. Чаще всего Интернет используется (равно как и в других сферах экономики) для презентации и просмотра предложений услуг на информационных серверах WWW. В настоящее время трудно себе представить туристическое бюро без использования возможностей электронной почты как оперативного и дешёвого способа общения не только с компаниями, но и чаще с клиентами.

В Соединённых Штатах Америки туристическая сфера одна из первых начала использовать на профессиональном уровне возможности Интернета. Например, уже в далеком 2001 г. около 36% продаж в Интернете были связаны с туризмом и путешествиями, и именно эта сфера опередила такие отрасли, как продажа через сеть Интернет компьютерного оборудования (15%), одежды и аксессуаров (10%), канцтоваров (8%), электронного оборудования (6%) и книг (4%).

Европа также убеждается в эффективности покупок в режиме реального времени. Очевидна тенденция быстрого приспособления к новым экономическим условиям стран Северной Европы в отличие от стран Южной Европы, где использование Интернета продолжает оставаться на более низком уровне. Результаты проведённых исследований показывают, что все бюро в последние годы (начиная с 2000 года) в контактах с клиентами используют Интернет. Если в начале XXI в. более чем половина фирм использовала модем для подключения к сети Интернет, то в настоящее время 100% туристических фирм пользуются постоянным доступом ко всемирной паутине [2].

Туристическая информация в гостинице

Туристическая информация в гостинице необходима прежде всего проживающим в ней гостям. Эти услуги в основном оказывает администрация, а в больших отелях гостиничное бюро обслуживания клиентов. Информация предоставляется также случайным гостям, попавшим в гостиницу, которые в будущем могут стать её клиента-

ми. Часто на основе первого и единственного контакта работники гостиницы участвуют в её рекламе, формируя позитивное или негативное мнение о ней. Поэтому исключительно важна роль информатора, который призван позаботиться об уровне и качестве информации, а также о том, чтобы информация об отеле была актуальной. Минимальный объём туристической информации в гостинице включает следующие аспекты:

1) информация, касающаяся отеля (это прежде всего полная информация об оказываемых услугах);

2) информация о местности, в которой располагается отель.

В хорошо управляемых отелях, как правило, принято предоставлять клиентам по их просьбе данные из телефонных справочников, путеводителей по городу, карты города и пригородов, расписание движения общественного транспорта. Особенно важна информация о туристической привлекательности местности (краеведческие достоинства и возможности отдыха), которая очень часто является решающей при выборе гостиницы. В распоряжении информируемого должна быть также информация о культурно-массовых мероприятиях (репертуар кинотеатров, театров, концертных залов), а также туристические и спортивные предложения местных спортивных центров о возможностях занятий спортом и проводимых спортивных мероприятиях).

3) информация об окрестностях;

4) информация о стране (например, карты, путеводители по Беларуси; расписание движения поездов и самолетов; перечень пунктов туристической информации).

Информация может поступать регулярно, в том числе из ближайшего пункта туристической информации. В то же время многое зависит от собственной инициативы самой гостиницы и сотрудника информационного пункта. Источником такой информации могут служить пресса, местная администрация, туристические организации и объединения, культурные, спортивные и образовательные центры. В настоящее время в отелях используется программа «INFOTU», которая позволяет ввести в память компьютера всю подобную информацию.

Руководство отеля приобщают сотрудников гостиницы к пониманию необходимости представления на ресепшн глубокой, разноплановой и актуальной туристической информации. Это могут быть стойки и лотки с туристическими буклетами, местные газеты, рекламные материалы о предстоящих культурных и спортивных мероприятиях, планируемых для проведения в данной местности. Информационный пункт может также заниматься продажей карт, путеводителей, альбомов и фильмов о жизни города и его окрестностей, а также продажей сувениров.

Задача туристического информатора заключается также в обеспечении «присутствия» отеля в различных путеводителях и отраслевых журналах, благодаря чему отель приобретает будущих клиентов. Дополнительной услугой, которую может предложить гостиница, является поиск по просьбе гостей информации в сети Интернет, копирование издаваемых бюллетеней, метеопрогнозов, биржевых публикаций и т.п. Сеть Интернет позволяет также сотрудничать с туристическими бюро и другими гостиницами путём обмена информацией и заказов, подготовки совместных предложений и мероприятий. Именно быстрая информация часто является решающим моментом в достижении успеха, поскольку по корректности и эффективности оценивается гостиница в целом.

Предоставление информации в туристических бюро

Предоставление информации о возможностях достижения целей туристических выездов, информации о продаже и резервировании билетов на средства перевозки, про-

даже гостиничных ночлегов и их резервировании, продаже ресторанных, санаторно-курортных, паспортно-визовых услуг, покупке и продаже иностранной валюты и т.п. является актуальным предметом деятельности туристического бюро. Туристические бюро выстраивают информационную систему в виде рекламы пространства туристических достопримечательностей, а также рекламирования продаж путём участия в отраслевых ярмарках и выставках. Потребность в туристической информации будет востребованной:

- 1) при осуществлении планов выезда;
- 2) при подготовке конкретного путешествия;
- 3) во время путешествия.

Клиент туристического бюро получает бесплатно информационные документы в виде иллюстрированных брошюр и каталогов, которые содержат информацию, касающуюся местности, региона, страны, а также расположенных в них туристических достопримечательностей. Бюро путешествий также снабжают информацией клиентов, планирующих самостоятельные выезды. Предоставление информации способствует формированию новых туристических потребностей, создает психологический комфорт, связанный с гарантией услуг, возможностью выбора соответствующего пакета туристических услуг и экономией времени, необходимого для организации туристического выезда.

Итак, в сложившихся современных условиях роста и сложности туристического спроса, а также в условиях экспансии дифференцированных продуктов туристического сервиса, направленной на сегменты мини-рынка туристических услуг, турбизнес получает импульс для дальнейшего развития именно в сфере использования информационных технологий. Оперативная идентификация нужд клиентов и расширение клиентской базы с помощью индивидуализированной и актуальной информации является залогом успеха на рынке организации обслуживания туристического движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Режим доступа : http://books.google.by/books/about/Tourism_2020_Vision.html?id=pQ1PAAAAMAAJ&redir_esc=y.
2. Режим доступа : <http://www.etc-corporate.org/market-intelligence/tourism-trends.html>.

Yakavuk T.I. Information Technologies as a Mechanism for Expansion of the Industry of Rest and Recreation

Globalization leads to a development and adoption of new telecommunication and information technologies, providing the fast transfer of information straight to its users. The efficiency of the application of such technologies is a challenge for the contemporary subject acting at the market, and forced to carry out electronic business applying contemporary systems and information media. The impact of information technologies on the development of tourism is reflected in the actual EU-commission reports on travelling. Contemporary information technologies are successfully applied at all the stages of activity of the tourist organization – travelers' motivation research, rest and recreation industry, tourist services market, at the stage of tourist package planning, as well as at the stage of advertising and sales of tourist products. Internet, as a global network, plays a major part in these processes, and the active presence in this global network significantly redetermines the possibilities of the tourist activity subject.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2013

УДК 338.48-44(477:476)

О.Ю. Бордун

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОТОКОВ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И БЕЛАРУСЬЮ

Освещено состояние туристических потоков между Украиной и Беларусью. Проанализированы статистические показатели стран и городов с наиболее интенсивными туристическими обменами. На основании коэффициента туристических обменов определены тенденции формирования туристических потоков и перспективы дальнейшего сотрудничества.

Целью данной публикации является освещение геопространственных особенностей размещения и динамики туристических потоков между Украиной и Беларусью, которые благодаря выгодному географическому положению и транспортной доступности имеют много общего, в частности, в развитии туристической сферы, а также факторов, влияющих на развитие международного туризма.

Исследование проблем и перспектив формирования и развития международного туристического обмена между Украиной и Беларусью предполагает решения следующих задач: 1) анализ современного состояния международного туризма; 2) изучение основных тенденций формирования туристических потоков между Украиной и Беларусью; 3) определение факторов, существенно влияющих на развитие международных туристических связей; 4) оценка туристического потока с помощью математических показателей и структурного анализа; 5) описание географической конфигурации сложившихся туристических потоков между Украиной и Беларусью; 6) определение факторов, тормозящих развитие туристических потоков между двумя странами.

Проблемы развития международного туризма исследовали как украинские, так и белорусские ученые. Туристическую привлекательность западноукраинских земель в контексте развития международного туризма изучали А.В. Кузишин и Я.А. Мариняк; основные направления и структура туристических потоков из Украины в другие страны и их регионы освещены в публикациях М.П. Мальской, И.В. Черниной. Зарубежные ученые А.Ю. Александрова, О.В. Вавилова, М.Б. Биржаков, Дж. Уокер, Дейл Тейлор, Крис Холовей исследовали состояние международного туризма [4].

Современный международный туризм как приоритетное направление развития социальной сферы принято разделять на два вида: въездной, или иностранный, и выездной, или зарубежный. Они отличаются направлениями туристических потоков. Один и тот же туристический поток между двумя странами для одной будет определяться как въездной, а для другой как выездной.

Под туристическим потоком понимается направление перемещения определенного количества туристов за определенный промежуток времени. Основными статистическими показателями, характеризующими туристические потоки, являются количество прибытий, туристические доходы и расходы, а также продолжительность пребывания. Важнейшими статистическими показателями, характеризующими туристические потоки Украины, являются количество жителей, посетивших другие страны с туристической целью, и количество туристов – граждан других стран, прибывших в Украину. Из-за того, что администрация Госпогранслужбы Украины во второй показатель включает транзитных посетителей, которых Всемирная туристская организация (ВТО) не относит к категории туристов, определить долю представителей зарубежных стран в об-

щем количестве туристов трудно. Чтобы сделать расчеты более точными, используем соотношение количества зарубежных и иностранных туристов Украины, рассчитанное на основании данных официальных источников (таблица 1) [5].

Таблица 1 – Динамика крупнейших международных туристических потоков между Украиной и ее соседями (2007–2012 гг.)

Страны	Прибытия, тыс. чел.											
	2007		2008		2009		2010		2011		2012	
	Въезд	Выезд	Въезд	Выезд	Въезд	Выезд	Въезд	Выезд	Въезд	Выезд	Въезд	Выезд
Россия	7249	5785	7628	5610	6954	4982	7881	4543	9018	5475	9526	5941
Молдова	3998	1505	4417	1893	4337	1989	4057	1048	4072	2221	4849	2174
Беларусь	2918	1506	3406	1243	2984	1036	3056	1218	2644	1581	3091	1637
Польша	4428	4380	5240	2246	2542	2954	2085	3279	1720	5102	1404	5765
Всего	23073	17335	25392	15499	20741	15334	21123	13310	21415	19773	23012	21432

Туристические потоки между Украиной и Беларусью отличаются существенным преобладанием въездного потока из Беларуси в Украину (рисунок 1) [5].

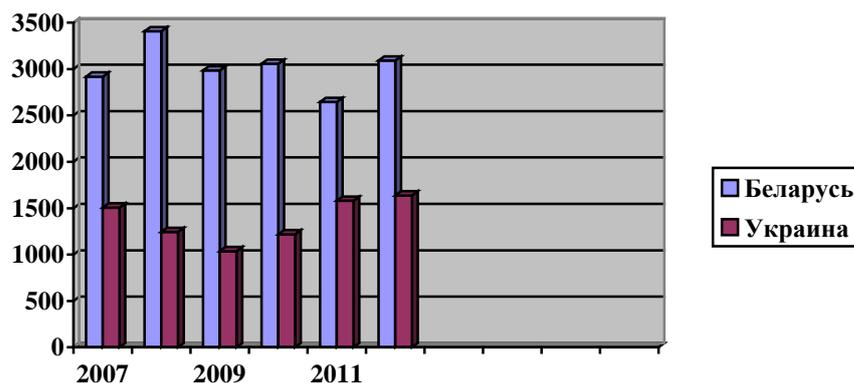

Рисунок 1 – Динамика туристических потоков между Украиной и Беларусью

Количественный перевес белоруссов обусловлен частыми посещениями украинских городов и особенно Крымского полуострова с туристической и лечебно-профилактической целями. В остальном туристические потоки Украины сохраняют традиционную внутреннюю структуру, в которой преобладают туристы из России: во въездном потоке – 38%, в выездном – 31% (рисунок 2) [5]. Беларусы занимают третью позицию после россиян и молдаван по количеству прибытий в Украину (14%). В то же время украинцы в Беларусь отправляются гораздо реже, и соответственно их соотношение составляет 7% от всего количества граждан Украины, выехавших за границу.

Рисунок 2 – Структурные особенности въездного и выездного туристических потоков Украины в 2010 г.

Особенности туристических потоков, их социально-экономическое значение для развития туризма в регионе характеризуют как количественные, так и качественные показатели: 1) соотношение между количеством прибывших в исследуемую страну иностранных туристов и количеством ее граждан, выехавших в данную страну с туристической целью; 2) доля соответствующих категорий туристов в общем количестве международных туристов в регионе; 3) общие социально-экономические тенденции соответствующих международных туристических потоков. Одним из таких показателей является коэффициент туристических обменов I :

$$I = \frac{N_i - Z_i}{N_i + Z_i}, \quad (1)$$

где N_i – доля иностранцев, прибывших из i -й страны и посетивших регион (страну) с туристической целью в общем количестве иностранных туристов; Z_i – доля граждан страны, посетивших i -ю страну с туристической целью в общем количестве зарубежных туристов региона (страны) [1]. Значение этого показателя может колебаться в пределах от -1 до $+1$. Отрицательное значение показателя свидетельствует о доминировании выезда туристов над прибытием иностранцев. Такое состояние международного туризма в регионе не способствует развитию его собственного туристического комплекса, ведь созданный здесь туристический продукт не потребляется. Если значение показателя приближаются к 0 , значит интенсивность прибытий из i -й страны сопоставима с интенсивностью выезда в указанную страну. Положительное значение коэффициента туристических обменов свидетельствует о преобладании прибытия иностранцев над выездом граждан Украины за границу. Такая ситуация считается привлекательной для региона, так как способствует интенсификации потребления созданного здесь туристического продукта и повышению эффективности деятельности местного туристического комплекса. Граничных значений коэффициент достигает в редких случаях [3, с. 65].

Согласно данным Госпогранслужбы, наблюдается динамическое преобладание количества иностранцев, посетивших Украину, над количеством зарубежных туристов из Украины. Это относится и к белорусам (рисунок 3) [6].

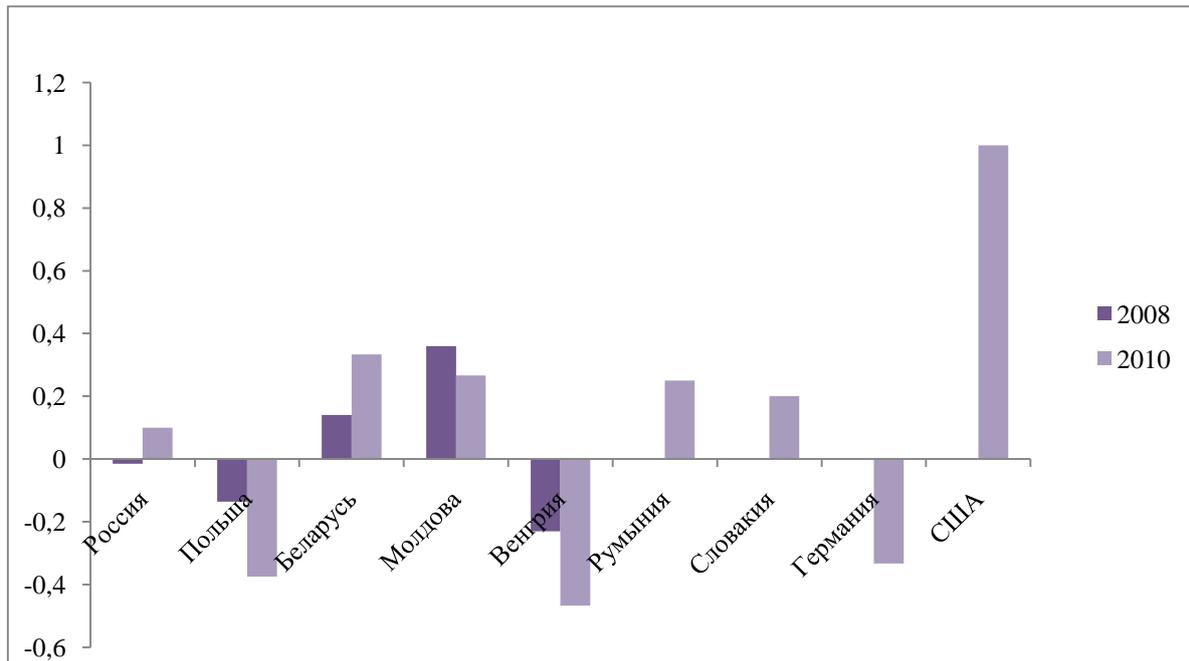

Рисунок 3 – Динамика коефициента туристических обменов между Украиной и странами-соседями в 2008–2010 гг.

Согласно белорусским источникам, на 1 января 2013 г. в «пятерку» наиболее привлекательных для белорусских туристов стран входят Россия, Украина, Болгария, Греция и Египет. На долю этих стран приходится почти 90% от общего числа организовано выезжающих за рубеж белорусских туристов. В 2012 г. из Беларуси за рубеж организовано выехало 492,8 тыс. туристов, что в 1,5 раза больше по сравнению с 2011 г. В страны СНГ организовано выехали 157 тыс. человек, в другие страны – 292,7 тыс. человек, что больше показателя 2011 г. соответственно в 1,5 и 1,6 раза. Туристов, организовано выезжающих из Беларуси, по-прежнему больше, чем посещающих республику. В 2012 г. на каждого прибывшего иностранного туриста приходилось четыре белоруса, выезжавших за рубеж (в 2005 г. – шесть). В 2012 г. в республику прибыло 118,7 тыс. туристов, что на 2,3% больше, чем в предыдущем. Из стран СНГ прибыли 96 тыс. человек (на 11,5% больше, чем в 2011 г.).

Лидирующие позиции по количеству организованных туристов сохраняют Россия – 94,2 тыс. человек (увеличение на 12,3%) и Украина – 1,4 тыс. человек (снижение на 14,9%). Лидерами среди других стран по числу посещений республики являлись Германия, Италия, Латвия, Литва, Польша, Соединенное Королевство, Турция. На долю этих стран в 2012 г. проходило 62,7% от общего числа туристов из стран, не входящих в СНГ (в 2011 г. – 59,2%).

Сокращается время пребывания иностранных граждан в Беларуси, так в 2012 г. иностранные туристы в среднем пребывали в Беларуси 4 дня, что на один день меньше, чем в 2011 г.

Геопространственные особенности туристических потоков зависят от развития транспортной, в том числе пограничной транспортной инфраструктуры. Пограничная транспортная инфраструктура отличается от общей транспортной инфраструктуры страны более сложным и разнообразным хозяйством, которое выполняет ряд специфиче-

ческих функций, связанных с пересечением границы. Особым точечным элементом пограничной транспортной инфраструктуры является пограничный пункт пропуска (ППП) через государственную границу. Пункт пропуска – это специально выделенная на железнодорожных, автомобильных станциях, в морских и речных портах, аэропортах (на аэродромах) территория с комплексом зданий, сооружений и технических средств, используемых для пограничного, таможенного, ветеринарного, экологического, санитарно-карантинного и других видов контроля, а также для пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов и другого имущества.

Пункты пропуска классифицируются:

1) *по категориям*: международные (пропуск через государственную границу граждан и транспортных средств любых государств); межгосударственные (пропуск через государственную границу граждан и транспортных средств Украины и сопредельного государства); местные (пропуск через государственную границу граждан Украины и сопредельного государства, проживающих в пограничных областях (районах) и транспортных средств, им принадлежащих); 2) *по видам сообщения*: для автомобильного, железнодорожного, морского, пешеходного, воздушного, паромного и речного; 3) *по характеру транспортных перевозок*: пассажирские, грузовые, грузо-пассажирские; 4) *по режиму функционирования*: постоянные и временные; 5) *по времени функционирования*: круглосуточные и работающие в определенное время [1].

Больше всего пунктов пропуска на западной и северной границах Украины. При общей протяженности внешней границы Западноукраинского пограничья (ЗУП) 1 830 км один железнодорожный ППП обслуживает 91,5 км границы. На каждую область ЗУП в среднем приходится по три железнодорожных ППП. Количество пунктов пропуска зависит от многих факторов: от протяженности границы; природных особенностей; исторических предпосылок; социально-экономических условий.

Согласно общей классификации, автомобильные пункты делятся на международные, межгосударственные и упрощенные (местные). На сегодня ЗУП обслуживается 45 автомобильными пунктами пропуска через государственную границу. В среднем один пункт обслуживает 40 км границы. Больше всего пунктов пропуска размещено на украинско-белорусском пограничье – 27 ППП (рисунок 4, таблица 2).

Таблица 2 – Характеристика пунктов пропуска на украинско-белорусской границе

№ п/п	Пункт пропуска/контроля		Вид сообщения	Категория пункта пропуска, режим работы	Характер перевозок	Область, район
	Украина	Беларусь				
1	Сеньковка	Веселовка	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Городнянский
2	Щорс	Тереховка	железнодорожный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Щорский
3	Горностаевка	Терюха	железнодорожный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Репкинский
4	Новые Яриловичи	Новая Гута	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Репкинский
5	Дереины	Андреевка	автомобильный (до 3,5 т), пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Черниговская, Городнянский
6	Ильмовка	Глыбоцкое	автомобильный (до 3,5 т), пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Черниговская, Городнянский

№ п/п	Пункт пропуска/контроля		Вид сообщения	Категория пункта пропуска, режим работы	Характер перевозок	Область, район
	Украина	Беларусь				
7	Добрянка	Поддобржанка	автомобильный (до 3,5 т), пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Черниговская, Репкинский
8	Каменка	Лоев	речной	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Черниговская, Репкинский
9	Неданчичи	Иолча	железнодорожный	международный, местный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Репкинский
10	Славутич	Комарин	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Черниговская, Черниговский
11	Вильча	Александровка	автомобильный	межгосударственный, круглосуточный, местный	грузовой, пассажирский	Киевская, Полесский
12	Выступовичи	Словечно	железнодорожный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Житомирская, Овруцкий
13	Выступовичи	Новая Рудня	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Житомирская, Овруцкий
14	Майдан-Копищенский	Глушкевичи	автомобильный	межгосударственный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Житомирская, Олевский
15	Переброды	Ольманы	автомобильный, пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Ровенская, Дубровицкий
16	Удрицк	Горынь	железнодорожный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Ровенская, Дубровицкий
17	Городище	Верхний Теребежов	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Ровенская, Дубровицкий
18	Вичевка	Трушино	автомобильный, пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Ровенская, Заречнянский
19	Прикладники	Невель	автомобильный	межгосударственный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Ровенская/Заречнянский
20	Дольск	Мохро	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская/Любешовский
21	Самары	Дивин	автомобильный	межгосударственный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская, Ратновский
22	Доманово	Мокраны	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская, Ратновский
23	Тур	Сушитница	автомобильный (до 3,5 т), пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Волынская, Ратновский
24	Заболотье	Хотислав	железнодорожный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская, Ратновский
25	Гута	Отчино	автомобильный, пешеходный	местный, 8.00–20.00	пассажирский	Волынская, Ратновский
26	Пища	Олтуш	автомобильный	межгосударственный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская, Шацкий
27	Пулемец	Томашовка	автомобильный	международный, круглосуточный	грузовой, пассажирский	Волынская, Шацкий

Рисунок 4 – Пограничные пункты пропуска и основные туристические потоки украинско-белорусского пограничья

Пункты пропуска, расположенные на украинско-белорусской границе, характеризуются средним по интенсивности пассажиропотоком, поскольку ведущие к ним дороги нуждаются в существенном улучшении. Учитывая объемы сотрудничества Украины с Беларусью, функционирование многих пограничных пунктов пропуска признано нецелесообразным. В частности, предлагается законсервировать такие пункты, как Буд-ки-Каменские, Грязево, Переброды, Вычевка, Неньковичи (Ровенская обл.), Горки, Ветлы, Щетинская Воля, Самары, Тур, Хрипск (Волинская обл.). Почти все они размещены на грунтовых дорогах, что создает значительные неудобства владельцам автомобилей. Вывести пункты пропуска из консервации можно будет после завершения строительства автодорог [1]. Наиболее интенсивные туристические потоки из Беларуси в Украину следуют автострадой М-14, проходящей по территориях Беларуси, Украины и Молдовы. Автострада обслуживается лишь одним пунктом автомобильного сервиса, расположенным на территории ЗУП в Черновцах. Планируется построить новые пункты автомобильного сервиса в районе сёл Доманово и Воля Любытковская (Волинская обл.) [1]. Пересекать государственную границу в пунктах пропуска автомобильного транспорта можно как с использованием транспортных средств, так и пешком. Упрощенное пересечение государственной границы в пунктах пропуска разрешено для местного сообщения пешком или на транспортных средствах, а для международного и межгосударственного сообщения – по специально выделенным и оборудованным направлениям. Украина и Беларусь имеют возможность осуществлять обмен туристами при помощи авиатранспорта, так как оба государства обладают широкой сетью аэропортов. Белорусская сеть аэропортов охватывает практически все крупные города: Брест, Витебск, Гродно, Минск, Могилёв, которые имеют прямые рейсы в украинские аэропорты (таблица 3) [9].

Таблица 3 – Динамика пассажиропотока международных аэропортов Украины

№	Название аэропорта	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Динамика
1	Борисполь	5,793,500	6,691,800	8,029,400	8,468,900	5,5%
2	Симферополь	751,000	841,200	963,800	1,113,900	15,6%
3	Донецк	488,100	612,200	829,300	1,000,000	20,6%
4	Одесса	650,900	707,100	824,300	907,600	10,1%
5	Жуляны	10,000	29,000	469,800	861,900	83,5%
6	Львов	452,300	481,900	296,900	576,000	94%
7	Харьков	196,200	243,200	308,500	501,500	62%
8	Днепропетровск	330,500	341,400	426,300	444,200	4,2%
9	Запорожье			56,900	56,700	-0,4%
10	Луганск	33,960		49,400	51,100	+3,4%
11	Ивано-Франковск	96,000			31,700	-72,7%
12	Черновцы			27,300	27,300	0%
13	Николаев			18,500	22,900	+23,8%
14	Винница				10,200	+150%
	ВСЕГО	9,054,900	10,271,500	12,464,800	14,100,000	13,2%

Кроме обслуживания пассажирских потоков пункты пропуска занимаются переправкой производственной продукции. Сальдо экспортно-импортных операций Украины с Беларусью является отрицательным и составляет 599,97 млн долл. США. Общий объем экспорта товаров и услуг из Украины в Беларусь составлял 2 030,87 млн долл. США и увеличился по сравнению с 2009 г. на 687,11 млн долл. США, или на 51,1% (товарами – 1 899,2 млн долл. США; больше по сравнению с 2009 г. на 640,26 млн долл. США, или на 50,9%). Общий объем импорта товаров и услуг из Республики Беларусь в Украину составлял 2 630,84 млн долл. США и увеличился по сравнению с 2009 г. на 894,71 млн долл. США, или на 51,5% (товарами – 2 567,59 млн долл. США; увеличился по сравнению с 2009 г. на 874,76 млн долл. США, или на 51,7%).

Основными статьями импорта в Украину за этот период остаются энергоносители (60,0% общего объема импорта товаров); продукция машиностроения (13,7%); продукция химической промышленности (10,9%); металлургическая продукция (4,2%); продукция АПК (4,1%). Основной целью визитов белорусов в Украину выступают частные поездки. Из общего количества 2 062 027 белорусов, посетивших Украину за 9 месяцев 2011 г., 1 900 тыс. (87%) приезжали как частные лица. Туризм как цель назвали 100 тыс. белорусов, а служебные и деловые поездки – 26 000 белорусов (рисунок 5).

Рисунок 5 – Цель поездок белорусов в Украину

Результаты проведенного сотрудниками Министерства курортов и туризма Автономной Республики Крым социологического опроса среди приезжих отдыхающих свидетельствуют: наиболее интенсивные туристические потоки белорусов следуют в Крым

(около миллиона от общего турпотока в 2012 г., который составил 5,3 млн человек. Кроме того, исследование помогло определить основные предпочтения курортников [7]. В 2012 г., как и раньше, туристы чаще всего добирались в Крым самым дешевым видом транспорта – поездом (хотя по сравнению с 2009 г. увеличивается количество прибывших в Крым на автомобилях и самолетах – 24,6 и 7,7% соответственно). Услугами железнодорожного транспорта, наоборот, воспользовалось меньше туристов: если в 2009 г. на поездах в Крым приехали 71,6% приезжих, то в 2012 г. – около 67,7%.

Среди опрошенных туристов большинство оказались жителями Украины (63%). Летом полуостров посетили 3,3 млн украинцев. Немало желающих понежиться на крымских пляжах оказалось и среди жителей СНГ (35%), причем наибольший поток наблюдался из России. На третьем месте по посещаемости – белорусы (22%). В то же время общий поток иностранцев за последние четыре года снизился с 2,7 до 2% [7]. Вторым после Крыма по привлекательности для белорусов является город Киев. Особенностью туристического потока из Беларуси в Киев является преобладание делового и служебного туризма. Третьи по объему туристические потоки белорусов устремлены в город Львов, Львовскую область. Согласно данным Львовского центра туристической информации (ЦТИ), белорусы занимают ведущие позиции по количеству посещений Львова.

Маркетинговое исследование, проведенное ЦТИ Львова, позволило определить следующие особенности [8]:

1. Целью своих поездок 75% белорусов назвали отдых и развлечения, 25% – служебную командировку.

2. При планировании путешествия во Львов наиболее популярным среди белорусов источником информации является интернет (71,4%), значительно меньше черпают информацию из СМИ (28,6%), столько же полагаются на собственный опыт.

3. По продолжительности пребывания белорусов следует отнести к кратковременным посетителям: 62,5% находятся во Львове 1–4 дня и только 37,5% – 5–7 дней, больше чем на неделю белорусы во Львове не остаются.

4. Во Львов белорусы добираются как поездом, так и собственным автотранспортом – по 37,5%, а 25% используют рейсовый автобус.

5. При выборе жилья 75% белорусов отдают предпочтение арендованной квартире, 12,5% останавливаются у родственников или у друзей.

6. Белорусы не являются весьма щедрыми в расходовании денег на отдых в Украине, в частности, во Львове. Средняя сумма расходов, приходящаяся на одного белоруса – 227 евро (по сравнению с другими иностранцами является минимальной).

7. На вопрос «Посетите ли Вы Львов еще раз?» 87% белорусов ответили «Точно да», 12,5% – «Скорее да». Рекомендовать посещение Львова готовы 100% белорусов.

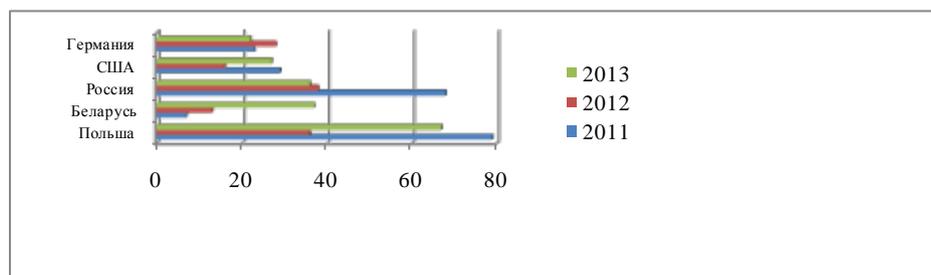

Рисунок 6 – Динамика количества обращений в Центр туристической информации города Львова (2011–2013 гг.)

Неутешительной является динамика белорусов, оздоровленных на львовских курортах, которые в конце 1990-х гг. были очень популярными среди белорусского населения. Белорусский сегмент потребителей существенно снизился из-за поднятия цен на услуги после приватизации большинства из них, что подтверждают показатели, характеризующие деятельность санаторно-курортных заведений Львовщины (таблица 4) [2].

Таблица 4 – Показатели обслуживания белорусов отелями и санаторно-курортными заведениями Львовщины

Показатель	2000	2005	2007	2008	2009	2010
Экспорт туристических услуг белорусам, тыс. долл.	–	2,2	5,9	76	43,4	38,7
Количество белорусов, оздоровленных в санаторно-курортных заведениях	12 229	4 837	4 581	4 973	5 497	5 035
Экспорт санаторно-курортных услуг белорусами, тыс. долл.	1 274	1 533	2 119	2 702	2 361	2 263
Доходы отелей от обслуживания белорусов, тыс. долл.	14,2	82,53	165,54	356,9	238	356

Анализ геопространственных особенностей и тенденций туристического обмена между Украиной и Беларусью послужил основанием для следующих выводов:

1. Наблюдается существенный перевес количества белорусов, посещающих Украину, над количеством украинцев, посещающих Беларусь (на 1 млн человек), в то время как экспортно-импортный обмен между этими странами демонстрирует противоположную тенденцию (600 млн долл. минус для Украины).

2. Использование транспортных средств для обеспечения туристического обмена между Украиной и Беларусью зависит как от вида туризма, так и от расстояния.

3. Туристические потоки с деловой и служебной целями направляются в основном в столицы (Киев и Минск) и областные центры: Гомель, Витебск, Гродно, Брест Республика Беларусь) и Луцк, Львов, Ровно, Чернигов (Украина). Для делового туризма используются более дорогие виды транспорта: авиационный, автомобильный, – реже железнодорожный.

4. Туристические потоки с целью оздоровления и лечения направлены исключительно из Беларуси в Украину с конечными пунктами в Крыму и южных областях Украины – Одесской и Николаевской. Второе направление – это Западная Украина, где расположены многие бальнеологические и климатические курорты. Максимальный туристический поток белорусов, осуществляющих поездки с оздоровительной целью, зафиксирован в 2012 г. в Крыму – около миллиона отдыхающих. Популярность бальнеологических курортов Львовской области по сравнению с 90-ми гг. XX в. значительно снизилась; в то же время увеличивается посещаемость белорусами Карпатских климатических курортов, расположенных в горной местности и привлекающих своими живописными ландшафтами. Люди, путешествующие с оздоровительной целью, обычно используют наиболее дешевый вид транспорта – железнодорожный. Именно стоимость является определяющим фактором при планировании длительного путешествия, которое для обычного белоруса обходится очень дорого.

5. Туристические потоки с познавательной и образовательной целью устремляются в основном к памятникам архитектуры, развлекательным заведениям и интересным природным объектам. Нередко такое посещение объединяется в одном туре. При-

тягательными познавательными объектами для белорусов в Украине являются замки, крепости, монастыри и другие сакральные сооружения, расположенные преимущественно в Киеве и городах Западной Украины: Луцке, Львове, Каменце-Подольском, Тернополе, Почаеве. Для познавательных туров чаще всего используются туристический автобус или собственный автотранспорт, позволяющие останавливаться на ночлег в непосредственной близости от интереснейших объектов.

6. Туристические потоки белорусов в Украину со спортивно-оздоровительной и экстремальной целями в основном направляются в Карпаты, Закарпатье и Приднестровье, где расположена самая большая в Украине система пещер, среди которых и Оптимистичная – самая длинная карстовая пещера Европы. Популярность такого сравнительного молодого вида туризма, как спелеотуризм, растет среди молодежи. Не менее популярен среди молодых людей и горнолыжный туризм. В Украине базы горнолыжных курортов широко представлены в Карпатах и Закарпатье, некоторые из расположенных здесь украинских курортов успешно конкурируют с европейскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордун, О.Ю. Транспортна інфраструктура Західноукраїнського прикордоння: економіко-географічне дослідження : автореф. дис. ... канд. географ. наук / О.Ю. Бордун. – Львів, 2003. – 19 с.
2. Готельне господарство та туризм у Львівській області : зб. ст. ; відп. ред. М.П. Пинда. – Львів : Гол. упр. статист. у Львів. обл., 2011. – 109 с.
3. Костащук, В.І. Сучасний стан міжнародного туризму між Україною та Італією (на прикладі Чернівецької області) / В.І. Костащук // Географія та туризм : наук. зб. ; ред. кол.: Я.Б. Олійник (від. ред.) [та ін.]. – Київ : Альтерпрес, 2010. – Вип. 16. – С. 63–74.
4. Мальська, М.П. Просторові системи послуг (теорія, методологія, практика) : монографія / М.П. Мальська. – Київ : Знання, 2009. – 363 с.
5. Туристичні потоки [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.km.ukrstat.gov.ua/ukr/statinf/tur/tp_r.htm.
6. Електронний ресурс. – Режим доступу : http://dpsu.gov.ua/ua/static_page/52.htm.
7. Електронний ресурс. – Режим доступу : <http://crimea.kp.ua/daily/190912/356936/>.
8. Електронний ресурс. – Режим доступу : <http://tourism.info>.
9. Електронний ресурс. – Режим доступу : http://uk.wikipedia.org/аеропорти_України.

Bordun O. Geospatial Especially International Tourism Flows Between Ukraine and Belarus

In the article the modern state of tourist flows between the Ukraine and Belarus is highlighted. Statistics data about the state of inbound and outbound tourism in the regions are analysed. On the basis of the coefficient of tourist exchanges major trends in the formation of tourist flows are determined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.06.2013

УДК 572.028

А.А. Горбацкий

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.*

В белорусской антропологической науке отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию хозяйственно-культурных образов в XVI в. Автор данной статьи попытался частично восполнить указанный пробел, обратившись к содержанию инвентарей. В статье показаны историко-антропологические особенности развития Ивановского района Брестской области во второй половине XVI в. Анализируются особенности формирования хозяйственно-культурного образа района после проведенных реформ королевой Боной, а также как изменился стиль жизни жителей Ивановского района. Сделаны выводы о том, что в рамках складывающейся новой формы экономических отношений и одной культуры, где существовали собственные нормы и правила, появляются и новые подходы к учету и раздаче земли.

Введение

С точки зрения социально-культурной антропологии, любая территория в первую очередь является культурным ландшафтом, рассматриваемым в хозяйственной, текстовой, визуальной, культовой, правовой и других категориях. Человек на этой территории характеризуется не как предмет или биологическое существо, а как активный субъект, создающий определенный стиль поведения и формирующий свое представление о мире. В основе такого утверждения лежит концепция культуры, которая связана с механизмом общественной передачи культурных ценностей и образов, которые, в свою очередь, оказывают влияние на структуральные изменения мира или на создание о нем представлений. Антрополог хочет понять не только, как люди жили на определенной территории, чем на ней занимались, но также хочет понять, как формировали это пространство в соответствии со своими представлениями и что для этих людей было смыслом жизни. Антрополог также показывает, как каждая социальная группа формировала или формирует в сознании членов своей среды понятия о космосе, земле, о конкретной территории проживания. Важным является и период, выбранный для исследования. Чем ниже антрополог опускается по хронологической лестнице, тем тяжелее ему становится проводить свои исследования.

Хозяйственно-культурный образ территории является выражением культуры и основной категорией общественной жизни. Этот хозяйственно-культурный образ часто оказывает влияние на разнообразие статуса и роли общества, воссоздает или реконструирует также общественную иерархию, стили жизни или системы власти. При исследовании любого исторического периода антрополога интересуют также отношения между людьми, соотношение уровня их умственных способностей и эмоций с хозяйственно-культурным образом своей территории. Такое понимание хозяйственно-культурного образа конкретной территории дает возможность отнести восприятие и изучение исследователем человека к главной теоретической задаче, а изучение значения хозяйственно-культурного образа определить одним из главных методологических заданий социально-культурной антропологии. Все вышесказанное дает возможность ученому глубже исследовать историко-антропологические особенности Малой Родины.

* Работа выполнена в рамках хоздоговорной темы Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина и Ивановского исполнительного комитета «Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район»

«Временные» рамки нашего периода охватывают вторую половину XVI в., поэтому исследовать хозяйственно-культурный образ Ивановского района можно только на основании анализа архивных документов и различных печатных изданий.

История возникновения исследовательского направления «Антропология Малой Родины»

Заинтересованность городским образом жизни как элементом цивилизации, а также желание определить особенности городской жизни с межкультурной точки зрения позволили в середине XX в. собрать небольшую группу ученых в Тимбукте (США) для определения целей и методов исследования. Антропологи сами выезжали в города, оставались там на определенное время для проведения исследований. Для этого было несколько причин. Экзотические сообщества, которым антропологи обычно уделяли внимание и которые описывали как третий мир, все чаще оставляли свои деревни и переселялись в города. Города быстро расширялись, а порой строились новые. Исследователей это волновало, вызывало интерес, и они не могли пренебречь этим явлением.

В 50-е годы XX в. характерным для США было наличие однородного зажиточного общества, но ученые уже указывали на прирост среднего класса и появление в связи с этим конформизма. В 60-е годы XX в. учеными было отмечено появление новых этнических различий, обращалось внимание на появившиеся проблемы, которые культурологическим языком называли так: «проблемы городских территорий».

В это же самое время в Европе международные эмигранты, которые выезжали на заработки, и в меньшей степени наплыв беженцев после политических переворотов изменили характер многих городов. Правительства и политики начали поиск ответов на главный вопрос: «Как трактовать и понимать сложившуюся ситуацию?». Антропологи же, в свою очередь, заявили, что могут принять участие в поиске ответов на этот главный вопрос. Однако от присутствия антропологов в городах и до появления антропологии городских территорий необходимо было внести изменения в понятийный аппарат. В первую очередь требовалось определить новую коллективную идентичность как академическую специализацию, а также повсеместно и быстро ввести в научный оборот название «антропология города». К этому названию требовалось обоснованное содержание. Все это было сделано в 70-е годы XX в. В 1968 г. выходит первая монография с названием «Антропология города». С 1972 г. стал выходить журнал «Urban Anthropology». Сегодня антропологи города создали собственные направления в своих институтах, издают монографии, организуют конференции, на которых представляют результаты своих исследований.

Что дает для науки и для правительств развитие такого направления, как антропология города, района или деревни? Антропологов интересуют не столько рассуждения о природе и состоянии своей дисциплины, сколько внешние факторы, влиявшие и влияющие на всю инфраструктуру города или района. Эти факторы требуют внимательного изучения. Например, американские антропологи перед тем как ступить на какую-то территорию допускали следующие ошибки: не делали глубокого анализа расовых различий на конкретной территории; не определяли конкретных причин увеличения числа бедных; не уделяли достаточно времени рассуждениям по вопросу, что является городским в антропологии города, а что антропологическим. После определенного анализа своих ошибок американские и европейские антропологи основам антропологии города дали новый контекст. За естественную специфику антропологии была признана восприимчивость культурного различия, особенность ежедневного образа жизни, опре-

деляемая на основе применения одного из главных исследовательских методов – наблюдения. Антропологи брались за широкий анализ проблем, в том числе и социальных. Это позволяло очень быстро определить причины конфликтов, социальных проблем и подсказать руководителям различных рангов пути их решения. Применение таких исследовательских методик дало свои положительные результаты и в плане становления культурной антропологии в целом. Американские антропологи встретились, например, с фактами, когда вновь образованные общества столкнулись с проблемами экологии и с выполнением общественных законов природы. Американская антропология города стала больше говорить словами Тайлора и становилась «наукой реформаторов». Ученые поднимали вопросы защиты здоровья и условий жизни, прав и справедливости, образования и мест работы, материального обеспечения жителей [3, с. 372–374].

После проведенных исследований в 70–80-е гг. XX в. американские и европейские антропологи приходят к выводу о том, что антропология, чтобы быть наукой о человеке, должна быть реконструирована. Главным доводом было то, что антропология не может основываться на небольших исследованиях несложных обществ. Реконструкция давала возможность антропологам заняться исследованием городского образа жизни по всем направлениям. Разработка и применение методик в городской антропологии, а также проведение городских исследований по всем направлениям дало возможность определения целого спектра социальных и культурных явлений, выступающих реже или вообще не существующих за пределами города.

Антропология района (повіта, уезда)

В исторической перспективе является интересным происхождение района (повіта, уезда), историю которых нельзя идентифицировать с историей города. О таких административных единицах можно говорить тогда, когда эти территории в промышленно-торговом отношении имеют следующие характеристики: а) имеется рынок (базар); б) собственный суд, полицейский аппарат, возможно автономное право; в) различного рода союзы; г) собственная администрация, выбираемая жителями района (повіта, уезда).

Антропология деревни (села)

Житель деревни рассматривается со своими соседями, друзьями и родственниками, а контакты между ними происходят в большей степени на территории деревни. Чем меньше население, тем большая реальность создания густой сети связей, в которой контакты будут весьма близкими и продолжительными, а социально-культурные процессы могут повторяться. Этот процесс обеспечивается различными путями. Тут можно предположить, что не все знают всех, но каждый о каждом что-то знает. В связи с этим может существовать во времени как продолжительная связь этих контактов, так и их быстрый разрыв. Это связано с тем, что жители деревни видятся и контактируют ежедневно, а их контакты не всегда несут положительный заряд. Подрастающие дети, как правило, становятся друзьями, соседями, а также создают новые семьи.

Анализируя работу американских и европейских антропологов, изучающих культуру конкретных территорий, и учитывая особенности Беларуси, можно условно очертить главные темы исследований, а в них выделить направления, касающиеся культуры деревни. Первая тема – это историко-географические исследования. В ней могут быть следующие направления: географические условия; историческая обусловленность; этнографические и национальные отношения. Вторая тема касается материальной культуры. Тут для антрополога интерес могут представлять четыре наиболее из-

вестные направления: а) особенности ведения хозяйственной деятельности в деревне; б) пространственные особенности деревни; в) деревянный дом и постройки; г) одежда жителей деревни. Третья тема связана с духовной культурой: межконфессиональные отношения; народные верования и предметы культа; праздники; обряды и обычаи.

Два направления в европейских антропологических исследованиях

В течение более ста лет существования антропологии как отдельной научной дисциплины соперничают в ней два научных направления, две теоретических тенденции. Первое направление, которое представляет большая группа ученых, называется историческое, или, как его называет К. Гирц, интерпретационное (толковательское). Второе называется сциентическим. Отдельные исследователи связывают первое направление с конкретной (природной) историей и называют его партикуляризационным и релятивистским. Второе направление еще называют обобщающим, процессуальным или механическим. Эти два направления понимаются, в большей степени, как два отдельных способа исследования в социально-культурной антропологии. Эти направления требуют отличительного набора понятий и различных методологических приемов. Понимаются они и как два сильно сопряженных между собой и взаимно дополняющихся способа анализа той же действительности. При этом подчеркивается, что перед формулировкой обобщающих выводов о процессах и механизмах необходимы конкретные исследования, которые должны быть обоснованы теоретическими определениями и предположениями [3, с. 375].

Историческое направление

Большинство исследований антропологов касается конкретных культур и даже конкретных ситуаций в границах отдельных культур, а это свидетельствует о том, что историческое направление является основным в социально-культурной антропологии. Типичные элементы этого направления находим в исследованиях исторической школы Франца Боаса на американском континенте, а также Бронислава Малиновского и его учеников, английских функционалистов, в Европе. Параллельно с работами, которые являются результатом выполнения авторами исторической исследовательской программы, появляется много антропологических работ подобного характера, хотя их авторы не связывают свою деятельность с историческим направлением. При использовании исторических методов исследования в антропологии находим много черт, характерных как конкретной (природной) истории, так и социально-культурной антропологии. Сближение исследовательского подхода антропологии и конкретной (природной) истории объясняется тем, что историк и антрополог, занимающиеся исследованием конкретной территории, интересуются конкретными явлениями, ситуациями или процессами. В рамках исторического подхода антрополог ставит вопрос о том, характерна ли конкретная форма культуры в данном сообществе, а если да, то какова ее эффективность; определяет, если это возможно, какие факторы были определяющими для сохранения такого состояния; антрополог заинтересован конкретикой и ставит вопрос о причинах существования только конкретной ситуации, которую стремится понять и описать.

Методологическая характеристика антропологии

В каждой науке, изучающей поведение людей, сложились свои научные традиции и накоплен свой эмпирический опыт. И каждая из них, будучи одной из ветвей социальной науки, может быть определена в терминах того метода, которым она преиму-

щественно пользуется. Методы в самом общем значении – это правила и приемы, с помощью которых устанавливается связь между теоретическими выводами, фактами и гипотезами, это последовательная и упорядоченная деятельность по достижению цели, сформулированной исследователем.

Следует согласиться с польским антропологом Эвой Новицкой, которая пишет: «На современном этапе в большей степени методы исследования, нежели предмет исследования, отличают антропологию среди других дисциплин, занимающихся культурой и особенностями социальной жизни человека» [7, с. 90]. Необходимо отметить, что в таком случае наблюдается сближение методов эмпирических исследований, видов исследования и методов анализа социально-культурной антропологии и социологии, прежде всего тех ее направлений, которые называем гуманитарной социологией. Естественно, предмет исследования в большей степени определяет методологические особенности дисциплины. Предметом исследований в социально-культурной антропологии являются разнообразные культурные сообщества, которые имеют между собой различия. Культурное сообщество является небольшим по своему составу, что дает возможность исследовать почти все стороны его жизни. Что касается культурного разнообразия, то для исследователя оно имеет общий характер, однако отличается от понятий, норм и ценностей, с которыми исследователь вырос и был воспитан. У исследователей-антропологов возникают другого рода проблемы, когда они исследуют культурное сообщество, в котором выросли, а исследуемая культура для них является родной. Антропологи это называют особенностями природы антропологии.

Возвращаясь к методам исследования, следует заметить, что одной из наиболее специфических черт, касающихся эмпирических методов исследования и методов анализа, является та, которая предполагает непосредственный контакт «лицо в лицо» исследователя и исследуемого. В данной ситуации главными будут наблюдение и разнообразные интервью, часто свободные, биографические. Это не означает, что антропологи не пользуются стандартными вопросниками и другими методами анализа. Стандартные методы исследования используются при работе в больших сообществах, в которых нет возможности встретиться лично с каждым членом сообщества.

Сегодня, когда социально-культурная антропология все активнее интересуется большими сообществами с расширенными структурами, характеризующимися не только внутренними связями, все чаще начинает проявляться методологическая специфика этой дисциплины и теряется специфика предметности. Социально-культурная антропология начинает все чаще использовать опыт, методы исследования и методы анализа родственных дисциплин, прежде всего социологии, что дает возможность расширить горизонты социально-культурной антропологии.

Социально-культурная антропология использует разнообразные источники, из которых ученый, применяя простые и сложные методы, извлекает полезную для себя информацию. Ищущих антропологов сегодня можно встретить во всех уголках планеты. Вряд ли представители других наук отважились бы на столь длительные и утомительные путешествия. Например, в некоторых западных университетах (прежде всего английских) докторант должен обязательно провести без перерыва один год на конкретной территории. С их точки зрения, антрополог должен «изнутри» изучить какое-либо сообщество, прочувствовать годовой цикл жизненного уклада этого сообщества.

Для научных целей используется самый разнообразный материал: результаты исследований и описания ученых-этнографов, социологические исследования, записки путешественников, фольклорные и художественные тексты, устные предания, этносо-

циологические и этнопсихологические исследования, публицистические материалы, официальные документы, историческая и общественно-политическая литература, общающий материал географов, отчеты посланников, сообщения капитанов морских судов и т.д. Очень важными достоверными источниками являются архивные материалы, которые дают возможность представить материал из ушедших столетий.

Современная наука отчасти пересматривает традиционные цели, методы и стиль этнографии. Получает признание так называемая экспериментальная антропология, сторонники которой, в частности, Дж. Маркус и М. Кэшман, утверждают, что все культуры когда-то были уже открыты, а теперь они нуждаются в переоткрытии. Этнограф выступает в роли медиатора между аборигенами и читателями научной книги. И как медиатор он привносит в книгу много субъективных интерпретаций [3, с. 376–377].

Как естествоиспытатели, сегодня антропологи собирают архивные данные, делают всевозможные замеры, систематизируют данные, делают аудиозаписи и фото- и видеосъемку, строят таблицы и корреляции, основываясь на многочисленных и независимых источниках. Если им приходится иметь дело с большими массами людей, например, крупной народностью, этническими беженцами или сексуальным меньшинством в современном мегаполисе, охватить которые исследователь не в состоянии, то он прибегает к выборочным вопросам и наблюдениям, используя статистику и математические приемы. Сегодня часто антропологу приходится иметь дело с немногочисленной общностью: вымирающим этносом, небольшим племенем, несколькими людьми преклонного возраста, сохранившими фольклорное наследие своей деревни. Важным источником для исследования являются архивные материалы. В таких случаях антропологи применяют субъективные методы.

Стиль жизни и виды хозяйственной деятельности жителей Ивановского района

Крестьянство в феодальную эпоху было основным производящим классом общества, а его труд составлял базис политической, экономической и культурной жизни целого общества. Располагая нехитрыми орудиями труда, крестьянство, в течение столетий разрабатывая леса и осушая болотные топи, возрождало обширные пространства своей Малой Родины, превращало эти пространства в луга, нивы, сады и урожайные поля. Социально-экономическую основу феодализма составляло сельскохозяйственное производство, а крестьянство было основным производительным классом этого общества. Как отмечает известный современный белорусский исследователь В.Ф. Голубев, «особый интерес представляет исследование социально-экономических условий жизни крестьянства и, в первую очередь, его отношение к основному средству производства – земле» [2, с. 1]. Анализ этой проблемы для нас важен еще и потому, что вопросы особенностей землепользования на территории Ивановского района широко не рассматривались.

Земля для крестьян Ивановского района представляла как материальную, так и культурную ценность. В начале XVI в. в документах при передаче земли еще не указывается ее точный размер. Земля передается во владение или дарится вместе с находящимися на ней людьми и строениями. Чаще всего на территории Ивановского района объектом передачи становится дворище (хозяйственная единица и объект обложения крестьян феодальными повинностями. Дворища имели приблизительно одинаковое количество земли, на которой размещалось одно крестьянское хозяйство – дым).

Примером такого землепользования и межличностных отношений является село Сухое. Часть земель на территории Ивановского района принадлежало Лещинскому монастырю и духовенству. Село Сухое впервые упоминается в письменном источнике

в 1495 г. В этом селе одно дворище принадлежало Лещинскому игумену. Часть пашенной земли возле Сухого принадлежала пану Ивану Писаревичу [6, с. 110]. В 1505 г. князь Федор Иванович Ярославич со своей женой Аленой подписывают жалованную грамоту боярину Ивашке Федоровичу Полозовичу на владение двумя дворищами в селе Юхновичи (Дюхновичох), принадлежавших Ходору Литвиновичу и Ходору Гвоздовичу; одним дворищем в селе Рыловичи (Рыловичох), принадлежавшим Гриневу; половиной дворища в селе Сухом, принадлежавшим Пустовскому и дворищем в этом же селе, принадлежавшим Скуропенскому. В жалованной грамоте говорилось, что боярин Ивашка Федорович Полозович получает все, что принадлежало указанным дворищам с древних времен: земли, пашни, бортное дерево, сенокосы, леса, гати, а также люди, жившие в перечисленных дворищах [6, с. 106]. 25 марта 1520 г. князь Федор Иванович Ярославич дарит церкви Успения Пресвятой Богородицы Лещинского монастыря в селе Сухом половину дворища Боговщина [6, с. 296]. В 1588 г. в селах Сухое и Потаповичи земли по-прежнему принадлежат Лещинскому монастырю. К этому времени владения монастыря в селе Сухое расширились. Так, Лещинскому монастырю принадлежали следующие владения: половина Горловского дворища с тремя домами (денежная повинность дворища составляла 40 грошей, натуральная повинность – одно ведро меда), половина Новорайского дворища.

По своей природе человек всегда был и остается социальным существом. Анализируя инвентари и другие архивные документы, можно утверждать, что уже в XVI в. социальная интегрированность на землях Ивановского района выступает важным фактором жизни для всех социальных слоев. Каждый должен был уметь приспособливаться к окружающему обществу, иначе он обрекался на изоляцию и одиночество. Чтобы этого не происходило, жителю района (и в первую очередь крестьянину) приходилось с раннего детства усваивать принятые манеры поведения и образы мышления и через это входить в окружающий мир. Это вхождение в мир происходило при отсутствии четко утвержденного права. Индивид должен был усвоить необходимую сумму знаний, норм, ценностей, навыков поведения, позволяющих ему быть полноправным членом общества. Примером такого поведения, т.е. сочетания образа мышления с имеющимися отдельными правовыми нормами, может быть выполнение денежной повинности.

Для каждого крестьянина района выполнение денежной повинности было свято, необходимо и жизненно важно. Посмотрим, как это выглядело в селе Сухое. Например, денежная повинность дворища Боговщина составляла одну копу. Натуральная повинность складывалась из 4 ведер меда, 8 мац овса, 5 возов сена, с каждого дома по одной курице. Один день в неделю один человек принимал участие в разных работах. Натуральная повинность дворища Могиленское составляла 4 ведра меда. Четвертым владением Лещинского монастыря было дворище Сивкова Полотковича, состоявшее из 8 дворов. Денежная повинность составляла 85 грошей. Имело дворище и натуральную повинность: 4 мацы овса, 5 возов сена. Кроме этого через неделю один человек с топором должен был выполнять соответствующие работы и участвовать в двух толоках в году. Жители дворища должны были косить заливной луг. Пятым владением Лещинского монастыря была половина Телмановского дворища, которым управлял Микита. Денежная повинность дворища составляла ½ копы. В селе Потаповичи Лещинскому монастырю принадлежало Молодовицкое дворище с 8 дворами. Денежная повинность дворища составляла 1 копу. Натуральная повинность складывалась из 8 мац овса, 4 ведер меда, 5 возов сена, 8 кур. Кроме этого, с каждого двора один раз в неделю один человек принимал участие в выполнении разных работ [4, с. 112–113, 120–121].

Во второй половине XVI в. на землях Ивановского района, впрочем, как и в границах всего Пинского повета (княжества), куда входили земли района, происходят важные экономические, социальные и правовые изменения. По предписанию королевы Боны между 1552 и 1555 гг. была сделана ревизия (волочное измерение) земель Пинского и Клецкого княжеств. По воле королевы измеренные земли раздавались крестьянам на основании установленных условий. Были указаны находящиеся в имениях королевы православные церкви и состоящее при них духовенство. Подробно описывались, с указанием всех урочищ, церковные, землянские (земляне – категория военно-служилого населения ВКЛ в XVI–XVII вв.) и королевские земли.

Владея обширными имениями, частично подаренными ей мужем, а частично купленными, королева Бона пыталась навести строгий правовой и экономический порядок в своих владениях. С этой целью в 1552 г. она приказала Пинскому старосте Станиславу Хвальчевскому провести совместно с посланным от королевы ревизором Мельничким, подкоморием Алексеем Чосновским, ревизию, т.е. раздел на волоки всех принадлежащих ей в Пинском и Клецком княжествах земель. После раздела на волоки земли должны были быть розданы как своим крестьянам, так и посторонним лицам на установленных королевой условиях. Отчет об исполнении этого поручения был представлен Хвальчевским в виде писцовой книги, составленной под его руководством Иваном Горецким. Помощь в составлении отчета оказывали землемеры Иван Дубовский и Богуш Михнович.

В рамках складывающейся новой формы экономических и правовых отношений и одной культуры, где существовали собственные нормы и правила, появляются и новые подходы к учету земли и ее раздаче. В социокультурной жизни наблюдается изменение динамики существующей системы. Например, в оборот вводится единица измерения земли – волока. Новым явлением в экономических, правовых и социально-культурных отношениях после реформы, проведенной королевой Боной, было дольничество, т.е. получение в собственность определенного количества земли. Анализируя писцовые книги и инвентари, которые для такого рода исследования являются основным источником, видим, что одну волоку земли нередко делило несколько человек (в инвентаре часто отмечается, что сидят на одной волоке). Две-три семьи держали определенные доли волоки: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ и т.д. В инвентарях, которые составлялись во время проведения реформы, указывались точные границы села. Такая ситуация наблюдается по всей территории Ивановского района. Примером может служить село Бродница. Волочное измерение земель тут было проведено в 1554 г. После измерения землю разбили на три поля, т.е. на три примерно равных участка со сравнительно одинаковым качеством земли. Указывались и точные границы. Первое поле начиналось от дороги, ведущей в Могильно, и размещалось между Ключом, Хращем и Мельковом. Второе поле находилось между Мельковом, Любеном и Сухим. Третье поле находилось между дорогой, ведущей на Могильно, Одногой, лугом Головей и вторым полем [5, с. 98].

В складывающейся социокультурной жизни важным был подход к распределению земли. В инвентарях указывалось, что земля раздается, назывались имя и фамилия нового владельца земли и отмечалось, что данный владелец землю взял в пользование. Исходя из этого можно утверждать, что в межличностных отношениях по вопросу распределения земли насилия и принуждения не было. Крестьяне землю брали добровольно, а определяющим фактором в вопросе, сколько брать земли, был практический подход, зависящий от количества рабочих рук. Поэтому определенное количество земли могли брать не только родственники, но и крестьяне, не связанные родственными отно-

шениями. Примером такого распределения может быть упомянутое нами село Бродница. В инвентаре, который касается ревизии, есть раздел «Раздача волок». Первоначально указаны крестьяне, которые получили среднего качества землю: 1. Хведько и Иван Пучиловичи взяли одну волоку средней земли, а их родом занятий на момент раздачи земли была путная конная служба. 2. Кунеч и Мачко Ивановичи взяли одну волоку средней земли. 3. Андрей Семенович и Иван Демьянович были войтами в Броднице. Они взяли одну волоку средней земли и были освобождены от чинша. 4. Василий Олешко и Андрей Иванович взяли одну волоку средней земли, а их родом занятий была тяглая служба. 5. Мартин Борисович, Нестор Гриневич, Иван Мартинович, Ёт и Мыс Опонасевичи взяли одну волоку средней земли, а их родом занятий была тяглая служба. 6. Иван и Микита Данеловичи, Петр Гричинович взяли одну волоку средней земли. 7. Нестор Гриневич, Иван Мартинович, Ёт и Мыс Опонасевичи взяли одну волоку средней земли. 8. Фома и Павел Гриневичи, Антон и Игнат Гриневичи, Олешко Сидорович взяли две волоки средней земли. Всего в селе Бродница было роздано 10 волок средней земли [5, с. 98]. В разделе «Раздача волок» указывалось, кто и сколько взял плохой земли, т.е. неурожайной.

По такому же образцу был составлен инвентарь и села Кужеличин. Впервые село упоминается в 1554 г. [6, с. 2]. Измерение земель тут было проведено весной 1555 г. В инвентаре указывалось, что все, взявшие землю, обязаны платить чинш с 1556 г. Территория вокруг села была разбита также на три поля. Как и в предыдущих инвентарях, границы полей указывались не в соответствии со сторонами света Север–Юг, Восток–Запад, а привязывались к дорогам, лугам, рекам, соседним деревням. Первое поле начиналось от реки Пина, тянулось до дороги, ведущей в Вульку, и дальше до Рудского болота. Второе поле начиналось от выгона и Рудникового застенка, тянулось до огородов, находившихся за селом, вторым концом упиралось в болото Самита и в третье поле. Третье поле начиналось от дороги, ведущей в Гневчицы, тянулось до болота у реки Пина, доходило до Гневчицкого острова и окраины Конотопа. Можно предположить, что жители села Кужеличин и других сел воспринимали эти поля как пространство, которое всегда имеет абсолютный характер. Пространство XVI в. можно рассматривать только с субъективной точки зрения. С моей точки зрения, это пространство можно понимать через призму, в первую очередь, хозяйственной активности жителей конкретной территории, а также через существование человека в мире символов, ценностей и чувств. Таким образом, вопрос сельского пространства XVI в. можно трактовать с точки зрения естественных наук (абсолютное пространство) или с точки зрения гуманитарных наук (субъективное пространство, или относительное).

В раздел «Розданных волок» инвентаря села Кужеличин были вписаны: 1. Денис Степанович, Фома Ходорович взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 2. Митько Ходорович взял одну волоку средней земли, а остальную землю взял на третьем поле в районе заприточья, чиншевик. 3. Иван Костюкович, Кузьма Семенович, Федор Савчиц взяли одну волоку средней земли, а остальную землю взяли на третьем поле в районе запреточья, чиншевики. 4. Себастьян и Павел Сенковичи взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 5. Василий Панкович, Наум Охримович взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе подлипин. 6. Михно и Василий Гриневичи взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе подлипин. 7. Семен Гриневич взял одну волоку средней земли, чиншевик, а остальную землю взял на третьем поле в районе подлипин. 8. Мануил и Нестер Гриневичи взяли одну волоку средней земли, чиншевики.

9. Демид Парханович взял одну волоку средней земли, чиншевик, а остальную землю взял на третьем поле в районе пѣтуска. 10. Степен, Рушан, Мануил Кононовичи взяли две волоки средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе пѣтуска. 11. Гринеч Петрович, Карп Манцевич, Федько Юшкевич взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе пѣтуска. 12. Иван Сенько, Занко Карпович взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе села Замошье. 13. Федор Кононович, Сенько Потапович, Данелеч Иванович взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе поповой гати. 14. Маско Харкович, Юлтух Илькович взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе поповой гати. 15. Клим, Гринь и Пронеч Ивановичи взяли одну волоку средней земли, чиншевики, а остальную землю взяли на третьем поле в районе Семеновой могилы. 16. Димид Семенович, Федор Петрович, Иеремия Пашкович, королевские поданные из села Таргосич, которые хозяйственные постройки имеют в названном селе, взяли две волоки средней земли, чиншевики. 17. Федор Павлович, Влас Иванович и Семен Гриневи́ч взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 18. Стец и Борис Висилевичи взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 19. Фома Потапович и Степан Максимович взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 20. Гач Потапович взял одну волоку средней земли, чиншевик. 21. Федор Павлович, Влас Иванович, Семен Гриневи́ч взяли одну волоку средней земли, чиншевики. 22. Демид Парханович, Иван Малашевич, Гринеч Матвеевич взяли одну волоку средней земли, чиншевики.

Для жителей села Кужеличин в районе реки Пина выделялась земля для огородов. В инвентаре села Кужеличин есть еще один раздел, который называется «Железная руда», указывается и фамилия человека, который занимался добычей этой руды, – Ян Браткович. Инвентарь свидетельствует и о том, что земли села Кужеличин находились в районе сел Баландичи, Завишье и Замошье [5, с. 126–129].

Приведенный выше материал, касающийся села Кужеличин, представляет огромную ценность. Можно с уверенностью утверждать, что во второй половине XVI в. на землях Ивановского района организовывалась новая культура земледелия, которая имела более высокий уровень. Документы свидетельствуют о том, что земля была разделена по качеству и цена за пользование более качественными и более урожайными землями была соответственно большей. Приведенные в инвентаре названия отдельных территорий вокруг села ценны для топонимики, эта информация дает возможность исторической географии расширить представление об особой или конкретной области, в данном случае о селе Кужеличин.

Интерес представляет и порядок составления инвентарей, касающихся раздачи земли. Анализируя содержательные части подобных документов, можно заметить, что единого образца не было. Например, инвентарь Дружиловичского двора существенно отличался от упомянутых нами инвентарей сел Бродница или Кужеличин. Что представляла собой административная единица двор? В ВКЛ двором называлось хозяйство крестьянина как объекта и единицы обложения повинностями и налогами. Обычно двор был хозяйством одной семьи, в которое входили пахотные земли, покосы, некоторые другие земли, хозяйственные и жилые постройки. До середины XVI в. двором называлось хозяйство феодала с комплексом жилых и хозяйственных построек. С началом проведения «валочной памеры» понятие «двор» было заменено термином «фольварк» [1, с. 584]. В инвентаре Дружиловичского двора есть раздел «Невольная челядь», где указано количество невольной челяди мужского и женского пола, имена и фамилии

мужчин и их жен. Невольной челяди при дворе Дружиловичи 16 человек. Из них 8 мужчин и 8 их невольных жен: 1. Андрей Мартинович и его жена Марина. 2. Ленич Мартинович и его жена Федзя. 3. Мищеч Антухович и его жена Федзя. 4. Стец Антухович и его жена Марина. 5. Федзеч Печинич и его жена Рипина. 6. Кохно Печинич и его жена Марина. 8. Ленеч Печинич и его жена Ласита. 9. Лукаш Матвеевич. 10. Вдова Реконья. Интересным является тот факт, что в списке числилось не 16 человек, как указано в начале инвентаря, а 18. В список невольной челяди был внесен Лукаш Матвеевич, который был неженатым, и вдова Реконья [5, с. 103].

Заклучение

Свои реформы королева Бона проводила быстро и стремительно. Для большинства населения Ивановского района, а в первую очередь для крестьянства, это имело важный жизненный характер. А если учесть, что почти все крестьянство было безграмотным, то оценивать социально-экономическую, правовую и культурную ситуацию ему было сложно. В течение нескольких лет нужно было для себя определить, какие элементы окружающего мира важны для жизни, а какие не имеют значения, что является важным, а что несущественно, без чего можно обойтись, а без чего нет. Буквально на протяжении 5–10 лет во всех жителей района изменились ценностные отношения к миру, в соответствии с которым все предметы и явления стали рассматриваться по критерию важности и значимости для их жизни. Большая часть предметов и явлений получила свою экономическую, правовую или культурную оценку и стала представлять определенную ценность, на основании которой складывалось соответствующее к ним отношение. В центре всего этого была земля, которую, как уже говорилось, житель района брал добровольно, без всякой борьбы и насилия. Важным на данном историческом этапе является и то, что королева Бона и ее окружение этому не противились, а, наоборот, всячески способствовали. В результате на землях Ивановского района, как и во всех владениях королевы, формируется общее ценностное отношение к земле, к налогообложению, к церкви, для нужд которой выделялись хорошие земли и жертвовались немалые деньги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З.Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т.1 : Абаленскі–Кадэнцыя. – 688 с.
2. Голубеў, В.Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII стст. / В.Ф. Голубеў ; пад рэд. В.І. Мялешкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 176 с.
3. Горбацкі, А.А. «Малая Родина» как культурная память / А.А. Горбацкі // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / склад. Д.У. Караў, В.В. Масценка (Серыя «Гістарыяграфічныя даследаванні»). – Гродна : ЮрсаПрынт, 2013. – 424 с.
4. Довгялло, Д.И. Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. / Д.И. Довгялло. – Минск : Типография С.А. Некрасова, 1909. – 123 с.
5. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1884. – 714 с.
6. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная

старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Волосовичем в 1559 г. – Вильна : Типография Губернского правления, 1867. – 382 с.

7. Nowicka, E. Świat człowieka – świat kultury / E. Nowicka. – Warszawa : PWN, 2007. – 480 s.

Gorbatski A.A. The Economic and Cultural Image of Ivanovo District in the Second Half of the 16th century

In Belarus there are no special anthropological science works devoted to the study of the economic and cultural images in the 16th century. The author of this article tried to partially fill this gap by referring to the content of inventories. In the article the historical and anthropological characteristics of Ivanovo district in Brest region in the second half of the 16th century were described. The characteristics of the formation of economic and cultural image after the reforms Queen Bona and the changing the style of inhabitants' life in Ivanovo region were analyzed. The author of the article concluded that, within the framework of the emerging new forms of economic relations and a culture there are also new approaches to accounting and distribution of lands.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.11.2013

УДК 94 (476) «18/19»

А.Д. Кузьмин

УЧРЕЖДЕНИЯ И ЧИНОВНИКИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1881–1917 гг.)

В статье рассматриваются структура, кадровый состав и деятельность Могилёвских губернских учреждений Министерства внутренних дел в 1881–1917 гг. Автор изучил социальный состав, уровень образования служащих Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора путём анализа формулярных послужных списков чиновников, а также Памятных книжек Могилёвской губернии. Практическая значимость данной статьи определяется возможностью использования её материалов в исследовании социальной и культурной истории Беларуси, истории государства и права, а также в исторической антропологии.

Введение

Созданное в сентябре 1802 г. Александром I Министерство внутренних дел играло центральную роль во внутренней политике Российской империи, претворяя в жизнь все указы императора и проводя на местах его политику. К середине XIX в. оно ведало самым обширным кругом вопросов: от охраны общественного спокойствия и порядка до надзора за народным здоровьем; от архитектуры до образования. Решение крестьянского вопроса, проведение первой Всероссийской переписи населения 1897 г., общий надзор за жизнедеятельностью в губернии, а также возложение на него других крупных и мелких полномочий привело к тому, что к концу XIX в. Министерство внутренних дел заняло главенствующее место в государственном механизме, сосредоточив в своём ведении значительную часть внутренних функций государства и оказывая огромное влияние на развитие всех политических, социальных и экономических процессов. Однако эффективность деятельности любой управленческой структуры нельзя оценить без рассмотрения её кадрового состава, что требует детального анализа человеческого потенциала учреждений этого ведомства на губернском уровне [1, с. 3].

Структура и кадровый состав учреждений МВД в Могилёвской губернии

Главой местной администрации являлся губернатор, официально признаваемый законами «хозяином губернии» [2, с. 223]. В пореформенный период власть губернаторов была значительно усилена тремя законоположениями. Положение Комитета министров от 22 июля 1866 г. предоставляло губернатору право общей и внезапной ревизии во всех административных местах гражданского ведомства. Он имел право изъяслять несогласие на определение на службу, перемещение или перевод чиновников гражданского ведомства в случаях признания их неблагонадёжными. Губернатор мог аттестовать подчинённых на представление к наградам, приглашать и вызывать всех служащих в губернии, несмотря на сравнительное по классу, должности или чину старшинство. Первое лицо губернии наделялось правами прекращать всеми мерами что-либо, не соответствующее общественному порядку (закрывать клубы, собрания, общества и т.д.). Положение Комитета министров от 13 июля 1876 г. предоставляло губернатору право издавать в пределах своего ведомства постановления в целях правильного и успешного исполнения, исходя из местных условий, которые бы узаконивали общественное благочиние, порядок и безопасность. Положение 1881 г. об усиленной охране наделяло губернатора в тех местностях, где охрана была введена, широкими карательными полномочиями. С другой стороны, правила 27 марта и 11 мая 1890 г. о взаимных отношениях

гражданских и военных властей ставили губернатора значительно ниже начальника дивизии; даже командир бригады, если он старше губернатора в чине, не представлялся ему, а лишь наносил визит.

Губернатор считался председателем следующих местных учреждений: Губернского правления, Губернского статистического комитета, Губернского по крестьянским делам присутствия, Губернских присутствий по земским и городским делам, по фабричным делам и по воинской повинности. Он председательствовал также в Губернских распорядительном и лесоохранительном комитетах, в приказах общественного призрения и Комиссиях народного продовольствия. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., последовавшие за отменой крепостного права, которые самодержавие в западных губерниях проводило непоследовательно и с большой осторожностью, ставили их под усиленный контроль губернатора как высшего представителя императорской власти на местах. Иерархически и субординационно губерния и её губернатор в наибольшей степени зависели от Министерства внутренних дел и возглавлявшего его министра и были поставлены под верховный надзор Правительствующего Сената как высшего административно-управленческого учреждения империи [3, с. 29–30].

Заместитель губернатора назывался вице-губернатором, в отсутствие губернатора он получал все его полномочия. Должность вице-губернатора относилась к V классу (статский советник).

При могилёвском губернаторе состояли канцелярия (4–5 человек) и чиновники для особых поручений (3–5 человек). Органом, непосредственно содействующим губернатору в осуществлении его функций, являлось Губернское правление. Правление состояло из общего присутствия и канцелярии, состоящей из 1-го и 2-го распорядительных отделений (занятых общим делопроизводством, разбором разнообразных пререкааний ведомств и жалобами), Врачебного отделения (под началом губернского врачебного инспектора), Строительного отделения (под началом губернского инженера), Ветеринарного отделения (под началом губернского ветеринарного инспектора), Межевого отделения, иногда называвшегося Губернской чертежной (под началом губернского землемера), Тюремного отделения (под началом губернского тюремного инспектора), типографии и редакции официальной губернской газеты. Функции правления ясны из названий его подразделений [4].

Наиболее важные дела решало Общее присутствие губернского правления – коллегия, состоявшая из губернатора, вице-губернаторов, советников правления, губернского врачебного инспектора, губернского инженера, губернского архитектора (с правом совещательного голоса), губернского землемера, губернского тюремного инспектора и ассессора. Присутствие имело канцелярию, отдельную от канцелярии губернского правления. Начальникам подразделений губернского правления был присвоен чин VI класса (коллежский советник). Несмотря на обширное описание, которое закон давал обязанностям Губернского правления, дел у него, за исключением разбора жалоб на действия других учреждений и отмены их решений, было очень немного. Медицинской, ветеринарной и строительной частью в действительности занимались земства и города, межевой – землеустроительные комиссии, тюрьмы находились в ведомстве министерства юстиции. Немногочисленные (около 50 человек в начале XX в.) чиновники Могилёвского губернского правления были загружены работой в меньшей степени, чем их коллеги из других губернских учреждений.

В адрес-календаре Могилёвской губернии за 1912 г. приведён следующий список учреждений, относящихся к МВД: Губернское присутствие, Губернское по воин-

ской повинности присутствие, Губернское присутствие по делам об обществах, Губернский статистический комитет, Губернский музей, Губернское по земским и городским делам присутствие, Губернское земское собрание, Губернская земская управа, Губернская больница, Георгиевская психиатрическая лечебница, Еврейское богоугодное заведение, Сиротский дом, Сеньковская земская богадельня, Могилёвская центральная фельдшерская школа императора Александра II, Могилёвская центральная повивальная школа, Дворянское депутатское собрание, Канцелярия губернского предводителя дворянства, Губернское жандармское управление, Полицейская стража [5].

Основным видом источников для характеристики чиновнического корпуса канцелярии губернатора и Могилёвского губернского правления являются формулярные списки. Согласно форме послужного списка для лиц гражданского ведомства, введённой в 1849 г. и сохранявшейся почти без изменений до 1917 г., формулярные списки содержали 14 граф. Эти графы отражали:

- 1) чин, ФИО чиновника, должность, знаки отличия, получаемое содержание в год;
- 2) социальное происхождение («из какого звания происходит»);
- 3) имущественное положение (наличие родовой или благоприобретённой собственности у него самого, родителей или жены);
- 4) образование;
- 5) время поступления на службу, продвижение по ней;
- 6) участие в походах и боевых действиях;
- 7) взыскания по службе, пребывание под судом и следствием;
- 8) время нахождения в отпусках и в отставке;
- 9) семейное положение («холост»/«женат») с указанием даты рождения детей и т.д.

Порой встречаются списки с нехваткой каких-либо данных, однако их немного и, как правило, недостающая информация является второстепенной.

Переходя к непосредственному рассмотрению материалов, обратимся, прежде всего, к социальному составу чиновничества указанных учреждений МВД в 1881–1917 гг. Изучение данного вопроса представляет первостепенный интерес с точки зрения выявления источников комплектования местной бюрократии. Установление круга этих источников, а также изучение эволюции чиновничества за определённый временной промежуток позволяет не только представить социальный облик бюрократии с позиции времени, но и охарактеризовать процессы социальной мобильности, определить степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы. Под социальным составом чиновничества будет пониматься дифференциация служащих на социальные группы и слои в зависимости от их происхождения (дети потомственных дворян, церковнослужителей, обер-офицеров, чиновников, личных почётных граждан и т.д.), а не по формальной их принадлежности к тому или иному сословию или группе, которая в значительной степени определялась служебным статусом служащего, в частности его рангом, наличием особых заслуг и знаков отличия [6, с. 93–96]. Анализ формулярных списков могилёвских чиновников, позволил составить две таблицы, систематизирующие полученные данные. В них все служащие разделены на несколько групп. В первую включены чиновники, в формулярных списках которых сказано, что они выходцы «из дворян». Остальные группы представлены чиновниками недворянского происхождения. Это дети духовенства, обер-офицерские дети (сыновья солдат, дослужившихся до первого офицерского чина), потомки чиновников, выходцы из купечества, мещан и крестьян. Результаты исследования послужных списков 1885–1890 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1885–1890 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	1	1							
IV	1	1							
V									
VI	3	2	1						
VII	5	4	1						
VIII	7	4	2		1				
IX	3	1	2						
X	5	2		1	1		1		
XII									
XIV	2	2							
Без чина	5	1		2	1			1	
Всего	32 (100%)	18 (56%)	6 (19%)	3 (9%)	3 (9%)	–	1 (3%)	1 (3%)	–

Материалы таблицы показывают, что в 1885–1890 гг. на государственной службе преобладало дворянство. Выходцы из этого сословия составляли примерно 56% чиновников канцелярии губернатора и Могилёвского губернского правления. С другой стороны, впрочем, необходимо обратить внимание, что дворянское доминирование в бюрократической среде не было абсолютным. Приведённые цифры убедительно свидетельствуют о том, что государство, испытывая недостаток в кадрах для своего аппарата, вынуждено было принимать на службу выходцев не только из высшего сословия, но и значительное число лиц из других слоёв населения [7; 8].

Анализ социального состава могилёвских государственных служащих свидетельствует, что вторым по значимости источником пополнения местной бюрократии была среда священнослужителей. Лица, вышедшие из духовенства, были наиболее образованными (после дворянства) среди представителей разночинной среды и составляли в качественном отношении неплохую часть провинциального чиновничества. Кроме того, идти на государственную службу их заставляла сама жизнь. Семьи священников были традиционно многодетными, поэтому не все дети могли получить приход по наследству и выходили из своего сословия, так как единственным способом прокормить себя была государственная служба. Сохранившиеся архивные материалы дают немало примеров успешного карьерного роста выходцев из духовенства. Так, одним из образцовых чиновников был сын священника Каллистрат Александрович Костко, который в 1886 г. был старшим чиновником особых поручений при Могилёвском губернаторе. Окончив Могилёвскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда, он в возрасте 20 лет был определён в штат Могилёвского губернского правления и утверждён в чине коллежского регистратора. Далее Каллистрат Александрович продвинулся ещё выше по служебной лестнице, приобретая не только чины, но и награды за «отлично усердную службу». В 1876 г. он получил орден «Св. Станислава 3-й степени», а в 1882 г. был награждён орденом «Св. Анны 3-й степени» [7, л. 32–35].

В 1914–1917 гг. социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора выглядел иначе (таблица 2).

Таблица 2 – Социальный состав чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1914–1918 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III									
IV	2	1			1				
V	6	2	1			1	1	1	
VI									
VII	4	2		1	1				
VIII	4	1		2	1				
IX	2				1		1		
X	10	3			3		2	2	
XII	6				3		2	1	
XIV	4	1					1	2	
Без чина	22		4		3		10	4	1
Всего	60 (100%)	10(17%)	5 (8%)	3 (5%)	13 (22%)	1 (1,7%)	17 (28%)	10 (17%)	1 (1,7%)

В 1914–1917 гг. дворянство потеряло свою прежнюю роль основного поставщика кадров. Резко выросло представительство мещан, потомственных чиновников и крестьян на государственной службе. Если в 1885–1890 гг. они давали лишь 15% чиновников, то теперь выходцы из этих сословий составляли 67% служащих канцелярии губернатора и губернского правления. Выходцы из крестьянства догнали детей дворян по числу своих представителей в данных учреждениях МВД [9]. Данный факт можно объяснить отменой сословных ограничений для поступления на службу в 1906 г.

Резюмируя сравнительный анализ данных, относящихся к началу и к концу рассматриваемого периода, можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. шёл процесс «раздворянивания» государственной службы, выражавшийся в вытеснении дворян разночинцами. Можно сказать, что фактически реализовывался принцип рекрутирования служащих для бюрократического аппарата из всех слоёв населения.

Для установления уровня образования чиновников канцелярии губернатора и губернского правления, а также динамики его изменения нами были использованы те же формулярные списки за 1885–1890 гг. и 1914–1917 гг. Их данные позволили составить таблицы, характеризующие показатели образованности местной бюрократии. Данные в таблицах распределены по следующим рубрикам: 1) высшее; 2) незаконченное высшее; 3) среднее; 4) неполное среднее; 5) начальное; 6) домашнее. К имевшим «домашнее образование», помимо служащих, у которых в послужных списках имеется соответствующая запись, были отнесены чиновники с отсутствующими данными об образовании. Следует отметить, что формулярные списки с пустой графой, предназначенной для фиксации образовательного уровня чиновника, периодически встречаются. Отсутствие конкретных данных об образовании вряд ли стоит связывать с упущениями составителей формуляров. Образовательный ценз был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась одной из главных в послужном списке. Скорее всего, лица, в формулярных списках которых отсутствуют сведения об образовании, попросту не закончили никакого учебного заведения, получив «домашнее образование». Этот факт составители документов в силу его распространённости просто специально не оговари-

вали. Согласно полученным данным, образовательный уровень чиновников рассматриваемых учреждений МВД в 1885–1890 гг. выглядел следующим образом (таблица 3).

Таблица 3 – Образовательный уровень чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1885–1890 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	1	1					
IV	1			1			
V							
VI	3	1		2			
VII	5			3		2	
VIII	7			1		5	1
IX	3				1	2	
X	6		1		2	3	
XII							
XIV	1		1				
Без чина	5			1	3	2	
Всего	32 (100%)	2 (6%)	2 (6%)	8 (25%)	6 (18,5%)	14 (44%)	1 (3%)

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период чиновники губернского правления и канцелярии не отличались высоким уровнем образованности. Служащих с высшим и незаконченным высшим образованием было 12%. Лиц со средним образованием было около 25%, в основном это были дворяне, закончившие гимназии, а также выпускники семинарий. 44% рассматриваемых чиновников имели лишь начальное образование. Лиц, имевших неполное среднее или высшее образование, было почти 25% [7; 8]. В 1914–1917 гг. картина образованности чиновников МВД в Могилёвской губернии выглядела несколько иначе (таблица 4)[9].

Таблица 4 – Образовательный уровень чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в 1914–1918 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III							
IV	2	2					
V	6	5		1			
VI							
VII	4		1		1	2	
VIII	4	1	1			2	
IX	2			1	1		
X	10			2	1	7	
XII	6					6	
XIV	4					4	
Без чина	22			1	3	13	5
Всего	60 (100%)	8 (13,3%)	2 (3,3%)	5 (8,3%)	6 (10%)	34 (56,7%)	5 (8,3%)

Сразу обращает на себя внимание значительный рост удельного веса чиновников, имеющих только начальное образование. Данный факт можно объяснить привлечением на государственную службу крестьян и мещан, которые зачастую могли позволить себе

только начальное образование, однако оно в данный период было профессиональным (землемерно-таксаторские классы, техническое железнодорожное училище, кондукторская школа и др.). Заметно выросло число чиновников, получивших высшее образование.

Заклучение

Таким образом, в составе корпуса чиновников Могилёвского губернского правления и канцелярии губернатора в течение 1881–1917 гг. произошли серьёзные изменения. Изменилась социальная структура бюрократии, представителей «благородного сословия» существенно потеснили разночинцы. Совершенно новым явлением стало присутствие (пусть и на низших должностях) в губернских учреждениях выходцев из крестьянства. Дворянская монополия сохранялась только на высшие должности (губернатор, вице-губернатор, старший советник Могилёвского губернского правления и др.). Также в рассматриваемый период произошли изменения и в уровне образованности чиновников данных учреждений. После издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьянского и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Поэтому в 1914–1917 гг. почти 57% служащих губернского правления имели начальное образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синельников, И.Ю. Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861–1917 гг. (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И.Ю. Синельников. – Владимир, 2012. – 21 с.
2. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.
3. Сидоренко, Б.И. Могилёвский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилёв : АмелияПринт, 2012. – 252 с.
4. Адрес-календарь и Памятная книжка Могилёвской губернии на 1907 год. – Могилёв : Типография Губернского Правления, 1907. – 467 с.
5. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1912 год. – Могилёв, 1912. – 387 с.
6. Бутусова, А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг. (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.А. Бутусова. – Курск, 2006. – 180 с.
7. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1212. Формулярные списки чиновников канцелярии могилёвского губернатора за 1885 год. – 187 л.
8. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1222. Формулярные списки и ведомости о числе служащих в ведомстве МВД.
9. НИАБ. – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления 1914–1918. – 262 л.

Kuzmin A. Establishments and Officials of the Ministry of Internal Affairs in the Mogilev Province (1881–1917)

In this article the structure, personnel structure and activity of the Mogilev provincial establishments of the Ministry of Internal Affairs in the 1881–1917 years are considered. The author has studied social composition and an educational level of the Mogilev provincial officials by the analysis of officials track records, and also memorable books of the Mogilev province. The practical importance of this article in possibility of use of its materials in research of social and cultural history of Belarus, the history of state and law, and also in historical anthropology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2013

УДК 342.565.2

Г.А. Василевич

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

В статье изложены основные итоги работы Конституционного Суда Республики Беларусь за последние 19 лет его деятельности. Показано значение его решений для развития национальной правовой системы. Уделено внимание не только последующему, но и предварительному конституционному контролю. Обращено внимание на желательность сужения обязательного предварительного контроля за законами и наделения граждан правом обращения в Конституционный Суд в порядке реализации такого контроля. Подчеркнуто, что конституционное законодательство Республики Беларусь предполагает смешанную систему судебного конституционного контроля.

С принятием Конституции главной задачей является формирование конституционной практики, отвечающей букве и духу Основного Закона, обеспечение непосредственного действия Конституции, ее единообразного применения. Необходимо сделать все, чтобы юридическая и фактическая Конституции совпадали. Роль права, и прежде всего конституционного, как политико-правовой категории в современный период, особенно в связи с трансформацией политической системы, переходом к рыночным отношениям, возрастает чрезвычайно. Это обусловлено необходимостью формирования человека как существа по своей природе правового, способного к политическим и правовым формам организации социальной жизни в новых экономических условиях. Право формирует и определяет общественную среду и поведение участников общественных отношений, проявляет себя как активное творческое начало [1, с. 411].

В целом, что касается конституционного права, то оно давно перешагнуло рамки отдельной отрасли права и его следует рассматривать в качестве огромного слоя права, возвышающегося над всеми отраслями права и предопределяющего их развитие. Задача правового регулирования общественных отношений – упорядочить их таким образом, чтобы право выступало в качестве катализатора прогресса во имя блага общества и отдельного человека, направить законотворческую энергию таким образом, чтобы совпадали уровни позитивного права и политического, социально-экономического, духовного развития. По существу можно говорить о том, что право должно отвечать новым вызовам времени.

Если конституционные нормы определяют порядок деятельности государственных органов, их компетенцию, правовой статус человека и гражданина, то конституционные принципы сочетают в себе как обязательные на данный момент правила, так и юридический вектор, определяющий не только настоящее, но и указывающий, как правовая система должна развиваться в будущем, из каких краеугольных камней она должна состоять и куда в каркас правовой системы новые правовые «кирпичики» должны встраиваться. В этом отношении даже преамбула Конституции содержит основополагающие идеи, которые мы можем определить как конституционные (а значит, обладающие юридическим верховенством) принципы. В ней мы находим такие принципы, как неотъемлемость государственного суверенитета, народовластие, обеспечение прав и свобод каждого человека, обеспечение гражданского согласия. В свое время мы обращали внимание на ошибочность нормы закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», согласно которой преамбула Закона не имеет нормативного содержания. В последующем в закон были внесены некоторые необходимые коррективы.

Конституция в виде содержащихся в ней руководящих идей дает законодателю и судам, прежде всего Конституционному Суду, не только инструмент определения содержания будущего закона, но и его толкование, является критерием для Конституционного Суда при установлении конституционности либо неконституционности конкретного закона. Конституционные нормы и принципы формируют правовую парадигму, ибо они отражают и одновременно формируют концепции законодательного развития государства и общества. Конституционный Суд как высшая юридическая инстанция по разрешению правовых коллизий фиксирует в своих решениях истинность той или иной концепции. В этой связи он (Конституционный Суд) не имеет права на ошибку.

Для того чтобы реально обеспечить права и свободы граждан, необходимо, на наш взгляд, выполнить несколько условий:

1. Создать развитое (современное) национальное законодательство, в основе которого находится Конституция, ориентированное на становление правового, демократического, социального государства.
2. Сформировать правовое сознание не только у граждан, но, в первую очередь, у должностных лиц, в силу их статуса облеченных властными полномочиями.
3. Иметь соответствующие материальные ресурсы.
4. Обеспечить гражданам возможность отстаивать свои права цивилизованным способом.

Безусловно, что этот ряд условий можно продолжить, однако в нынешних условиях они являются основными. В этом случае у Конституционного Суда больше возможностей для обеспечения конституционной законности в государстве. Конституция благодаря Конституционному Суду становится реально действующим документом.

С учетом сущности судебного конституционного контроля есть основания утверждать, что реальной предтечей его институциональной организации могло бы быть создание в Республике Беларусь (тогда еще БССР) Комитета конституционного надзора. Его образование было предусмотрено реформой Конституции БССР, проведенной в октябре 1989 г, на основе союзной конституции были внесены радикальные по сути изменения. Они легализовали борьбу сил, оппозиционно настроенных существовавшему политическому режиму всевластия одной партии, аппарат которой был настолько обюрокрачен и далек от интересов подавляющего числа граждан, что в итоге не получил поддержки народа при решении вопроса о представительстве партийных органов в Верховном Совете БССР.

Одним из отрицательных моментов деятельности Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва (1990–1995 гг.) явилось то, что вопреки требованию Конституции 1978 г. и с учетом изменений, внесенных в октябре 1989 г. о создании Комитета конституционного надзора БССР (ККН), он так и не был создан. ККН мог бы накопить соответствующую практику работы. Хотя и непродолжительное время, но на союзном уровне чуть больше года проработал Комитет конституционного надзора СССР. Он принял ряд интересных и важных для совершенствования правовой системы решений, в том числе о праве на судебное обжалование актов органов государственного управления, об опубликовании нормативных правовых актов и др. В нашей республике на сессию Верховного Совета даже не готовился проект закона о ККН, вопрос о его создании вообще не обсуждался на сессии белорусского парламента или открыто на заседаниях его органов. Все это привело к тому, что соответствующий специализированный орган судебного конституционного контроля был образован лишь после принятия новой Конституции в 1994 г. При разработке проекта Конституции мною был

подготовлен проект закона «О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь», который, как и Основной Закон, был принят 15 марта 1994 г. Для того, чтобы исключить ситуацию, сложившуюся относительно ККН, в ст. 4 названного закона прямо было зафиксировано: в целях обеспечения безусловного исполнения принятой Конституции Республики Беларусь необходимо в месячный срок со дня вступления в силу Конституции создать Конституционный Суд Республики Беларусь. Это было выполнено. Состав Конституционного Суда на основе строгого отбора и ряда голосований был сформирован Верховным Советом в конце апреля 1994 г. Отметим, что Конституционный Суд был сформирован без участия Главы государства, выборы которого прошли летом того же года, т.е. уже после вступления Основного Закона в силу.

Со второй половины 1994 г. началась деятельность Конституционного Суда уже непосредственно в виде принимаемых им решений. При этом интересно обратиться к первоначальной редакции Конституции. Согласно ст.127 Конституции в редакции от 15 марта 1994 г. Конституционный Суд по предложениям Президента; Председателя Верховного Совета; постоянных комиссий Верховного Совета; группы депутатов Верховного Совета численностью не менее 70 человек; Верховного Суда; Высшего Хозяйственного Суда; Генерального прокурора дает следующие заключения:

1. О соответствии законов, международных договоров и иных обязательств Республики Беларусь Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь.

2. О соответствии правовых актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента, постановлений Кабинета Министров, а также актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генерального прокурора, имеющих нормативный характер, Конституции, законам и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь.

Обратим внимание на то, что согласно части второй этой статьи Конституционный Суд вправе был по своему усмотрению рассмотреть вопрос о соответствии нормативных актов любого государственного органа, общественного объединения Конституции и законам, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. Таким образом, Конституционный Суд мог сам инициировать рассмотрение конституционности любого нормативного акта, что, надо сказать, способствовало созданию им же самим для себя множество проблем. «Несбалансированное» возбуждение производства о проверке конституционности нормативных правовых актов Президента и отсутствие такой инициативы в отношении актов Верховного Совета (лишь тогда, когда конфликт между ветвями власти зашел слишком далеко, он возбудил производство по двум актам белорусского парламента) дало основание для упреков в адрес Конституционного Суда в его пристрастности.

Позитивной, на наш взгляд, была в тексте ст. 128, согласно которой нормативные акты, международные договорные или иные обязательства, признанные Конституционным Судом неконституционными ввиду нарушения ими прав и свобод человека, считаются не имеющими юридической силы в целом либо в определенной их части с момента принятия соответствующего акта.

Другие нормативные акты государственных органов и общественных объединений, международные договорные или иные обязательства, признанные Конституционным Судом несоответствующими Конституции, законам или международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, считаются утратившими силу в целом или в определенной их части с момента, определяемого Конституционным Судом.

Нормативно-правовые акты межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, признанные Конституционным Судом несоответствующими Конституции, законам или международно-правовым актам, считаются недействующими на территории Республики Беларусь в целом или в определенной их части с момента, определяемого Конституционным Судом.

Существенной конституционной гарантией была запись в ст. 129 о том, заключения Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Конституционный Суд обладал правом внесения предложения в Верховный Совет о необходимости изменений и дополнений Конституции, а также о принятии и изменении законов. Такие предложения подлежали обязательному рассмотрению Верховным Советом. Закреплялись иные гарантии деятельности Конституционного Суда и его членов. Предусматривалось, что компетенция, организация и порядок деятельности Конституционного Суда определяются законом.

Ряд изменений в правовом статусе Конституционного Суда произошел в результате проведенного 24 ноября 1996 г. народного голосования по тексту Конституции. Конституционный Суд лишился права возбуждения производства по собственной инициативе, в тексте Конституции не оговаривалась юридическая сила заключений, он перестал быть субъектом права законодательной инициативы и др. Основной стала ст. 116 Конституции, весьма объемная по своему содержанию, определяющая основу правового статуса Конституционного Суда.

Важной вехой в правовой регламентации деятельности Конституционного Суда явились изменения в закон «О Конституционном Суде Республики Беларусь», внесенные 7 июля 1997 г., принятие Кодекса о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь, а также издание 26 июня 2008 г. Декрета Президента Республики Беларусь № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» и др.

Анализ конституционных норм, актов текущего законодательства, практики Конституционного Суда, его взаимоотношений с иными субъектами государственной власти позволяет выделить три этапа деятельности Конституционного Суда.

Первый этап охватывает период с 1994 г. (с начала формирования Конституционного Суда) до 27 ноября 1996 г. Это период становления Конституционного Суда, определения им своего места в системе государственной власти, и в то же время период сильной подверженности политическому влиянию со стороны депутатов, воздействию со стороны средств массовой информации. Для этого периода характерна активность как в части возбуждения Судом производств по делам о проверке конституционности нормативных правовых актов, так и активного комментирования судьями принятых решений, политических процессов, период безуспешных попыток занять нейтральную позицию, обеспечивая лишь верховенство Конституции. В этот период Конституционный Суд практиковал принятие различного рода заявлений, хотя уместнее было бы выражать свою позицию (правовую) в посланиях о состоянии конституционной законности. Среди принятых решений можно назвать заключение относительно постановления Правительства о деноминации белорусского рубля; о государственных ценных бумагах бывшего Союза ССР. Интересными были решения о конституционности норм законодательства, позволявших прекращать трудовой договор в связи с достижением лицом пенсионного возраста, о праве местных Советов депутатов предусматривать административную ответственность. При подготовке первого решения основная проблема заключалась в определении последствий, которые могут наступить в связи с возможным

признанием норм КЗоТа неконституционными. Ведь согласно ст. 128 Конституции в редакции от 15 марта 1994 г., как уже отмечалось, нормативные акты, международные договорные или иные обязательства, признанные Конституционным Судом неконституционными ввиду нарушения ими прав и свобод человека, считаются не имеющими юридической силы в целом либо в определенной их части с момента принятия соответствующего акта. В этой связи были опасения, что с принятием решения придется восстанавливать на прежней работе уволенных лиц по причине достижения ими пенсионного возраста. Но главная проблема заключалась даже не в этом, а в том, что делать с работниками, если на их место будут восстановлены ранее уволенные пенсионеры. Автором было предложено разграничивать права человека и права гражданина, что позволило легально «обойти» требование ст. 128 Конституции.

Второй этап охватывает период после 27 ноября 1996 г. и до вступления в силу декрета Президента от 26 июня 2008 г. № 14. Для него характерно реформирование Конституционного Суда, обновление законодательства о Конституционном Суде. В частности, была предусмотрена возможность оглашения заключения Конституционным Судом не сразу после завершения слушаний и ухода судей в совещательную комнату, а в течение пятнадцати дней после этого. Это позволило судьям принимать решения в спокойной обстановке, взвешивая свою позицию. Осуществлялось активное взаимодействие Конституционного Суда и субъектов, обладающих правом внесения предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных правовых актов. Активность Конституционного Суда по вынесению решений о конституционности нормативных правовых актов не только республиканских, но и органов местного управления и самоуправления базировалась исключительно на конституционной основе – нормах, содержащихся в статьях 7, 60, 112, 116, 137 Конституции. Реализация права означает претворение в жизнь установленных не только правовых норм, но и принципов, т.е. общеобязательных правил поведения, установленных и санкционированных государством [2, с. 169]. Тенденции развития правовых систем зарубежных государств свидетельствуют о том, что источниками права являются и общие принципы права. В этот период своей деятельности Конституционный Суд стал активно ссылаться в своих решениях на правовые принципы, которые укрепляли его позицию и тем самым оказывали воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность. Как справедливо отмечает профессор Л.Ф. Евменов, проблема принципов является ключевой в правах человека [3, с. 60]. В европейской практике (судебной, иной правоприменительной) принципы рассматриваются в качестве источника права, например, в Австрии, Германии, Греции, Испании. У нас же пока эта идея только пробивает себе дорогу.

В этот период выносились не только заключения по предложению субъектов, указанных в части четвертой ст. 116 Конституции, но и практиковалось рассмотрение конституционных жалоб относительно нормативных правовых актов местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов по совершенствованию актов действующего законодательства [4]. На данном этапе деятельности Конституционный Суд активно реализовывал свое право последующего конституционного контроля. Его заключения и иные решения открыли простор для реализации многих конституционных принципов и норм, их непосредственного действия, ускорили процесс обновления законодательства, исключили действие архаичных и противоречащих Конституции положений текущего законодательства и практики его применения, содействовали формированию правового сознания граждан и должностных лиц.

Вклад Конституционного Суда в развитие национальной правовой системы, в процесс конституционализации отраслевого законодательства, обеспечения верховенства Конституции на втором этапе его деятельности виден на примере ряда его решений:

- о неконституционности положений УПК, в соответствии с которым одни и те же судьи формулировали обвинение и сами же рассматривали такие уголовные дела (дела так называемой протокольной формы досудебной подготовки);
- о праве граждан на указание в паспорте национальной принадлежности;
- об обязательности пересмотра приговоров по уголовным делам при изменении санкций в сторону снижения ответственности;
- о возмещении морального вреда гражданам, потерпевшим от преступлений;
- о праве законодательного органа предусмотреть порядок, при котором за счет трудовых и иных пенсий, выплачиваемых лицам, находящимся в местах лишения свободы, компенсируются расходы, связанные с их содержанием в исправительных колониях, а также возмещается ущерб, причиненный преступлением, и производятся выплаты по иным обязательствам;
- о признании права собственности на квартиру в ЖСК и праве ее наследования при выплате паевых взносов и при неоформлении ее в установленном порядке;
- о предоставлении гражданам права на обжалование в суде постановлений о прекращении уголовных дел на стадии досудебного производства;
- о реализации права граждан на обжалование в суде административного задержания личного досмотра, досмотра вещей, изъятия вещей и документов;
- об исключении из УПК нормы о запрете допроса близких родственников лица, совершившего преступление;
- об административной ответственности за нарушение законодательства о языках;
- об упорядочении правил и сроков содержания обвиняемого под стражей (отмечена неконституционность законодательства и правоприменительной практики, в соответствии с которыми содержание обвиняемого под стражей в период ознакомления его и его адвоката с материалами дела не обеспечивалось соответствующими нормами);
- о праве граждан на судебное обжалование административного задержания, личного досмотра, досмотра вещей и изъятия вещей и документов;
- о неконституционности постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 сентября 1990 г. № 7 в части закрепления в нем права на обжалование постановления о наложении административного взыскания лишь в вышестоящий орган;
- о неконституционности запрета, установленного в УПК, на допрос близких родственников лица, совершившего преступление (такое право должно быть предоставлено, если близкие родственники изъявляют желание дать свидетельские показания);
- об обязательности опубликования нормативных актов, касающихся прав и свобод граждан;
- о неконституционности положения КоАП, предусматривающего ответственность должностных лиц за прием граждан на работу без прописки;
- об обеспечении не только обвиняемым, но и подозреваемым, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, права пользоваться в любой момент юридической помощью адвоката в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать;
- о неконституционности запретов и ограничений на приватизацию жилых помещений в квартирах, заселенных несколькими нанимателями;

- о необходимости нормативного урегулирования порядка и условий выплаты паевых взносов членам ЖСК, выбывшим после завершения строительства, и наследникам пайщика, умершего после завершения строительства;
- о неконституционности норм ГПК в той мере, в какой они должным образом не обеспечивают процессуальные гарантии реализации права сторон и лиц, участвующих в процессе на обжалование судебных постановлений Верховного Суда, вынесенных по делам, рассмотренным им по первой инстанции;
- о неконституционности решения Минского городского исполнительного комитета, предусматривающего отбуксировку транспортных средств;
- об упорядочении правового регулирования порядка и условий оплаты коммунальных услуг гражданами, имеющими несколько жилых помещений;
- о необходимости реализации в текущем законодательстве конституционного права граждан на альтернативную службу;
- об обеспечении юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы;
- о необходимости принятия нового Типового устава садоводческого товарищества, основывающегося на гражданском и земельном законодательстве, и при необходимости внесения компетентными органами государственной власти предложений, предусматривающих более полную законодательную защиту прав членов садоводческих товариществ, являющихся собственниками земельных участков;
- о праве на амнистию осужденных, в отношении которых приговоры не вступили в законную силу в связи с их кассационным обжалованием (опротестованием);
- о порядке уплаты членских профсоюзных взносов;
- о праве осужденных к лишению свободы на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания;
- о правовой позиции Конституционного Суда относительно используемого в ст. 80 Конституции понятия «гражданин Республики Беларусь, постоянно проживающий в Республике Беларусь» (Конституционный Суд высказался за регистрацию инициативной группы для участия в президентских выборах 2001 г. З.С. Позняка, выехавшего из республики и попросившего убежища за рубежом);
- о правовой позиции Конституционного Суда относительно используемого в Конституции понятия «гражданин Республики Беларусь по рождению»;
- о правовом регулировании режима содержания административно задержанных и административно арестованных лиц;
- о соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой ст. 4 Уголовного кодекса и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий;
- о применении правила обратной силы более мягкого закона к лицам, признанным до 1 января 2001 г. особо опасными рецидивистами;
- о праве инвалидов Великой Отечественной войны на льготу по обязательному социальному страхованию;
- о праве на амнистию осужденных, в отношении которых вступившие в законную силу приговоры пересматривались в порядке надзора;
- об установлении фиксированных сумм подоходного налога при сдаче внаем жилых помещений в г. Минске;
- о правовом регулировании порядка открытия аптек, аптечных пунктов, аптечных киосков и аптечных складов субъектами хозяйствования;

- о правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых суммирующих аппаратов;
- о правовом регулировании заключения физическими лицами договоров займа в иностранной валюте;
- о конституционности норм ряда актов текущего законодательства в части выезда граждан за рубеж (признан неконституционным существовавший порядок проставления в паспорте разрешительной отметки для выезда за рубеж; обращено внимание государственных органов на недопустимость возложения подобных обременений на законопослушных граждан);
- о платных видах медицинской помощи;
- о лицензировании медицинской и фармацевтической деятельности;
- об осуществлении правосудия законным составом суда (обращено внимание на недопустимость осуществления правосудия народным заседателем, не принесшим присяги);
- о защите прав добросовестного приобретателя имущества;
- о праве собственности на квартиру члена ЖСК, полностью внесшего паевые взносы до 1 мая 1994 г.;
- о сроках внесения жилищно-коммунальных платежей и выплаты заработной платы (рекомендовано Правительству сместить срок уплаты платежей, имея в виду, что заработная плата большинству граждан выплачивается во второй половине месяца, ранее вносить платежи следовало до 15 числа каждого месяца);
- об опубликовании технических нормативных актов;
- о правовом регулировании порядка приглашения иногородних граждан для работы и жительства в г. Минске;
- о правовом регулировании отношений, связанных с проездом граждан в городском транспорте общего пользования, при изменении тарифов на перевозку пассажиров;
- о налогообложении выходных пособий, предусмотренных коллективными договорами;
- о конституционности правоприменительной практики повышения размера пенсий на детей, находившихся вместе с родителями на спецпоселении и впоследствии реабилитированных;
- о назначении пенсии по возрасту работающим гражданам, по религиозным убеждениям не имеющим паспорта и др.» [5].

Все принятые решения служили людям, содействовали развитию прав и свобод, гуманизации действующего законодательства, реальной реализации конституционных норм и принципов, норм международного права (например, в этот период Конституционный Суд в своих решениях более ста раз ссылаясь на важнейшие акты международного права с целью усиления своей позиции, направленной на защиту прав и свобод граждан, обеспечения их равенства перед законом и судом).

Отметим, что Конституционный Суд в этот период занимал последовательную позицию, нередко обращения касались различных граней одной проблемы, но Конституционный Суд сумел избежать противоречий в своих решениях. В этот период было снято большинство ограничений на судебную защиту, была обеспечена доступность к правосудию, гарантировано право на квалифицированную юридическую помощь (например, в связи с принятым решением постановлением министра внутренних дел был гарантирован порядок общения задержанного со своим адвокатом в таких условиях, когда обеспечивалась конфиденциальность его разговора), ряд решений касался реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Третий период, на наш взгляд, берет свое начало со вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 и началом реализации Конституционным Судом его положений. Позитивно оценивая дальнейшее расширение полномочий Конституционного Суда, все же заметим, что это привело к фактическому умалению такой важной и традиционной для органов судебного конституционного контроля составляющей, как последующий (репрессивный) контроль. В этот период Конституционный Суд в определенной мере продолжил практику внесения предложений в нормотворческие органы по совершенствованию текущего законодательства, однако прекратил принятие решений по обращениям граждан относительно конституционности нормативных актов органов местного управления и самоуправления. Ранее Конституционный Суд активно использовал закрепленное в ст. 122 Конституции право на вынесение решения о конституционности актов указанных органов. В предшествующий период таких решений принималось более десятка. Они способствовали упорядочению нормотворческой деятельности на местном уровне, прежде всего в области налогообложения.

Конституционный Суд в 2008 г. в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов рассмотрел 102 закона, из них 3 кодекса, 24 общих и специальных закона, 40 законов о внесении изменений и дополнений и признании утратившими силу законодательных актов, 35 законов о ратификации международных договоров Республики Беларусь. По результатам обязательного предварительного контроля все проверенные законы признаны соответствующими Конституции. Вместе с тем отметим, что в некоторых решениях Конституционный Суд обращал внимание на некорректность формулировок законов. Аналогичные подходы характерны и для последующего периода деятельности. Отметим усиление аргументации Конституционного Суда при вынесении своих решений, в которых акцентировалось внимание на важнейших конституционных принципах и нормах. В 2009 г. Конституционный Суд в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов рассмотрел 104 закона, в том числе 44 закона о ратификации международных договоров Республики Беларусь; в 2010 г. рассмотрено 129 законов, в том числе 80 законов о ратификации международных договоров; в 2011 г. – 109 законов; в 2012 г. проверено в порядке предварительного контроля 113 законов.

Таким образом, можно отметить интенсивную деятельность Конституционного Суда по осуществлению предварительного конституционного контроля. Это значительно ослабило последующий конституционный контроль, который, на наш взгляд, является эффективным прежде всего за счет конкуренции (состязательности) сторон в деле. В этой связи нами уже несколько лет назад предлагалось в литературе несколько изменить законодательство, а именно: исключить сплошной предварительный контроль принятых законов, определить те из них, которые являются наиболее важными (программные, кодексы, законы, которые затрагивают непосредственно конституционные права и свободы граждан и т.п.), в остальных случаях предоставить право гражданам на обращение в Конституционный Суд по поводу проверки конституционности принятых Парламентом законов, т.е. можно развивать институт конституционной жалобы. На сайтах палат Парламента в этих целях должны размещаться рассматриваемые палатами законы. После издания Декрета № 14 оппонентам уже трудно возражать против правовой возможности расширения круга субъектов, имеющих право обращения в Конституционный Суд, что автор отстаивал в течение многих лет и что, наконец, было реализовано в 2008 г. Наше предложение обусловлено и тем, что нежелательна избыточность предварительного контроля, которая ведет к девальвации конституционного контроля. Ав-

тор также вносил предложение о введении предварительного конституционного контроля, но не в таком объеме.

Обратим внимание на еще один важный аспект. Анализ конституционного законодательства позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о смешанной системе судебного конституционного контроля в Республике Беларусь. На это автором обращалось внимание в его ранних трудах по проблемам конституционного контроля в нашей республике. Его призваны осуществлять, помимо Конституционного Суда, еще и другие суды – общие и хозяйственные. К этому их обязывает ст. 112 Конституции. Пока в полной мере эта система не работает: запросы судов относительно неконституционности актов законодательства, которые были в поле их зрения при рассмотрении конкретных дел, отсутствуют. Возможно, необходимо еще время для понимания сформулированных в Конституции подходов, как это потребовалось для реализации нашей идеи о возможности расширения компетенции Конституционного Суда на основе законодательного акта, высказанной более десяти лет назад и реализованной в Декрете Президента № 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд. – М. : Инфра-М Норма, 2010. – 816 с.
2. Баранов, П.П. Теория государства и права : учеб. пособие / П.П. Баранов, А.Н. Соколов. – Ростов-н/Д. : РЮИ МВД России, 2007. – 280 с.
3. Евменов, Л.Ф. Международная идеология прав человека: проблемы и решения / Л.Ф. Евменов – Минск : Хата, 2000.
4. Василевич, Г.А. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь как фактор совершенствования национального законодательства / Г.А. Василевич, К.И. Кеник, В.В. Подгруша. – Минск : Право и экономика, 2007. – 74 с.
5. Василевич, Г.А. Конституционное правосудие / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 326 с.

Vasilevich G.A. The Role of the Constitutional Justice in the Implementation of Laws

The article presents the main results of the Constitutional Court of the Republic of Belarus for the last 19 years of his work. The significance of its decisions for the development of the national legal system. Special attention is paid not only to be followed, but the preliminary constitutional control. Attention is paid to the desirability of mandatory restrictions prior control over the laws and giving citizens the right to appeal to the Constitutional Court in the exercise of that control. It is emphasized that the constitutional law of the Republic of Belarus suggests a mixed system of judicial constitutional.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2013

УДК 342.534

О.В. Чмыга

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ
МАНДАТОВ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТОВ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Основания возникновения и прекращения мандатов членов Парламентов Беларуси и Польши с точки зрения юридической науки в настоящее время носят дискуссионный характер. В работе проанализированы данные юридические категории в сравнительном аспекте на основании существенной общности рассматриваемых сопредельных государств и их правовой доктрины в историческом, региональном и правовом контекстах.

Значимым элементом правового положения членов Парламентов Беларуси и Польши являются основания возникновения и прекращения мандата депутата Сейма, члена Сената Национального собрания Республики Польша, а также основания возникновения и прекращения мандата депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Учитывая дискуссионный характер названных правовых элементов в статусных конструкциях членов Парламентов с точки зрения современной юридической науки, а также существенную общность рассматриваемых сопредельных государств в историческом, региональном и правовом контекстах, рассмотрим данные категории подробнее в сравнительном аспекте.

Итак, единственным основанием и юридическим фактом приобретения мандата депутатом Палаты представителей являются прямые выборы. Юридическим же фактом, порождающим надделение членов Совета Республики парламентским мандатом, является факт косвенных выборов, а также факт назначения Президентом белорусского государства. Следует отметить, что число мандатов депутатов нижней палаты белорусского Парламента – Палаты представителей – конституционная норма определяет в количестве 110. Совет Республики, будучи верхней палатой Парламента белорусского государства, является палатой территориального представительства. Общее число мандатов членов верхней палаты белорусского Парламента составляет 64. От каждой области и города Минска тайным голосованием избираются на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и города Минска по восемь членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются Президентом Республики Беларусь. Суммарное же количество мандатов парламентариев согласно Конституции Республики Беларусь равно 174.

Законодательную власть в Республике Польша осуществляют Сейм и Сенат. Сейм является нижней палатой Парламента и состоит из 460 депутатов, которые также наделяются мандатом в результате выборов. Выборы в Сейм в Польском государстве являются всеобщими, равными, прямыми и пропорциональными и проводятся тайным голосованием. Сенат же, являясь верхней палатой, состоит из 100 сенаторов. Польские сенаторы приобретают свой мандат на основании всеобщих, прямых выборов, проводимых при тайном голосовании. Общее количество мандатов членов польского Парламента равно 560.

Как прямые, так и косвенные выборы в Республике Беларусь проводятся на основании принципов всеобщности, равенства, свободы, тайного голосования на выборах, что характеризует белорусское государство как демократическое и правовое.

Показательным в этом отношении является высказывание белорусского профессора Г.А. Василевича, который справедливо отметил, что лишь при условии «проведения свободных и честных выборов можно говорить о том, что воля народа как единственного источника власти и полученные результаты голосования полностью совпадают» [1, с. 149]. Следует подчеркнуть, что четырехлетний срок исполнения полномочий белорусских парламентариев определяется днем первого заседания вновь избранных палат Парламента и заканчивается в день открытия первого заседания Палаты представителей, Совета Республики нового созыва (за исключением случаев, предусмотренных статьей 8 базового Закона) [2]. Данный факт означает, что момент возникновения права на реализацию своего мандата у вновь избранного члена Парламента определяется днем первого заседания Палаты представителей, Совета Республики. Парламентарии же предыдущего состава осуществляют свои полномочия вплоть до указанного момента. В случае войны срок полномочий парламентариев может быть продлен.

Что же касается Польского государства, то согласно части 1 статьи 98 Конституции польские Сейм и Сенат также, как и палаты Парламента Беларуси избираются на четырехлетний срок полномочий [3]. Данное правило, как считает польский исследователь профессор Павел Сарнецки, свойственно парламентской традиции Польши: оно сложилось в послевоенный период и существует с 1952 г. (как известно, до Второй мировой войны срок полномочий Парламента в Польше составлял 5 лет) [4, с. 242]. Однако только последние 4 созыва польского Парламента (1993–1997 гг., 1997–2001 гг., 2001–2005 гг. и 2007–2011 гг.) просуществовали полный четырехлетний срок. Данное обстоятельство, как справедливо подчеркивает профессор Лешек Гарлицки, объясняется тем, что в предыдущие годы бурные политические события не позволяли придерживаться названного периода (например, Сейм V созыва (2000–2007 гг.) досрочно прекратил свое существование на основании самороспуска) [4, с. 200].

Отметим, что в части 1 статьи 98 Основного Закона Польши установлено: срок полномочий Сейма и Сената начинается в день, в который Сейм собирается на первое заседание и продолжается до дня, предшествующего дню собрания Сейма нового созыва. Данные положения сохраняют свою силу и в случае сокращения либо продления сроков полномочий Сейма. По нашему мнению, названное конституционное правило призвано исключить всякую возможность превышения исполнительной властью своих полномочий в период, когда срок полномочий одного состава Сейма и Сената уже истек, а вновь избранного – ещё не начался, что позволяет надлежаще обеспечить стабильность работы и преемственности всей государственной власти.

Действительно, «невозможно обуславливать возникновение полномочий депутата признанием этих полномочий тем представительным органом, в который депутат избран... Это означало бы противоречие самой демократической сути института народного представительства» [5, с. 23–25]. Важно отметить, что польский законодатель предусмотрел лишь одно обстоятельство, при возникновении которого допускается продление срока полномочий Сейма и Сената. В частности, в соответствии с Конституцией, «во время действия исключительного положения, а также в течение 90 дней по его окончании не может быть сокращен срок полномочий Сейма, проведен общепольский референдум, не могут проводиться выборы в Сейм, Сенат, органы местного самоуправления, а также выборы Президента республики, а сроки полномочий этих органов соответственно продлеваются» [3]. При этом под исключительным положением в данной норме понимается военное положение, чрезвычайное положение, а также положение стихийного бедствия.

Конституционная норма Республики Беларусь (статья 93) установила следующий порядок начала работы палат Парламента [6]. Первая после выборов сессия палат Парламента созывается Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов и начинает свою работу не позднее чем через 30 дней после выборов. Следует отметить, что в Республике Беларусь процесс признания полномочий народных избранников связан с соблюдением особой процедуры, нормативно определенной в регламентах палат Парламента [7; 8].

Первое же заседание новоизбранного Сейма происходит в назначенный Президентом Польши срок и согласно установленной процедуре. Так, первое заседание нижней палаты открывает Маршал-старейшина, назначенный Президентом из числа старейших по возрасту депутатов. При этом примечательным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что прежде чем приступить к осуществлению свободного мандата на первом заседании Сейма депутаты приносят перед Сеймом следующую присягу: «Торжественно клянусь честно и добросовестно выполнять обязанности перед народом, оберегать суверенитет и интересы государства, делать все для благополучия родины и блага граждан, соблюдать конституцию и иные законы Республики Польша». Кроме того, присяга может быть принесена с добавлением предложения «Да поможет мне Бог». Процедуру принесения депутатской присяги, а также выборы Маршала Сейма проводит Маршал-старейшина. При этом депутаты, не присутствовавшие на заседании Сейма, а также депутаты, получившие мандат в срок полномочий Парламента, приносят депутатскую присягу на первом заседании, на котором они присутствуют. После же принесения депутатами присяги Маршал-старейшина проводит выборы Маршала Сейма. После избрания абсолютным большинством голосов при поименном голосовании Маршал Сейма принимает руководство заседанием.

По нашему мнению, нормативное закрепление положения об обязательном принесении и белорусскими парламентариями присяги на первом заседании каждой из палат Парламента в целях обеспечения эффективности их деятельности стало бы вполне логичным заключительным этапом официального признания их мандата. Полагаем, принесение присяги допустимо проводить перед Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов в лице ее Председателя.

Что же касается оснований прекращения полномочий парламентариев, то в этой связи интересной с точки зрения юридической теории нам представляется позиция российского исследователя Л.А. Нудненко, которая считает, что «утрата депутатского мандата возможна в результате погашения и досрочного прекращения. Погашение депутатского мандата происходит независимо от воли и сознания самого депутата» [9, с. 149]. Названный автор утверждает, что депутатский мандат погашается по окончании срока полномочий законодательного органа государственной власти и, соответственно, выделяет следующие основания погашения депутатского мандата: факт смерти депутата; объявления гражданина, являющегося депутатом, безвестно отсутствующим или умершим в соответствии с решением суда, вступившим в законную силу; признание гражданина, являющегося депутатом, решением суда ограниченно дееспособным или недееспособным [9, с. 149–150]. Несмотря на всю оригинальность такого подхода, мы не видим необходимости в выделении термина «погашение» мандата парламентария в качестве уникального. Полагаем, что утрату мандата народного избранника в результате погашения и досрочного прекращения целесообразно объединить общей теоретико-правовой категорией «прекращение» мандата указанного лица, поскольку, следуя правилам формальной логики, эта дефиниция поглощает термины «погашение» и «досроч-

ное прекращение» мандата члена Парламента. При этом основания прекращения полномочий парламентария допустимо, на наш взгляд, классифицировать на два вида. Так, в первом случае мандат прекращается в связи с истечением конституционного срока полномочий указанного лица.

Как мы уже отмечали выше, срок мандата как польских, так и белорусских парламентариев составляет четыре года. При этом данный срок определяется периодом легислатуры Парламентов соответствующих государств и предусматривается конституционными нормами [3; 6]. Отметим, что указанное положение, устанавливающее периодичность выборов в Парламент, соответствует Протоколу № 1 к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [10]. Это свидетельствует о приверженности рассматриваемых государств общепризнанным нормам международного права. Как обоснованно отмечает А.А. Безуглов, срок полномочий депутата не может быть очень коротким, так как в этом случае депутат не сможет приобрести в практической деятельности необходимые навыки «по управлению государственными делами» и слишком частая обновляемость представительных органов отрицательно влияет на эффективность их работы [5, с. 20]. Полагаем, что сроки полномочий польских и белорусских парламентариев, определенные в Конституциях, являются оптимальными, поскольку на современном этапе развития польского парламентаризма, а также в условиях, когда депутат Палаты представителей осуществляет свои полномочия в Парламенте на профессиональной основе (если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь), а член Совета Республики – на профессиональной основе либо без отрыва от трудовой (служебной) деятельности, период работы законодательного органа власти должен быть достаточно продолжительным (4–6 лет) [3; 6]. Во втором случае мандат парламентария, на наш взгляд, прекращается в связи с досрочным прекращением его полномочий, а также в случае досрочного прекращения полномочий (ропуска) палат Парламента, что, по нашему мнению, является исключением из указанного выше правила.

Отметим, что согласно базовому Закону полномочия депутата Палаты представителей, члена Совета Республики по решению соответствующих палат досрочно прекращаются: 1) в связи с избранием или назначением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики на должность, занятие которой согласно Конституции Республики Беларусь и базовому Закону несовместимо с выполнением полномочий депутата Палаты представителей, члена Совета Республики; 2) в связи с письменным заявлением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики о сложении полномочий по состоянию здоровья либо ввиду иных обстоятельств, препятствующих их исполнению; 3) в случае признания их судом недееспособными или ограниченно дееспособными; 4) при несогласии депутата Палаты представителей нового созыва в течение трех месяцев перейти на профессиональную работу в Палату представителей; 5) в случае признания выборов или полномочий отдельных депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики недействительными; 6) в связи со вступившим в законную силу обвинительным приговором Верховного Суда Республики Беларусь в отношении лица, являющегося депутатом Палаты представителей, членом Совета Республики; 7) в случае прекращения гражданства Республики Беларусь; 8) в случае отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики; 9) в случае неподписания обязательства, предусмотренного частью девятой статьи 6 настоящего базового Закона; 10) в связи с письменным заявлением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики о сложении полномочий по личным причинам [2].

В связи с последним пунктом изложенного выше перечня оснований досрочного прекращения полномочий парламентариев обращает на себя внимание справедливое замечание российского исследователя А.А. Безуглова, который, рассуждая о досрочном прекращении полномочий парламентариев, указывает «на ту легкость, с которой они могут это сделать по своему желанию: достаточно написать письменное заявление, ...войти в состав органа управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации, заняться предпринимательской деятельностью» [11, с. 648–649]. Данная проблема актуальна для любого государства (в том числе для Беларуси и Польши) – сложный процесс приобретения мандата парламентария, связанный с преодолением целого ряда препятствий как финансового, так и политического характера, достаточно характерен и существен для любого государства. Денежные средства, израсходованные из государственного бюджета на выборы «несостоявшегося» парламентария, могли бы быть гораздо более успешно применены, например, в сфере охраны материнства и детства, что, несомненно, соответствовало бы социальной сущности и нашего государства. В этой связи, полагаем, в Республике Беларусь имеет определенный смысл установление обязанности, обращенной к парламентариям, желающему досрочно прекратить свои полномочия по названному основанию, выплатить в республиканский бюджет нормативно зафиксированного размера денежную компенсацию, покрывающую расходы белорусского государства, затраченные на проведение его избирательной кампании. Названная мера позволит достичь максимально целевого распределения средств белорусских налогоплательщиков, что очень существенно для демократического и правового государства. В этой связи представляется достаточно насущным внесение соответствующего дополнения в статью 8 действующего базового Закона [2].

Кроме того, есть смысл пересмотреть и предшествующее рассматриваемому основание досрочного прекращения деятельности парламентария, связанное со вступлением в отношении него в законную силу обвинительного приговора Верховного Суда Республики Беларусь. Представляется, что в целях максимальной оптимизации работы Парламента белорусского государства досрочное прекращение полномочий парламентария целесообразно в связи с вынесением в отношении данного выборного лица не любого обвинительного приговора Верховного Суда Республики Беларусь, а лишь в связи с вынесением этим Судом такого обвинительного приговора, который связан с назначением наказания в виде исправительных работ, ареста, ограничения либо лишения свободы, пожизненного заключения и смертной казни, а также лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (полагаем, отбывание данных видов наказания несовместимо с эффективной реализацией полномочий парламентария). Помимо этого, согласно базовому Закону, полномочия белорусских парламентариев, осуществляющих свои полномочия на профессиональной основе, по решению соответствующей палаты Парламента могут быть также прекращены в случаях непредоставления декларации о доходах и имуществе или умышленного внесения в нее неполных, недостоверных сведений, а также несоблюдения ограничений, установленных частями 4–6 статьи 6 указанного Закона [2]. В случае же досрочного прекращения полномочий (ропуска) Палаты представителей, Совета Республики, а также смерти депутата Палаты представителей, члена Совета Республики их полномочия прекращаются без принятия решения соответствующей палатой Национального собрания Республики Беларусь. Решения по вопросам досрочного прекращения полномочий палат Национального собрания принимает Президент Республики Беларусь не позднее чем в двухмесячный срок после официальных консультаций с председателями палат На-

ционального собрания. В связи с изложенным важно подчеркнуть, что в белорусском законодательстве предусмотрен ряд случаев, при которых палаты Национального собрания Беларуси не могут быть распущены: в период чрезвычайного или военного положения; в последние шесть месяцев полномочий Президента Республики Беларусь; в период решения палатами Национального собрания вопроса о досрочном освобождении от должности или смещении с должности Президента Беларуси; в течение года со дня первого заседания каждой из палат Национального собрания.

Автор настоящего исследования полагает, что существующий перечень оснований досрочного прекращения полномочий белорусских народных представителей мог бы быть несколько шире. В частности, в целях оптимизации деятельности членов Парламента Республики Беларусь его допустимо дополнить рядом иных оснований: к примеру, выезд парламентария на постоянное место жительства за рубеж; самороспуск Палаты представителей, Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и некоторые иные.

Примечательно, что в ряде зарубежных государств инициатором досрочного прекращения полномочий может быть политическая партия, если депутат утратил членство в партии, от которой он был избран [12, с. 327]. Полагаем, данное законодательное правило неэффективно, поскольку существенно ограничивает деятельность парламентария как представителя. В белорусском законодательстве не закреплено подобного основания. Нет указанного основания и в перечне оснований досрочного прекращения мандата парламентария, сформулированного польским законодателем. Названный перечень не настолько широк, как белорусский, и предусматривает следующие основания досрочного прекращения мандата члена Национального собрания Республики Польша. В частности, национальный законодатель закрепляет досрочное прекращение действия мандата депутата Сейма на основании отказа названного выборного лица от принесения присяги или уклонения его от принесения присяги. В случае возникновения подобного обстоятельства глава нижней палаты Парламента, предварительно испросив мнение Комиссии по Регламенту и депутатским делам, принимает решение об утверждении прекращения действия депутатского мандата уклонившегося лица, а также о замещении освобожденного мандата и оформляет его постановлением, которое должно быть опубликовано в Официальном Вестнике Республика Польша «Монитор Польски». Представляется, что данный перечень оснований досрочного прекращения мандата члена Национального собрания Польши было бы целесообразно дополнить еще одним основанием: неявка депутата Сейма, члена на определенное количество заседаний соответствующей палаты польского Парламента без уважительной причины. Подобное основание досрочного прекращения мандата представителя, будучи формой определенной политической ответственности данного выборного политика, по нашему мнению, способствовало бы максимально эффективной реализации им своих профессиональных обязанностей. Отметим вместе с тем, что рассмотренное выше легальное правило отнюдь не является единственным основанием досрочного прекращения полномочий польских парламентариев. В польском нормативном массиве закреплено также правило о том, что мандат депутата Сейма и члена Сената может быть досрочно прекращен на основании роспуска палат Парламента. В частности, Сейм имеет право сократить срок своих полномочий постановлением, принятым большинством – не менее 2/3 голосов предусмотренного законом числа депутатов. Важно подчеркнуть, что подобное сокращение срока полномочий нижней палаты Парламента одновременно означает и сокращение срока полномочий Сената.

В польском законодательстве существует и ещё одно основание досрочного прекращения полномочий палаты польского Парламента, а, следовательно, и мандатов ее членов. Так, Президент, узнав мнение глав Сейма и Сената, имеет право в случаях, определенных польской Конституцией (статьи 155, 225), отдать приказ о сокращении срока полномочий Сейма [3]. В частности, согласно статье 155 Конституции Польши в случае необразования Совета Министров в порядке ч. 3 ст. 154 Президент Республики в течение 14 дней назначает Председателя Совета Министров и по его предложению остальных членов Совета Министров, а также принимает их присягу. Сейм в течение 14 дней со дня назначения Совета Министров Президентом обязан предоставить ему вотум доверия большинством голосов в присутствии не менее половины предусмотренного законом числа депутатов. В случае же непредставления Совету Министров вотума доверия Президент сокращает срок полномочий Сейма и назначает выборы. В соответствии же со статьей 225 Конституции Польши, если в течение 4 месяцев со дня внесения в Сейм проекта закона о государственном бюджете он не будет представлен Президенту Польши на подпись, Президент может в течение 14 дней отдать приказ о сокращении срока полномочий Сейма.

В случае принятия Президентом Польши решения о сокращении срока полномочий Сейма вместе с сокращением срока полномочий Сейма одновременно сокращается и срок полномочий верхней палаты. При этом, отдав подобный приказ, глава польского государства обязан одновременно назначить выборы в Сейм и Сенат, установить их дату на день, приходящийся на период не более 45 дней со дня издания приказа о сокращении срока полномочий Сейма, а также созвать первое заседание новоизбранного Сейма не позднее чем на пятнадцатый день после дня проведения выборов. Отметим, что полный перечень оснований прекращения мандата депутата Сейма, члена Сената Польши закреплен в статье 213 Закона Польши от 12 апреля 2001 г. [13].

Таким образом, анализируя установленную законодателями Беларуси и Польши нормативную природу оснований возникновения и прекращения мандатов депутатами Сейма, членами Сената и сравнивая их с аналогичными правовыми категориями статусной конструкции депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, мы находим в данных правомочиях как общие, так и отличные характеристики. Множественность схожих законодательных положений (они преобладают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением и, по нашему мнению, обусловлена преимущественно общими корнями польско-белорусского института парламентаризма. Их суть состоит в том, что основания возникновения и прекращения мандата парламентариев, являясь неотъемлемым элементом их правового статуса, определяют временной период реализации полномочий членов Парламента как Польского, так и Белорусского государства. Отличные же друг от друга характеристики названных юридических категорий проявляются прежде всего в формальном их выражении – в процедуре их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г.А. Конституция и проблемы совершенствования избирательного права в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Журн. рос. права. – 1999. – № 5/6. – С. 149–157.
2. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.05.2012 г. // Консультант Плюс : Бела-

рუსь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

3. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. (Dz. U. Nr 78, poz. 483; zm. : Dz. U. z 2006 r. № 200, poz. 1471; z 2009 r. № 114, poz. 946).

4. Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej / Paweł Sarnecki (red.). – Warszawa : Wyd-wo C.H. Beck, 2011.

5. Безуглов, А.А. Советский депутат. Государственно-правовой статус / А.А. Безуглов. – М. : Юрид. лит., 1971. – 221 с.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.

7. О регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь : постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 9 окт. 2008 г., № 1033-ПЗ/IX // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 248. – 4/5670.

8. О регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : постановление Совета Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь, 19 дек. 2008 г., № 57-СР4/І : в ред. постановления Совета Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь от 02.10.2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

9. Нудненко, Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации / Л.А. Нудненко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 473 с.

10. Протокол № 1 к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, Париж, 20 марта 1952 г. : с изм. от 1 нояб. 1998 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 772–773.

11. Безуглов, А.А. Конституционное право России : учеб. для юрид. вузов : в 3 т. / А.А. Безуглов, С.А. Солдатов. – М. : Профобразование, 2001. – Т. 2. – 831 с.

12. Крылова, Н.С. Конституционные модели законодательной власти / Н.С. Крылова // Сравнительное конституционное право : учеб. пособие. – М., 2002.

13. Ustawa z dnia 12 kwietnia 2001 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej (tekst jednolity : Dz. U. z 2001 r. № 46, poz. 499 ze zm.).

Chmyga A. The Legal Grounds of Origin and Termination of Mandates of Members of Parliaments of Belarus and Poland: Comparative Aspect

The grounds of origin and termination of mandates of members of Parliaments of Belarus and Poland from the point of view of the legal theory have now debatable character. In the article these legal categories in comparative aspect on the basis of an essential community of the considered adjacent states and their legal doctrine in historical, regional and legal contexts are analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.09.2013

УДК 343

С.М. Храмов

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОКРЫТИЯ СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНСЦЕНИРОВОК

В статье рассматриваются криминологические аспекты сокрытия совершенных преступлений посредством инсценировок. Дается понятие и классификация инсценировок преступлений. Рассматриваются наиболее распространенные способы сокрытия преступлений посредством инсценировок. Приводятся примеры из следственной и судебной практики. Делается вывод о том, что необходимость выявления преступлений, скрытых посредством инсценировок, является одной из криминологических проблем борьбы с латентной преступностью.

Введение

Распространённым свойством преступности является её латентность, которая заключается в отсутствии сведений о ней в официальном статистическом учете преступлений. Несмотря на то, что начиная с 2008 г. официально зарегистрированная в Республике Беларусь преступность имеет тенденцию к постепенному снижению (2007 г. – 180 427, 2008 г. – 158 506, 2009 г. – 151 293, 2010 г. – 140 920, 2011 г. – 132 052 зарегистрированных преступлений), предполагаемый уровень её латентности остается высоким [1, с. 18].

В криминологии все скрытые преступления условно делятся на две большие группы: естественно-латентные и искусственно-латентные. К естественно-латентным относится «совокупность преступлений, не ставших достоянием органов и учреждений, регистрирующих их и осуществляющих преследование виновных, соответственно не учтенных в уголовной статистике, и в отношении которых не приняты предусмотренные законом меры реагирования» [2, с. 80]. Вторую разновидность латентной преступности (совокупность искусственно-латентных деяний) образуют известные правоохранительным органам преступления, но не взятые ими по разным причинам на учет.

К одной из недостаточно изученных групп естественно-латентных преступлений (второй разновидности латентной преступности) относятся общественно опасные деяния, сопряженные с инсценировками, предпринятыми с целью сокрытия совершенных преступлений. В данной ситуации имеются в виду неучтенные преступления, где факт их совершения известен ограниченному кругу лиц либо только одному виновному лицу.

Понятие «сокрытие преступления»

Результаты анкетирования осужденных, неоднократно совершавших различные преступления, проведенного П.В. Малышкиным, показали, что «56% из них после совершения преступных деяний предпринимали различные действия по сокрытию совершенных ими преступлений, и это, по их мнению, позволило в ряде случаев избежать уголовной ответственности за совершенное преступное деяние» [3, с. 2].

В.А. Образцов полагает, что «инсценировка – это одна из разновидностей противодействия правоохранительным органам, ведущим борьбу с преступностью, со стороны лиц, не заинтересованных в выявлении преступления, в установлении истины по уголовному делу, в принятии обоснованных и правильных криминологических и правовых решений в уголовном процессе» [4, с. 134]. При этом под инсценировкой преступления следует понимать создание обстановки, не соответствующей фактически

происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц. Примерами являются случаи тщательно сокрытых хищений, фактов взяточничества, убийств без видимых следов насилия. В правоохранительной практике встречаются инсценировки ДТП, когда преступник своей основной целью ставит получение незаконного возмещения ущерба. Такие требования могут предъявляться как к физическим, так и к юридическим лицам. «Наличие преступной инсценировки еще более, чем при других способах сокрытия преступления, затрудняет процесс расследования» [5, с. 225].

В основе инсценировки преступления всегда лежит искусственное создание материальных следов инсценируемого события. Поэтому для изобличения преступников возрастает значение разных видов криминалистических экспертиз [6, с. 4], например, судебно-психологической экспертизы при разоблачении инсценировок несчастных случаев и самоубийств [7, с. 15].

Основной фактор, побуждающий преступника сокрыть содеянное посредством инсценировки – избежание разоблачения и наступления уголовной ответственности за совершенное преступление. Побудительным мотивом выступает страх перед наказанием. Особенно если преступнику грозит длительный срок заключения или смертная казнь. Иногда мотивом инсценировки является стыд и боязнь огласки. Такие мотивы характерны для сокрытия посредством инсценировок преступлений, совершенных против своих близких родственников, преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, преступлений против женщин, нетрудоспособных, лиц пожилого возраста, несовершеннолетних или малолетних. Инсценировки используются и для того, чтобы как можно дольше продолжать преступную деятельность либо при совершении дящихся преступлений. При этом в большинстве случаев преступник рассчитывает, что преступление не будет обнаружено вообще. В ряде случаев преступник таким способом создает себе резерв времени для создания алиби. Это время может также использоваться для поиска надежного убежища или для сокрытия похищенного имущества. В целом, сокрытие преступления следует определить как составной элемент преступной деятельности, направленной на воспрепятствование обнаружению и регистрации совершенного общественно опасного деяния путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей.

Способы сокрытия преступлений посредством инсценировок

Существуют многочисленные способы сокрытия преступлений посредством инсценировок. На способ инсценировки влияет такой детерминирующий фактор, как дефицит времени, поскольку любая инсценировка преступления требует определенных временных затрат. Достоверность и своевременность инсценировки зависит от степени подготовки исполнителя инсценировки и его преступного опыта, развитого воображения, способности планировать и проводить многоуровневые комбинации. Следственной и судебной практике известны инсценировки самоубийств, несчастных случаев (смерть в результате дорожно-транспортного происшествия, падения с балкона, окна), отравлений, самовозгораний различных помещений и хранилищ (случаи умышленного поджога с инсценировкой пожара, возникшего по различным причинам).

В криминологии инсценировки преступлений классифицируются по разным основаниям. Такими основаниями являются цель, объект, субъект, время, место, способ легализации, длительность воздействия и содержание инсценировки. Последнее из пе-

речисленных оснований предусматривает инсценировки материальных следов, события и даже поведения. Цель инсценировки – сокрытие преступления. Если инсценировка не будет разоблачена, то это приведет к его сокрытию от государственного учета. На практике встречаются инсценировки, связанные с чувствами мести, зависти, ревности. Инсценировка может быть направлена на создание искусственных доказательств виновности лица, вообще не связанного с преступлением.

Иногда потерпевшим посредством инсценировки за преступление выдается несчастный случай, последствием которого явилось причинение вреда здоровью. Так, автору известен случай, когда женщина по неосторожности сама упала на скользких ступенях, ведущих в подвал дома, в результате чего получила телесные повреждения. После этого, из чувств ревности и мести, она обратилась в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к уголовной ответственности своего знакомого, который якобы избил её по месту жительства. Разоблачить лжепотерпевшую удалось только после проведения судебно-медицинской экспертизы и следственного эксперимента на месте предполагаемого преступления с участием эксперта, который категорически исключил возможность получения телесных повреждений при обстоятельствах, указанных заявительницей.

Преступления могут скрываться от учета и лицами, в отношении которых совершены реальные, а не мнимые общественно опасные действия. Так, потерпевший может стремиться не оглашать или скрыть совершенное в отношении него преступление, если считает, что оно носит позорящий характер. Например, мошенничество, связанное с построением финансовых пирамид. Потерпевший может прилагать усилия по сокрытию преступления в том числе посредством инсценировки, если опасается, что раскрытие такого преступления угрожает уголовной ответственностью самому потерпевшему. Например, похищение денежных средств и ценностей, нажитых потерпевшим преступным путем. Редко, но встречаются случаи сокрытия потерпевшим преступления в силу желания лично свести счёты с преступником. В качестве потерпевших при этом могут выступать рецидивисты, отбывшие наказание, члены организованных преступных групп или преступных организаций.

Роль осмотра места происшествия в установлении инсценировки

Для достоверного установления, имела ли место инсценировка или нет, определяющее значение имеет своевременное и компетентное проведение первоначальных следственных действий. Прежде всего это касается качества проведения осмотра места происшествия [8, с. 23]. Если это следственное действие проведено небрежно или некачественно, впоследствии невозможно ответить на многие вопросы. В этом плане показательна загадочная смерть русского поэта С. Есенина в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г. в 5-м номере Ленинградской гостиницы «Англетер». Его труп был обнаружен в понедельник 28 декабря 1925 г. около 10 часов 30 минут висающим в петле. Что это было: самоубийство или убийство с инсценировкой самоубийства?

Протокол осмотра места происшествия был составлен учнадзирателем 2-го отделения милиции Н. Горбовым, стаж работы которого в отделении милиции к тому времени насчитывал около 6 месяцев. Именовался этот документ «Акт о самоубийстве Есенина» [9, с. 376], что уже вызывает сомнение в компетентности сотрудника милиции. По существу, без каких-либо исследований сразу же был сделан вывод о причинах смерти. К тому же акт по своей процессуальной форме не соответствовал действовавшему в то время УПК РСФСР 1923 г. [10]. Судебно-медицинский эксперт при осмотре

не присутствовал, фотосъемка трупа на момент обнаружения (в петле) произведена не была, что является грубейшими нарушениями. Труп Есенина был осмотрен судебно-медицинским экспертом только на следующий день после произошедшей трагедии – 29 декабря 1925 г. Обстановка 5-го номера гостиницы «Англетер» и имевшийся в нем беспорядок, а также вещи при осмотре места происшествия описаны не были. Кстати, пиджак, принадлежавший С. Есенину и на момент осмотра находившийся в номере, впоследствии так и не удалось обнаружить. Почему пиджак потерпевшего не был осмотрен и изъят? Не был ли он орудием убийства? Почему не были изъяты окурки в комнате? Почему по ним не была произведена биологическая экспертиза? Список вопросов, не решенных на первоначальном этапе расследования, можно продолжать.

Окончательное решение по делу было принято народным следователем 2-го отделения города Ленинграда Бродским, который 23.01.1926 г. вынес постановление о прекращении производства дознания по делу о самоубийстве С.А. Есенина на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР (за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления). На тот момент месячный срок дознания еще не истек. Постановление датировано субботним днем. Складывается впечатление, что оно было принято в спешке. Несмотря на то, что расследование производилось по факту самоубийства, основанием прекращения дела была выбрана не соответствующая результатам дознания процессуальная формулировка. Непонятно, о каком обвиняемом идет речь? При этом нигде не указано, что событие преступления отсутствовало. К сожалению, допущенные неполнота и низкое качество процессуальных документов дознания по факту смерти С.А. Есенина даже по прошествии 87 лет после той трагической ночи не позволяют окончательно ответить ни на один из поставленных выше вопросов.

Не менее загадочна смерть другого русского поэта 14 апреля 1930 г. по адресу: Москва, Лубянский проезд, д. 3, кв. 12. Речь идет о Владимире Маяковском. Был понедельник. В этот же день «Красная газета» опубликовала следующее информационное сообщение: «Сегодня в 10 часов 17 минут в своей рабочей комнате выстрелом из нагана в область сердца покончил с собой Владимир Маяковский. Прибывшая «скорая помощь» нашла его уже мертвым. В последние дни В.В. Маяковский ничем не обнаруживал душевного разлада и ничего не предвещало катастрофы» [11, с. 1]. Официальная причина смерти «самоубийство» до сих пор обоснованно ставится под сомнение, поскольку осмотр места происшествия был проведен на крайне низком профессиональном и методическом уровне, несмотря на присутствие врача-эксперта. Например, В.В. Полонская (двадцатидвухлетняя возлюбленная поэта, последняя видевшая его живым) в протоколе допроса указала, что когда после выстрела она решила войти в комнату, то увидела, что Маяковский лежал на ковре головой к окну и ногами к двери. В протоколе осмотра места происшествия было указано, что тело поэта обнаружено лежащим головой к двери, что не соответствует показаниям свидетеля В.В. Полонской. Данное существенное противоречие так и не было устранено в процессе расследования. Следователь И. Сырцов, в производстве которого находилось уголовное дело по факту гибели В. Маяковского, даже не назначил комплексной экспертизы рубашки бежево-розового цвета из хлопчатобумажной ткани, надетой на поэта в момент смертельного выстрела. Кстати, эта рубашка была куплена В. Маяковским во время поездки в Париж.

Имеются и другие вопросы. В информационном сообщении в день смерти поэта было указано, что он застрелился из нагана. Однако на месте происшествия был обнаружен не наган, а револьвер системы маузер калибра 7,65 (№ 312045), что и было зафиксировано народным следователем 2 участка Бауманского района Москвы И. Сырцо-

вым в протоколе осмотра места происшествия [12]. Впоследствии к материалам дела в качестве вещественного доказательства был приобщен другой пистолет – браунинг «Bayard» (№ 268979), который принадлежал самому В. Маяковскому. Что касается маузера, обнаруженного при осмотре места происшествия, то этот пистолет подарил Маяковскому начальник Секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранов. Может быть, именно в этом причина явной подмены орудия убийства? Точных ответов на этот и многие другие вопросы в связи с гибелью В. Маяковского нет. Кстати, по необъяснимой причине Я.С. Агранов первым после В.В. Полонской оказался на месте происшествия (в комнате поэта) после выстрела. Поражает тот факт, что уголовное дело по факту гибели В. Маяковского было прекращено 19.04.1930 г., т.е. ровно через 5 дней после начала расследования. И тоже в субботу.

Использование инсценировок при сокрытии страхового мошенничества

В последние годы правоохранными органами все чаще фиксируются случаи страхового мошенничества, сопряженные с различного рода инсценировками. Речь идет о мошенничестве, совершаемом при страховании имущества от пожара, аварий систем водоснабжения, отопления, краж, угона автотранспорта.

Случаи мошенничества в области автострахования встречаются наиболее часто. На данное обстоятельство обращается внимание в литературе [13, с. 47–49]. Уместно вспомнить в связи с этим уголовное дело в отношении известного исполнителя песен в стиле шансон Виктора Калины и его жены Светланы. Действия обоих обвиняемых были квалифицированы по ч. 4 ст. 209 УК Республики Беларусь (мошенничество в особо крупном размере). Самому В. Калине дополнительно была инкриминирована организация указанного преступления (ч. 4 ст. 16 УК РБ), а также совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 400 УК РБ (заведомо ложный донос) и ч. 2 ст. 401 УК РБ (заведомо ложное показание). Уголовное дело получило большой общественный резонанс. В ходе предварительного и судебного следствия установлено, что В. Калина оформил страховое свидетельство на принадлежащий его жене автомобиль «Мерседес Бенц 500S», после чего автомашина была им продана. В страховую компанию поступило заявление о хищении указанного транспортного средства на территории г. Москва. При получении страхового возмещения в размере 34 тыс. долларов США С. Калина была задержана работниками правоохранных органов. Как следует из материалов уголовного дела, в целях осуществления данного преступления В. Калина организовал на территории Республики Беларусь совершение заведомо ложного доноса о хищении транспортного средства. Впоследствии им были даны заведомо ложные показания в качестве свидетеля по возбужденному в Москве уголовному делу. Суд Первомайского района города Минска осудил В. Калину к 5 годам и 6 месяцам лишения свободы, а С. Калину – к 4 годам и 6 месяцам лишения свободы [14]. Совершенное супругами Калина преступление – яркий пример страхового мошенничества.

Судебной практике известны и другие формы страхового мошенничества. Так, П., В., П-в, Г. и неустановленные лица инсценировали столкновение автомобилей с целью получения страхового возмещения. Инспектор ДПС ОГАИ Фрунзенского РОВД г. Минска Б., являясь должностным лицом, согласился по просьбе неустановленного гражданина составить ложные документы о якобы имевшем место ДТП с участием указанных лиц. Он же через неустановленное лицо выдал П. временное разрешение на право управления транспортными средствами взамен водительского удостоверения, а В. и П-ву – заведомо ложные справки об обстоятельствах ДТП. Затем П., В., П-в и Г.

пыталіся получить страховое возмещение в ЗАСО «Белингосстрах». Государственный обвинитель квалифицировал содеянное обвиняемыми П., В., П-вым по эпизоду участия в фиктивном ДТП и составление объяснений об обстоятельствах ДТП по ч. 6 ст. 16 и ч. 2 ст. 424 УК РБ как пособничество в злоупотреблении властью. Суд Центрального района г. Минска осудил их по ч. 1 ст. 14, ч. 3 ст. 209 УК РБ, а по ч. 6 ст. 16, ч. 2 ст. 424 УК РБ оправдал за отсутствием состава преступления, мотивируя это тем, что субъектом пособничества в злоупотреблении властью или служебными полномочиями может быть только должностное лицо. Суд указал, что обвиняемые не являлись должностными лицами (инженер, студент, менеджер фирмы) и их действия по оформлению фиктивных документов были направлены на получение страхового возмещения путем обмана. Установлено также, что Б. они не знали и писали объяснения под диктовку неустановленного лица, а не Б.

Однако с выводом суда о том, что субъектом пособничества в преступлении против интересов службы может быть только должностное лицо, нельзя согласиться. Недолжностное (частное) лицо может быть признано виновным в соучастии в преступлении против интересов службы при условии, что это лицо знало о преступных намерениях должностного лица, между ними был предварительный сговор о совершении преступления и недолжностное лицо совершило какие-либо конкретные действия, образующие объективную сторону преступления. Поэтому, оправдывая обвиняемых по указанному делу, суду следовало сослаться на недоказанность их соучастия в преступлении.

К сожалению, в Республике Беларусь имеются определенные причины для распространения подобного рода мошенничества. Одна из них – недостаточное внимание правоохранительных органов этому виду преступлений. Латентность преступлений, связанных со страховым мошенничеством, велика, и выявлять их крайне затруднительно. Ведь страхование – «один из самых высокоинтеллектуальных видов бизнеса, базирующегося на социологии, психологии, теории вероятности, математике (актуарных расчетах), а также морали» [15, с. 119]. Вторая основная причина – отсутствие в УК РБ отдельных составов страховых преступлений. Для сравнения: ввиду распространенности страхового мошенничества в уголовном законодательстве Австрии, Германии, Голландии, Китая и некоторых других стран наказание за злоупотребления в страховании предусмотрено в отдельных статьях. Третья причина – отсутствие учебно-методических и теоретических разработок по выявлению и расследованию преступлений в сфере страхового мошенничества, а также их профилактике.

Общественная опасность подобных преступлений усугубляется высокой вероятностью ошибок в квалификации содеянного, которые, в свою очередь, подталкивают мошенников к совершению новых преступлений. Информация о преступлении может своевременно стать известной правоохранительным органам, но исполнитель (например, сотрудник милиции общественной безопасности или уголовного розыска), не имея достаточной профессиональной подготовки или допустив ошибку, дает неправильную юридическую оценку деянию, не усматривая в нем признаков состава преступления, в связи с чем оно оказывается за рамками государственного статистического учета.

Мнимая латентность

Криминологическая характеристика сокрытия совершенных преступлений была бы неполной без выделения понятия так называемой «мнимой латентности», при которой о каких-либо инсценировках возможно говорить только условно – в силу ошибки воспринимающего субъекта. На существование мнимой латентности ученые обратили

внимание еще в 70-е гг. XX в. По данным Г. Кайзера, в 28% случаев из обстоятельств дела, которые опрошенные оценили как преступные, объективно они таковыми не являлись. Это свидетельствует об относительной распространенности мнимой латентности среди населения.

Под понятием «мнимая латентность» следует понимать ошибочное восприятие деяния как преступного, оставшегося без соответствующего реагирования со стороны компетентных органов. Мнимая латентность как условная разновидность латентности проявляется также в случаях, когда лица, считающие себя потерпевшими от преступления, заявляют об этом в правоохранительные органы, хотя по критериям уголовного права деяние «виновного» лица не содержит состава преступления.

Выводы

1. Одной из криминологических проблем борьбы с латентной преступностью является необходимость выявления преступлений, скрытых посредством инсценировок.

2. Инсценировка преступления является составным элементом преступной деятельности и заключается в создании обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей.

3. Основным побудительным фактором инсценировки преступления является желание преступника сокрыть содеянное, избежать разоблачения и наступления уголовной ответственности. В качестве основного мотива инсценировки преступления необходимо выделить страх лица, совершившего преступное деяние, перед наказанием.

4. Инсценировки преступлений классифицируются в зависимости от цели, объекта, субъекта, времени, места, способа легализации, длительности воздействия и содержания.

5. Для своевременного выявления инсценировки определяющее значение имеет своевременное и компетентное проведение первоначальных следственных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правонарушения в Республике Беларусь : статистический сборник / Национальный статистический комитет Респ. Беларусь ; отв. за выпуск И.С. Шестакова. – Минск, 2012. – 170 с.

2. Акутаев, Р.М. Латентная преступность: актуальность, проблемы и понятие / Р.М. Акутаев // Государство и право. – 1997. – № 12. – С. 79–81.

3. Малышкин, П.В. Распознавание преступных инсценировок при криминалистическом исследовании обстановки места происшествия : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / П.В. Малышкин. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1990. – 26 с.

4. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 336 с.

5. Малышкин, П.В. Преступная инсценировка как разновидность противодействия раскрытию и расследованию преступлений / П.В. Малышкин // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 16–17 окт. 2003 г. – Уфа : РИО БашГУ, 2003. – Ч. I. – С. 225–230.

6. Бурданова, В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Бурданова. – Л. : Ленингр. гос. ун-т имени А.А. Жданова, 1966. – 17 с.

7. Китаев, Н.Н. Судебно-психологическая экспертиза при разоблачении инсценировок несчастных случаев и самоубийств / Н.Н. Китаев // *Законность*. – № 12. – 1995. – С. 15–16.
8. Малышкин, П.В. Применение типовых криминалистических программ в ходе осмотра места происшествия при расследовании неочевидных преступлений / П.В. Малышкин // *Вестн. Мордовского гос. ун-та*. – 1999. – № 3–4. – С. 23.
9. Акт о самоубийстве Есенина. Составил участковый надзиратель 2-го отделения Ленинградской милиции 28 декабря 1925 г. рукой участкового надзирателя Н. Горбова // *Смерть Сергея Есенина: документы, факты, версии*. – М. : Наследие, 1996. – С. 376.
10. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК, 15.02.1923 г., (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») // *СУ РСФСР*. – 1923. – № 7. – С. 106.
11. Информационное сообщение о самоубийстве В. Маяковского // *Красная газета*. – 1930. – 14 апр. – С. 1.
12. Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 1930 г. – Уголовное дело № 02-29.
13. Корсунский, Д.М. Мошенничество в сфере страхования / Д.М. Корсунский // *Страховое дело*. – 2002. – № 7. – С. 47–49.
14. Архив суда Первомайского района г. Минска за 2007 г. – Уголовное дело по обвинению В. Калины и С. Калины.
15. Лесков, В.С. Нерешенные проблемы в противодействии злоупотреблениям в автостраховании / В.С. Лесков // *Юридическая и правовая работа в страховании*. – 2006. – № 3. – С. 116–119.

Chramov S.M. Criminological Aspects of Concealing Crimes Through Dramatizations

In the article the criminological aspects of concealing the crimes committed by the dramatizations are considered. The concept and classification of dramatizations of crimes is given. The most common ways of concealing crimes by dramatizations are characterized. Examples are given of the investigation and litigation. It is concluded that the need for detection, hidden by the drama, is one of criminological problems against latent crime.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.11.2012

УДК 37:0018

С.Н. Северин

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СТРУКТУРЕ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ

В статье раскрывается сущность педагогического эксперимента как многофункционального эмпирического метода научно-педагогического исследования, структура, функции и технология проектирования педагогического эксперимента в структуре прикладного педагогического исследования, акцентируется внимание на нормах проектирования и осуществления педагогического эксперимента: корреляция цели и гипотезы эксперимента с предметом, целью, задачами и гипотезой исследования; экспериментальный контроль, управление независимой и зависимой переменными; надежность и валидность выводов; репрезентативность выборки; оптимальность организационной модели; корректность «измерения» педагогических объектов, количественной (статистической) обработки экспериментальных данных и качественной интерпретации результатов эксперимента.

Введение

Одним из доминирующих эмпирических методов прикладного педагогического исследования является педагогический эксперимент. Вместе с тем, как отмечают эксперты, качество «педагогических экспериментов» низкое. Исследователям необходимо акцентировать внимание, прежде всего, на: целесообразности эксперимента и технологии его проектирования, логике осуществления, экспериментальном контроле, репрезентативности выборки, валидности и надежности диагностического инструментария, количественной и качественной обработке экспериментальных данных, корректности использования статистических критериев, надежности, валидности выводов.

Сущность педагогического эксперимента

Педагогический эксперимент – комплексный, многофункциональный эмпирический метод педагогического исследования. В чем сущность данного метода? Как отмечает В.М. Полонский, педагогический эксперимент – это «метод познания, позволяющий получить новые знания о причинно-следственных отношениях между педагогическими факторами, условиями, процессами за счет планомерного манипулирования одной или несколькими переменными (факторами) и регистрации соответствующих изменений в поведении изучаемого объекта или системы. Сущность педагогического эксперимента характеризуется целенаправленным внесением принципиально важных изменений в ход педагогического процесса в соответствии с задачей исследования и его гипотезой. Эксперимент строится на сравнении контрольной и экспериментальной групп, позволяет определить взаимосвязь зависимых и независимых переменных (методов и средств обучения и результатов в строго фиксируемых условиях)» [7, с. 152].

Методологи разграничивают понятия «педагогический эксперимент», «дидактический эксперимент», «методический эксперимент». В частности, «дидактический эксперимент» проводится в исследованиях, связанных с научным обоснованием, проектированием новых моделей содержания обучения, методов и форм обучения и др. «Методические эксперименты» (Э.А. Штульман) реализуются в частнодидактических исследованиях связанных с научным обоснованием и разработкой целевых, содержательных, технологических аспектов обучения конкретному учебному предмету. Как отмечает, Э.А. Штульман: «Методический эксперимент – это комплексный, многофункциональ-

ный метод, в основе которого – достаточно строго контролируемое экспериментальное обучение конкретному учебному предмету» [10, с. 62].

Педагогический эксперимент позволяет не только наблюдать педагогические явления, констатировать, регистрировать и интерпретировать эмпирические данные, но и «целенаправленно воздействовать на педагогические явления путем создания новых условий или введения в него новых (экспериментальных) факторов для выявления причинно-следственных зависимостей» [1, с. 176]. Т.В. Корнилова подчеркивает, что «в эксперименте исследователь не просто провоцирует или создает условия для наблюдения предполагаемых закономерностей, а организует специальный контроль – управляет переменными, посредством чего активно вмешивается в ход изучаемых процессов» [4, с. 352].

Педагогический эксперимент предполагает искусственное создание и управление (целенаправленное изменение) вариативными контекстами обучения (системой педагогических условий), введение дополнительных условий-переменных, определение связи «педагогическое условие – педагогический результат», выявление доминирующих условий и факторов, каузальных и корреляционных связей между зависимыми и независимыми переменными.

Новое условие (фактор), который вводится и или изменяется исследователем, называется «экспериментальным условием», «экспериментальным фактором», «независимой переменной». Условия (факторы), которые изменились под влиянием независимой переменной, называются «зависимыми переменными». Как отмечает Т.В. Корнилова, «независимая переменная» – это управляемая переменная, т.е. активно изменяемая исследователем, а «зависимая переменная» – это своеобразный «отклик», или измеряемая в процессе эксперимента переменная, изменения которой причинно обусловлены действием независимой переменной [4, с. 351]. Зависимую переменную мы измеряем с помощью определенных качественно-количественных критериев и показателей. «Латентная переменная – гипотетическая переменная, которая не поддается измерению в исследовании, но в модели связи между переменными характеризует неучтенные влияния («возмущающие» факторы), воздействующие на измеряемую переменную» [4, с. 352].

Педагогический эксперимент предусматривает разработку цели, гипотезы, задач исследования, понятийно-терминологического аппарата, конструирование концептуальной модели объекта исследования («идея + инструменты ее реализации»). Концептуальные модели объекта исследования могут быть вариативными (специфика социально-гуманитарных исследований): например, ученый может разрабатывать и экспериментально апробировать дидактическую систему высшего педагогического образования в контексте культурологического или компетентностного подходов. Концептуальная позиция исследователя обуславливает выбор объекта, специфику целей, технологической модели, программы и методики эксперимента, оказывает существенное влияние на теоретическую интерпретацию эмпирических данных, полученных в процессе эксперимента.

Технологическая модель эксперимента

1. Определение *объекта* («базисный процесс», например, процесс обучения), педагогического *контекста* как системы факторов и условий (например, «в контексте регионального университета как центра культуры, образования, науки и инноваций») и *цели* эксперимента (сравнить эффективность двух методик обучения в рамках того или иного педагогического контекста).

2. Осуществление *экспериментального контроля*, цель которого – обеспечение *валидности эксперимента, достоверности* или *валидности выводов*.

Экспериментальный контроль предполагает:

1. Определение *независимых (НП) и зависимых (ЗП) переменных* (например, в педагогическом эксперименте устанавливается степень влияния авторской методики обучения на уровень компетентности студентов; «методика обучения» – независимая или управляемая исследователем переменная; «компетентность студентов» – зависимая переменная); в качестве НП могут выступать метод обучения, форма, методика. Крайне важно первоначально определить (уточнить, дополнить) сущность независимой и зависимой переменных. Если в качестве ЗП выступает «методологическая культура магистрантов», то определяем, что есть «методологическая культура магистрантов» (сущностные признаки), факторы и психологические механизмы ее развития, актуальное состояние, детерминанты актуального состояния, т.е., конструируем эмпирическую и теоретическую модели объекта. Определение сущностных признаков методологической культуры (как культуры мышления, основанной на методологической рефлексии) позволит определить критерии ее сформированности (такими критериями могут быть, например, системность нормативно-методологических знаний, уровень сформированности методологических умений, уровень развития методологического мышления, степень рефлексивной самостоятельности).

2. Управление *независимой переменной*: исследователь НП может трансформировать, «дозировать», изменять характеристики, параметры, вводить новые элементы (например, при осуществлении диагностической процедуры, связанной с определением у магистрантов уровня рефлексивной самостоятельности, исследователь перед решением респондентами методологических задач может как «дать установку на рефлекссию», так и нет; в данном случае *экспериментальные эффекты будут вариативны* и будут определяться как по количеству и качеству решенных респондентами контрольной и экспериментальной групп методологических задач, так и количеству респондентов каждой из групп, осуществивших самостоятельный рефлексивный вывод (обобщение) на основе критического анализа процесса решения);

3. *Определение критериев и показателей сформированности зависимой переменной*. Объективная качественно-количественная оценка результатов научно-педагогического исследования невозможна без системы критериев и показателей. Показатели суть качественно-количественные характеристики критерия, конкретизирующие, уточняющие критерий («знания» – критерий; «системность знаний» – показатель). Профессор Н.М. Розенберг дифференцирует показатели на: а) *показатели-данные* (эмпирические данные, выраженные в числах, например, количество грамматических ошибок в письменном тексте, количество решенных алгоритмических задач за единицу времени и др.); б) *показатели-инструменты* (это различные статистические меры, например: показатели валидности дидактических тестов, статистические критерии); показатели-данные и показатели-инструменты служат преимущественно для количественной оценки качества педагогических объектов; в) *показатели-явления* [8, с. 68]. Так как наблюдению доступны только экстерииоризированные действия респондентов (наблюдаемые извне), то очень важно осуществить процедуру перехода от дидактического понятия к системе показателей-явлений, в основе которых экстерииоризированные действия. Процедура перехода от понятия к системе показателей-явлений называется «*процедурой процессуализации понятия*». Процессуализация понятия «методологическая компетентность педагога-исследователя» приводит к следующей номенклатуре показателей-явлений: а) уметь проектировать педагогическое исследование в соответствии методологическими алгоритмами; б) уметь конструировать методологический аппарат (акту-

альность, объект, предмет, цель и т.д.) педагогического исследования с позиции методологических норм; в) решать методологические задачи, связанные с определением степени корреляции между компонентами методологического аппарата исследования, конструировать корреляционные матрицы; г) уметь явно и ясно определять основные понятия, связи между ними, конструировать понятийно-терминологический аппарат исследования; д) владеть логикой осуществления и способами аргументации эмпирической, теоретической и нормативной моделей прикладного педагогического исследования; е) осуществлять методологическую рефлексивность процесса и результатов педагогического исследования, оценивать результаты педагогического исследования с позиции новизны, теоретической и практической значимости и др. Показатели-явления – это качественные показатели. В качестве показателей-данных могут выступать: количество правильно выполненных тестовых заданий методологического характера, количество существенных методологических ошибок при конструировании методологического аппарата исследования и др. В качестве показателей-инструментов могут рассматриваться: степень корреляции между такими зависимыми переменными, как «методологические знания» и «умения осуществлять методологическую рефлексивность», а также степень корреляции (статистической значимости) между независимой переменной «метод конструирования корреляционной матрицы» и «умения осуществлять методологическую рефлексивность» или «метод конструирования корреляционной матрицы» и «рефлексивная самостоятельность исследования (исследователь как субъект рефлексии)». От того, адекватно какой теории или концепции является исследователь, будет зависеть и содержательная трактовка понятия, и, как следствие, система показателей. Конечно, система показателей не есть эмпирический эквивалент понятия, т.е., система показателей явно «уже» содержательного поля понятия. Для того, чтобы разработать систему показателей, необходимо определить сущность понятия, раскрыть его сущностные признаки! Содержания понятий развиваются – развиваются и системы показателей! Н.М. Розенберг считает, что «характеристика дидактического показателя должна включать: во-первых, стандартизированные определения исходных педагогических понятий, опору на четкие концептуальные построения; во-вторых, обоснованную процедуру процессуализации понятия, перехода от теоретического к адекватному эмпирическому уровню; в-третьих, способность входить в различные системы связей, получая в них соответствующую педагогическую интерпретацию» [8, с. 72].

4. *Конструирование качественных шкал* оценки уровня сформированности зависимой переменной. В педагогическом исследовании как социально-гуманитарном доминируют качественные критерии, качественные методы, качественный диагностический инструментарий. *Оценить уровень сформированности (развития) ЗП, динамику уровня ЗП в процессе педагогического исследования возможно только качественно, квалитетически!* Например, профессор В.П. Беспалько разработал четырехуровневую качественную шкалу оценки уровня освоения школьниками содержания обучения: 1) *алгоритмическое узнавание*, характеризующееся решением типовых задач с той или иной степенью подсказки алгоритма выполняемого действия (уровень знакомства); 2) *алгоритмическая репродукция* – решение типовых задач путем самостоятельного воспроизведения алгоритма решения (уровень алгоритмической деятельности); 3) *эвристическая деятельность* – решение нетиповых задач путем переноса в новые условия и некоторой перестройки известных алгоритмов (правил) действия (уровень добывания субъективно новой информации); 4) *творческая деятельность* – решение ис-

следовательских задач-проблем путем создания школьниками новых алгоритмов (правил) деятельности (уровень добывания объективно новой информации).

5. Определение способов (методов) диагностики, измерения *зависимой переменной* (количественно или качественно с использованием *шкалы наименований, порядка, интервалов, отношений*) и выбор адекватных статистических критериев определения *корреляции* (ковариации) между НП и ЗП. Педагогический эксперимент – это комплексный метод исследования. В процессе эксперимента зачастую используются и другие методы исследования: тестирование, анкетирование, экспертный метод, факторный анализ и др. Одной из распространенных ошибок является следующая: например, исследователь в процессе эксперимента определяет эффективность авторской методики формирования у магистрантов методологической компетентности (*компетентностного подхода!*); вывод о продуктивности методики осуществляется на основании определения динамики сформированности методологической компетентности у магистрантов экспериментальных групп, а также на основании сравнения этой динамики с результатами контрольной группы, которая обучалась по альтернативной методике (при условии, что экспериментальные и контрольные группы на «входе» были «равнозначны» по уровню учебных достижений); однако диагностика уровня сформированности компетентности осуществляется посредством метода тестирования; однако с помощью тестирования невозможно определить у магистрантов реальный уровень компетентности. В этой связи крайне важно сформировать пакет методов (методик), необходимых и достаточных, валидных и надежных для решения экспериментальных задач. Выбор методов зависит от специфики экспериментальных задач.

Для измерения зависимой переменной используются шкалы измерения, которые классифицируются следующим образом: а) *номинативная шкала*, или шкала наименований; б) *порядковая шкала*; в) *интервальная шкала* или шкала равных интервалов; г) *шкала равных отношений* (С. Стивенс).

Сидоренко Е.В. отмечает: «*Номинативная шкала* – это шкала, классифицирующая по названию... Название же не измеряется количественно, оно лишь позволяет отличить один объект от другого или одного субъекта от другого. Номинативная шкала – это способ классификации объектов или субъектов, распределения их по ячейкам классификации» [9, с. 12]. Признак, который измеряется по шкале наименований, может иметь разные значения, например: «не решил задачу – решил задачу одним способом – решил задачу двумя способами». Расклассифицируем всех учащихся (испытуемых) по ячейкам классификации: «не решил задачу» – Сидоров, Петров; «решил задачу одним способом» – Иванов, Денисов; «решил задачу двумя способами» – Григорьева, Иванова, Петухова. Далее подсчитываем количество учащихся контрольных и экспериментальных классов, которые «не решили задачу», «решили задачу одним способом», «решили задачу двумя способами». Как отмечает Е.В. Сидоренко, номинативная шкала позволяет подсчитывать частоты встречаемости значений признака («не решил задачу», «решил задачу» и др.) и работать с этими частотами с помощью математических методов. Данные могут быть обработаны с помощью критерия Пирсона, углового преобразования Фишера и др.

«*Порядковая шкала*» – это шкала, классифицирующая по принципу «больше – меньше». Если в шкале наименований было безразлично, в каком порядке мы располагаем классификационные ячейки, то в порядковой шкале они образуют последовательность от ячейки «самое малое значение» к ячейке «самое большое значение» (или наоборот). Ячейки теперь уместнее называть классами, поскольку по отношению к клас-

сам употребимы определения «низкий», «средний», «высокий»... В порядковой шкале должно быть не менее трех классов... В порядковой шкале мы не знаем истинного расстояния между классами, а знаем лишь, что они образуют последовательность [9, с. 13]. Количество рангов должно соответствовать количеству ранжируемых субъектов или объектов (ценностей, качеств). «Единицей измерения» в порядковой шкале является расстояние в один ранг или один класс, однако это расстояние может быть разным! В качестве порядковой шкалы выступает, например, десятибалльная система оценки учебных достижений школьников. Или мы также можем использовать порядковую шкалу для ранжирования претендентов на «кресло» руководителя в зависимости от оценок их профессиональной компетентности, которые были высказаны экспертами, определить коэффициент ранговой корреляции между оценками экспертов. В процессе эксперимента можем предложить школьникам экспериментальных классов проранжировать, например, перечень экологических проектов (ценностей и др.) в зависимости от «степени значимости для себя». *Наиболее распространенной ошибкой в педагогических исследованиях является ранжирование контрольных и экспериментальных классов по уровню обученности на основании определения среднего балла («средняя температура по больнице»)*. Некорректными являются утверждения типа «экологические знания школьников экспериментальных классов в среднем на 0,5 балла выше, чем у школьников контрольных классов», или «экологические умения школьников экспериментальных классов в 2 раза выше, чем у школьников контрольных классов». Исследователь также на основании результатов диагностики может проранжировать учащихся контрольных и экспериментальных классов по степени (уровню) сформированности («нулевой», «минимальный», «базовый», «оптимальный»), например, экологических знаний и др. и подсчитать коэффициент ранговой корреляции. Есть два замечания: 1) уровневая шкала – это качественная шкала; 2) чем больше классов (уровней) в шкале, тем больше у нас возможностей для математической обработки полученных данных и проверки статистических гипотез.

Шкала равных отношений, как отмечает Е.В. Сидоренко, – это шкала, классифицирующая объекты или субъектов пропорционально степени выраженности измеряемого свойства [9]. А.М. Новиков подчеркивает, что шкала отношений позволяет оценивать во сколько раз один измеряемый объект больше (меньше) другого, принимаемого за эталон (единицу) [6]. В педагогических исследованиях шкала отношений может использоваться в ситуациях, когда измеряется (сравнивается), например, количество правильно решенных типовых задач за единицу времени или количество ошибок в диктанте (тесте). Важное замечание: мы можем отметить, что Сидоров в два раза больше решил типовых задач за академический час, чем Иванов, или в два раза меньше сделал ошибок в тесте по грамматике английского языка, однако, некорректными являются утверждения типа «у ученика Сидорова математических знаний в два раза больше, чем у Петрова» или «языковая компетентность Петрова в два раза меньше, чем Сидорова».

Интервальная шкала. «Интервальная шкала – это шкала, классифицирующая по принципу «больше на определенное количество единиц – меньше на определенное количество единиц». Каждое из возможных значений признака отстоит от другого на равном расстоянии. Можно предположить, что если мы измеряем время решения задачи в секундах, то это уже явно шкала интервалов. Однако на самом деле это не так, поскольку психологически различие в 20 секунд между испытуемым А и В может быть отнюдь не равно различию в 20 секунд между испытуемым В и Г, если испытуемый А решил задачу за 2 секунды, В – за 22, В – за 222, а Г – за 242... Попытки измерять пси-

хологические явления в физических единицах – волю в секундах, способности в сантиметрах и т. п., понятны, ведь все-таки это измерения в единицах «объективно» существующего времени и пространства. Однако ни один опытный исследователь при этом не обольщает себя мыслью, что он совершает измерения по психологической интервальной шкале. Эти измерения принадлежат по-прежнему шкале порядка. Мы можем с определенной долей уверенности утверждать лишь, что испытуемый А решил задачу быстрее Б, Б быстрее В, а В быстрее Г [9, с. 15]. В этой связи использование интервальной шкалы в педагогических исследованиях крайне ограничено.

В социально-гуманитарном (педагогическом) исследовании особое внимание необходимо обратить на целесообразность и корректность использования математических и статистических методов и соответственно интерпретацию результатов, полученных с помощью данных методов. Например, если педагог-исследователь использует для статистической обработки результатов экспериментальной работы коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена, то необходимо знать, что с помощью данного коэффициента можно выявить *корреляционные связи между признаками*, которые не могут рассматриваться как свидетельство *причинно-следственной (каузальной) связи*, ибо они свидетельствуют лишь о том, что изменениям одного признака, как правило, сопутствуют определенные изменения другого. Но находится ли причина изменений в одном из признаков или она оказывается за пределами исследуемой пары признаков, нам неизвестно [9]. В исследовании, посвященном проблеме формирования у младших школьников отношения к природе как самооценности, посредством коэффициента ранговой корреляции r_s Спирмена была выявлена сильная корреляционная связь между такими переменными, как «экологическая эмпатия» и «экологическое поведение». Однако только качественный анализ позволил установить следующее: в зависимости от контекста экологической ситуации экологическая эмпатия младших школьников (гуманистический мотив) зачастую обуславливает и экологически неадекватное поведение – младшие школьники проецируют социально-нравственные нормы, регламентирующие взаимодействие в социуме, на мир природы.

6. Выявление и минимизация влияния на причинно-следственную связь между НП и ЗП «побочных» или «сопутствующих» переменных (СП); если степень влияния СП на ЗП существенна, то эксперимент характеризуется низкой степенью доказательности, *достоверности или валидности выводов*. В качестве СП могут выступать, например, «обучение в учреждении дополнительного образования» (возможно не авторская методика, а именно обучение в учреждении дополнительного образования или индивидуальное обучение под патронажем репетитора оказали существенное влияние на уровень учебных достижений школьника), «влияние референтных лиц», «влияние социальной микросреды» и др.

7. Обеспечение *воспроизводимости результатов измерения переменных, надежности эмпирических данных* эксперимента. Как отмечает Т.В. Корнилова: «Надежными считаются данные, которые при повторном их получении в тех же процедурных условиях дают незначимые отклонения от первоначальных величин» [4, с. 49]. Надежность эмпирических данных есть необходимое условие валидности исследования. «Ненадежность» эмпирических данных может быть следствием колебаний измеряемых переменных, влияния субъективных факторов (например, обусловлено эмоциональным состоянием респондента), ошибками измерений, влиянием побочных факторов, изменением условий осуществления эксперимента и др.

8. Обеспечение *репрезентативности* выборки, «эквивалентности» контрольной и экспериментальной групп. Методологи подчеркивают: «*Тип и способы выборки прямо зависят от целей исследования и его гипотез. Чем конкретнее цель и чем яснее сформулированы гипотезы, тем правильнее будет решен вопрос о выборке...* Требования *репрезентативности* выборки означают, что по выделенным параметрам (критериям) состав обследуемых должен приближаться к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности. Между тем строго репрезентативную выборку по всем важным для проблематики исследования параметрам обеспечить невозможно, поэтому следует гарантировать репрезентацию по главному направлению анализа данных» [11, с. 96]. В зависимости от цели исследования существенными могут выступать различные характеристики генеральной совокупности: *тип и уровень образовательного учреждения, модели и стили обучения, уровень учебных достижений, интеллектуального развития целевой группы, социокультурная среда и др.* Контрольные и экспериментальные группы должны быть эквивалентны именно по существенным признакам и отличаться наличием (отсутствием) того или иного компонента методики – метода, методического приема, формы, стиля взаимодействия и др. Как отмечают методологи: «*Решающее значение имеет не пропорциональность выборочной доли экспериментальных подразделений... в отношении к их доле в генеральной совокупности, а именно качественное представительство экспериментальных и контрольных объектов соответственно цели исследования. Численность (объем) выборки зависит от уровня однородности или разнородности изучаемых объектов. Чем более они однородны, тем меньшая численность может обеспечить статистически достоверные выводы*» [11, с. 100]. Ученые-социологи приводят следующие расчеты репрезентативной выборки с допущением ошибки в 5%.

Таблица – Зависимость фактической ошибки от объема генеральной совокупности (допущение 5%) [11]

Объем генеральной совокупности	500	1000	2000	3000
Объем выборки	222	286	333	350
Объем генеральной совокупности	4000	5000	10000	100000
Объем выборки	360	370	385	358

Примечание: генеральную совокупность составляют все единицы определенного в программе исследования объекта

1. Профессор Э.А. Штульман, исходя из сущности понятия «малой выборки», считает, что «для сравнения результатов достаточно в экспериментальной и контрольной группах иметь по 24 человек, поскольку математическая статистика утверждает, что после этого числа сопоставительные данные начинают повторяться» [10, с. 64]. Методологи отмечают, что формально-статистически репрезентативная выборка может оказаться качественно непредставительной. Качество выборки зависит от трех условий: от меры однородности социальных объектов по наиболее существенным для исследования характеристикам; от степени дробности группировок анализа, планируемых по задачам исследования; объем выборки зависит от количества существенных для исследования характеристик: чем больше характеристик, тем больше объем выборки; от целесообразного уровня надежности выводов исследования (например, для «зондирования»

щего» педагогического эксперимента устанавливаются менее строгие требования к валидности экспериментальной работы, репрезентативности выборки) [10].

1. *Конструирование каузальной (причинно-следственной) гипотезы педагогического эксперимента.* Каузальная гипотеза – гипотеза о причинно-следственных связях. Гипотеза эксперимента должна жестко коррелировать с предметом, целью, задачами и гипотезой всего исследования. Например, необходимыми и достаточными педагогическими условиями формирования у младших школьников отношения к природе как самоценности являются: организация познавательной (элементарной исследовательской, познавательно-иррациональной), ценностно-ориентационной, преобразовательной (проектной, биотехнической), рефлексивной экологической деятельности; педагогическая актуализация в экологической деятельности у младших школьников психологических механизмов субъективизации, идентификации, интеллектуализации эмоций, эмпатии, рефлексии, «зеркальной» рефлексии. Продуктивно конструировать *конкурирующие гипотезы*, например: а) *методика обучения «А», в основе которой «подстройка» под сформированный индивидуальный интеллектуальный стиль школьников, является эффективным педагогическим средством их интеллектуального развития;* б) *методика обучения «Б», в основе которой формирование вариативного интеллектуально-стилевого репертуара школьников, является эффективным педагогическим средством их интеллектуального развития.*

2. *Выбор организационной модели эксперимента.* «Равноценность» контрольных и экспериментальных групп. Наиболее распространенными являются следующие организационные модели эксперимента (Э.А. Штульман) [10]: «традиционная» (постоянный состав экспериментальных и контрольных групп; только экспериментальная группа обучается по новационным методикам; на рефлексивно-оценочном этапе эксперимента сравниваются результаты обучения в экспериментальных и контрольных группах); «перекрестная» (экспериментальная и контрольные группы условны и меняют свой «статус» на различных этапах эксперимента: учебные занятия в экспериментальной и контрольной группах проводятся одним преподавателем в рамках одной и той же учебной программы, однако сначала в экспериментальной группе реализуется методический подход «А», в контрольной группе – методический подход «Б», затем – наоборот); «константная» (все группы – экспериментальные; итоговые результаты эксперимента сравниваются с исходным состоянием экспериментальных групп, сравниваются результаты между экспериментальными группами, а также между экспериментальными группами и виртуальной контрольной группой); «гибридная» (на различных этапах эксперимента используются элементы вариативные организационные модели).

Для «чистоты» результатов эксперимента (интерпретации результатов, выводов) крайне важно обеспечить «тождественность», «равноценность» экспериментальных и контрольных групп по основным параметрам: мотивация, уровень учебных достижений, способности, опыт. Профессор Э.А. Штульман отмечает: «Успешно применяется метод попарного отбора испытуемых для экспериментальной и контрольной групп (сильный – сильный, средний – средний, слабый – слабый). Чтобы снять возможные сомнения и создать условия для наибольшего сопротивления гипотезе, в контрольные группы стали включать более сильных испытуемых. В этом случае метод попарного отбора реализуется несколько иначе, именно: сильный (экспериментальная группа) – более сильный (контрольная группа), средний – сильный, слабый – средний. Практикуется и подбор испытуемых методом учета среднегрупповых показателей, т. е., принимаются во внимание результаты замеров в среднем по группам. В этом случае также желательно, что-

бы исходные среднегрупповые показатели контрольной группы были выше, чем экспериментальной. Иными словами, вместо уравнивающего подбора групп в целях большей объективности целесообразно формировать контрольные группы со стартовыми преимуществами у обучаемых» [10, с. 63–64].

3. *Логика (этапы) педагогического эксперимента.* С нашей точки зрения основными этапами эксперимента являются:

а) *предэкспериментальный* (обоснование целесообразности педагогического эксперимента в контексте задач исследования; конкретизация объекта, контекста и цели эксперимента; определение экспериментальной базы и необходимых ресурсов; установление корреляции цели и гипотезы эксперимента с целью, задачами и гипотезой исследования; формирование пакета валидного и надежного диагностического инструментария; проведение зондирующих диагностических срезов, например, целью комплектования экспериментальных и контрольных групп; выбор оптимальной организационной модели и др.);

б) *констатирующий* (реализация серии диагностических срезов, с целью выявления актуального состояния (уровня учебных достижений, степени сформированности умений, опыта, развития специальных способностей и др.) экспериментальной и контрольной групп; эмпирические данные, полученные на констатирующем этапе, крайне важны, например, для обоснования практической актуальности проблемы и темы исследования, обеспечения «равнозначности» контрольных и экспериментальных групп, возможной корректировки экспериментальных образовательных программ, методик обучения, сравнения результатов обучения испытуемых в экспериментальных и контрольных группах в плоскости «констатирующий этап – контрольный этап эксперимента» и др.);

в) *формирующий этап* (реализация в реальном педагогическом процессе экспериментальных образовательных программ, новационных методик);

г) *корректирующий этап* (управление независимой переменной, изменение, корректировка методических алгоритмов, включение дополнительных методических приемов, дополнение методик обучения в связи с изменением педагогического контекста, результатами текущей диагностики экспериментальной группы);

д) *контрольный этап* (реализация контрольных диагностических срезов с целью выявления итогового состояния уровня учебных достижений, степени сформированности умений, опыта, развития специальных способностей и др. экспериментальной и контрольной групп);

е) *оценочно-рефлексивный* (количественная и качественная обработка экспериментальных данных; эмпирическое обобщение экспериментальных данных; определение каузальных и корреляционных связей; *интерпретация эмпирических данных в контексте теоретической модели*).

Зачастую в педагогических исследованиях соискатели делают «истинные» выводы на основании неполной индукции: «Методика «А» результативна для педагогического контекста «А» и для педагогического контекста «Б», следовательно, методика «А» универсальна, результативна для любого педагогического контекста». Крайне важно соискателю не только зафиксировать результативность той или иной методики, но и ответить на вопрос: «Почему (условия и факторы) методика «А» результативнее методики «Б»?». Иногда соискатели в своих заключениях отмечают, что «разработанная методика является эффективным методическим средством развития у целевой группы способностей..., формирования компетентности...». Однако для какого педагогического контекста (факторы, необходимые и достаточные условия) данное зак-

лючение истинно, не указывается. Очевидно, что база индукции незначительная для такого категоричного «диагноза». Важно отметить, что «чистых» экспериментальных данных, «чистых» фактов не существует. Педагог-исследователь всегда интерпретирует эмпирические данные с позиции определенной теории или концепции. Научный факт всегда включен в определенную интерпретативную структуру. Каждый ученый обладает своей интерпретативной структурой, своим «индивидуальным смысловым контекстом»; он является адептом той или иной научной теории, носителем определенной концепции.

ж) *постэкспериментальный* (реализация постэкспериментальных диагностических срезов, с целью обеспечения надежности выводов; реализация экспериментальных образовательных программ, методик в более широком педагогическом контексте).

Заключение

Педагогический эксперимент как метод исследования может быть использован для решения следующих *исследовательских задач*:

1. *Обоснование актуальности проблемы исследования.* В частности, результаты констатирующего этапа эксперимента (факты-примеры, факты-иллюстрации) – источники обоснования практической актуальности проблемы исследования (например, на констатирующем этапе эксперимента, определено, что у 90% магистрантов педагогических специальностей низкий уровень сформированности нормативно-методологических знаний и рефлексивных умений).

2. *Оценка теоретической модели педагогического объекта, а также обоснование нормативных моделей педагогического объекта* (методическая система обучения, методы обучения, методика, критерии).

3. *Определение эффективности* того или иного метода обучения, методики, методической системы; *сравнение эффективности* методического инструментария как средства решения педагогических задач в определенном педагогическом контексте.

4. *Определение каузальных и корреляционных* (на основе статистических критериев) *связей* между независимыми и зависимыми переменными: «педагогический метод – качество освоения содержания, уровень культуры или компетентности целевой группы», «система педагогических условий – результаты обучения», «методика обучения – качество обучения».

5. *Определение необходимых и достаточных педагогических условий* обеспечения качества и/или эффективности педагогического процесса.

6. *Ранжирование (определение доминант) факторов и условий* качества педагогического процесса и др.

7. *Определение латентных переменных* («скрытых», неочевидных, неявных факторов, условий), оказывающих существенное влияние на качество и эффективность педагогического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борытко, Н.М. Методология и методы психолого-педагогических исследований : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.М. Борытко, А.В. Моложавенко, И.А. Соловцова. – М. : Академия, 2008. – 320 с.

2. Загвязинский, В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие для пед. вузов по спец. «Педагогика и психология» / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2005. – 208 с.
3. Ибрагимов, Г.И. Педагогический эксперимент: проблемы и основные направления совершенствования / Г.И. Ибрагимов // Педагогика. – 2010. – № 3. – С. 20–27.
4. Корнилова, Т.В. Экспериментальная психология: теория и методы : учебник для вузов / Т.В. Корнилова. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 381 с.
5. Краевский, В.В. Общие основы педагогики : учебник для пед. вузов / В.В. Краевский. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
6. Новиков, А.М. Как работать над диссертацией: пособие для начинающего педагога-исследователя / А.М. Новиков. – М. : Эгвес, 1999. – 187 с.
7. Полонский, В.М. Словарь по образованию и педагогике / В.М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.
8. Розенберг, Н.М. О сущности и возможностях применения дидактических показателей / Н.М. Розенберг // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 68–72.
9. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2001. – 350 с.
10. Штульман, Э.А. Специфика методического эксперимента / Э.А. Штульман // Сов. педагогика. – 1998. – № 3. – С. 61–65.
11. Ядов, В.А. Стратегии социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М. : Омега-Л, 2007. – 567 с.

Severin S.N. Project Technology of Pedagogical Experiment Structure of Applied Research in the Pedagogics

The article reveals the essence of pedagogical experiment as a multifunctional empirical method of scientific-pedagogical research, the structure, functions and the techniques of projection of pedagogical experiment in the structure of applied pedagogical research; the attention is paid to the norms of projection and performance of pedagogical experiment: the correlation of the objective and the hypothesis of the experiment with the subject, objective, tasks and hypothesis of the research; experimental control, management of independent and dependent variables; reliability and validity of conclusions; the representativeness of selection; the optimality of organizational model; the correctness of the «measurement» of pedagogical objects, of qualitative processing of experimental data quantitative interpretation of the results of the experiment.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2013

УДК 372.016:51

Т.В. Пивоварук

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ ПО МАТЕМАТИКЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

В статье представлены основные результаты научно-исследовательской работы кафедры методики преподавания математики и информатики по теме «Формирование инструментария управления учебным процессом, обеспечивающим спроектированную деятельность обучающихся». Исследование проводилось в ходе преподавания дисциплины «Элементарная математика и практикум по решению задач» на математических факультетах вузов и курса «Математика» в старших классах средних школ. Итогом его явилась разработка системы подготовки будущих учителей математики, отличительными особенностями которой является деятельностный подход к обучению, проектирование преподавателем траектории деятельности обучающихся, обеспечение саморазвития студентов и учащихся в процессе обучения математике. Практическую значимость для преподавателей вузов и учителей математики школ представляют созданные учебно-методические комплексы, программы, учебно-методические пособия для проведения курсов и дисциплин по выбору, методические рекомендации, способствующие углублению знаний студентов по методам решения математических задач и позволяющие организовать спроектированную деятельность учащихся по усвоению школьной математики.

Введение

В современной системе обучения математике учащихся общеобразовательных учреждений Республики Беларусь произошли существенные внешние и внутренние изменения. Внешние изменения связаны с переходом на 11-летний срок обучения; новыми требованиями к результатам образовательного процесса, сформулированными в Кодексе Республики Беларусь об образовании и Концепции учебного предмета «Математика»; широким внедрением в школьную практику новых средств информационных технологий, требующих перестройки всего цикла подготовки и проведения уроков математики. Внутренние изменения определяются требованиями учебной программы по математике; необходимостью осуществления лично ориентированного подхода в обучении школьников математике при отсутствии необходимого дидактического обеспечения; отсутствием учебной мотивации у учащихся; неудовлетворенностью учителей условиями оплаты своего труда, что заставляет наиболее подготовленных молодых специалистов после обязательной отработки уходить на другую работу.

Указанные изменения требуют совершенствования всей системы обучения математике учащихся и ставят перед преподавателями высших учебных заведений сложную задачу обучения специалистов, способных обеспечить качественное выполнение новых задач, стоящих перед современной школой. В связи с этим целью работы явилась теоретическая разработка и внедрение научно-обоснованной системы осуществления деятельностного подхода при обучении математике студентов педагогических специальностей и учащихся средних общеобразовательных школ.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Выявление методических особенностей проектирования системы обучения элементарной математике студентов педагогических специальностей вузов и учащихся средней школы.

2. Создание информационно-методической базы для внедрения программ обучения элементарной математике студентов и учащихся в условиях ориентации на развитие личности обучающегося.

3. Усиление прикладной и профессиональной направленности обучения на основе использования инновационных технологий и повышения роли научно-исследовательской работы студентов.

Объектом исследования явился процесс преподавания курса «Элементарная математика и ПРЗ» на математических факультетах вузов и курса математики в старших классах общеобразовательных школ, предметом – формирование инструментария управления учебным процессом как одной из основных технологических процедур проектирования управляющей деятельности преподавателя вуза и учителя. При проведении исследования использовались следующие методы: теоретический анализ педагогической и научно-методической литературы, Интернет-ресурсов по проблеме внедрения в педагогику системно-деятельностного и лично-деятельностного подходов к обучению; изучение и обобщение опыта работы учителей математики и преподавателей вуза; экспериментальное обучение.

Методические основы проектирования системы обучения математике учащихся школ и студентов педагогических специальностей

В истории психолого-педагогической науки имеется целый ряд исследований, в которых обоснована необходимость внедрения в педагогику системно-деятельностного и лично-деятельностного подходов к обучению, показана настоятельная потребность в проектировании цепочки процедур, форм и методов взаимодействия преподавателя и обучаемых, обеспечивающих гарантированные результаты обучения и воспитания. Система (от греч. *systema* – целое, составленное из частей; соединение) определяется как «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство» [1, с. 1209]. Она характеризуется такими свойствами, как целостность, структурность, иерархичность, взаимосвязанность элементов, взаимосвязь системы со средой, множественность описаний. Понятие дидактической системы исследовалось В.П. Беспалько [2], В.П. Давыдовым [3], Н.И. Запрудским [4], А.В. Петровским [5] и др. Под дидактической системой ими понимается определенная совокупность средств и методов управления дидактическим процессом. Попытки создания дидактических систем либо моделей обучения нашли отражение в работах Н.И. Запрудского, М.В. Кларина, П.Е. Решетникова, А.В. Хуторского, В.Э. Штейнберга и др.

В области методики преподавания математики в школе можно выделить работу А.М. Пышкало [6], в которой обоснована методическая система обучения геометрии в начальной школе; исследование З.И. Слепкань [7], в котором показана методическая система реализации развивающей функции обучения; работу О.Б. Епишевой, в которой раскрыта система обучения математике на основе деятельностного подхода [8].

Исследованию системы методической подготовки студентов педагогических институтов к работе учителем математики посвящена работа К.А. Абдулаева [9]. В ней рассмотрена система геометрической подготовки учителей начальных классов. В исследовании И.А. Новик [10] выделены основные пять компонентов дидактической системы (цели, содержание, формы, методы и средства обучения), показана их взаимосвязь и взаимопроникновение, предложены новые формы и средства их взаимодействия в процессе изучения курса «Методика преподавания математики».

Отличительными особенностями разработанной нами системы являются:

1) деятельностный подход к обучению студентов педагогических специальностей высших учебных заведений;

- 2) проектирование преподавателем траектории деятельности обучающихся;
- 3) обеспечение саморазвития студента в учебной деятельности;
- 4) использованием учебно-методическим комплексов, обеспечивающих различные формы обучения, контроль и коррекцию знаний по дисциплине «Элементарная математика и практикум по решению задач» в вузе и курсу «Математика» в старших классах школы.

Главное внимание уделялось разработке приемов, методов, форм и средств обучения, которые являются инструментарием управления учебным процессом, обеспечивающим спроектированную деятельность обучающихся. Основным видом деятельности студентов математических факультетов и учащихся средних школ является деятельность по решению задач. Это определило выбор объекта исследования.

Разработанная система обучения элементарной математике старшеклассников и студентов включает следующие компоненты: 1) цели; 2) содержание обучение; 3) студентов; 4) преподавателей; 5) приемы, методы, формы и средства обучения; 6) результат мотивационно-целевой, процессуальной и контрольно-оценочной деятельности студентов. Она не отвергает традиционную систему обучения студентов элементарной математике, но продолжает и развивает ее в направлении современных образовательных целей.

Нами выделены следующие условия успешного функционирования системы:

- 1) формирование целостного представления о математике как науке и ее месте в системе наук;

- 2) обеспечение принципа минимакса в усвоении содержания программного материала по математике: каждому обучающемуся предлагается содержание на максимальном, творческом уровне, но выдвигается требование усвоения его на уровне образовательного стандарта по предмету;

- 3) осуществление непрерывности обучения, при котором результат деятельности на предыдущем этапе обеспечивает начало следующего этапа и осуществляется преемственность между всеми ступенями обучения;

- 4) использование принципа деятельностного подхода к обучению, который обеспечивает формирование личности обучаемого и продвижение его в развитии в процессе собственной деятельности;

- 5) максимальная направленность на развитие творческих способностей обучающихся; развитие у них вариативного мышления, гибкости и сообразительности, позволяющих осознавать возможность различных вариантов решения проблемы, осуществлять систематический перебор вариантов и выбор оптимального;

- 6) психологическая комфортность, предполагающая создание на занятиях доброжелательной атмосферы и ориентированная на реализацию идей педагогики сотрудничества.

В связи с этим основными направлениями разработки методической системы для осуществления деятельностного подхода при обучении элементарной математике учащихся и студентов являются следующие: 1) перенос акцента с увеличения объема информации на формирование методологических знаний обучающихся; 2) ориентация на самостоятельную учебную деятельность; 3) уровневая дифференциация учебных требований; 4) ориентация обучения на развитие личности и приоритет его развивающей функции; 5) гуманитаризация образования; 6) совершенствование технологического подхода к обучению.

Технология деятельностного подхода к обучению студентов элементарной математике включает определенную последовательность отдельных этапов: актуализация

знаний и их систематизация; фиксация затруднения и самоопределение к деятельности; исследование проблемной ситуации и построение проекта выхода из затруднения; закрепление нового способа действий; включение новых знаний в систему знаний; рефлексия деятельности.

Проектирование управляющей деятельности обучаемых в учебном процессе по математике

Под процессом педагогического проектирования мы понимаем прогностическую образовательную деятельность учителя математики школы или преподавателя вуза, которая заключается в создании системы обучения и предварительной разработке всех материалов предстоящей работы с обучаемыми.

Особенностями проектной культуры будущего учителя математики, как составной части его профессионально-педагогической культуры, являются следующие: проектирование системы педагогических целей и задач, отбор содержания урока математики и внеклассных занятий, проектирование собственной педагогической деятельности, проектирование деятельности учащихся, выбор наиболее эффективной для данного класса и конкретного материала педагогической технологии обучения, определение критериев и показателей диагностируемых сторон учебного процесса и качеств личности обучаемых. С точки зрения деятельностного подхода цели обучения формулировались на языке действий, задач и приемов их решения. Умению правильно ставить цели будущих учителей необходимо учить, поэтому в ходе исследования было разработано пособие, в котором предложены рекомендации, способствующие выработке умений и навыков формулировать не только учебные цели, но и включать параметры готовности обучаемых к усвоению соответствующих им уровней сложности изучаемого материала.

Чтобы обеспечить усвоение содержания, преподаватель должен обеспечить овладение системой общих и специфических приемов деятельности. Именно формирование приемов деятельности является необходимым условием проектирования эффективной технологии обучения.

В системе приемов учебной деятельности нами выделены три группы приемов: а) приемы организации учебной деятельности; б) приемы учебно-познавательной деятельности; в) специальные приемы решения математических задач.

Анализ причин низкой успеваемости по математике показал, что часть студентов не владеют элементарными приемами организации учебной деятельности, а именно: приемами работы в коллективе; приемами групповой работы; приемами ведения дискуссии; приемами организации домашней работы. Многие студенты не владеют общими приемами учебно-познавательной деятельности, а именно: приемами организации внимания; восприятия слуховой и зрительной информации; организации памяти; осуществления мыслительных операций (анализом, синтезом, сравнением и др.); формального мышления, к которым относятся приемы работы с понятиями, суждениями, умозаключениями. Достаточно невелик объем знаний первокурсников о специальных приемах решения задач.

В процессе разработки инструментария управления учебным процессом при изучении курса математики основное внимание было уделено формированию третьей группы приемов, однако эта работа проводилась параллельно с формированием у студентов общих приемов организации учебной деятельности.

Специальные методы решения математических задач достаточно полно раскрыты в учебно-методических пособиях, подготовленных преподавателями кафедры. С це-

лю повышения эффективности обучения в рамках экспериментальной работы по теме были составлены базовые и рабочие программы, проводились систематические занятия курсов по выбору «Специфика работы учителя математики в классах с углубленным изучением математики», «Методика работы учителя математики с одаренными детьми», «Решение задач с параметрами», «Моделирование как метод обучения решению математических задач».

Отметим, что с точки зрения учебной готовности к такой работе студенты были разделены на четыре группы: 1) не владеющие приемами решения нестандартных задач и не планирующие работу в школе; 2) не владеющие приемами решения нестандартных задач, но считающих профессию учителя математики своей будущей работой; 3) владеющие на том или ином уровне некоторыми приемами решения нестандартных задач, но отрицательно относящиеся к обучению их решению; 4) владеющие на том или ином уровне некоторыми приемами решения нестандартных задач, имеющие опыт участия в математических олимпиадах различного уровня.

Целенаправленная систематическая работа со студентами позволила повысить культуру решения математических задач и овладеть методами их решения.

Формирование инструментария управления учебной деятельностью студентов педагогических специальностей в процессе изучения курса «Элементарная математика и ПРЗ»

Инструментарием управления учебным процессом являются методы, средства и формы обучения. Их выбор зависит от уровня учебной деятельности студентов: она должна соответствовать этапам и уровням сформированности приемов. Критериями выбора инструментария обучения элементарной математике являлись: уровень обученности; возрастные особенности студентов; содержание изучаемого материала; достижение развивающих целей обучения; временные возможности учебного процесса; методическая компетентность преподавателя; дидактическая оснащенность курса; наличие современных средств обучения (компьютера, мультимедиа проектора, интерактивной доски и др.). Для формирования творческого потенциала студентов и повышения эффективности обучения была разработана система учебно-методических пособий, дидактических средств и методик, органически связанных между собой и позволяющих с помощью современных форм и методов обучения овладеть содержанием курса «Элементарная математика и практикум по решению задач». Каждое из подготовленных в процессе работы над научно-исследовательской темой пособий представляет целостный учебный комплекс, так как от взаимодействия его элементов зависит конечный результат обучения. Группировка элементов учебных комплексов осуществлялась по их функциям в учебном процессе.

При подготовке учебно-методических комплексов на первое место ставился вопрос отбора и структурирования содержания изучаемого раздела курса элементарной математики. При этом учитывались принципы единства содержательной и процессуальной сторон обучения, структурного единства различных разделов курса элементарной математики, научности, оптимизации, дифференциации и интеграции, гуманизации, сознательности и активности обучаемых, прочности знаний. Усвоение данного содержания должно помочь студентам в их будущей практической деятельности самостоятельно оценивать и проектировать логическую структуру школьного курса математики.

При подборе содержания авторы руководствовались Образовательным стандартом Республики Беларусь для первой ступени высшего образования и типовой учебной

программой по курсу «Элементарная математика и ПРЗ», определяющими требования к обязательному минимуму содержания обучения и компетенций студентов. Было проанализировано содержание учебной программы по математике для средней школы и действующих школьных учебников по алгебре и геометрии для 10–11 классов. Это дало дополнительную информацию для более детального рассмотрения методов и приемов решения математических задач, на которых в большей степени следует сосредоточить внимание студентов.

Как было отмечено, исполнителями темы была подготовлена система учебных пособий по различным разделам курса элементарной математики для студентов очной и заочной форм получения образования, способствующих усвоению теоретического материала и выработке умений решать сложные математические задачи. Дидактические материалы включали разноуровневые самостоятельные и контрольные работы, тестовые задания и работу по обучению составлению тестов с целью повышения эффективности самостоятельной работы, объективности и оперативности текущего и итогового контроля результатов учебной деятельности студентов.

На лекциях, практических занятиях наряду с традиционными средствами обучения использовались электронные средства, к которым относятся мультимедийный проектор, интерактивные компьютерные модели, электронные справочники и другие средства обучения. Большую помощь в ликвидации пробелов в знаниях студентов оказало использование в учебном процессе электронных средств обучения математике отраслевого фонда программных средств учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь».

Методы обучения студентов элементарной математике определяются не только психолого-педагогическими закономерностями учения, но и самой дисциплиной. При выборе методов обучения преподаватели руководствуются дидактическими принципами сознательности, активности, оптимального сочетания различных приемов обучения, от репродуктивных до поисковых. Именно поэтому большое значение придается рациональному сочетанию информационных, репродуктивных, проблемно-поисковых методов обучения. Для обучения студентов было выделено три группы методов:

- 1) методы, обеспечивающие теоретическое ознакомление с типологией математических задач, подходами и способами их решения;
- 2) методы, способствующие практическому овладению техникой решения математических задач;
- 3) методы контроля и самоконтроля за усвоением материала.

К первой группе методов относятся информационные методы (лекция, самостоятельная работа с рекомендуемой литературой, изучение образцов решения задач). Вторую группу методов составляют методы организации и самоорганизации познавательной деятельности студентов, обеспечивающие самостоятельность и инициативу студентов. Среди методов контроля и коррекции формируемых знаний особое внимание уделялось проведению самостоятельных работ и математических диктантов, контрольных работ, зачетов и экзаменов.

Для практической реализации выделенных трех групп методов предлагаются соответствующие формы и средства целенаправленного формирования необходимых знаний, умений и навыков. Традиционно в своей работе мы выделяли формы обучения, ориентированные на коллективную (лекции, практические занятия), групповую (консультации, курсы по выбору) и индивидуальную (самостоятельные работы, выполнение индивидуальных учебных заданий, написание курсовых работ) деятельность обучае-

мых. Итоги контрольных работ, результаты экзаменов показали невысокую эффективность такой работы. В связи с этим необходимо было пересмотреть и усовершенствовать организацию данных форм работ, добиться активного участия в решении задач каждого студента, разработать оптимальные условия взаимодействия преподавателя и обучаемых. Под усовершенствованием форм работы со студентами мы понимаем разработку и использование новых дидактических средств обучения, а также применение разнообразных методик реализации форм обучения. К таким формам работы относятся интерактивные лекции, различные групповые формы проведения занятий (работа в парах, в гомогенных группах, кооперативное обучение и другие), система форм контроля знаний и умений студентов (рейтинговая система, взаимоконтроля, самоконтроля и др.).

При закреплении материала студентам полезно предложить разноуровневые задания, вместе с ними оценить их сложность, дать возможность каждому выбрать задачи по его способностям. Каждая задача оценивается определенным количеством баллов. После нескольких занятий по теме студент был сам в состоянии оценить степень своего продвижения, выявить пробелы в знаниях и определить объем необходимой помощи со стороны преподавателя либо лучших студентов.

Так как уровень математических знаний у многих студентов первого курса невысок, то в обучении их чаще использовались алгоритмические методы, затем осуществлялся переход к применению логических методов познания. Содержание учебного материала усложнялось, обращалось внимание, какие математические методы и идеи можно использовать при решении задач, какие математические задачи можно включить в систему задач, решаемых данным методом, можно ли его обобщить и использовать для решения задач из других разделов математики. Кроме того, выбор методов, средств и форм обучения определяется различными этапами учебного процесса. Нами разработаны методические рекомендации по выбору инструментария на следующих этапах: актуализация знаний, изучение нового материала, закрепление изученного, обобщение и систематизация изученного, контроль и оценка усвоения. Были определены цели каждого этапа, типы математических задач, дозирование, приемы учебной деятельности. Например, целью последнего этапа является итоговый контроль уровня усвоения изучаемой темы, организация рефлексии учебной деятельности. На данном этапе предлагаются задачи нескольких типов: на усвоение алгоритма действий, на умение использовать полученные знания в новых ситуациях, на применение обобщенных и системных знаний. Основными приемами учебной деятельности являются индивидуальные способы самоконтроля, самооценки и самокоррекции. Главными методами выступают тестирование, разноуровневые самостоятельные или контрольные работы, самооценка и взаимооценка, зачет, экзамен. В данном случае при текущем контроле используется групповая, а при итоговом – индивидуальная формы обучения. Чтобы распределить задания используются карточки, проектор, компьютер, доска.

Вместе с тем традиционные формы учебной работы (лекции, практические занятия, контрольные работы, зачеты, экзамены) имеют ограниченные возможности в изменении позиции студента, так как он продолжает оставаться в привычной позиции обучающегося. В связи с этим были разработаны и использованы в процессе обучения нетрадиционные формы работы, которые в большинстве случаев ставили бы студента в позицию учителя, консультанта, организатора групповой деятельности.

Таким образом, целями разработки нетрадиционных форм обучения являются следующие: повышение познавательной активности студентов, интереса к учебным знаниям; развитие инициативы, творческого потенциала личности студента; создание

у будущих учителей установки на творческую профессиональную деятельность, постоянный поиск; предупреждение утомляемости, создание комфортной среды для обучения и воспитания личности будущего педагога; создание условий для формирования профессионально значимых качеств, выражающихся в умении управлять своим профессиональным состоянием; формирование оперативных профессиональных умений.

К нестандартным формам обучения мы относим интерактивные лекции; различные тренинги; защиту способа решения задачи; работу мини-групп под руководством одного из студентов; тестовый контроль знаний; рейтинговую оценку результатов обучения; проведение конкурса по специальности, в содержание которого включаются задачи, требующие знаний методов решения, рассматриваемых в курсе элементарной математики; проведение зачетов по проверке усвоения теоретического и практического материала по математике в старших классах общеобразовательных школ; проведение в школах занятий факультативов по решению задач.

Педагогическое руководство деятельностью студентов не сводится к проверке усвоения теории и решению задач у доски, а является процессом общения, сотрудничества и сотворчества, педагогической поддержки обучаемых. Оно позволяет им проявлять свои личностные функции: изобретательность, рефлексию, ответственность, критичность, творчество. Таким образом, успешной реализации разработанных учебно-методических комплексов способствуют выделенные три группы методов обучения, усовершенствованные формы обучения, применяемые наряду с традиционными.

Главной задачей высшей школы является воспитание сознательного отношения самих студентов к овладению теоретическими и практическими знаниями, привитие им привычки к напряженному интеллектуальному труду. Основные навыки и умения самостоятельной работы должны быть сформированы в школе. Однако практика показала, что около 75% студентов первого курса специальности «Математика. Информатика» не умеют работать самостоятельно. Именно поэтому существенным звеном в системе подготовки студентов к преподаванию математики в школе является организация самостоятельной работы. В процессе исследования значительное внимание было уделено управляемой самостоятельной работе. Педагогическая ценность ее заключалась в обеспечении активной познавательной деятельности каждого студента, максимальной индивидуализации заданий с учетом психофизиологических особенностей и академической успеваемости студентов. Роль преподавателя сводилась к подбору задач, литературы, проведению индивидуальных или групповых консультаций. Нередко организовывалось взаимное консультирование студентов под контролем преподавателя.

Одной из форм работы со студентами является управляющая деятельность преподавателей по организации самообразования. Необходимость ее вызвана непрерывно изменяющимся содержанием математического образования, правом свободного выбора учебников математики, программ факультативных занятий и кружков, требованием организации работы с одаренными детьми. Все это накладывает на учителя большую ответственность и требует грамотного, научно-обоснованного подхода к такому выбору.

Осуществление прикладной и профессиональной направленности обучения на основе использования инновационных технологий и повышения роли научно-исследовательской деятельности студентов

Проблема управления творческой деятельностью студентов тесно связана с педагогическими технологиями, основанными на сочетании различных методов, форм и средств обучения. Более того, при обучении студентов элементарной математике мож-

но не только использовать различные технологии, но и научить студентов эффективно применять их при обучении учащихся решению задач на уроках математики в школе. Однако изучение педагогического опыта учителей математики показало, что реализация любой из предлагаемых технологий на уроках математики вызывает значительные трудности. Это связано с необходимостью решения следующих вопросов:

- 1) анализ будущей деятельности обучаемых;
- 2) проверка степени нагрузки обучаемых и расчета необходимого времени на обучение при выбранной технологии;
- 3) разработка дидактических материалов по всем темам учебной программы по математике, обеспечивающих осуществление мотивационного, обучающего, развивающего, контролирующего компонентов учебного процесса.

В проводимом исследовании главное внимание уделялось разработке современных технологий, концептуальной основой которых является системно-деятельностный подход к обучению. Технологии направлены на формирование умений и навыков решения математических задач как основной формы учебной деятельности студентов математических факультетов и учащихся старших классов школ. Целям нашего исследования отвечает определение В.М. Монахова, в котором педагогическая технология трактуется как способ системной организации совместной учебной и педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для участников данного процесса [26].

Проектирование технологии обучения затрагивает практически все составляющие методической системы. Анализ теоретических подходов к понятию педагогической технологии позволил выделить их общие характеристики и различия. Существующие в настоящее время технологии обучения отличаются друг от друга способами организации учебного процесса, а также особенностями использования методов, форм и средств обучения, т.е. инструментарием управления учебным процессом. Кроме того, каждая педагогическая технология ориентирована на определенные компоненты дидактической системы.

Работа по изучению педагогических технологий и использованию их в учебном процессе по обучению элементарной математике исполнителями научно-исследовательской темы проводилась в следующих направлениях:

1. Адаптация изученных в курсе педагогики технологий к процессу обучения математике в школе на практических занятиях, связанных с решением задач, по курсам «Методика преподавания математики», «Современные педагогические технологии обучения математики» для студентов очной и заочной форм обучения.
2. Руководство работой научно-исследовательских групп по разработке дидактического обеспечения и экспериментальной проверке эффективности различных технологий обучения математике в общеобразовательных школах.
3. Организация и руководство работы творческой группы учителей математики в филиале кафедры (ГУО «Лицей имени А.С. Пушкина г. Бреста») по проблеме развития математических способностей учащихся в процессе реализации метода проектов как одной из современных педагогических технологий.
4. Включение элементов педагогических технологий в учебный процесс по курсу «Элементарная математика и практикум по решению задач».
5. Разработка различных технологий обучения школьников в процессе написания курсовых и дипломных работ.

Исполнителями тем и студентами научно-исследовательских групп были разработаны и апробированы в ходе эксперимента в школах Брестской области следующие педагогические технологии: кооперативного обучения (науч. рук. Т.В. Пивоварук, В.С. Дуванова); обучения через задачи (науч. рук. Н.А. Каллаур); проектного обучения (науч. рук. В.С. Дуванова); укрупнения дидактических единиц (науч. рук. Т.В. Пивоварук); уровневой дифференциации обучения алгебре (науч. рук. Т.В. Пивоварук); модульного обучения математике (науч. рук. В.С. Дуванова, С.В. Селивоник); интегративного обучения (науч. рук. Н.А. Каллаур). На протяжении всего периода исследования была организована работа четырех научно-исследовательских групп, целью которых было изучение и адаптация различных педагогических технологий к процессу преподавания математики в школе.

В рассмотренных педагогических технологиях для разных этапов учебного процесса характерно разнообразие форм учебной деятельности, которые не только способствуют усвоению приемов деятельности, но и создают среду для формирования личности специалиста. Эффективность их применения в учебном процессе проверялось в ходе экспериментальной работы в школах г. Бреста и Брестской области.

Экспериментальная апробация инструментария управления учебной деятельностью студентов педагогических специальностей и учащихся старших классов при изучении элементарной математики.

В соответствии с темой научно-исследовательской работы была утверждена программа исследования, в которой определены сроки и основные направления работы каждого из исполнителей темы. По каждому направлению была составлена программа опытно-экспериментальной работы, в которой определены актуальность рассматриваемой проблемы, этапы эксперимента, состав его участников. По окончании работы были утверждены соответствующие отчеты и акты о внедрении результатов научно-исследовательской работы в практику работы школ и вузов.

Заклучение

Основные результаты проведенного теоретического исследования и экспериментальной работы можно представить в виде следующих выводов:

1. Необходимым условием подготовки будущего учителя математики является гармоничное сочетание математической и методической подготовки. Вместе с тем анализ результатов централизованного тестирования показывает низкий уровень математических знаний абитуриентов. В связи с этим необходимо разработать такую систему обучения элементарной математике студентов, которая позволила бы ликвидировать пробелы в знаниях школьной математики и обеспечила формирование у будущих учителей основ профессионально-методических знаний, умений и навыков, необходимых для последующего обучения учеников курсу школьной алгебры и геометрии.

2. Разработанная в ходе исследования система включает шесть компонентов: цели; содержание обучения; студенты; преподаватели; приемы, методы, формы и средства обучения; результат мотивационно-целевой, процессуальной и контрольно-оценочной деятельности студентов. Для реализации их была подготовлена соответствующая информационно-методическая база.

3. Качественное обучение студентов и школьников решению математических задач невозможно без формирования основных приемов учебной деятельности. Состав их представлен в средствах обучения для обучаемых и преподавателей математики.

4. Экспериментальная работа показала, что при организации целенаправленной работы преподавателя вуза студенты получают необходимые умения и навыки организации учебной деятельности по решению математических задач. Это формирует у них общий стиль рациональной деятельности, различные межпредметные умения и навыки, осознание общих методов познания, обеспечивает саморазвитие и самовоспитание средствами курса элементарной математики, создает предпосылки для будущей успешной профессиональной деятельности.

5. Для формирования у студентов методических умений решения математических задач были выделены три группы методов обучения: теоретического ознакомления с содержанием и системой методов и приемов решения задач; практического овладения методикой решения стандартных и нестандартных задач; контроля и коррекции формируемых методических знаний и умений по обучению решению задач.

6. Для выполнения поставленных в исследовании задач необходимо использовать инновационные формы обучения студентов решению математических задач, которые могут быть успешно ими в практической работе: интерактивные лекции, дисциплины и курсы по выбору, курсовые и дипломные работы, подготовка олимпиадных задач, различные формы организации самостоятельной работы студентов.

7. Проведенная работа позволила исследовать системный подход к разработке дидактического обеспечения студентов и учащихся для обучения решению математических задач и определить перспективы дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки студентов к будущей работе.

8. Разработанный инструментарий управления учебным процессом студентов по обучению решению задач школьной математики способствовал:

а) реализации субъектно-личностного подхода в обучении и гуманистических отношений между субъектами образовательной деятельности;

б) развитию способностей к проектированию и прогнозированию учебной деятельности;

в) использованию в будущей работе разнообразных методов, форм и приемов, элементов творческой деятельности;

г) формированию индивидуального стиля деятельности, профессиональной компетентности;

д) формированию навыков педагогического общения и развитию организаторских способностей;

е) развитию интереса к профессиональной деятельности.

Работа над темой может быть продолжена в плане разработки тестовых заданий для контроля и коррекции знаний обучаемых по различным разделам курса «Элементарная математика и практикум по решению задач».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.

2. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. – М. : Педагогика, 1989. – 192 с.

3. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М. : ИНТОР, 1996. – 544 с.

4. Запрудский, Н.И. Технология педагогических мастерских / Н.И. Запрудский. – Минск : АПО; Мозырь : Белый ветер, 2002. – 96 с.

5. Основы педагогики и психологии высшей школы / под ред. А.В. Петровского. – М. : МГУ, 1986. – 304 с.
6. Пышкало, А.М. Методика обучения элементам геометрии в начальных классах / А.М. Пышкало. – М. : Просвещение, 1973. – 208 с.
7. Слєпкань, З.И. Психолого-педагогические основы обучения математике : метод. пособие / З. И. Слєпкань. – Киев : Радянська школа, 1983. – 192 с.
8. Епишева, О.Б. Технология обучения математике на основе деятельностного подхода / О.Б. Епишева. – М. : Просвещение, 2003. – 223 с.
9. Абдулаев, К. Система геометрической подготовки учителей начальных классов на педагогическом факультете : дис. ... канд. пед. наук / К. Абдулаев. – М., 1978. – 174 с.
10. Новик, И.А. Формирование методической культуры учителя математики в педвузе : монография / И.А. Новик. – Минск : БГПУ, 2003. – 178 с.
11. Монахов, В.М. Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса / В.М. Монахов. – Волгоград : Перемена, 1995. – 156 с.

Pivovaruik T.V. Formation on Management Technology of Educational Process at School and University

The basic results of the scientific research work of mathematics and informatics teaching methodology department on the theme «Formation of management technology of educational process providing the planned activity of the students» while teaching the subject «Elementary mathematics and practical studies on doing sums» at the faculties of mathematics of the Universities and a course of «Mathematics» in the senior classes of secondary schools are presented in the article. As a result the system of education of the future teachers of maths has been developed, the distinctive features of which is the activity approach to training and its projecting, and maintenance of the students 'and pupils' self-development in the process of teaching mathematics. Of practical importance for the lecturers of the Universities and school teachers of mathematics are the created educational and methodological complexes, curriculums, textbooks and teaching aids, methodological recommendations which enable to carry out optional courses and subjects, promote the intensification of the students 'and pupils' knowledge on solving mathematical sums, and to provide organizing the planned activities of senior pupils on learning mathematics at school.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2013

УДК 001 8+37

М.С. Ковалевич

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ДИНАМИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ АБИТУРИЕНТА

Система ценностей является важнейшей детерминантой жизненного и профессионального выбора молодежи – наиболее активной и восприимчивой к изменяющимся условиям жизнедеятельности группы населения. В статье представлена система смысложизненных ценностей, жизненных целей брестских абитуриентов 2012 г., исследуются образовательные возможности молодого поколения. Исследованием установлено, что смысложизненные ценности абитуриентов университета в целом не носят ярко выраженного и сформировавшегося характера и все же большинство будущих брестских студентов являются целеустремленными молодыми людьми, ориентированными на успех в жизни.

Введение

Студенчество, как известно, представляет собой авангард общества, который в ближайшем будущем займет место основной производительной силы, а это значит, что ценности современного студенчества будут во многом определять ценности всего общества. Сегодня именно на студенческой скамье формируется то многочисленное поколение (количество мест в вузах практически равняется количеству выпускников средних школ), которое окажет огромное влияние на духовный климат общества в первой половине XXI в. [1]. Поэтому актуальной является задача определения самых главных, смысложизненных ориентаций современного белорусского студенчества, как основного фактора их ценностного мира. Анализ литературы в области изучения феномена ценности, ценностных ориентаций, ценностной динамики и т.д., показал, что изучение категории «ценность» до сих пор является проблемой, поскольку отсутствует единый подход и единая трактовка данного понятия. Сложность ее изучения заключается в том, что «ценность» является очень многоаспектным явлением.

Обратившись к работам ведущих аксиологов (О.Г. Дробницкого, А.Г. Здравомыслова, М.С. Кагана, И.С. Кона, В.П. Тугаринова и др.), мы пришли к заключению: в трудах этих исследователей рассматривались фундаментальные проблемы аксиологии, исследовались исторические корни происхождения проблемы ценностей в философии, культурологии, этике и эстетике, объяснялось отношение системы ценностей к миру духовного и материального, исследовались формы и способы существования ценностей.

Обратившись к изучению специализированных работ целого ряда отечественных и зарубежных авторов по представлению ценностных ориентации различных социально-демографических групп, следует отметить что интерес для исследователей представляет такая специфическая социологическая группа, как студенчество. В ряде работ отчетливо проявилось непосредственное обращение к проблеме ценностных ориентаций студенчества. Среди них А.С. Власенко, В.Р. Вишневыский, Ю.В. Колесников, В.Т. Лисовский, В.Г. Немировский, В.В. Юдин, а также ряд других исследователей.

Социологическое изучение системы ценностей молодежи Республики Беларусь, исследование ее возможных изменений становятся одним из основных направлений в социологии. Названное проблемное поле изучают Е.М. Бабосов, А.П. Вардомацкий, А.Н. Данилов, Е.А. Данилова, Н.И. Лапин, С.Д. Лаптенко, Д.Г. Ротман, Л.Г. Сокурянская, Л.Г. Титаренко, С.А. Шавель, Т.И. Яковук и др.

В последние годы внимание отечественных исследователей обращено преимущественно к анализу кризиса системы ценностей и тех конкретных изменений, которые происходят с ценностными ориентациями учащейся молодежи [2]. Однако региональная специфика динамики ценностных ориентаций студенчества остается еще слабо освещенной в отечественной социологической литературе. Вместе с тем исследование ценностей студенчества региональных вузов всегда имеет свою специфику. Поэтому рассмотрение ценностей как фактора смысложизненных ориентаций регионального студенчества может стать серьезным вкладом в представление картины общего состояния ценностей белорусского студенчества в настоящее время.

Целью данной работы является изучение системы ценностей абитуриентов и построение образовательного проекта по их и развитию и коррекции. Анализ системы ценностей молодежи был произведен на основе данных, полученных при анкетировании 150 абитуриентов, прибывших на День открытых дверей в Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина в 2012/2013 учебном году.

Смысложизненные ценности абитуриента

Согласно утверждениям опрошенных абитуриентов, проблема смысла жизни довольно часто является предметом их рефлексии. 22% респондентов утверждают, что очень часто, а 45% довольно часто размышляют на эту тему, что подтверждает экспериментальные данные о том, что именно юность, пора вступления в жизнь является периодом поиска своего места в жизни, цели и смысла жизни (И.С. Кон, Л.И. Божович). Спонтанные ответы респондентов на открытый вопрос, касающийся смысла жизни, свидетельствуют о том, что он чаще всего связан с любовью, друзьями, семейным благополучием, образованием, здоровьем, интересной профессией.

Вместе с тем исследованием установлено, что смысложизненные ценности абитуриентов университета в целом не носят ярко выраженного и сформировавшегося характера и показатель их выраженности колеблется от 0 до 63% (62% в 2009 г). Так, позиции таких базовых ценностей, как семья (32%, 63%)¹, любовь (39%, 46%), карьера, деловой успех (25%, 39%), образование (31%, 38%), здоровье (30%, 36%), интересная профессия (30%, 34%), достаток (27%, 33%) приобрели большую значимость и вошли в десятку предпочитаемых, но только ценность семьи относится к ценностям высшего статуса и располагается в «ядре» аксиологической системы абитуриента-2012. «Любовь» переместилась с периферии в резерв аксиологической системы (39%, 46%), а значит, приобрела большую значимость для современного абитуриента. Остальные ценности расположились на периферии аксиологической системы абитуриента-2012: их показатель колеблется от 38% до 33%. Ценность «друзья» переместилась в «хвост» аксиологической системы современного абитуриента (38%, 25%).

В число *одобряемых* попали также ценности общения с людьми (20%, 28%), свободы (20%, 15%), материальной стабильности (12%, 15%), реализации творческих способностей (12%, 15%), религиозной веры (7%, 9%).

В числе *отрицаемых или почти отрицаемых* располагаются ценности типа индивидуализм как желание жить только для себя (3%, 5%), развлечения и получение удовольствий (3%, 5%), власть над людьми (2%, 5%), частная собственность (0%, 3%) и общение с природой (0%, 1%). К сожалению, важнейшие человеческие ценности: трудолюбие, культура, патриотизм также оказались в «хвосте» аксиологической системы

¹ Первая цифра обозначает показатель выраженности ценности в 2009 г., вторая – в 2012 г.

абитуриента-2012. Показатель их выраженности колеблется от 15% («трудолюбие») до 5% («патриотизм»).

Жизненные цели абитуриента-2012

В качестве жизненной цели значительная часть современной молодежи уверенно выбирает деловой успех, карьеру (62%, 71%). Приведенные данные свидетельствуют о том, что произошло изменение традиционных ценностных ориентаций в пользу достигнутых. Принимая во внимание тот факт, что среди молодежи этого поколения весьма значителен процент сторонников достигнутых ориентаций тех, кто стремится к высоким финансовым доходам, материальному благополучию, готов к конкуренции и соперничеству, ученые предполагают, что:

1) под влиянием глобализационных процессов в ближайшие годы возрастет популяризация новых стилей жизни в популярных молодежных изданиях, что приведет к дальнейшему росту числа сторонников достигнутых ориентаций;

2) неопределенность в механизмах социокультурной регуляции изменит отношение молодого поколения к важнейшей мировоззренческой категории успех: под воздействием наблюдения над жизнью различных людей, достигших жизненного успеха, под воздействием родителей, озабоченных успехом своих детей, в массовом сознании этого поколения категория Успех уже в ближайшие годы постепенно утратит моральную окраску и приобретет то значение, которое она имеет в капиталистическом этосе, возрастет ее значимость как важнейшей и мировоззренческой категории социального действия молодежи [3].

Интересно, что, высоко оценивая любовь и семейное тепло, молодые люди мечтают полюбить достойного человека, создать с ним семью (54%, 47%), белорусская молодежь по-прежнему связывает жизнь с детьми и планирует воспитать хороших детей (54%, 64%). Около половины опрошенных абитуриентов хотят быть полезными людям, стать профессионалами по избранной специальности и оставить свой след на земле, организовать свое дело. Каждый четвертый хочет уехать за границу (25%, 23%), и только 16% планируют сделать все от них зависящее, чтобы лучше жилось в нашей стране.

Размышляя о жизни, оценивая ее, молодежь убеждена, что жизненному успеху способствуют: хорошее образование (59%, 70%), собственный интеллект и способности (53%, 43%). Не так высоко, как прежде, ценится среди современной молодежи трудолюбие (62%, 34%), деловая хватка, предприимчивость, собственная инициатива (52%, 34%), честность и порядочность (41%, 26%). Только каждый третий убежден, что жизненному успеху способствует вера в то, что задуманное осуществится, и при этом лишь каждый четвертый надеется только на себя, а не на других (39%, 24%). Вызывает тревогу и то, что почти столько же готовы использовать любые средства для достижения целей (17%, 21%). По-прежнему остаются надежды на наличие связей (12%, 9%) и счастливый случай (11%, 10%), привлекательную внешность (4%, 6%), ловкачество и обман (2%, 3%), большее значение придается социальному происхождению (3%, 10%).

Образовательные возможности молодого поколения

В социальном самоопределении молодежи, ее самореализации важнейшее, фактически определяющее значение приобретает профессиональное самоопределение, обоснованность и верность которому оказывает значительное влияние на весь дальнейший жизненный путь личности. По данным нашего исследования, менее половины респондентов (45%, 41%) объясняют свой выбор университета интересом к приобретае-

мой спецыяльнасці. Тэперь ужо больш за трыці (23%, 38%) опрошаных абітуріентаў свой выбар учебнага заведання звязваюць з магчымасцю павышэння свайго сацыяльнага статусу і магчымасцю заняць больш прэстыжнае становішча ў грамадстве. Менш адной трэцяй опрошаных (17%, 28%) хочаць стаць людзьмі высокай культуры. Толькі адзін з шасці плануе пасля заканчэння ўніверсітэта забяспечыць сабе і свайму сям'ю годнае ўзровень жыцця (17%, 16%). Кожны пяты прыйшоў у ўніверсітэт, каб атрымаць дыплом аб высшым адукацыі (14%, 20%), прычым усё роўна какага. Толькі невялікай больш за палову рэспандэнтаў прафесійнае выбар ажыццявілі самастойна (53%, 66%).

Інтэрес прадстаўляюць і планы сучасных абітуріентаў у доўгасрочнай перспектыве. Працаваць па спецыяльнасці, атрыманай у ўніверсітэце плануе невялікай палову сучасных абітуріентаў (65%, 55%). Пачты кожны пяты заявіў аб намеранні пасля заканчэння ўніверсітэта стварыць свой бізнес (14%, 19%). Хочаць атрымаць новую спецыяльнасць, яшчэ не паступіў на данную, (13%, 15%), кожны дзясятый марыцьехаць за мяжу для працы па спецыяльнасці, і невялікая частка опрошаных плануе працягнуць адукацыю за мяжой (5%, 8%). Значна зменшылася колькасць абітуріентаў, жадаючых пасля заканчэння ўніверсітэта і магістратуры паступіць у аспірантуру (12%, 3%). У два разы павялічылася колькасць маладых людзей, якія не маюць ніякіх планаў на далёкую перспектыву і не вырашылі, чым будуць займацца пасля заканчэння ўніверсітэта (7%, 15%) Пачты кожны дзясятый з опрошаных абітуріентаў згодзен працаваць, дзе прыйдзецца, толькі добра плацілі (7%, 9%). Толькі каля паловы абітуріентаў вераць у тое, атрыманая імі ў ўніверсітэце спецыяльнасць будзе вострабаваанна на рынку працы (36%, 46%). Для такіх абітуріентаў выбар пераўтвараецца ў мала абаснаваныя гаданні, пры якіх толькі абмежаваныя магчымасці і свой інтуіцыя аказваюцца вядучымі фактарамі самоапрадэлення маладзёжы. Вострабавааннасць у будучым спецыяльнасці на рынку працы імі не можа быць прарахавана, а значыць, і не з'яўляецца рэгулятарам прафесійнага выбара. Прычына, прыводзячая да змянення прафесіі, цалкам чакаема: гэта невастрэбавааннасць, праяўляючаяся ў адсутнасці адэкватнай працы ці адэкватнай зарплаты.

Невялікай больш за палову паступаючых у ВУЗ абітуріентаў упэўнены, што атрыманых імі ў ўніверсітэце ведаў, умяньняў і навыкаў хаватіць (59%, 56%) і хаватіць толькі ў некаторай ступені (37%, 38%); 3% палагаюць, што іх будзе недастаткова, а значыць, прыйдзецца даучывацца.

Заклученне

Аналізуючы атрыманых у ходзе даследавання вынікі, трэба адзначыць, што найбольш важнымі для будучых студэнтаў з'яўляюцца каштоўнасці сям'і. Даследаванне зафіксавала б'ольшое ўважанне будучых студэнтаў да параметру здароўя як каштоўнасці. Змяненне ў жыцці краіны прывяло студэнцтва да мыслі аб тым, што індывід не толькі павінен сам заабавацца сваёй судбай, але і саадржаць сябе ў парадку як біаарганізм.

Значэнне каштоўнасці адукацыі ў апошні год вырасло. Праамаатрываецца пазітыўная тэндэнцыя ў ацэнцы ролі добрага адукацыі: 70% маладзёжы упэўнены, што імянна яно спосабавае жыццёнаму ўспеху. Аднак адукацыя для будучых студэнтаў сёння з'яўляецца інструментальнай, а не тэрмінальнай каштоўнасцю. Як паказала даследаванне, самаапрадэлення чалавека ў сучасных умовах сапражана імянна са атрыманнем высокага зарабатка, як іамеріцелем годнаасцяў чалавека ў но-

вых реаліях. Паэтым абітурыенты вядуць у адукацыі інструмент даступа да матэрыяльных благаў. Кожны чацвёрты з апрашаных абітурыентаў лёгка адкажацца ад Родіны, калі ў яго з'явіцца магчымасць рэалізаваць свае сэнсавыя накіраванні ў іншай краіне. Абітурыенты жадаюць атрымаць не проста прафесію, а *высокаоплачываемую прафесію*. Самарэалізацыя значыльнай часткі будучых студэнтаў падстагваецца не жаганнем прынесці карысць людзям, а жаганнем выжыць благодаря прафесіі. Значыць, імянно эканамічныя каштоўнасці ў большай ступені сёння аказваюць уплыв на стан ума будучых студэнтаў і іх жыццёвыя стратэгіі. Значыцельная частка абітурыентаў маральна гатова пойсці на адступленне ад прафесійнага выканання абавязанасцей рады высокага заробка. Скорее ўсё, яны стануць механічнымі ісполніцямі чужога волі рады заробка і спажывання ўсё павялічваючыхся матэрыяльных благаў.

Выяўленне пазіцыяў будучых студэнтаў адносна сацыягенных каштоўнасцей паказала, што брэсцкае студэнцтва маральна падгатавана да канкурэнтнай барацьбы ў ўмовах рыначнай эканамікі. Значыцельную частку будучых студэнтаў адрознівае эгаістычная накіраваннасць асобы, дапусцімасць любых дзеянняў па прынцыпу «цель апраўдвае сродкі», утылітарнае адносінае да культуры. Толька 43% будучых студэнтаў адрознівае альтруістычная накіраваннасць асобы, жаганне быць карыснымі людзям. Усыліваецца накіраваннасць будучых студэнтаў на індывідуальныя каштоўнасці. Яны яшчэ далей «уходзяць» ад каштоўнасцей агульнага блага і жадаюць асобнай самарэалізацыі «для ўспеха», атрымавання высокіх даходаў, забеспячэння сябе новымі благамі. Наблюдается прэваліраванне каштоўнасцей «біягенных» над каштоўнасцямі «сацыягеннымі». У ўмовах жорсткіх рэаліяў сучаснасці моладзь імкнецца забеспячыць сабе перадае ўсё прыемныя ўмовы жыцця і адтывагае на другі план пытанні культуры, духоўнасці, патрыятызма, нацыянальнага годнасства. Яны каштоўнасці не спосабны аказаць сколько-нібудзь істотнага уплыва на жыццёвыя арыентаіры сучаснага студэнцтва.

Ісследаванне паказала, што каштоўнасці навукаў як ісследавальскай дзейнасці менее значымы, чым каштоўнасці адукацыі як пазнавальскай дзейнасці, т.е. дзейнасці, звязанай з атрымаванням прафесіі. Сёння студэнтам пачынаюць імянно прафесійнаыя ведаы, якія неабходны для асацыявання ўзкопрафесійнаыя дзейнасці, а не «павараччэнне ў аўсестаронне развітага чалавек». Уменьшылось лічба абітурыентаў, жадаючых пасля акаччэння вуза і магістратуры паступіць у аспірантуру.

Не так высока, як перадае, каштоўнасць сярод сучаснай моладзі асобная ініцыятыва, чяснасць і парядчаснасць. Кожны пятый гатова выкарыстаць любыя сродкі для дасягнення цэляў. Астаюцца надзеяды на наяўнасць звязей і шчаслівы іслучай, прыкрасналыную знешнасць, ловкасасць і абман. Большае значэнне прыдаецца сацыяльнаму паісходжэнню.

Толька менее паловіны рэспандэнтаў абаыясняюць свой выбар універсітэта *інтэресам да прыаыраетаемай спецыяльнасці*. У два разоа павялічылось лічба моладзых людзей, якія не імяюць нікакіх панаў на даальную перспектыву і не рашылі, чым будуць займацца пасля акаччэння універсітэта. Толька кожны другі абітурыент верыць у тое, што атрыманая імяны ў універсітэце спецыяльнасць будзе вострабавана на рынку труда. Для такіх абітурыентаў выбар павараччаецца ў мало абааснаваныя гадаы, пры корых лішы аграычаныя магчымасці і асобная інтуыцыя аказываюцца вядушымі фактарамі сааааарэаылення моладзёі.

В целом исследованием установлено, что все же большинство будущих брестских студентов являются целеустремленными молодыми людьми, ориентированными на успех в жизни. Но при этом они ждут от своей будущей работы не только высоких доходов, но и морального удовлетворения. Большинство будущих студентов считает необходимым заботиться о чистоте своей совести, сохранили уважение к моральным ценностям и понимание того, что выживание в человеческом обществе невозможно без честного и порядочного отношения к другим участникам человеческого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалевич, М.С. Профессионально-ценностное самоопределение личности в университетском образовании: концептуальные основания и технологии реализации / М.С. Ковалевич // Вучоныя запіскі Брэсцкага ўн-та. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. – Вып. 7. – 2011. – С. 251–269.
2. Ковалевіч, М.С. Аксіялогія працэсу прафесійнага самавызначэння старшакласнікаў / М.С. Кавалевіч // Праблемы выхавання. – 2011. – № 2. – С. 7–12.
3. Яковук, Т.И. Неопределенность как регулятор духовной жизни молодежи : монография / Т.И. Яковук. – Брест : Изд-во БГТУ, 2005. – 172 с.

Kovalevich M.S. Regional Specificity of the Dynamics of Professional and Value Self-determination of 2012 Applicants

The value system is the most important determinant of life and professional choices of young people – the most active and responsive to the changing conditions of life group of population. The article describes a system of life meaning values, life goals of the 2012 Brest applicants, explores the educational opportunities of young generation. The study found that the life meaning values of university applicants in general didn't have clearly defined and shaped character, most of the future Brest students are motivated young people focused on success in life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2013

УДК 760.0

Л.В. Шукевич, А.А. Зданевич, А.В. Жидков

УРОВЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ В ВОЗРАСТЕ 8 ЛЕТ

Уровень развития современного хоккея с шайбой очень высок, что требует от хоккеистов не только высокого технического мастерства в развитие физических и психических способностей, но постоянного поиска одаренных детей, обладающих морфофункциональными данными. Требования, которые предъявляет хоккей, вызывает необходимость изучения морфологических возможностей организма хоккеистов для построения учебно-тренировочного процесса. Имеющиеся в настоящее время сведения не могут являться законченным вариантом проблемы изучения физического развития детей как важного компонента предрасположенности детей к хоккею. Целью исследования являлось определение уровня и темпов физического развития юных хоккеистов в возрасте 8 лет. Полученные показатели физического развития хоккеистов 8 лет позволили выявить положительную тенденцию, темпы и особенности физического развития, которые необходимо учитывать при проведении учебно-тренировочного процесса. Полученные результаты физического развития юных хоккеистов будут способствовать отслеживанию их перспективности при переводе в группу начальной подготовки третьего года обучения.

Введение

Стремительно возрастает уровень спортивных достижений в различных видах спорта. Хоккей с шайбой относится к числу наиболее сложных, многокомпонентных, ситуационных видов спорта, требующих мгновенной оценки и сложного выбора действий при дефиците времени [1, с. 168–171].

Хоккей с шайбой является самым молодым из трех хоккейных братьев: хоккей на траве, хоккей с мячом, канадский хоккей с шайбой. Канадский хоккей с шайбой пока получил наибольшее распространение и популярность.

Хоккей с шайбой – командная спортивная игра на льду, разновидность хоккея, заключающаяся в противоборстве двух команд, которые, передавая шайбу клюшками, стремятся забросить ее наибольшее количество раз в ворота соперника и не пропустить в свои. Характерной особенностью хоккея в отличие от других спортивных игр является то, что игровая деятельность хоккеистов осуществляется в движении на коньках. Техника передвижения на коньках – основа мастерства хоккеиста [2, с. 112–116]. Ю.В. Никонов [1, с. 168–171] и А.П. Савин [3, с. 200–205] указывают, что успешность выступления команды зависит также от уровня развития тактики. Кроме того, игровая деятельность хоккеиста связана с количественным проявлением различных сторон подготовленности и двигательных качеств.

История хоккея с шайбой является одной из самых оспариваемых среди всех видов спорта. Хоккей был известен еще в Древней Греции. В 1920 г. хоккей с шайбой был включен в программу летних Олимпийских игр, которые проводились в Антверпене. Первым олимпийским чемпионом стала команда Канады. С 1924 г. хоккей с шайбой постепенно входит в программу зимних Олимпийских игр. Во времена СССР белорусский хоккей развивался в русле советской школы. За последние 15 лет хоккей с шайбой в Республике Беларусь стал одним из самых популярных игр и получил распространение по всей стране.

Хоккей с шайбой является сейчас одним из самых популярных и развивающимся видом спорта как в нашей стране, так и за рубежом. Для развития этого вида спорта в Беларуси создаются самые благоприятные условия, что способствует постепенному его совершенствованию. В нашей стране на сегодняшний день насчитывается 29 ледо-

вых арен, одна из этих ледовых арен находится в Бресте. Ледовый дворец в Бресте был введен в действие 30 июня 2000 г.

Стремительный прогресс в мировом хоккее требует от наших специалистов постоянного поиска эффективных средств обучения и учета индивидуальных особенностей хоккеистов уже в юном возрасте, так как период подготовки от начального этапа до достижения спортивных высот составляет 8–10 лет.

Большинство специалистов и тренеров по хоккею отмечают, что наблюдается снижение эффективности подготовки хоккейных резервов. Одной из причин является слабая индивидуализация учебно-тренировочного процесса. Особо важное значение приобретают вопросы индивидуализации подготовки в возрастной период 8–10 лет, когда в организме юных хоккеистов происходят существенные морфофункциональные изменения. Многие специалисты, занимающиеся подготовкой спортивных резервов, считают, что тренировки в данном возрасте имеют решающее значение на перспективный рост спортивного мастерства спортсменов. Подготовка юных хоккеистов и ее индивидуализация должны осуществляться с учетом возрастных особенностей развития и формирования организма подростков. Физическое развитие – закономерный процесс морфологических и функциональных изменений организма, тесно связанный с возрастом и полом человека, состоянием его здоровья, наследственными факторами жизни и специфическим влиянием занятий определенным видом спорта [4, с. 158–180]. А.А. Гужаловский и П.Г. Светлов утверждают, что морфологическое и функциональное развитие детей идет неравномерно, а по определенным периодам [5, с. 49–50; 6, с. 184–191].

Цель исследования – определение уровня и темпов физического развития юных хоккеистов. Для достижения цели решались следующие задачи:

1. Выявить возрастные особенности изменения показателей, характеризующих физическое развитие у хоккеистов в возрасте 8 лет.
2. Сопоставить исходные и конечные показатели физического развития хоккеистов в возрасте 8 лет.

Методы исследования

В работе использовались:

- 1) анализ литературных источников;
- 2) педагогическое наблюдение;
- 3) антропометрия;
- 4) математико-статистическая обработка результатов исследования.

Организация исследования

Исследование проводилось в 2012 г. на базе ДЮСШ по хоккею с шайбой и фигурному катанию г. Бреста. Применялась антропометрия для измерения физического развития юных хоккеистов. Измерения проводились по методике Э.Г. Мартиросова [7, с. 112–115]. Измерялись длина тела стоя (см), масса тела (кг), окружность грудной клетки (см), жизненная емкость легких (мл), кистевая динамометрия (кг). Для изучения физического развития юных хоккеистов нами применялись индексы: весоростовой, индекс относительной силы, жизненный индекс.

Результаты и их обсуждение

Изучение особенностей физического развития отдельных возрастных групп юных хоккеистов представляет теоретический и практический интерес, так как расши-

ряются знания об особенностях возрастного развития человека и дает материал для научного обоснования оценки физического развития, организации, планирования и методики тренировки адекватным особенностям однородных групп и конкретных лиц. Обследование юных хоккеистов обусловлено применением современных методик и условиями тренировки. В ходе исследования был проведен анализ результатов физического развития, полученных в начале и в конце учебного года. Результаты исследования приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные показатели физического развития юных хоккеистов группы начальной подготовки 2 года обучения

Показатели	Статистические параметры		
	x	σ	v
Длина тела стоя, см	130,4	5,8	4,4
Масса тела, кг	29,1	4,7	16,5
Окружность грудной клетки, см	64,0	2,7	4,6
Жизненная емкость легких, мл	1640	268,2	16,3
Динамометрия кисти правой, кг	12,8	3,3	23,9
Динамометрия кисти левой, кг	10,6	4,01	34,5
Весоростовой индекс, гр/см	223,1	18,9	8,47
Жизненный индекс, мл/кг	56,3	11,4	20,1
Силовой индекс (правая кисть), гр/гр	43,9	8,2	17,2
Силовой индекс (левая кисть), гр/гр	36,4	7,1	17,8

Как следует из таблицы 1, обследованная возрастная группа юных хоккеистов 8 лет более однородна (v – до 10%) по показателям длины тела стоя, окружности грудной клетки и весоростового индекса. Значительное рассеивание наблюдается в показателях массы тела (v – до 16,5%), жизненной емкости легких (v – до 18,9%), жизненного индекса (v – до 20,1%), силового индекса правой кисти (v – до 17,2%), силового индекса левой кисти (v – до 17,8%) и динамометрии правой кисти (v – до 23,9%). Большое рассеивание наблюдается в показаниях динамометрии левой кисти (v – до 34,5%).

Анализ показателей физического развития юных хоккеистов группы начальной подготовки второго года обучения (после проведенного учебно-тренировочного года) в конце учебного года позволил отметить, что все показатели физического развития улучшились, и группа начальной подготовки второго года обучения юных хоккеистов по всем показателям стала еще более однородной. Наблюдается равномерный прирост показателей физического развития (таблица 2).

Таблица 2 – Конечные показатели физического развития юных хоккеистов группы начальной подготовки 2 года обучения

Показатели	Статистические параметры		
	x	σ	v
Длина тела стоя, см	136,5	6,4	4,6
Масса тела, кг	31,8	4,3	13,6
Окружность грудной клетки, см	67,6	3,7	5,4

Продолжение таблицы 2

Жизненная емкость легких, мл	1850	243,9	13,5
Динамометрия кисти правой, кг	15,7	3,6	22,9
Динамометрия кисти левой, кг	14,1	2,7	19,1
Весоростовой индекс, гр/см	225,0	17,7	7,8
Жизненный индекс, мл/кг	58,4	10,2	17,4
Силовой индекс (правая кисть), гр/гр	50,9	8,4	16,5
Силовой индекс (левая кисть), гр/гр	45,7	7,8	17,06

Сопоставляя результаты, полученные в исследовании в начале учебного года, с показателями по окончании года следует отметить заметное улучшение, носящее статистически значимый характер в показателях длины тела стоя, окружности грудной клетки, в жизненной емкости легких, динамометрии правой и левой кисти, а также силового индекса левой кисти ($p < 0,05$). В остальных изучаемых показателях наблюдается улучшение, но достоверных статистических различий не отмечено (таблица 3).

Таблица 3 – Показатели физического развития юных хоккеистов группы начальной подготовки 2 года обучения за учебный год

Показатели	Статистические параметры					
	Исходные показатели		Конечные показатели			
	x	σ	x	σ	t	p
Длина тела, см	130,4	5,8	136,5	6,4	2,642	$< 0,05$
Масса тела, кг	29,1	4,7	31,8	4,3	1,585	$> 0,05$
Окружность грудной клетки, см	64,0	2,7	67,6	3,7	2,940	$< 0,05$
Жизненная емкость легких, мл	1640	268,2	1850	243,9	2,167	$< 0,05$
Динамометрия кисти правой, кг	12,8	3,3	15,7	3,6	2,223	$< 0,05$
Динамометрия кисти левой, кг	10,6	4,01	14,1	2,7	2,708	$< 0,05$
Весоростовой индекс, гр/см	223,1	18,9	225,0	17,7	0,274	$> 0,05$
Жизненный индекс, мл/кг	56,3	11,4	58,4	10,2	0,415	$> 0,05$
Силовой индекс (правая кисть), гр/гр	43,9	8,2	50,9	8,4	1,115	$> 0,05$
Силовой индекс (левая кисть), гр/гр	36,4	7,1	45,7	7,8	2,092	$< 0,05$

Заключение

Таким образом, рассмотренные некоторые характерные черты физического развития юных хоккеистов позволяют отметить, что показатели физического развития имеют положительную тенденцию возрастного развития. Учитывая возрастные изменения организма юных хоккеистов в процессе многолетней подготовки, можно не только прогнозировать их перспективность, но и управлять учебно-тренировочным процессом с целью повышения спортивного мастерства хоккеистов группы начальной подготовки второго года обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонов, Ю.В. Подготовка юных хоккеистов : учеб. пособие / Ю.В. Никонов. – Минск : Асар, 2008. – 320 с.

2. Павлов, С.Е. Секреты подготовки хоккеистов / С.Е. Павлов – М. : Физкультура и спорт, 2008. – С. 168–171.

3. Савин, В.П. Теория и методика хоккея : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.П. Савин. – М. : Академия, 2003. – 400 с.

4. Матвеев, Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры) : учебник для ин-тов физ. культуры / Л.П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – С. 158–180.

5. Гужаловский, А.А. Критические и чувствительные периоды развития двигательных способностей и проблемы использования их в физическом воспитании / А.А. Гужаловский // Развитие двигательных способностей у детей. – М., 1976. – С. 49–50.

6. Светлов, П.Г. Теория критических периодов развития и ее значение для понимания принципов действия среды на онтогенез: вопросы цитологии и общей физиологии / П.Г. Светлов. – М., 1960. – С. 184–191.

7. Мартиросов, Э.Г. Методы исследования в спортивной антропологии / Э.Г. Мартиросов. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – 199 с.

Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Zhidkov A.V. Level of Indicator Demonstration of Physical Development of Young Hockey Players Aged 8

The level of development of modern ice hockey is very high, which requires from the players not only technical skills in the development of physical and mental abilities, but constant search for talented children who have morphological and functional data. Demands made by hockey, give rise to the study of morphological features of players' organism to build the training process. Currently available information may not be complete variant of the problems in the study of physical development of children as part of higher susceptibility of children to hockey. The aim of the study was to determine the level and rate of physical development of young hockey players aged 8 years old. These indicators of physical development of players aged 8 years revealed a positive trend, the growth and development of physical characteristics that must be taken into account during the training process. The results of the physical development of young hockey players will contribute to the monitoring of their prospects.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2013

УДК 760.0

Л.В. Шукевич, А.А. Зданевич, А.В. Ермолик

ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТОТАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ ТЕЛА ПЛОВЦОВ ВЫСОКОЙ СПОРТИВНОЙ КВАЛИФИЦИИ

Анализ специальной литературы и результатов практики показал, что эффективность спортивного резерва в плавании зависит от разработки объективных характеристик занимающихся, конкретных условий организации учебно-тренировочного процесса и особенностей развития юных спортсменов. Одним из важнейших биологических и эстетических критериев физического развития человека, который используется для характерного и оценки внешнего состояния организма, является показатель гармоничности телосложения. В исследовании установлено, что у пловцов и пловчих, специализирующихся в плавании способом вольный стиль на 100 м и на спине, отмечены существенные различия по тотальным размерам тела в сравнении с представителями других способов плавания (брасс, баттерфляй, комплексное плавание, вольный стиль на 800 м). Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при контроле и оценки эффективности учебно-тренировочного процесса на любом этапе многолетней подготовки пловцов.

Введение

Плавание – одно из наиболее действенных оздоровительных и воспитательных средств, оказывающих комплексное воздействие на организм занимающегося. Современному плаванию исполнилось 140 лет, в течение которых менялись виды и правила плавания, совершенствовались физические кондиции пловцов.

Плавание отличается динамичностью двигательных действий, зрелищным эффектом и большой эмоциональностью, требует проявления разносторонних физических (особенно скоростно-силовых), интеллектуальных, морально-волевых качеств спортсмена [1, с. 53–54]. Е.И. Иванченко отмечает, что на подготовку высококвалифицированного пловца затрачивается до десяти лет. За это время объем и интенсивность выполняемых им физических нагрузок возрастает в несколько раз (особенно специфического характера). Автор указывает, что далеко не каждый подросток способен справляться с предполагаемыми темпами увеличения тренировочных воздействий. На сегодняшний день только 2% выпускников детско-юношеских спортивных школ удается перейти в категорию взрослых спортсменов, имеющих высокую спортивную квалификацию [2, с. 80–81]. Высказывания Н.Ж. Булгаковой, Э.Г. Мартиросова, И.Е. Филимоновой [3, с. 6–12] о массовых потерях среди юных спортсменов говорят о том, что в основном причина кроется в несоответствии нагрузок функциональным возможностям молодого организма пловца.

В работах В.Н. Платонова [4, с. 9–14; 5, с. 140–148], Е.И. Иванченко [6, с. 55–57] достаточно широко отражаются особенности тренировочного процесса взрослых спортсменов и в меньшей степени детей и подростков. В.Н. Платонов отмечает, что спорт с присущим ему неуклонным ростом спортивных достижений периодически нуждается в принципиально новых технологических решениях, основанных на знании глубинных механизмов формирования двигательных способностей и условий их реализации, закономерностей роста и сохранения специальной работоспособности, построения тренировочных программ и внесения в них современной коррекции [7, с. 130–138]. В.Ю. Давыдов считает, что необходимо решать проблему индивидуализации подготовки спортсменов и поиска путей ее совершенствования [8, с. 17–22].

Острая конкуренция в мировом плавании, высокая плотность результатов на уровне мировых рекордов, престиж побед на Олимпийских играх требуют от спортсменов учета каждого фактора, влияющего на спортивный результат. Спортивный результат пловца является интегративным показателем его физической, психологической и тактической подготовленности [9, с. 43–53]. Важное значение в достижении спортивных результатов имеет физическое развитие пловца. На разных этапах многолетней тренировки пловцов уровень их физического развития может быть различным. Телосложение – это один из наиболее важных факторов, определяющих успех в плавании [10, с. 49–54]. Как показала многолетняя спортивная практика, несоответствие показателей морфологического развития должным характеристикам приводят к тому, что этот недостаток пловец вынужден компенсировать путем перегрузки других систем организма.

Цель исследования – изучение особенностей физического развития пловцов и пловчих высокой спортивной квалификации в зависимости от способа плавания.

Задачи исследования:

1. Определить особенности тотальных размеров тела пловцов и пловчих высокой спортивной квалификации различных специализаций.
2. Выявить особенности пропорций и обхватных размеров тела пловцов и пловчих высокой спортивной квалификации различных специализаций.

Методы исследования: анализ и обобщение литературных источников; педагогическое наблюдение; антропометрические измерения; математико-статистическая обработка полученных данных.

Объект исследования – высококвалифицированные пловцы и пловчихи.

Предмет исследования – особенности физического развития высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в различных способах плавания.

Организация исследования

Исследование было проведено на базе Дворца водных видов спорта г. Бреста. В нем приняли участие пловцы и пловчихи, кандидаты в мастера и мастера спорта, специализирующиеся в плавании различными способами: брасс 100 м, на спине 100 м, вольный стиль 100 м, вольный стиль 800 м, комплексное плавание 100 м, баттерфляй 100 м. Измерялись тотальные размеры тела пловцов и пловчих высокой спортивной квалификации: длина тела стоя (см); длина тела сидя (см); масса тела (кг); окружность грудной клетки (см).

Результаты и их обсуждение

Высокие спортивные достижения в плавании в большей мере определяется уровнем развития физических способностей и особенностями телосложения спортсменов. В работе В.А. Парфенова [11, с. 80–94] отмечено, что пловцы высокой квалификации имеют хорошее физическое развитие: высокий рост, пропорциональное телосложение, большую жизненную емкость легких, что обеспечивает хорошие гидродинамические качества – обтекаемость и плавучесть. Для успеха в плавании особенно большое значение имеет длина тела.

Бурный рост спортивных результатов в плавании в последние годы во многом связан со специализацией в способе плавания и дистанции. Результаты исследований показывают, что скорость плавания изучаемыми способами на 100 м находится в тесной связи с длиной и массой тела спортсмена, длиной рук и ног, обхватом плеча, бедра.

Нами рассматривались конкретные морфофункциональные показатели, по которым пловцы высокого класса достоверно отличаются друг от друга и которые опреде-

ляют успех в каждом способе плавания на конкретные дистанции. Проанализируем показатели тотальных размеров тела, к которым относятся такие морфологические признаки, как длина и масса тела, окружность грудной клетки. Полученные показатели тотальных размеров тела пловцов высокого уровня представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели тотальных размеров тела пловцов

Способ плавания	Длина тела стоя, см		Длина тела сидя, см		Масса тела, кг		Окружность грудной клетки, см	
	х	σ	х	σ	х	σ	х	σ
Брасс (100 м)	177,0	2,3	93,0	2,6	73,1	2,0	97,0	2,4
На спине (100 м)	189,0	2,0	97,0	2,1	75,0	1,7	102,0	2,0
Вольный стиль (100 м)	190,0	2,1	98,0	1,8	81,4	1,6	103,0	1,9
Вольный стиль (800 м)	174,0	3,5	92,0	1,6	70,0	2,0	92,0	2,4
Баттерфляй (100 м)	179,0	1,5	91,0	2,0	74,2	1,1	98,5	1,8
Комплексное плавание	182,0	2,2	92,0	1,8	75,0	1,4	98,3	2,0

Рассмотрим каждый в отдельности из показателей тотальных размеров тела пловцов и пловчих. Анализ показателей длины тела стоя у высококвалифицированных пловцов показал, что самыми высокими из них являются спортсмены, специализирующиеся в плавании вольным стилем на 100 м. Самые низкорослые пловцы-брассисты и пловцы вольным стилем на 800 м. Как следует из рисунка 1, пловцы разными способами плавания существенно отличаются друг от друга по показателям длины тела стоя, за исключением пловцов короткого спринта. Тотальные размеры длины тела сидя показаны на рисунке 1.

Рисунок 1 – Показатели длины тела стоя пловцов

Из рисунка 2 следует, что показатели длины тела сидя у пловцов различными способами плавания отличаются. Так, наивысший показатель длины тела сидя у спортсменов, специализирующихся в плавании вольным стилем на 100 м. Незначительно уступают им спортсмены, специализирующиеся в плавании на спине. Брассисты, спортсмены комплексного плавания, вольного стиля на 800 м и баттерфляисты уступают спортсменам в плавании вольным стилем на спине в пределах 5–7 см.

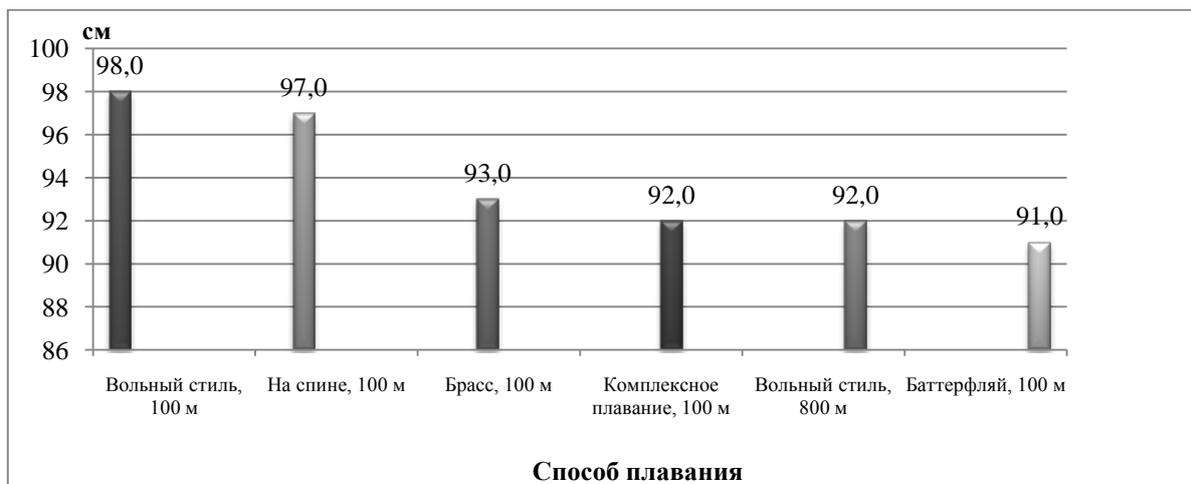

Рисунок 2 – Показатели длины тела сидя пловцов

Рассмотрим показатели массы тела у пловцов различных специализаций (рисунок 3). Наибольшая масса тела у пловцов вольным стилем на 100 м; 5–6 кг уступают им пловцы, специализирующиеся в плавании на спине. Спортсмены другими способами плавания отличаются показателями массы тела незначительно (комплексное плавание, баттерфляй и брасс). Наименьшая масса тела у спортсменов, которые специализируются в плавании вольным стилем на 800 м. Пловцы, работа которых имеет ярко выраженный скоростно-силовой характер, имеют большие величины массы тела, к ним в первую очередь относятся пловцы вольного стиля на 100 м.

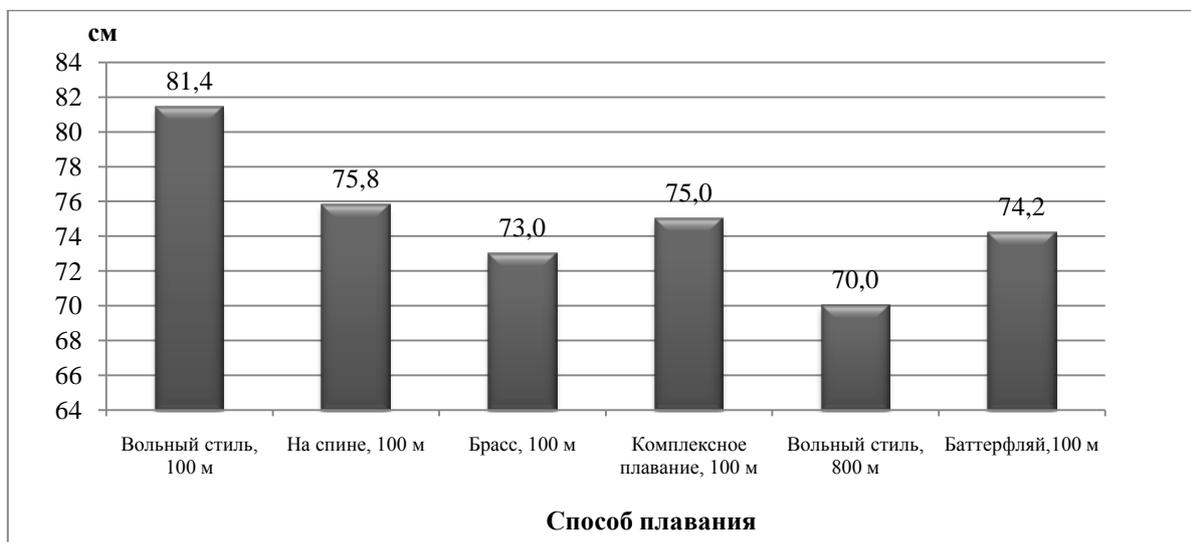

Рисунок 3 – Показатели массы тела пловцов

Анализ показателей окружности грудной клетки показал, что у пловцов вольным стилем на 100 м и на спине; они находятся в пределах 103,0–102,0 см, и между этими показателями не наблюдается статистически значимых различий (рисунок 4). Не выявлено статистически значимых различий между показателями окружности грудной клетки пловцов, занимающихся баттерфляем и комплексным плаванием, а также брассистами. Статистически достоверные различия имеются между показателями окружности

грудной клетки пловцов, специализирующихся в вольном стиле на 800 м, и всеми другими показателями пловцов различных специализаций (рисунок 4).

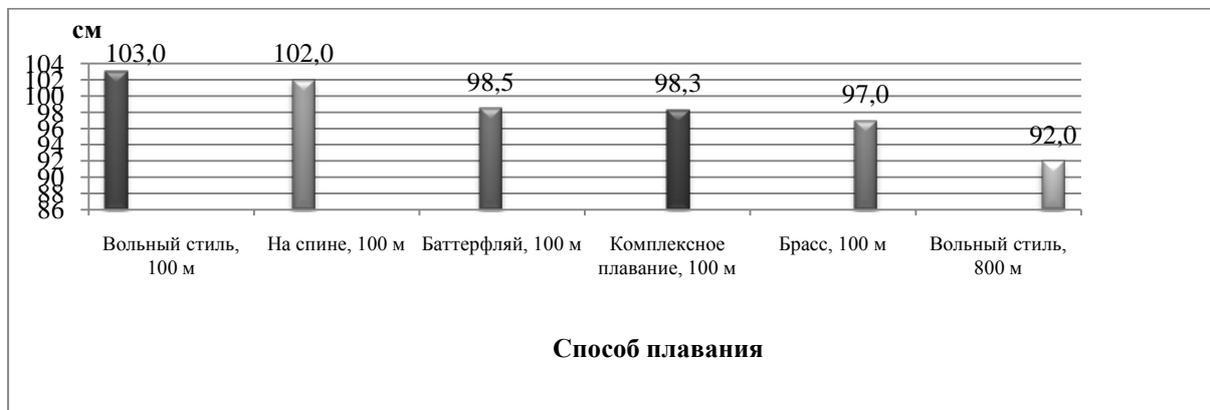

Рисунок 4 – Показатели окружности грудной клетки пловцов

Перечисленные выше показатели тотальных размеров тела пловцов высокой квалификации относятся к т.н. стабильным характеристикам, имеющим большое значение в достижении высокого спортивного мастерства. Рассмотрение тотальных размеров тела пловчих высокой спортивной квалификации показало, что размеры тела пловчих, специализирующихся в плавании различными способами и на различных дистанциях, статистически значимо различаются (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели тотальных размеров тела пловчих

Способ плавания	Длина тела стоя, см		Длина тела сидя, см		Масса тела, кг		Окружность грудной клетки, см	
	х	σ	х	σ	х	σ	х	σ
Брасс (100 м)	171,0	1,3	91,0	0,5	67,0	2,3	89,0	1,8
На спине (100 м)	172,0	1,4	89,0	1,2	65,1	3,4	93,0	2,1
Вольный стиль (100 м)	173,0	1,0	91,0	0,8	68,4	3,5	92,1	2,3
Вольный стиль (800 м)	168,0	1,8	89,0	1,1	60,5	4,1	90,1	2,5
Баттерфляй (100 м)	167,0	1,9	88,0	1,3	66,5	3,9	88,3	2,3
Комплексное плавание (100 м)	169,0	2,1	89,0	1,7	62,3	3,2	89,8	2,4

Так, в показателях длины тела стоя пловчих высокой спортивной квалификации, специализирующихся в баттерфляе, наблюдаются различия в длине тела по сравнению с показателями длины тела пловчих, специализирующихся в плавании вольным стилем на 100 м. Показатели массы тела самые низкие у пловчих, специализирующихся в вольном стиле на 800 м. Показатели окружности грудной клетки самые низкие у баттерфляисток. Рассматривая более подробно показатели длины тела стоя у пловчих высокого класса, следует отметить, что наибольшая длина тела стоя у пловчих вольным стилем на 100 м; незначительно ниже показатели у пловчих, специализирующихся в плавании способом на спине и брасс (рисунок 5). Самый низкий показатель длины тела выявлен у баттерфляисток. Следует отметить, что показатели длины тела стоя пловчих-баттерфляисток, пловчих вольным стилем на 800 м и комплексным плаванием статистически достоверно отличаются от показателей пловчих вольным стилем на 100 м, на спине

и брассом. Из рисунка 5 видно, что пловчихи вольным стилем на дистанции 100 м самые высокие; незначительно им уступают пловчихи, специализирующиеся в плавании на спине; девушки-бронистки также незначительно уступают пловчихам вольным стилем на 100 м и пловчихам на спине. Такая картина наблюдается и между представительницами других способов плавания.

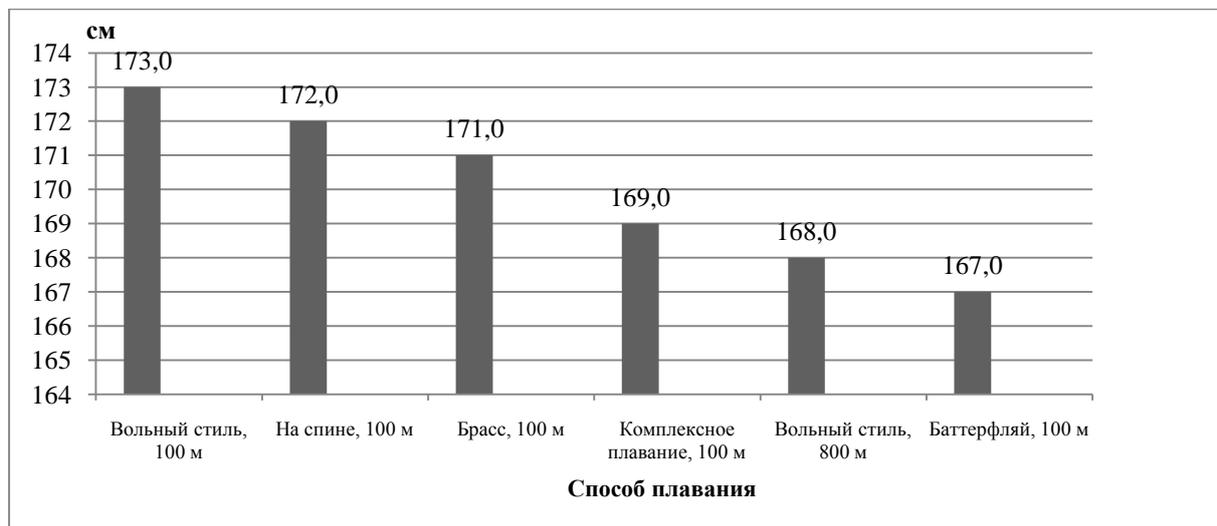

Рисунок 5 – Показатели длины тела стоя пловчих

Рассматривая показатели длины тела сидя у пловчих, следует отметить, что наибольшие показатели выявлены у пловчих, специализирующихся в брассе и в вольном стиле на 100 м. У спортсменок, специализирующихся в плавании на спине, вольным стилем на 800 м и в комплексном плавании, длина тела практически одинакова. Пловчихи, занимающиеся баттерфляем, уступают им незначительно (рисунок 6).

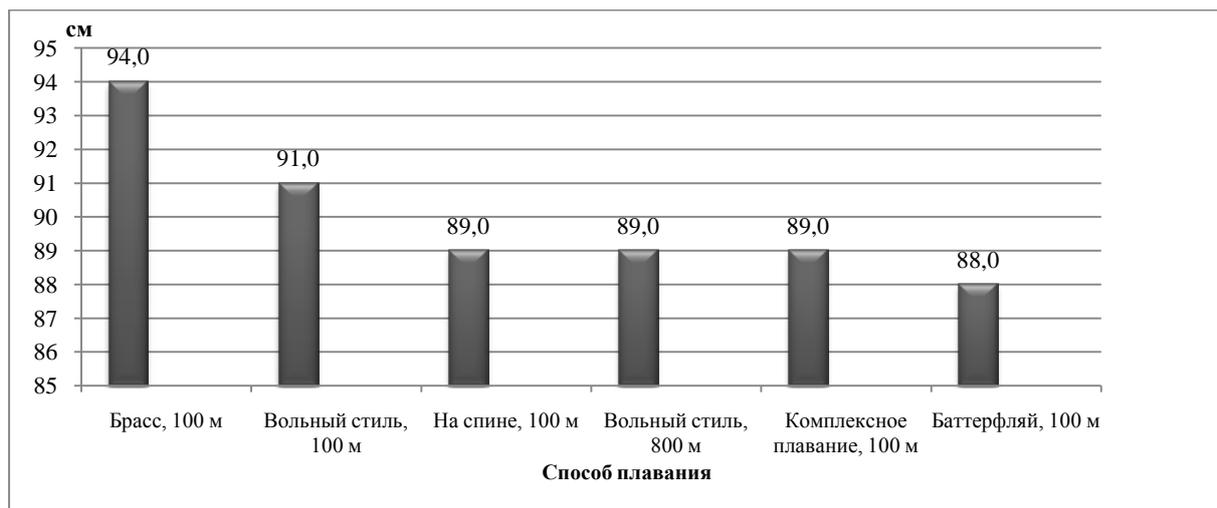

Рисунок 6 – Показатели длины тела сидя пловчих

На рисунке 7 представлены результаты массы тела пловчих. Наибольшие показатели массы тела у пловчих вольным стилем на 100 м; незначительно отличаются показатели пловчих, занимающихся брассом. Наименьшая масса тела у пловчих вольным стилем на 800 м.

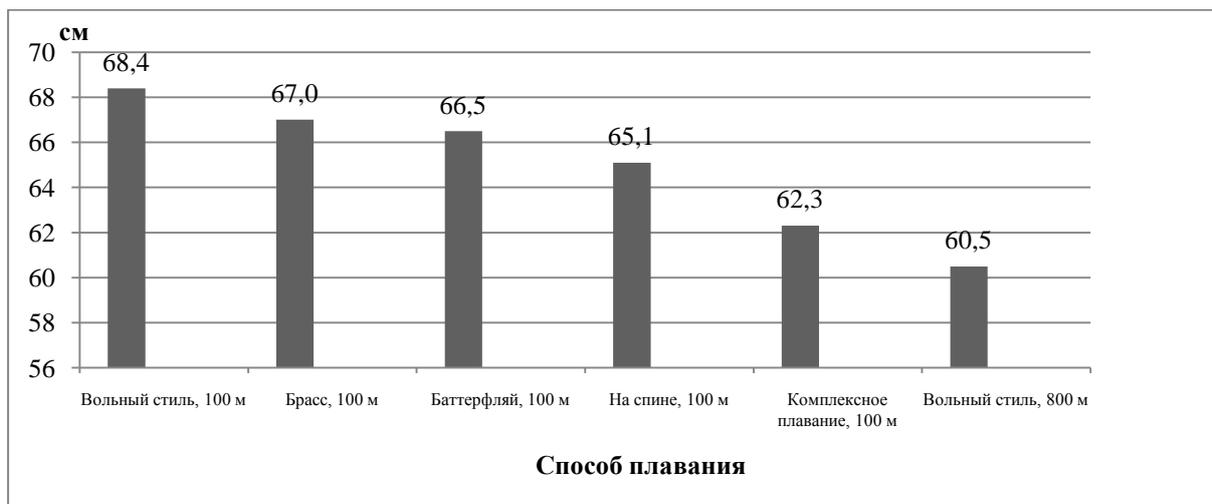

Рисунок 7 – Показатели массы тела пловчих

Анализ данных окружности грудной клетки, полученных в ходе эксперимента, показал, что наибольший показатель у пловчих, специализирующихся в плавании на спине, далее – пловчихи вольным стилем на 100 м, затем баттерфляистки (рисунок 8).

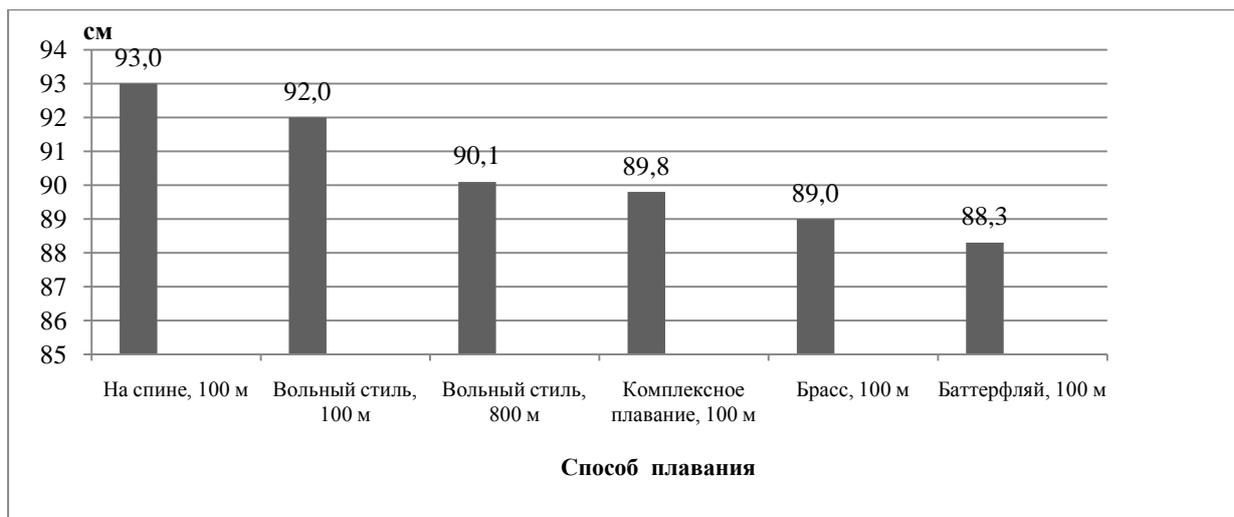

Рисунок 8 – Показатели окружности грудной клетки пловчих

Заключение

Изучение многочисленных литературных источников свидетельствует, что в настоящее время проблемы совершенствования учебно-тренировочного процесса по плаванию по-прежнему являются важной и актуальной задачей в связи с острой конкуренцией в мировом плавании. Анализ результатов исследования показал, что наиболее высокие показатели длины тела, массы тела, окружности грудной клетки имеют пловцы и пловчихи, специализирующиеся в плавании вольным стилем на дистанции 100 м. Тотальные размеры тела у пловцов и пловчих, специализирующихся в плавании способами брасс и баттерфляй, имеют незначительные расхождения. У пловцов и пловчих, специализирующихся в плавании вольным стилем на дистанции 800 м, все изучаемые показатели тотальных размеров тела ниже, чем у представителей других способов плавания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фарфель, В.С. Тренировка пловца с использованием соревновательной скорости лидирования / В.С. Фарфель // Теория и практика физической культуры. – 1978. – № 7. – С. 53–56.
2. Иванченко, Е.И. Теория и практика спорта : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Физическое воспитание и спорт» : в 3 ч. / Е.И. Иванченко. – Минск : Четыре четверти, 1997. – Ч. 3. – С. 80–81.
3. Булгакова, Н.Ж. Совершенствование систем подготовки спортсменов высшей квалификации / Н.Ж. Булгакова, Э.Г. Мартиросов, И.Е. Филимонова – М. : Физкультура и спорт, 1980. – С. 6–12.
4. Платонов, В.Н. О путях оптимизации построения многолетней подготовки пловцов высокого класса / В.Н. Платонов, К.П. Сахновский, В.Г. Юдин // Плавание. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – Вып. 2. – С. 9–14.
5. Платонов, В.Н. Тренировка пловцов высокого класса / В.Н. Платонов, С.М. Вайцеховский. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – С. 140–148.
6. Иванченко, Е.И. Эффективность различных вариантов развития силы высококвалифицированных пловцов / Е.И. Иванченко // Вопросы теории и практики физической культуры и спорта. – Вып. 22. – Минск : Полымя, 1992. – С. 55–57.
7. Платонов, В.Н. Современная спортивная тренировка / В.Н. Платонов. – Киев : Здоровье, 1980. – С. 130–138.
8. Давыдов, В.Ю. Взаимосвязь антропометрических и биомеханических показателей пловцов в годичном цикле подготовки / В.Ю. Давыдов, А.А. Буреева // Актуальные вопросы подготовки спортсменов в циклических видах спорта : сб. науч. тр. – Волгоград, 1993. – С. 17–22.
9. Попов, О.И. Эволюция технологии подготовки, морфологического профиля сильнейших пловцов и мировых рекордов в спортивном плавании на протяжении XX в. / О.И. Попов, Л.И. Партыка // Наука в олимпийском спорте. – 2001. – № 1. – С. 43–53.
10. Булгакова, Н.Ж. Изменение тренировочных программ и специальной подготовленности юных пловцов 11–16 лет за период 1970–1990 гг. / Н.Ж. Булгакова, И.В. Чеботарева // Наука в олимпийском спорте. – 2001. – № 1. – С. 49–54.
11. Парфенов, В.А. Тренировка квалифицированных пловцов / В.А. Парфенов, В.Н. Платонов. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – С. 80–94.

Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Ermolik A.V. Characteristics and Indicator Peculiarities of Total Size of Swimmers' Body of High Sports Qualification

The analysis of the literature and the results of practice have shown that the effectiveness of sports reserve in swimming depends on the development of objective characteristics involved, the specific conditions of the organization of the training process and the characteristics of the development of young athletes. One of the most important biological and aesthetic criteria for the physical development of a person, which is used to estimate the characteristic and the external condition of the body, is the indicator of body harmony. The study found that the swimmers specializing in swimming freestyle way for 100 meters and marked on the back of significant differences in total body size in comparison with other methods of swimming (breaststroke, butterfly, freestyle, freestyle, 800 meters). The findings of the survey results can be used in monitoring and evaluating the effectiveness of the training process at any stage of multi-year training swimmers.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2013

УДК 373 + 373.3

Т.В. Александрович

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье раскрывается сущность творческого потенциала личности, его структура. Творческий потенциал рассматривается как динамическая личностная характеристика, включающая ценностный, когнитивный и деятельностный компоненты. Определена теоретическая модель развития творческого потенциала будущего педагога в процессе обучения в вузе. Представленная модель представляет собой единство взаимосвязанных компонентов: целевого, содержательного, процессуального (технологии, формы, принципы, условия) и оценочно-контрольного.

Введение

На современном этапе развития высшего образования происходит переосмысление роли ценности приобретаемых студентами знаний, поскольку современному обществу необходим творческий специалист, способный самостоятельно ориентироваться в стремительном потоке научной информации, умеющий критически мыслить, вырабатывать и защищать свою точку зрения. Творческая личность, согласно концепции А. Маслоу, «это особая личность, даже особенная разновидность человека, который, стремясь к реализации собственной значимости, тем самым реализует себя» [1, с. 25]. Системаобразующими характеристиками творческой личности является продуктивное самосознание как совокупность креативных представлений о себе, интеллектуально-творческая инициатива, жажда познания и преобразования, чувствительность к проблеме, новизне, критичность ума, самостоятельность в поиске пути и выборе способов решения возникающих проблем. К профессионально-личностным качествам современного творческого педагога относится научное психолого-педагогическое мышление, высокий уровень педагогического мастерства, определенная исследовательская смелость, развитая педагогическая интуиция, критический анализ, потребность в профессиональном самовоспитании и разумное использование передового педагогического опыта. Со сменой требований к субъекту деятельности меняются требования к процессу его профессиональной подготовки. В связи с этим разработка концепции и моделей воспитания творческой личности педагога в процессе его профессионального образования становится сегодня актуальной научно-практической задачей.

Творческий потенциал личности: понятийная характеристика

Основу творческой личности составляет ее творческий потенциал. В философском определении понятие «творческий потенциал личности» трактуется и как одаренность человека, и как способность к активной самореализации, и как стремление к высшим нравственным идеалам, и как фонд, совокупность возможностей реализации новых направлений деятельности. Применительно же к конкретному человеку творческий потенциал – это «синтетическое качество личности, характеризующее меру ее возможностей ставить и решать новые задачи в сфере своей деятельности, имеющей общественное значение» [2]. Анализ психолого-педагогической литературы показал, что творческий потенциал рассматривается и как «проявление внутренней жизни человека в процессе его взаимодействия с природой и социумом» (А.Г. Ананьев, Л.С. Выготский);

и как «интегрированное образование, отражающее меру возможностей личности, осуществляющей деятельность творческого характера» (И.О. Мартынюк, В.Ф. Овчинников); и как совокупность реальных возможностей, умений и навыков, определяющих уровень развития человека (Г.Л. Пихтовников, Л.Н. Москвичева); и как «динамическое интегративное личностное свойство (в совокупности личностных способностей, знаний, умений, убеждений, отношений, направленности), определяющее потребность, готовность и возможность творческой самореализации и саморазвития» (Е.А. Глуховская).

Творческий потенциал может оцениваться как совокупность биолого-физиологических показателей (природные задатки, состояние здоровья), психических свойств (нестандартность мышления, способность к самосовершенствованию), профессиональных характеристик (работоспособность, избирательный интерес к деятельности, увлеченность делом), в результате взаимодействия которых возникают одаренность и талантливость (А.И. Кочетов). В нем видят сложную интегральную личностно-деятельностную характеристику, присущую человеку, включающую в себя мотивационный, интеллектуальный, саморазвивающийся компоненты, в которых заложена совокупность личностных качеств и способностей, психологических состояний, знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления личностью творческой деятельности и достижений высокого уровня. Отражением изменений является саморазвивающийся компонент (Е.В. Дорофеева).

Под творческим потенциалом понимают и систему личностных способностей (изобретательность, воображение, критичность ума, открытость всему новому), позволяющих оптимально менять приемы действий в соответствии с новыми условиями, и знаний, умений, убеждений, определяющих результаты деятельности (новизну, оригинальность, уникальность подходов субъекта к осуществлению деятельности), в итоге побуждающих личность к творческой самореализации и саморазвитию. Его характерной чертой является избыточность по отношению к реализации, наличие «запаса» возможностей как условие, позволяющим индивиду результативно решать новые проблемы (В.Г. Рындак).

Рассмотрение вопроса о сущности творческого потенциала является методологической основой для понимания его структуры. Сторонники эмпирического подхода творческий потенциал представляют как перечень способностей, «списков качеств», порядок перечисления которых совершенно случайный:

- способность видеть проблему там, где ее не видят другие;
- способность сворачивать мыслительные операции, заменяя несколько понятий одним и используя все более емкие в информационном отношении символы;
- способность применить навыки, приобретенные при решении одной задачи к решению другой;
- способность к самосовершенствованию;
- избирательный интерес к деятельности, увлеченность делом;
- способность воспринимать действительность целиком, не дробя ее на части;
- способность легко ассоциировать отдаленные понятия;
- гибкость, нестандартность мышления;
- способность выбирать одну из альтернатив решения проблемы до ее проверки;
- способность включать вновь воспринятые сведения в уже имеющиеся системы знаний и др. [3; 4].

В логике организационно-деятельностного подхода структура творческого потенциала представлена совокупностью составляющих, среди которых:

- *собственно-потенциальная*, включающая индивидуальные психические процессы, задатки, способности;

– *мотивационная*, состоящая из убеждений, готовности как социально-психологической установки на развертывание сущностных сил индивида: потребностей, ценностных ориентаций, мотивов;

– *когнитивная*, представленная знаниями, умениями, отношениями, навыками, способами деятельности и самовыражения, которые приобретены в результате обучения, воспитания, включения в творческую деятельность, а также на основе индивидуального жизненного опыта в процессе социализации [5].

В исследовании Н.В. Мартишиной творческий потенциал личности педагога рассматривается как многозначная и динамическая (развивающаяся) характеристика, включающая три дополняющих друг друга компонента:

– *когнитивного*, представленного совокупностью знаний, способствующих пониманию студентом – будущим педагогом – творческого характера его труда и влияющих на творческую организацию им профессиональной деятельности;

– *деятельностного*, объединившего элементы, содействующие переводу творческого потенциала личности студента в состояние актуализации (профессионально-личностная реализация), в котором скрыты возможности для его дальнейшего развития.

– *ценностного*, отражающего присущие личности ценностно-творческие представления и приоритеты. Особую роль в педагогической деятельности исследователь отводит ценностному компоненту, подчеркивая, что ценностный компонент «отражает признание творчества как ценности, жизненной необходимости, принятие образов творческих личностей в качестве ориентиров в судьбе и в профессии» [6; 7].

В ряде исследований (Е.В. Колесникова, А.Ю. Михайлов) творческий потенциал определяется как сложное личностно-деятельностное образование и включает мотивационно-целевой, содержательный, операционно-деятельностный, рефлексивно-оценочный компоненты. *Мотивационно-целевой* компонент отражает личностное отношение к деятельности, выраженное в целевых установках, интересах, мотивах. Он предполагает наличие интереса к определенному виду деятельности; стремления к приобретению общих и специальных знаний, умений и навыков. Представлен внешней мотивацией, обеспечивающей интерес к предмету, и внутренней мотивацией, которая является более значимой для творческой деятельности (мотивация по результату, когда обучающийся ориентирован на результаты деятельности, и мотивация по процессу, когда учащийся заинтересован самим процессом деятельности). *Содержательный* компонент включает совокупность знаний, умений, навыков общеобразовательного характера, способствующих решению творческих задач. *Операционно-деятельностный* компонент основан на комплексе умений и навыков организации творческой деятельности. Он включает способы умственных действий и мыслительных логических операций, а также формы практической деятельности: общетрудовые, технические, специальные. Данный компонент отражает возможности личности в создании чего-то нового и направлен на самоопределение и самовыражение в индивидуальной творческой деятельности. *Рефлексивно-оценочный* компонент включает внутренние процессы осмысления и самоанализа, самооценку собственной творческой деятельности и ее результатов, оценку соотношения своих возможностей и уровня притязаний в творчестве [8].

Анализируя своеобразие авторских подходов к рассмотрению сущности и структуры творческого потенциала личности, следует отметить ресурсный подход (Г.А. Саламатова, В.Н. Марков, Ю.В. Синягин). С позиций данного подхода В.Н. Марков и Ю.В. Синягин трактуют потенциал как специфическую характеристику субъекта профессиональной деятельности как его способность использовать имеющиеся ресурсы,

характер их использования, а также возможности и технологии восстановления и наращивания. В структуре потенциала выделяются иерархически соподчиненные уровни. Авторы определяют в качестве важной задачи разработку технологии концентрации личностного потенциала для решения личностно заданных задач и подчеркивают, что реализовываться он может в двух направлениях: вовне, создавая соответствующий своим ориентациям внешний мир, и вовнутрь, усложняя внутренний мир и структуру самоуправления человека [9].

Итак, феномен «творческий потенциал» обладает большой информационной емкостью, отражает целостность человека как единство индивидуально-личностного и общественного жизнепроявления и представляет собой сложное динамическое личностно-деятельностное образование, отражающее совокупность качеств и способностей, психических состояний, знаний, умений и навыков, компетенций, обеспечивающих высокий уровень самоорганизации личности в ее будущей профессиональной деятельности.

Структурно-функциональная модель развития творческого потенциала личности студента – будущего педагога

На основе сложившихся в науке теоретических предпосылок нами была разработана теоретическая модель становления и развития творческого потенциала личности студента в образовательном процессе вуза. Данная модель представляет собой единство цели, содержания, технологий, форм организации образовательного процесса, оценки и результата. В модели отражены уровни (критерии), принципы и условия развития рассматриваемых процессов. Проанализируем последовательно содержание и функции каждого блока. Так, разработанная модель характеризуется направленностью на конкретную *цель* – развитие творческого потенциала личности студента в процессе профессиональной подготовки. *Перспективная цель* – переход процесса развития творческого потенциала в режим саморазвития. Основные *задачи*: развитие мотивационно-ценностного, креативного, когнитивного, рефлексивно-оценочного компонентов творческого потенциала. Конечный *результат* – повышение уровня развития творческого потенциала будущих педагогов в процессе профессионального педагогического образования, его возможностей для инновационных решений разноплановых профессиональных задач.

Содержательный компонент включает содержание опыта творческой деятельности (способность творчески мыслить; опыт мотивационно-ценностных отношений; опыт использования различных знаний о феномене творчества, творческом потенциале и специфике творческой деятельности; опыт использования различных умений организации творческой деятельности; знания, умения, навыки общеобразовательного, специального и инновационного характера). Среди существующих *технологий и форм организации* образования в качестве наиболее продуктивных в плане развития творческого потенциала студентов выступают проблемно-поисковые, проектно-исследовательские, коллективно-групповые технологии, тренинги креативности с использованием методов современной эвристики (мозговой штурм, морфологический анализ, синектика, метод фокальных объектов и др.). Проблемность обучения лежит в основе управления творческой деятельностью студентов вуза, способствуя прочному и полноценному добыванию, усвоению знаний, активному развитию их творческих потенциалов, эффективному формированию эмоционально-волевых качеств личности. Создавая проблемные ситуации в процессе обучения, преподаватель вовлекает студента в такую деятельность, в ходе которой он сталкивается с фактами, противоречащими его системе знаний и жизненному опыту. Большие возможности в плане развития творческого потенциала несет

в себе широкое применение проектно-исследовательской деятельности студентов. Она обеспечивает подготовку творчески мыслящих специалистов, имеющих навыки научной деятельности, самостоятельного анализа возможностей использования достижений науки и передового опыта, навыки практического участия в работе научных коллективов. Коллективно-групповые технологии направлены на развитие творческого мышления студентов. Работа параллельно в небольших группах, общение друг с другом стимулируют деятельность каждого члена группы, побуждает работать с максимальной отдачей, повышает ответственность каждого в процессе получения и освоения знания, формирования опыта творческой деятельности.

Рефлексивно-оценочный компонент полагает осмысление, самоанализ и самооценку собственной творческой деятельности. В качестве основных *критериев* уровня развития творческого потенциала личности студента выступают показатели творческой активности, познавательной самостоятельности и креативных способностей: беглость (продуктивность), гибкость, оригинальность (уникальность), легкость установления связей; сложность ассоциативно-семантического пространства (разнообразие стратегий); разработанность. Взяв за основу научно обоснованную В.С. Ильиным универсальную исследовательскую процедуру – разработку обобщенной уровневой модели изучаемого феномена [10], выделим три уровня развития творческого потенциала будущего педагога:

1) низкий, который характеризуется наличием в структуре творческого потенциала несвязных между собой признаков: на этом уровне проявления творческого потенциала еще не целостные, односторонние, дисгармоничные; наблюдается отсутствие интереса к развитию творческого потенциала, недостаток умений для решения творческих задач и ситуаций; имеют место значительные ошибки и неточности при выполнении заданий и решении задач;

2) средний: проявляется четкая взаимосвязь между отдельными признаками и компонентами; интегральные компоненты творческого потенциала личности начинают выходить на первый план, выполняя свою системообразующую функцию в поведении студента, в объединении всех проявлений личности в единое целое, хотя не всегда еще гармоничное; при выполнении заданий и решении педагогических задач допускаются незначительные ошибки и неточности;

3) высокий, который характеризуется наличием оптимальных взаимосвязей между отдельными признаками и компонентами творческого потенциала и появлением интегративного признака – творческой целостности личности; на этом уровне возникает целостность во всех проявлениях личности: осознание важности развития творческого потенциала личности, желание быть творческим человеком, ориентация на творческий процесс, четкое планирование деятельности, быстрота оценки ситуации и выбор оптимального варианта решения, уверенность в себе, способность управлять своими действиями, качественное решение поставленных задач.

Организация учебного процесса, направленного на развитие творческого потенциала будущего педагога, строится в соответствии со следующими *принципами*: целостности, творческой активности субъектов образовательного процесса, нацеленности на самореализацию субъектов образовательного процесса, совместной деятельности педагога и студентов, индивидуализации обучения. Комплекс *педагогических условий* развития творческого потенциала личности студента в образовательном процессе вуза включает в себя:

– организацию образовательного процесса на основе идей и практики личностно-ориентированного, проблемного и развивающего обучения, обеспечивающих формиро-

вание субъектно-творческой позиции студента на основе выявления начального уровня сформированности творческих способностей студентов для последующего их развития;

– мотивацию студента на развитие своего творческого потенциала и овладение приемами творческой деятельности;

– овладение приемами творческой работы и внедрение элементов эвристических заданий, направленных на повышение творческой активности студентов, ориентирующих их на создание нового, оригинального продукта в их учебной деятельности;

– применение методов и приемов, стимулирующих продуктивность мышления за счет расширения индивидуального опыта творческой деятельности студентов, ведущим из которых выступает метод моделирования проблемных ситуаций и создание системы заданий, процесс решения которых способствует развитию нестандартного творческого мышления;

– педагогическое содействие студентам в приобретении творческого опыта посредством обучения их технологии решения нестандартных заданий и поэтапного приобщения студентов к научно-поисковой деятельности, стимулирующей формирование первичного опыта самостоятельного решения научных проблем;

– использование приема рефлексивной педагогической оценки результата творческих усилий студентов в режиме конструктивного анализа как самоценного продукта личностного роста обучаемого [3; 4; 11].

Современные исследователи (О.С. Газман, М.В. Крулехт, В.Т. Кудрявцев, В.Г. Маралов, В.А. Петровский и др.) приходят к выводу, что творческое развитие личности возможно лишь во взаимодействии с творческим педагогом. Новая парадигма образования требует и нового педагога, творческая индивидуальность которого должна проявляться прежде всего в способности к самоизменению. Он не тот, кто учит, а кто понимает, чувствует и вдохновляет; кто растет сам, развивая окружение детей. Поэтому значимым условием творческого развития личности обучающихся становится творческое развитие и саморазвитие педагога как субъекта профессиональной деятельности, поведения и отношений: увлечь чем-либо других может только сам увлеченный, научить – умеющий, обогатить духовными ценностями – имеющий их [12].

Предложенная модель развития творческого потенциала личности апробирована на социально-педагогическом факультете БрГУ имени А.С. Пушкина при изучении учебных дисциплин «Педагогическая поддержка развития креативной личности» и «Организация креативно-творческой деятельности». Однако представленная модель развития творческого потенциала личности будущего педагога требует дальнейшей экспериментальной апробации. Необходим анализ образовательного пространства факультета, университета с точки зрения тех возможностей, которое оно представляет для воспитания личности, способной к созидательно-инновационной деятельности и самосовершенствованию.

Заклучение

Анализ существующих подходов к определению понятия творческого потенциала личности позволил сделать ряд обобщений, касающихся понимания его сущности и возможных путей его развития. Во-первых, рассматривая творческий потенциал как родовое сущностное свойство человека, мы вслед за подавляющим большинством исследователей определяем творческий потенциал интегративным образованием, имеющим системную организацию и сложную структуру с позиций целостного понимания личности. Во-вторых, подчеркивая динамический характер данного личностного свойства, наличие «преактуальной» и «постактуальной» стадий, «уровней проявления», мы

делаем вывод о таких его характеристиках, как динамичность и изменчивость, возможность его актуализации, развертывания и совершенствования. В-третьих, главная задача процесса становления творческой личности будущего педагога состоит в выявлении и совершенствовании творческих возможностей личности и превращении их в устойчивые, социально-ценностные творческие параметры. Убеждены, что творческий потенциал, развитый в период вузовского обучения, позволяет человеку успешно адаптироваться в окружающей среде, а молодому специалисту – в его профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2003. – 608 с.
2. Цапок, В.А. Творчество: философский аспект проблемы / В.А. Цапок. – Кишинев : Штиинца, 1989. – 150 с.
3. Ратт, Т.А. Формирование у студентов педагогического вуза готовности к развитию творческого потенциала учащихся : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.А. Ратт. – Пермь, 2000. – 24 с.
4. Ильяшенко, Т.А. Педагогические аспекты развития творческого потенциала школьника в гимназическом образовательном пространстве : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.А. Ильяшенко. – Смоленск, 2008. – 20 с.
5. Рындак, В.Г. Взаимодействие процессов непрерывного образования и развития творческого потенциала учителя : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / В.Г. Рындак ; Оренбург. гос. пед. ин-т. – Челябинск, 1996. – 42 с.
6. Мартишина, Н.В. Становление творческого потенциала личности педагога : монография / науч. ред. В.А. Сластенин. – М. : Изд. дом Рос. акад. образования ; Моск. психол. соц. ин-т, 2006. – 261 с.
7. Мартишина, Н.В. Ценностный компонент творческого потенциала личности педагога / Н.В. Мартишина // Педагогика. – 2006. – № 3. – С. 49–57.
8. Михайлов, А.Ю. Развитие творческого потенциала будущего педагога в образовательном процессе вуза : автореф. дис. ...канд. пед. наук : 13.00.01 / А.Ю. Михайлов. – Волгоград, 2006. – 18 с.
9. Санникова, А.И. Развитие творческого потенциала личности в образовательном процессе / А.И. Санникова. – Пермь : Изд-во ПГПУ, 2000. – 134 с.
10. Ильин, В.С. Формирование личности школьника (целостный процесс) / В.С. Ильин. – М. : Педагогика, 1984. – 144 с.
11. Щеглова, С.Н. Педагогические условия развития творческого потенциала студентов младших курсов педагогического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С.Н. Щеглова ; Моск. гуманитарный ун-т. – М., 2006. – 18 с.
12. Газман, О.С. Неклассическое воспитание. От авторитарной педагогики к педагогике свободы / О.С. Газман. – М. : МИРОС, 2002. – 296 с.

Aleksandrovich T.V. Modeling Development of Student's Creative Personality Potential in the Process of Professional Education

The article reveals the essence and the structure of the creative potential of an individual. Creative potential is seen as a dynamic personality characteristic, which includes cognitive, value-based and activity-based components. A theoretical model of developing creative potential in the future teacher during the process of getting a higher education is defined. The proposed model is a unity of goal, content, process (technologies, forms, principles, and conditions), assessment, and control elements.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.10.2013

УДК 37.091.5

Яцек Гурнікевіч

**ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ: ЗА И ПРОТИВ (Часть 2)
(мнение студентов специальности «Педагогика» психолого-педагогического
факультета Белостокского университета)***

Воспитание способствует развитию молодых людей, а зависит оно от их потенциальных возможностей. С другой стороны, воспитание может быть традиционно понимаемо как вид специфической «дрессировки», в которой главным является только план и воля тренера, а не объект воспитания. В контексте разных мнений и связанных с ними разных практических последствий трудно переоценить понимание воспитания студентами специальности «Педагогика» – будущих воспитателей в образовательно-воспитательных учреждениях Польши. В данном исследовании приняло участие 62 студента специальности «Педагогика». Студентам было предложено несколько типичных ошибок «дрессировки» в виде примеров общей воспитательной практики. Анализ полученных результатов позволил узнать, насколько молодые люди, изучающие педагогику, склонны соотносить традиционные ошибки в воспитании с воспитанием.

Введение

В недалеком прошлом воспитание было своего рода «строевой подготовкой» и базировалось на запретах и наказаниях, правилах и оценках. В результате воспитанники знали, как вести себя в определенных местах и ситуациях, как вести себя по отношению к гражданам, занимающим определенные места в общественной иерархии. Поведение молодежи было более привычным, чем обдуманым. Она была хорошо воспитана, что было связано с традицией, существующей идеологией и ожиданиями лидеров. Вела себя молодежь корректно – согласно существовавшему этикету.

Эта «строевая подготовка», проводимая веками, была локальной, она применялась только в определенных местах и учреждениях и не имела организованного характера. Как реликты минувших эпох остались действующие по сей день школы, монастыри и церкви, суды и тюрьмы, парламенты, казармы и поля битвы, рынки и общественные мероприятия и т.д. В каждом из этих мест действуют определенные нормы поведения, больше взятые из прошлого, чем диктуемые, например, экономикой или эффективностью работы. С каждым из выше указанных учреждений связаны церемониальные правила и традиции, имеющие больше формальный, чем законный характер. Возникает вопрос: в какой степени мнение «века минувшего» о воспитании как о своего рода общественной «дрессировке» распространено среди современных людей? Насколько будущие педагоги верны традициям из прошлого, согласно которым воспитатель оказывал влияние и воспитывал молодых людей, а воспитанник все это воспринимал? Предварительные ожидания возможных ответов на эти вопросы сопоставлены с ответами студентов специальности «Педагогика» Университета в Белостоке.

Социализация как составная часть воспитания

С воспитанием постоянно связана стратегия комбинации широко понимаемых наказаний и наград. Отражением такого подхода является тактика палки и пряника,

* Статья Яцека Гурнікевіча «Применение наказания детей: за и против (часть 1) (мнение студентов специальности «Педагогика» психолого-педагогического факультета Белостокского университета)» напечатана в сборнике научных работ «Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта. – Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі». – 2012. – Вып. 8. – С. 74–84.

в рамках которой «палка» связана с приверженностью к негативным действиям и отнимает желание определенной активности, а «пряник» вызывает положительные эмоции: желание поддерживать активность, одобряемую воспитуемым [1]. Причем, положительным действием будет только обещание награды, а обратной стороной будет обещание отмены наказания. Негативным действием может быть само чувство угрозы наказания или намек на отмену награждения. Следует применять наказание и поощрение так, чтобы воспитанник не знал, кто их исполнитель. Воспитанник должен считать, что наказания и награды зависят от самого него. Такие манипуляции с объектом воспитания отличаются тем, что в его сознании не существует образа исполнителя воспитания. При работе с животными такой прием называется дрессировкой. В рамках социализации надо дополнительно принимать во внимание импульсивное влияние, нерелексивный нажим общественности на подрастающее поколение, которое способно воспринимать это влияние. «Дрессировка», в свою очередь, так же как и воспитание, по определению используется сознательно с намерением достижения определенных целей. Проблемой является то, что очень часто необдуманное и эмоциональное поведение воспитателей – чаще всего социализирующий нажим – часто называют «воспитанием».

Бить или не бить – вот это вопрос

Постоянно в современном мире идет непрерывный спор: может ли воспитание быть связано с обдуманным и систематичным наказанием или может существовать только идея наказания, а возможность применения наказания воспитанник должен чувствовать. Обе точки зрения, исходя из исторической реальности, имеют право на существование. Обе стороны мотивируют свои точки зрения определенными последствиями применения или неприменения наказания. Нередко используемые аргументы имеют вид оборонного механизма рационализации – являются попыткой защиты собственного «опыта», пережитого в юности. Также используемые аргументы придают этим воспоминаниям рациональный смысл, защищают своих первых воспитателей и опекунов (родителей, бабушек и дедушек). Аргументы за применение наказания как эффективного способа вызывать в людях чувство дисциплинированности парируются аргументами кратковременности положительного воздействия наказания и долговременности отрицательных последствий (из-за замедления и деформации личного развития тех, кто подвергается наказанию). Общественные аргументы сталкиваются с личными.

Идею применения наказания (в том числе и телесного) поддерживает Дэйвид Лэмми, бывший министр образования Великобритании [2]. В Польше противником наказания статистически является средний терапевт, работающий в любом психолого-педагогическом учреждении [3]. Большинство людей, профессионально связанных с образовательно-воспитательной системой государства, декларирует свое нежелание применять наказание, особенно телесное включая шлепки. Эта общая ориентация на бесстрессовое воспитание все больше закрепляется в законодательстве вплоть до принятия соответствующих законов, имеющих важное значение для учреждений и частных лиц [4].

Наказание: плохо или хорошо (теоретики против практиков)

Воспитание без наказания имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным можно отнести формирование у молодёжи ущербных и отрицательных эмоций, создание в их жизни трудных ситуаций, а также медленное и деформированное личное развитие. К положительным можно отнести большую дисциплинированность молодых людей в своем поведении, большее уважение к родителям и се-

мейным традициям. В социальном плане это безопасность жителей и отсутствие патологий, особенно распространенных в странах Запада. Например, в исламских странах, где применяется наказание, по статистике преступлений меньше, чем в западных странах со своей демократией.

Если столетиями можно было понимать воспитание как своеобразную «дрессировку», в которой применялись явная манипуляция и насилие, то сегодня, отбрасывая традиционное воспитание, общество отходит от практики «дрессировки» по отношению к молодым людям. Взамен вводятся стратегии и способы поведения, которые недостаточно оправдывают себя в повседневной жизни, наполненной разного рода угрозами, когда порой возникает необходимость принятия радикальных действий. Например, в польской школе наблюдается тенденция роста проявлений разного рода насилия со стороны учеников по отношению к своим однокласскам и к учителям. Другой пример: поведение молодых солдат Западных государств в «горячих точках». Воспитанные на принципах отсутствия стрессового состояния, они имеют там много проблем: солдаты часто не справляются со своей психикой, становятся бессильными психически перед жестоко применяемым насилием, а также болезненно переживают свое насилие по отношению к другим. Психологическая помощь, оказываемая им во время «миссии» и после возвращения в свою страну, иногда только облегчает симптомы, но не ликвидирует источника проблем.

Ответственность или удовольствие – что ближе «дрессировке»?

Раньше в сознании каждого человека была мысль о необходимости выполнения порученных ему обязанностей, постоянно присутствовало чувство ответственности, человек думал о своей полезности общности, в которой находился, всегда помнил о своих заслугах. Человек знал и придерживался универсальных ценностей: честь, достоинство, готовил свою душу к вечной жизни после смерти. Он мог со слезами на глазах переживать чувства радости, вины. Типичными почитаемыми местами тогда были костелы и святые места, кладбища и поля сражений, площади и места фестивалей, театры и салоны.

В нынешнее время человек вовлекается в мир обещаниями приятного и играми, обещаниями сильных эмоциональных впечатлений. Раньше человек жил и творил в мире во имя высших целей – теперь, искушаемый обещаниями, он удовлетворяет свои плотские потребности. Для удовлетворения этих потребностей существуют различного рода институты, получающие огромные прибыли. Сегодня человек, удовлетворяя только свои плотские инстинкты, «боготворит» собственных искусителей, которые преследуют исключительно свои интересы. Сегодня типичными «почитаемыми» местами являются стадионы и танцплощадки, места игр, спонтанных сборищ, развлечений и стихийных собраний; люди активно участвуют в сетевом маркетинге; благодаря изобретениям и продвинутым технологиям живут в виртуальном мире.

Значение этикета и воспитательной «дрессировки»: раньше и сейчас

Раньше в частных домах регулярно читались книги, к которым относились как к святыням. Среди них была Библия. Использовались т.н. салонные молитвенники [5]. Во многих польских семьях в первой половине XX в. серьезно относились к «Кодексу чести» Владислава Бозевича, в котором речь шла о том, как защищать честь и как расплачиваться кровью за попорченную честь [6]. При всеобщем одобрении таких действий молодых людей использовались различного рода приемы и средства, чтобы «выдресси-

ровать», смоделировать, привить любовь к человеку и окружающему миру. Например, в старину воспитанники носили на голове книги с целью отработки длины шага, не разговаривали за столом в присутствии старших, к родителям обращались «пани матко» и «пане ойчэ», целовали уроненный на землю хлеб и т.д. Перед сном дети держали руки на одеяле (а не под ним), не поднимали руку на родителей, в транспорте уступали места, не разговаривали во время спектаклей, не носили головных уборов в помещениях и не клали ног на стол, помнили и употребляли три «магических слова»: «пожалуйста», «спасибо», «извините».

Сегодня этикет занимает все меньшее место в повседневной жизни. Можно согласиться с утверждением, что определенная часть современного общества с презрением относится к этикету прошлого, пренебрегает существующими до сих пор его нормами и правилами. Связано это с неверием в основные иерархии ценностей ушедших времен, с презрением к людям, с недовольством, связанным со своей профессией и общественным положением. Все это затрудняет безоблачную жизнь, усиливает игру инстинктов и желаний. Такую ситуацию успешно использует тот, кто призывает к всеобщей беззаботности, безграничной толерантности, не особенно заботясь о последствиях. Охотно принимается рыночный прессинг и прессинг СМИ. Наблюдается частое сопротивление церковным моральным нормам, государственным законам и локальным традициям. Приказы, запреты, предостережения, общественное мнение и т.д. стали в обществе непопулярны.

Ушла в небытие общепринятые в польских школах еще лет 100 назад практика ставить в угол, ставить на колени на горох, бить указкой, принуждать повторять разные обещания, оставлять после уроков «в козе» и т.д. [7]. Конечно, в определенных местах и ситуациях общественная «дрессировка» еще используется, хотя не имеет такого значения и распространения, как в прошлом. В современном мире весьма жесток и закон: в специальных местах применяется радикальная «дрессировка» с использованием изощренных методов насилия, приводящих иногда к биологическому и психическому уродству, а иногда и к смерти. Такого рода «дрессировки» заставляют руководствоваться условными рефлексам, угнетают умственную активность и уничтожают индивидуальность, ценности и человеческое достоинство. Примером могут быть современные военные казармы, трудовые лагеря, следственные изоляторы, где показания добывают, иногда используя насилие. Используемые до сих пор пытки не отличаются от использованных в прошлом веке. Следует отметить жестокую практику американских спецслужб (и сотрудничающих с ними спецподразделений других стран) по отношению к пойманным людям, подозреваемым в терроризме. Сюда же можно отнести штаб-квартиры некоторых сект, психологические лаборатории, проводящие эксперименты над людьми, некоторые психбольницы и дома помощи. В некоторых из этих учреждений применяется «дрессировка», ненамного отличающаяся от той, какую применяют по отношению к животным в исследовательских институтах, цирках, дельфинариях и на хозяйственных фермах [8]. В таких учреждениях осознанно применяется битье, физическое и психическое издевательство, голодовка, причинение физического уродства, усмирение огнем (к примеру, усмирение огнем использовалось в Сморгонской медвежьей академии Радзивиллов).

«Педагогический малек»: насколько он за воспитательную «дрессировку»

Предполагаю, что студенты 2 курса специальности «Педагогика», отвечая на вопрос о правоте воспитания в форме «дрессировки», будут придерживаться выученных

концепцій. Согласно предварительным ожиданиям, они должны использовать декларации о преимуществе бесстрессового воспитания, о необходимости отмены наказаний в воспитательных технологиях и в различного рода приемах. Родилась идея, чтобы именно этим студентам, убежденных в преимуществе разумного и бесстрессового воспитания, предложить оценить положительное и отрицательное поведение «дрессировщиков» как обычное поведение воспитателей. Быть может, тогда студенты были бы более раскованными и чаще оценивали бы указанные мною ошибки в «дрессировке» как способы, допустимые в воспитании. Отсюда возникает ряд вопросов. Насколько в мыслях будущих педагогов воспитание ассоциируется с «дрессировкой»? Насколько они в состоянии принять методы дрессировщиков по отношению к животным как допустимые в сфере воспитания детей? Насколько они готовы апробировать поведение «дрессировщиков», оцененное как ошибочное, в качестве подходящего для формирования мышления и поведения молодых людей? Чтобы получить ответы на эти вопросы, было решено провести диагностический опрос среди студентов 2 курса специальности «Педагогика» психолого-педагогического факультете Белостокского университета.

План опроса

При разработке плана опроса были приняты во внимание следующие моменты: проблемы и гипотезы, методы, техники и инструментарий для обработки данных, организация исследования.

Вопросы для студентов

1. В какой степени студенты специальности «Педагогика» подготовлены к профессии педагога, духовного руководителя будущих поколений, и насколько они готовы воспринимать в своей работе различные действия педагогов, использующих методы «дрессировки», являющиеся неправильной практикой?

2. Акцентируя внимание на неправильном поведении воспитателей как «дрессировщиков», в какой степени оценки респондентов будут различными в зависимости от применения следующих методов: избивание, непоследовательность, использование различных способов соблюдения послушания, монотонность, повышение голоса или крик, непрерывное повторение требований, поддержание дисциплины в течение долгого времени, взяточничество?

3. Какое значение имеют пол и специальность обучения?

Гипотезы

К пункту 1. Респонденты не готовы терпеть в своей работе ошибочных действий в «дрессировке».

К пункту 2. Респонденты дифференцируют оценки указанных типов поведения, особенно низко оценивают избивание.

К пункту 3. Ответы респондентов различаются в зависимости от пола и специальности.

Методы и инструментарий

Планируется использовать диагностический опрос респондента, предложенный Тадеушем Пильхом [9]. Для проведения опроса был разработан прототипный вариант анкеты. Подготовленные респондентам задания имели в основном количественный характер и были связаны с использованием метода оценочной шкалы. Этот метод предпо-

лагал оценку десяти обычно используемых в повседневности способов работы с воспитанниками; нужно было отмечать показания по пятиэлементной шкале (от сильной поддержки до решительного протеста). Респонденты были проинформированы о том, что анкета касается десяти ошибочных действий по отношению к детям; де-факто они должны были сопоставить эти действия с обычно совершаемыми ошибками при дрессировке собак [10]. Отсюда, нужно было сориентироваться, в какой мере участники анкетирования (будущие учителя) одобряют неприемлемые ими методы манипулирования другими (в том числе и по отношению к детям).

Опрос

Как уже отмечалось, было принято решение провести диагностический опрос среди студентов дневной формы обучения специальности «Педагогика» психолого-педагогического факультета Белостокского университета. Рассматривались варианты привлечения студентов и других факультетов, но выбор был сделан в пользу студентов этой специальности. В план опроса была включена большая лекционная группа 2 курса, состоящая в основном из уроженцев северно-восточной части Польши, воспитывавшихся в деревенской и местечковой традиции. Студенты были в основном с низким общественным статусом или из интеллигенции первого поколения. В соответствии с намерениями автора исследования выбранная группа студентов была характерна для других университетов в этой части страны.

Планирование места и времени анкетирования

Проведение анкеты было запланировано на вторую половину осени 2011 г. после курсовых занятий. Первоначально проводилось анкетирование, которое касалось оценки 10 избранных способов манипуляции (включая телесное наказание). Через неделю студенты письменно выражали свои мнения, касающиеся готовности применять телесные наказания по отношению к своим воспитанникам. Анкетированию и письменной работе предшествовали консультации, которые проводились на занятиях. Обсуждение ответов студентов проводилось индивидуально в течение недели.

Обсуждение полученных результатов

Одной из задач, поставленных в исследовании, было определение процента студентов специальности «Педагогика», которые поддерживают способы обращения с детьми, являющимися де-факто ошибочными при дрессировке животных. Идея проведения такого исследования была взята из интернета. Отсюда же были взяты и десять наиболее распространенных ошибок, допускаемых при дрессировке собак: 1) избивание; 2) непоследовательность; 3) различные способы соблюдения послушания; 4) скука, монотонность; 5) нервы, крик; 6) только наказания; 7) непрерывные требования исполнения без времени на отдых; 8) наказание по истечении какого-то времени; 9) повторение команд; 10) взяточничество, купеческие ярмарки, шантаж.

Респондентам рекомендовалось принять предложенную практику воспитания с использованием наказания или ее отклонить и при этом высказать свою точку зрения. Студенты должны были дать оценку десяти вышеуказанным воспитательным действиям путем указания своего выбора на шкале «1 – 2 – 3 – 4 – 5» (по образцу шкалы Лайкерта), где 1 – полное несогласие, 2 – несогласие, 3 – безразличие, 4 – согласие, 5 – полное согласие. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Мнения студентов специальности «Педагогика» по вопросу применения наказания в воспитании

	Шкала					С	Х
	1	2	3	4	5		
1. Нервное состояние, крики	39	15	4	2	–	62	2,60
2. Повторение команд	37	19	4	–	–	62	2,50
3. Соблюдение послушания	13	21	9	17	–	62	2,45
4. Скука, монотонность	15	22	20	2	1	62	2,16
5. Взятничество, купеческие ярмарки, шантаж	10	25	11	10	4	62	2,08
6. Непрерывные требования, т.е. без времени на отдых	41	13	5	1	–	62	1,69
7. Избиения	29	22	7	2	–	62	1,47
8. Непоследовательность	45	8	7	–	–	62	1,44
9. Только наказания	7	26	16	9	2	62	1,42
10. Наказание по истечении времени	18	25	9	8	–	62	1,35

Во втором задании, где студенты должны были высказать свое отношение к применению в своей будущей работе наказания (в том числе и физического), оно оставалось на втором плане. Студенты должны были высказать свою личную точку зрения, субъективную. Ожидалось, что студенты будут более открыты, чем в первом задании. Из ответов стало видно, что из десяти предложенных в анкете методов воспитания ни один не получил всеобщего одобрения среди. Часть студентов положительно отнеслась к использованию повышения голоса (крик), повторению команд и несению послушания с применением различных способов воздействия.

Студенческие дополнения в список «десяти ошибок дрессировки»

Кроме указания своих ответов, касающихся применения наказания в воспитании, студенты имели возможность добавить в список «десяти ошибок в дрессировке» еще две, со своей точки зрения. В результате список «допускаемых ошибок в дрессировке» расширился до двухсот позиций. 62 студента предоставили 123 записи (при 124 теоретически возможных, т.е. 62×2). Собранный материал оказался очень богат на различные темы и предложения. Много зависело от индивидуальных качеств респондента.

В большинстве упомянутых записей респонденты не только генерировали недопустимые практики «воспитательной дрессировки», но и высказывали положительные пожелания. Много интересных ответов было на вопрос «Что делать, чтобы было хорошо»? ($\times 75$). Очень часто упоминалось награждение ($\times 26$), которое по-разному предлагалось понимать и применять. Например, предлагалось использовать больше поощрений, чем наказаний, а также награждений за мелкие успехи. В ответах присутствовали и другие предложения: откровенный разговор ($\times 17$), быть образцом для ученика ($\times 6$), развивать индивидуальность ($\times 3$), поощрять творчество ($\times 1$).

Записей, касающиеся оценки сохранения негативных методов воспитания, было меньше ($\times 48$). Эти оценки были более разнообразными по сравнению с предложениями, которые касались расширения положительных методов воспитания. Ни одна из оценок негативных методов воспитания не набрала больше голосов, чем метод разго-

вора или награждения в положительных оценках воспитания. Таким образом, видно, что студенты давали больше оценку положительным методам воспитания, чем отрицательным. Студенты подвергли критике указания на недостатки в поведении (× 5), критику детей (× 3), сравнение с другими детьми (× 3), телесные наказания (× 2), чрезмерную свободу ребенка (× 2), использование шаблонов (× 2), указания на вину (× 2).

Одинарные записи студентов касались и других вопросов: ответы на каждый вопрос ребенка, выделение кого-нибудь из детей, лишняя забота, морализаторство, вербальное унижение ребенка, ссоры с детьми вместо разговора, оставление детей без присмотра за их поведение, угрозы и запугивание.

Относительно студенческих ответов, определяющих уровень одобрения выбранных методов «дрессировки», показанных как образовательные манипуляции, можно сделать следующие замечания:

1. В собранном материале выявилось преимущество доброжелательного отношения (как нужно или как не нужно) над простым описанием практикуемой деятельности воспитателей (о чем я просил) с позиции Я-Родитель (в понимании теории трансакционного анализа Э. Берна) [11].

2. В большей степени были оценены действия воспитателей как нежелательные. В ситуации Я-Ребенок респонденты выступали за увеличение удовольствий (редко с указанием за что). Еще реже – почему (с точки зрения последствий в дальнейшем развитии личности и желания сохранить ее высокое общественное положение).

3. В меньшей степени были оценены воспитательные методы, обозначенные как нежелательные (по какой причине воспитатели создают воспитанникам дискомфорт и почему так поступают).

4. Юноши по сравнению с девушками меньше использовали стереотипы и стандартные способы мышления. Только они заметили опасность в чрезмерном заигрывании, в излишнем награждении и в отрицательных последствиях педагогической «болтовни». Отдельные юноши оценивали ситуации с позиции Я – Ребенок беспокойный.

6. Большинство записей, сделанных участниками опроса, касались ответа на вопрос «Какие способы необходимо еще учесть?». Меньше записей было посвящено ответу на вопрос «Как оценить использованные способы?». Студенты не указали, почему так происходит. Незначительные пояснения респондентов напротив конкретного метода указывали на причины поведения воспитателей и их намерения (цели на перспективу, кратковременные свои цели, подверженность эмоциям и т.д.).

7. Уникальными оказались ответы студентов на вопрос о методах, обеспечивающих достижение долгосрочных целей – позитивных изменений в созревающей психике (креативность).

8. В предложениях, касающихся обоснования применения указанных воспитательных методов, отсутствовали ссылки на мир ценностей.

Статистические особенности

Пол респондентов и их специальность были включены в статистические расчеты как дифференцирующие факторы, связанные с оценкой студентами отдельной практики воспитательной «дрессировки». Перед выполнением расчетов пришлось отказаться от двух позиций лиц, исключительно связанных с перевоспитанием, и опираться на ответы 60 человек. Слабое обоснование закономерностей и небольшое количество респондентов не предоставили убедительных доказательств статистической достоверности ожидаемого результата. Пол не оказался фактором, дающим разные ответы при оценке

десяти воспитательных ситуаций, хотя юноши проявляли тенденцию к более легкой оценке по сравнению с противоположным полом.

Таблица 2 – Оценка и пол 60 респондентов, оценивавших ситуации воспитательной «дрессировки»

	Средняя оценка				Сумма	%
	1,3–1,5	1,6–2,0	2,1–2,3	2,4–2,8		
Юноши	1	2	3	3	9	15,0
Девушки	12	19	15	5	51	85,0
Все	13	21	18	8	60	100
%	21,7	35,0	30,0	13,3	100	

Примечание: Хи-квадрат = 4,25; d.f. = 3; p.i. = 0,23; коэфф. контингенции C = 0,25; r Пирсона = 0,11

Не получено лучшего результата, ожидаемого от респондентов разных полов. Для всей исследуемой группы средняя оценка (1,9).

Таблица 3 – Средняя оценка и пол 60 респондентов, оценивающих методы воспитательной «дрессировки».

	Оценка		Сумма	%
	с 1,9	до 2,0		
Юноши	3	6	9	15
Девушки	28	23	51	85
Все	31	29	60	100
%	51,7	48,3	100,0	

Примечание: Хи-квадрат = 1,42; d.f. = 1; p.i. = 0,23; C = 0,15; r Пирсона = -0,1

Как и пол, указанные различия в использовании оценок в воспитательной работе представителями отдельных изучаемых специальностей, не нашли однозначного подтверждения в результатах статистических расчетов (таблица 4). Можно предполагать, что увеличение в два раза числа участников опроса повлекло бы получение значительных статистических различий.

Таблица 4 – Средняя оценка 60 респондентов разных специальностей практики воспитательной «дрессировки»

	1,3–1,5	1,6–2,0	2,1–2,3	2,4–2,8	Сумма	%
СМИ о педагогике	4	7	8	4	23	38,3
Педагогическая культурология	–	1	4	3	8	13,3
Педагогика опекунов и воспитания	5	9	2	1	17	28,3
Восстановительная педагогика	4	4	4	–	12	20,0
Всего/%	13/21,7	21/35,0	18/30,0	8/13,3	60/100,0	100,0

Примечание: Хи-квадрат = 15,28; d.f. = 9; коэфф. контингенции C = 0,25; r Пирсона = 0,03

Проверка гипотез

Собраный материал позволил дать ответы на поставленные вопросы. Анализируя отдельные вопросы, можно сделать следующие выводы:

К пункту 1. Средняя оценка, выставленная 62-мя анкетированными студентами, составила 1,92 балла, что в целом указывает на несогласие студентов с указанными ошибками в воспитательной практике (согласно выдвинутой гипотезе).

К пункту 2. Также (согласно предложенной гипотезе) оценки, выставленные отдельным действиям, были разные. Относительно более толерантными студенты были к следующим действиям: нервное состояние и крик; повторение команд и принуждение к покорности с использованием различных средств. К «скорее нет» анкетированные отнесли следующие действия: монотонность; шантаж и постоянные требования; отказ в предоставлении времени на отдых во время воспитательной муштры. Зато менее толерантными студенты были по отношению к таким: переживание по утраченному времени; к собственно наказаниям; непоследовательности; к физическому наказанию.

К пункту 3. Специальность и возраст оказались сравнительно важны в дифференцированности оценок, выставленных отдельным возможным методам воспитательной «дрессировки». Юноши оказались более толерантны, чем девушки. Студенты обоих полов, связанных с медиальным образованием, были менее строгими при выставлении самых низких баллов.

Заключение

Согласно многовековой традиции, воспитание воспринимается многими людьми как специфическая «дрессировка», наподобие дрессировки животных, чтобы они были пригодны для разных работ, а также для развлечений. В авторской анкете проверено, насколько студенты специальности «Педагогика», имеющие только программную подготовку и субъективное отношение к воспитанникам и отношениям с ними, склонны к сочетанию воспитания с «дрессировкой». Более того, насколько они во время воспитательного процесса склонны быть толерантными к обычным ошибкам «дрессировки». Приглашение студентов специальности «Педагогика» для участия в опросе не было случайностью: именно они станут в будущем формальными опекунами и воспитателями подрастающего поколения в образовательных учреждениях.

Было опрошено 62 студента, которым предложено в качестве примера общей педагогической практики десять обычных ошибок «дрессировки». Дополнительно студентам было предложено дополнить предложенные примеры своими.

Анализ собранного материала позволил сделать выводы, которые предполагались на этапе составления анкеты. Студенты, изучающие педагогику, не склонны применять методику «дрессировки», признавать ошибки в «дрессировке» и использовать это в рамках воспитательной работы. Обнаружились разные мнения по поводу использования отдельных методов «дрессировки», на что влияла половая принадлежность и специальность. Можно надеяться, что когда эти студенты займут свои рабочие места в образовательной системе, то они будут избегать тех отрицательных методов, которые Веслав Лукашевич называет антивоспитательными и которые больше подобны на реальную дрессировку, чем на поддержку самореализации воспитанников [12]. Возможно, поколение будущих педагогов сможет сделать так, что польское образование будет меньше, чем до настоящего времени, ассоциироваться с дикостью и одичалостью в понимании Александра Налясковского [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Muszyński, H. Zarys teorii wychowania / H. Muszyński. – Warszawa : PWN, 1976.
2. Były minister edukacji: dość zakazu bicia dzieci. – Reżim dostępu : <http://wiadomosci.wp.pl/title,Byly-minister-edukacji-dosc-zakazu-bicia-dzieci,wid,14206591,wiado-mosc.html>. – Data dostępu : 29.01.2012.
3. Żysko-Pałuba, M. Czy kary dla dzieci są potrzebne? / M. Żysko-Pałuba. – Reżim dostępu : http://dzieci.pl/breedingAid,14180259,cid,1024263,title,Czy-kary-dla-dzieci-sa-potrzeb-ne,wychowanie_artykul.html. Data dostępu : 19.01.2012.
4. Ustawa o przeciwdziałaniu przemocy w rodzinie z dnia 6 maja 2010 r. zawierająca zakaz cielesnego karcenia dzieci przez rodziców, uchwalona przez polski Sejm 269 głosami, przy 158 głosach sprzeciwu i 6 głosach wstrzymujących się.
5. Poeche, I. Brewiarzyk salonowy czyli prawidła i wskazówki do zachowania dobrego tonu w życiu towarzyskim / I. Poeche. – Rzeszów, 1887.
6. Boziewicz, W. Polski Kodeks Honorowy / W. Boziewicz. – Warszawa : Ossolineum, 1939.
7. Gomulicki, W. Wspomnienia niebieskiego mundurka / W. Gomulicki. – Warszawa, 1964.
8. Uśmiech delfina. – Reżim dostępu : http://ulubiency.wp.pl/kat,89794,opage,5,title,Usmiehdelfina,wid,12454480,wiadomosc.html?ticaid=1ddd&_tictsrn=3. – Data dostępu : 08.07.2010.
9. Pilch, T. Strategie ilościowe i jakościowe w badaniach pedagogicznych / T. Pilch, T. Bauman. – Warszawa : PWN, 2001.
10. Błędy w szkoleniu psa, tekst w blogu o zwierzętach. – Reżim dostępu : <http://zwierzak-to-przyjaciel.blog.onet.pl/Bledy-w-szkoleniu-psa,2,ID377313384,n>. – Data dostępu : 02.12.2011.
11. Berne, E. W co grają ludzie? Psychologia stosunków międzyludzkich / E. Berne. – Warszawa : PWN, 1987.
12. Łukaszewski, W. Czynniki decydujące o powodzeniu w wychowaniu / W. Łukaszewski // Społeczeństwo wychowujące. Rzeczywistość i perspektywy / B. Suchodolski (red.) – Warszawa. – Wrocław : Ossolineum, 1983. – S. 191–210.
13. Nalaskowski, A. Dzikość i zdziwienie jako kontekst edukacji / A. Nalaskowski. – Kraków : Impuls, 2006.

Gurnikevich J. About the Acceptance to Practice discipline Mistakes by Pedagogy Students towards their Future Pupils

Education could be the promotion of young people's development opportunities based on their personal potential capabilities. On the other hand, education could be understood traditionally as a special way of discipline, in which the trainer is important and dictates the conditions. In the context of the indicated differences of opinion and associated multiple practical consequences, it is important not to take for granted the student's perception of education, because they are going to be the young people's future formal guides in the education institutions. Sixty-two pedagogy students were asked about their opinion on discipline and personal development. They were presented with common discipline mistakes as examples of regular educational practice. Analysis of these data allowed the preliminary identification of the extent to which pedagogy students tend to associate the traditional discipline mistakes with education.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2013

УДК 613.8+159.9

Агнешка Філіпэк

БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ В СИТУАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Безотлагательная помощь является кратковременной специальной формой психологической помощи оказываемой среди прочего лицам, переживающим домашнее насилие. Срочная помощь в ситуации домашнего насилия должна быть оказана незамедлительно после каждого острого инцидента либо в ситуации обнаружения домашнего насилия. Безотлагательная помощь является действием, направленным на восстановление у лиц, затронутых кризисом, способности его самостоятельного преодоления. Действие, предпринимаемое во время безотлагательной помощи, должны быть направлены на обеспечение безопасности жертвы, понимание реакции жертвы, восстановление у жертвы чувства контроля, введение в действие её ресурсов (психологических и социальных), помощь в составлении так называемого плана безопасности.

История безотлагательной помощи

Безотлагательная помощь является особой формы помощи оказываемой человеку переживающему кризис, с которым он не в состоянии справиться самостоятельно. Генезис безотлагательной помощи связан с деятельностью по предупреждению самоубийств. Первоначально в Нью-Йорке в 1906 г. было создано общество, оказывающее помощь лицам, пытавшимся покончить с собой, а затем в 1948 г. Эрвин Рингель основал в Вене центр, который должен был заниматься «людьми, уставшими от жизни». Исторически это был первый подобный центр кризисной интервенции в мире [9, с. 164]. Следующим важным в истории безотлагательной помощи фактом было создание в Лондоне в 1953 г. телефонной службы поддержки для лиц, обнаруживающих мысли о самоубийстве. В 1970 г. безотлагательная помощь была описана как одна из моделей психиатрии среды (community psychiatry) в психологическом словаре под редакцией Hipsley Campbell'a. Понятие безотлагательного и безотлагательной помощи было введено в психологическую литературу в 1964 г. Джеральдом Капланом, создателем одной из основных концепций кризиса [6, с. 85].

Ключевым понятием безотлагательной помощи является термин «кризис». Неоднородная природа и сложность кризисных ситуаций является причиной того, что в литературе отсутствует общепринятая дефиниция кризиса. Согласно L.M. Grammer'у, кризисом является «состояние дезорганизации, в котором человек оказывается перед лицом разрушения важных жизненных целей либо глубокого нарушения своего жизненного цикла и умений справиться со стрессовыми факторами» [5, с. 94]. Кризис, таким образом, является реакцией человека на переживаемую им пограничную ситуацию, а лицо, его испытывающее, ощущает, что находится в ситуации «края» [9, с. 89]. Критическое событие нарушает равновесие предшествующих форм поведения, реакции на трудные ситуации. Типичными признаками эмоционального, психологического кризиса являются: беспомощность, познавательный хаос, ощущение сумбура, пробелы в переживании реальности ситуации, в пространственно-временной ориентации, повышенное напряжение и импульсивное стремление к снижению его уровня, дезорганизация действий, невозможность эффективного психосоциального функционирования, неэффективное, неприспособленное сопротивление критической ситуации, проблемам и стрессам [9, с. 26]. По мнению Ричарда Лазаруса, «потенциальным источником кризиса является субъективная интерпретация жизненных ситуаций и собственных возможностей, а не значение самого события. Кризис возникает тогда, когда человек оценивает ситуацию чрезвычайно угрожающей и когда не находит способа справиться с ней» [3, с. 19].

Не тип кризиса является самым важным для его преодоления, разрешения, а субъективная интерпретация, восприятие и переживание кризиса, а также оценка собственных возможностей, способных помочь в том, чтобы справиться с трудной ситуацией.

Основой для понятия «безотлагательная помощь» является работа 1944 г. Эрика Линдемана, в которой он изучил реакцию семей на потерю близких во время пожара в ночном клубе в Бостоне в 1942 г. [8, с. 77–78]. Тогда сотни семей, которые потеряли своих родных, погрузились в траур. В результате проведенных исследований и наблюдений Линдеман сделал вывод, что «кризис связан, как правило, с потерей, которая требует примириться с ней (с утратой)» [15, с. 258].

Виды (типы) безотлагательной помощи

Безотлагательная помощь осуществляется в ситуации различных жизненных кризисов, переживаемых человеком. Классификацию кризисных ситуаций разработал Джон Кулберг [3, с. 17], который выделяет кризисные перемены (развивающие, нормативные), кризисы ситуационные (травматические) и кризисы хронические. Кризисные перемены являются необъемлемым элементом жизни человека, они чаще всего ожидают им, тесно связаны с изменением развития, а также принятием новых социальных ролей и реализацией социальных заданий [3, с. 18].

Кризисные ситуации определяются как кризисы судьбы, инсендетальные или травматические. Они вызываются сильными травматическими событиями, возникающими в результате внешних (чаще всего неожиданных) событий, угрожающих безопасности здоровья или жизни человека. Примерами таких событий являются: неожиданная инвалидность, смерть близкого человека, катастрофа, потеря работы. О хроническом же кризисе идет речь в том случае, когда лицо, переживающее кризис перемены, вместо того, чтобы предпринять попытку его решить, уходит от проблемы, либо в случае травматического кризиса – задерживается в т.н. фазе эмоциональной реакции. Основные черты, характерные для лица, переживающего хронический кризис, – это неспособность действовать, пассивность, беспомощность, отсутствие побуждения для перемен, склонность к уходу от проблемы, отказ от ответственности, а также ограничение социальных контактов.

Семейное насилие как ситуационный кризис

Семейное насилие является ситуационным кризисом, который предоставленный собственному течению может перейти в хронический кризис. Только предпринятая вовремя помощь, направленная против домашнего насилия, может стать началом позитивных перемен, приносящих жертве и её семье возвращение равновесия, ощущения безопасности. Существенно, что одной из основных целей безотлагательной помощи в ситуации домашнего насилия является инициатива целевых личностных, индивидуальных перемен, а также перемен социальных [9, с. 199].

В литературе, посвященной этой проблеме, функционируют различные дефиниции домашнего насилия. Домашнее насилие – это «намеренное и использующее преобладание сил действия либо отказ от действия направленное к члену семьи, приносящее ущерб и страдание, а также нарушающее достоинства прав личности» [4, с. 5]. Намеренные действия виновника понимаются как действия, предпринятые сознательно, интенционально, в конкретных целях, для получения превосходства, доминирования над жертвой. Действия «виновника могут носить «активную» (акты физического, психологического и сексуального насилия) и «пассивную» форму, которая выражается «отсут-

ствием заботы, отказом от действия, которые, несмотря на то, что не предусматривают применение физической силы виновника, также приводят к физическому и психологическому ущербу жертвы» [6, с. 25].

Характерной чертой домашнего насилия является диспропорция, неравенство сил либо позиция в семье. Эта диспропорция относится не только к физическому преобладанию, когда виновник сильнее (спортивный, высокий), а жертва – слабее (не занимается спортом, маленькая), а также к неравенству (материальному, экономическому, культурному и социальному) [4, с. 6]. Домашнее насилие всегда наносит вред жертве; это, к примеру, потеря достоинства, чувства собственной значимости, потеря или нарушение ощущения безопасности, отсутствие психического равновесия. Часто насилие бесповоротно уничтожает семейные отношения, лишает контакта с родителями, семьей часто приводит к потере работы, имущества и т.д. Агнешка Добженьска-Местергази определяет насилие как «ситуацию крайнюю, ущербную, вызванную намеренными и длительными действиями человека» [2, с. 119], отмечает, что результатами пребывания в ситуации оказываемого насилия будут синдром избиваемой женщины, либо посттравматические нарушения, алкогольная зависимость, зависимость от лекарств, психоактивных субстанций [2, с. 20].

Домашнее насилие часто понимается как физическое насилие, результаты которого наиболее видимы и трудны для сокрытия. Физическое насилие проявляется, например, когда человека толкают, трясут, пинают, душат и т.п. Результатами физического насилия являются более или менее острые травмы, которые часто требуют единовременной медицинской помощи либо госпитализации. Другой формой ущерба является психическое насилие, которое трудно увидеть и доказать. Психическое насилие начинается незаметно с игнорирования чьих-то потребностей, критических замечаний (например, по поводу внешнего вида, убеждений, взглядов), обвинений, унижения, оскорблений, высмеивания и т.д. Еще одним видом домашнего насилия является сексуальное насилие: «утилитарная трактовка другого лица в целях удовлетворения собственных потребностей» [14, с. 10]. Виновник, не считаясь с потребностями жертвы, принуждает её к неприемлемым сексуальным действиям (изнасилование, принуждение к неприемлемым ласкам, а также принуждение к просмотру порнографии). Следующей формой насилия является насилие материальное, определяемое как экономическое (виновник лишает жертву возможности устроиться на работу, отбирает у нее заработанные деньги, лишает её возможности пользоваться общими финансовыми средствами и собственностью и др.). Очень часто примером экономического насилия является ситуация, когда работающий муж считает, что заработанные им деньги являются исключительно его собственностью, скрывает их, распоряжается ими без согласия неработающей, но воспитывающей детей жены. Сюда же можно отнести отнятие и распоряжение пенсией близкого пожилого родственника без учета потребностей этого человека и его решений. К материальному насилию относим также намеренное нежелание виновника работать либо намеренную неуплату алиментов на детей. К числу форм насилия часто относят такие действия, как намеренное игнорирование жертвы. «Игнорирование», отметим, означает отказ от действий в отношении зависимого лица, более слабого, чем виновник. Виновниками чаще всего становятся взрослые люди, которые перестают заботиться о детях, стариках и инвалидах. Следует подчеркнуть, что формы насилия, анализируемые, как правило, по отдельности, связаны между собой и в действительности выступают одновременно. По мнению Е. Мелибриды, всякое насилие является психи-

ческим, и только некоторые её формы носят физический характер [3, с. 25]. Домашнее насилие в польском уголовном праве является преступлением [8, с. 85].

Жертвами домашнего насилия в семье являются чаще всего женщины и дети, реже – мужчины. Специалисты, а также лица, переживающие домашнее насилие подтверждают, что домашнее насилие чаще всего не является событием единичным. Домашнее насилие повторяется циклично, по характерной схеме, которую Э. Уолкер назвала циклом насилия. В цикле насилия в семье можно выделить 3 фазы: фазу нарастающего напряжения, далее наступает фаза необузданного насилия, а за ней начинается фаза медового месяца [19, с. 29]. Фаза нарастания напряжения – это период, когда жертва насилия чувствует определенное напряжение в отношениях между ней и виновником, как будто что-то вот-вот должно случиться, это напряжение ощущают также и остальные члены семьи. В этой ситуации жертва, как правило, чувствует себя виноватой, худшей, нервничает, боится, и старается как можно быстрее смягчить напряжение, часто также старается соответствовать требованиям виновника (если это ей не удается, возвращаются мысли, что она глупая, никудышная, никуда не годится и т.д.). Жертва насилия использует разные способы, чтобы только предотвратить вспышку гнева, злости или претензии со стороны виновника [14, с. 18–21]. Случается и противоположная ситуация: жертва, которой трудно вынести тягостно растущее напряжение, провоцирует ссору, чтобы вспышка гнева наступила как можно быстрее, чтобы только это худшее прошло. Кульминация эмоционального напряжения и недоразумений влечет за собой следующую фазу – необузданное насилие.

Фаза необузданного насилия, как видно из названия находит, чаще всего выражение в рукоприкладстве, толкании, драке, пинках, уничтожении предметов домашнего обихода, а также в криках, оскорблениях, жертву, заставляю совершать что-то, чего она не хочет, и не может. Эта ситуация приводит к тому, что жертва насилия испытывает огромный страх, потрясения, унижения, злость, обиду, как одновременно бессилие и шок. Случается, что жертвы насилия в таких ситуациях ищут помощи, звонят в полицию, убегают за помощью и защитой к родственникам. Это надлежащая реакция на ненормальную и оскорбительную ситуацию в доме, в котором жертва живет с виновником. Но бывает и так, что лица, испытывающие насилие, быстро отказываются от помощи по причине просьб виновника, а также по причине психологических механизмов, свойственных жертве. Просьбы, приятные поступки, ласковый тон или обещание награды жертве – это начало следующей фазы – медового месяца.

Виновник, несмотря на осознанность своих действий сам шокирован ситуацией насилия и, опасаясь потерять контроль над домашней ситуацией, быстро меняется и становится как бы совершенно другим человеком. Он отказывается от своих выкрикиваемых ранее претензий, обещает исправиться, покупает подарки, убеждает жертву, что он её сильно любит и сделает всё, чтобы она была счастливой. Эти идеалистические декларации чаще всего, к сожалению, убеждают жертву, которая отказывается от помощи лиц или организаций, хотя объективно автоматически возникает вопрос: «Почему она от него не уйдет?». А. Добженьска-Мастергази отмечает, что «вначале фаза медового месяца насыщена позитивными эмоциями, однако со временем теряет свой эмоциональный характер» [3, с. 123].

Для решения выше описанных проблем нужны профессиональные знания. Это позволяет понять ситуацию, в которой находится жертва, и оказать ей необходимую помощь. Эти знания следует также передать жертве насилия, чтобы она могла осознать

свою ситуацию и себя, и также смогла предпринять соответствующие шаги, которые позволят защитить себя и детей от зла, которое может быть причинено впоследствии.

Действия жертвы объясняются главным образом стокгольмским синдромом заученного бессилия, явлением «промывания мозгов», а также механизмом «психологической ловушки». Явление «промывания мозгов» основано на систематическом, сознательном и целеустремленном воздействии на человека, в данном случае на жертву насилия, в целях изменения ее убеждений, позиций, чувств и потребностей. В результате действий этого механизма, лица, обращающиеся за помощью, часто добавляют и нередко говорят словами виновника и лишь со временем, что они сами по настоящему думают, чувствуют чего хотят в ситуации насилия.

Методы, применяемые виновником насилия в процессе «промывания мозгов», – это изоляция, унижение и деградация, монополизация внимания страха и депрессия и чередование наказания и награды [14, с. 20–22]. Так, упомянутый стокгольмский синдром впервые замечен у жертвы теракта в Стокгольме. Этот синдром диагностируется также у жертв домашнего насилия. Его характеризует специфическое отношение зависимости жертвы от преследователя, формирующейся в ситуации насилия, в условиях изоляции. Во время выше упомянутого теракта, как и в период после него, лица, задержанные террористами, защищаемые своих мучителей, старались найти рациональное объяснение поведению террористов, доказывали, что они не обращались плохо с узниками. Преследователь принимает решение о жизни и смерти жертвы, обеспечивает ее основные потребности, является единственным источником информации, а также, что парадоксально, единственным источником поддержки. Жертвы домашнего насилия, несмотря на жестокое, унижительное обращение, побои, оскорбления и т.д. благодарны за полученные цветы, мелкие подарки и даже прославляют своего мучителя [9, с. 343; 2, с. 26].

В результате действия выше названных механизмов, лица, подвергающиеся насилию, часто воспринимаются в обществе, как и в организациях, в которых ищут помощи, как лица, не заслуживающие доверия либо психически неустойчивые [17, с. 88–93]. Лишь изучение вышеупомянутых механизмов лицами, оказывающими помощь, позволяет профессионально понять подобных лиц и подобрать подходящий вид помощи.

Виды помощи, оказываемые жертве домашнего насилия

Лицу, испытывающему домашнее насилие, оказывается психологическая, юридическая, педагогическая, а также социальная помощь. Ю. Милибруда отмечает, что «помогать другому человеку – значит прежде всего делать для него благо, то, в чем он по настоящему нуждается» [12, с. 237]. Жертва насилия может рассчитывать на профессиональную помощь, если примет решение к ней прибегнуть либо если внешние обстоятельства (вмешательство полиции) приведут к тому, что насилие будет выявлено.

Безотлагательная помощь в ситуации домашнего насилия

Профессиональная помощь в ситуации домашнего насилия изначально была направлена на защиту притесняемых женщин. Организационное противодействие домашнему насилию берет свое начало в 1971 г., когда в Лондоне был учрежден первый благотворительный приют для женщин, ставших жертвами издевательств; затем в 1974 г. был учрежден приют в Голландии; следом подобные учреждения основывались на территории США. В Польше первые центры кризисной интервенции были организованы в Кракове и Бельско-Бялой в 1991 г. Они были созданы на основе Закона о социальной помощи 1990 г., который разрешал создание учреждений надлокального характера, име-

ющих целью преодоление трудных, кризисных жизненных ситуаций. Дальнейшее развитие структур кризисной интервенции получило после наводнения 1997 г. [2, с. 123].

В Польше проблему кризисной интервенции исследовали В. Бадура-Мадей, А. Добжинска-Местергази, Э. Лесняк и Й. Пёнтек. В. Бадура-Мадей кризисную помощь определяет как форму психологической помощи, основанную на «терапевтическом контакте, сконцентрированном на проблеме, вызывающей кризис, ограниченный во времени, в процессе которого происходит конфронтация личности с кризисом и до преодоления кризиса» [3, с. 27]. Автор отталкивается от классической модели кризисной интервенции и подчеркивает, что помощь основывается на «обеспечении эмоциональной поддержки и создании ощущения безопасности, на помощи в конкретных делах, на ликвидации чувства страха благодаря заботе в период, когда ясность мышления нарушена и затруднено правильное решение и действие» [3, с. 27]. Кризисная интервенция складывается из действий, осуществляемых в сферах психологической, медицинской, юридической, а также в среде обитания личности. Существенным элементом этих психологических действий является оказание лицу, переживающему кризис, эмоциональной поддержки. Собственно медицинская помощь основана на назначении фармакологических средств либо госпитализации в зависимости от того, насколько глубоко нарушение психики лица, переживающего кризис. Действия в окружении жертвы охватывают мобилизацию натуральной группы поддержки, организацию дополнительной группы поддержки, оказания социальной помощи, например, обеспечение жильем. Юридическая деятельность касается ознакомления жертвы насилия с правами, на которые она имеет право, с возможными путями действия и организациями, которые оказывают помощь.

Кризисная интервенция является деятельностью, направленной на возвращение личности, переживающей кризис, способности его самостоятельно преодолеть. Кризисная интервенция – это метод поддержки, ограниченной во времени от 4 до 6 недель, заключающейся в преодолении проблем и избегающей возникновения зависимости пациента от этой помощи. «Целью такой специфической помощи является поддержка человека в том, чтобы он справился с существующей ситуацией (кризисом)» [16, с. 86]. Согласно Д. Каплану, целью кризисной интервенции является достижение улучшения, а не полное излечение личности. Кризисная интервенция в ситуации домашнего насилия охватывает период от 6 до 12 недель. Независимо от продолжительности домашнего насилия в период оказываемой помощи следует сконцентрироваться на актуальной ситуации лица, подвергающегося насилию, а также на фактах, которые вызвали обращение за помощью. Кризисная интервенция в ситуации домашнего насилия основывается прежде всего на обеспечении безопасности жертвы, понимании реакции жертвы, восстановлении чувства контроля над ситуацией, введение в действие резервов, а также составление плана действий, направленных на изменение ситуаций лица, испытывающего насилие [3, с. 123–124]. Обеспечение безопасности основывается на оценке состояния угрозы и оценке психического и физического состояния индивидуальной личности, которая переживает насилие и обращается за помощью. Следует определить степень усиления проявлений посттравматической реакции. Несмотря на определенные стандарты кризисной интервенции каждая личность и любая ситуация глубоко индивидуальны. Поэтому кризисная интервенция должна быть индивидуализирована адекватно личности и ее потребностей. Оценка состояния основана также на определении степени безопасности: где находится виновник насилия и может ли женщина вернуться домой к здоровому и полноценному социальному функционированию. Эта работа может начаться лишь после снижения уровня страха у жертвы насилия. На этом этапе

кризисной интервенции проводится работа по приведению в действие внутренних резервов жертвы. Многолетняя жизнь под влиянием виновника насилия меняет не только внешние стороны жизни жертвы насилия, но и образ ее мышления, самооценку. Такая личность очень быстро забывает о фактах, когда она в прошлом справлялась с кризисными ситуациями. Лицо, оказывающее кризисную помощь, совместно с жертвой насилия ищет методы, помогающие потерпевшей справиться с кризисом, укрепляя ощущение самостоятельности.

Последним этапом в кризисной интервенции является составление совместно с жертвой «плана безопасности», основывающегося на знании семейной ситуации, чтобы обезопасить жертву от атак виновника насилия. Для успешной работы в этом направлении основной задачей является сбор информации об истории жизни и истории насилия, причем следует обращать особое внимание на последние инциденты. Целью этого этапа является обучение жертвы способам распознавания сигналов, свидетельствующих о том, что вот-вот начнется атака со стороны виновника насилия, а также подготовка совместно с жертвой плана, как избежать атаки либо ее побега из дома [3, с. 125].

Вышеназванные этапы работы состоят из циклов встреч. Также в зависимости от того, находится ли жертва насилия на амбулаторном либо стационарном лечении, работа в названных областях осуществляется в разном темпе, и выбор темпа всегда должен быть согласован с актуальными возможностями лица, требующего помощи.

Суммируя, отметим, что кризисная интервенция является действием, направленным (нацеленным) на возвращение лицу, затронутому кризисом, способности самостоятельного его преодоления. Кризисная интервенция иногда отождествляется с кратковременной психотерапией, концентрирующейся на психологических переживаниях лица событием, которое вызвало этот кризис. Цели кризисной интервенции: смягчение проявлений (симптомов) кризисной реакции, восстановления психического равновесия, предупреждении перехода острого кризиса в хроническое состояние, а также восстановление способности самостоятельных действий.

Основные правила, которых следует придерживаться во время контакта с жертвами домашнего насилия. Во время общения с жертвой насилия следует:

1. Демонстрировать уважение к ней и понимание ее (апробация жертвы как личности), поскольку решение обратиться за помощью является актом мужества и попыткой сопротивления виновнику, предпринимаемой часто в ситуации крайней опасности.

2. Быть внимательным, реагируя на все сигналы, которые могут свидетельствовать о применении насилия, например: следы побоев, проявление страха или даже потрясения, дрожание рук либо общая дрожь, отсутствие эмоционального равновесия, раздражение, плач, апатия.

3. Убедить жертву, что ей действительно хотят помочь.

4. Внимательно выслушать рассказ о ходе происшествия.

5. Четко называть насилием то, что случилось с жертвой. Важно, чтобы жертва поняла: все то, что она пережила, является применением насилия, а не каким-то конфликтом, который можно уладить, заставив виновника дать обещание исправиться.

6. Отметить и показать, что домашнее насилие считается серьезной проблемой и, согласно правовым нормам, это преступление.

7. Подчеркнуть, что никто не имеет права проявлять насилие в отношении другого и никто не оправдывает самого акта насилия.

8. Убедить жертву, что она не виновата в произошедшем; за насилие отвечает виновник вне зависимости от того, что сделала жертва.

9. Убеждать жертву, что закон на её стороне, что она имеет право защищаться, что есть организации, где она может получить помощь.

10. Предоставить конкретную (лучше всего письменную) информацию о том, где и какую помощь можно получить, и мотивировать жертву использовать предложенную помощь, оставив ей право выбора времени и способа поиска помощи. Следует, однако, отметить, что чем быстрее это будет сделано, тем быстрее окончатся её мучения. Важно показать наличие различных возможностей получения помощи.

11. Повторять информацию и объяснения, поскольку жертвы по причине сильного эмоционального возбуждения либо шока часто не в состоянии понять, что им говорят.

12. Стоит также прямо спрашивать о насилии; оценить мужество подопечной; отводить на общение столько времени, сколько требуется жертве; чётко формулировать собственную точку зрения, касающуюся насилия.

В разговоре с жертвой насилия не следует:

1. Сомневаться в правдивости или дееспособности жертвы.
2. Проявлять нетерпение, раздражение, злость.
3. Недооценивать угрозы.
4. Возлагать на подопечную ответственность за то, что произошло.
5. Становиться на сторону виновника насилия.
6. Уговаривать, чтобы жертва смирилась с ситуацией.
7. Недооценивать факт причинения насилия.
8. Отказывать в помощи, пока жертва не напишет о преступлении.
9. Предлагать жертве изменить своё поведение, что якобы будет гарантировать прекращение насилия: выполнять все требования, постоянно удовлетворять все желания и потребности инициатора насилия, стремясь этим понравиться.
10. Говорить ей, что она сама должна с этим справиться.
11. Отягощать её ответственностью за то, что будет с виновником после раскрытия факта насилия, например: «Из-за вас муж будет иметь неприятности, может попасть в тюрьму».
12. Демонстрировать злость, критиковать и обвинять виновника насилия, так как это может привести к тому, что жертва будет его защищать и, наоборот, атаковать социального работника, оказывающего ей помощь [17, с. 49–50].

Выводы

1. Итак, домашнее насилие является ситуационным кризисом, который, представленный своему течению, может перейти в хронический кризис. Необходимой является вовремя предпринятая помощь в ситуации домашнего насилия. Очень часто помощь оказывают организации и социальные службы, которые замечают проявление насилия в данной семье, однако во многих случаях после актов грубого, жестокого насилия со стороны виновника в государственные или негосударственные организации обращается лично жертва, поскольку она измучена, бессильна, испугана и растеряна. Несмотря на форму обращения пострадавшего лица, правила кризисной интервенции едины и действия в этом направлении следует предпринять безотлагательно. Кризисная интервенция является интердисциплинарной деятельностью (психологической, юридической и социальной), направленной на восстановление у пострадавшего лица способности преодоления кризиса.

Важнейшими признаками кризисной интервенции в отношении домашнего насилия являются безотлагательность (оказание помощи как можно быстрее после кризи-

сного события) и адекватность (помощь должна соответствовать потребностям пострадавшего лица. Иногда главной потребностью будет еда и ночлег; иногда помощь в написании заявления в суд; иногда пострадавшей нужна беседа, чтобы подготовиться заявить о происшествии в полицию и т.д. Лицо, осуществляющее помощь, должно действовать гибко (от активных директивных действий, необходимых в ситуации угрозы здоровью или жизни потерпевшего, до выслушивания и сопровождения человека, переживающего кризис), интенсивно и систематично (контакты 2-3 раза в неделю, а иногда и ежедневно). Если последствия кризиса не проходят, следует подумать о другой форме помощи. При оказании помощи необходимо опираться на сотрудничество с организацией, где работает пострадавшее лицо, с его родственниками и друзьями. Независимо от продолжительности насилия в кризисной интервенции следует концентрироваться на актуальной ситуации жертвы, анализировать акты насилия, непосредственно происшедшие перед обращением за помощью.

Кризисная интервенция отождествляется с кратковременной психотерапией, направленной на психологические переживания лица, находящегося в кризисном состоянии, вызванном травмирующим событием, а также восстанавливающей психологические и социальные резервы личности в целях восстановления равновесия и чувства безопасности жертвы. Кризисная интервенция должна быть методом, применяемым с высоким профессионализмом и вниманием, чтобы, реагируя на ситуацию и потребности жертвы домашнего насилия, концентрироваться на решении её проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Badora, S. Rodzina i formy jej wspomagania / S. Badora, B. Czeredrecka, D. Marzec. – Kraków, 2001.
2. Badura-Madej, W. Przemoc w rodzinie. Interwencja kryzysowa i psychoterapia / W. Badura-Madej, A. Dobrzyńska-Mesterhazy. – Kraków, 2000.
3. Badura-Madej, W. Wybrane zagadnienia interwencji kryzysowej : poradnik dla pracownikow socjalnych / W. Badura-Madej. – Warszawa, 1996.
4. Belkin, G.S. Introduction to counseling / G.S. Belkin. – New York, 1984.
5. Brammer, L.M. Kontakty służące pomaganiu / L.M. Brammer. – Warszawa, 1985.
6. Brown, K. Zapobieganie przemocy w rodzinie / K. Brown, M. Herbert. – Warszawa, 1999.
7. James, R.K. Strategie interwencji kryzysowej / R.K. James, B.E. Gilliland. – Warszawa, 2005.
8. Kodeks karny. – Białystok, 2005.
9. Kubacka-Jasiecka, D. Interwencja kryzysowa. Pomoc w kryzysach psychologicznych / D. Kubacka-Jasiecka. – Warszawa, 2010.
10. Lipowska-Teutsch, A. Wychować, wyleczyć, wyzwolić / A. Lipowska-Teutsch. – Warszawa, 1998.
11. Niebieska Akademia Warszawska. – Warszawa, 2008.
12. Mellibruda, J. Ja-ty-my / J. Mellibruda. – Warszawa, 2003.
13. Mellibruda, J. Przeciwdziałanie przemocy domowej / J. Mellibruda. – Warszawa, 2009.
14. Michalska, K. Przemoc w rodzinie / K. Michalska, D. Jaszczak-Kuźmińska. – Warszawa, 2007.
15. Okun, B.F. Skuteczna pomoc psychologiczna / B.F. Okun. – Warszawa, 2002.

16. Piątek, J. Badania nad skutecznością interwencji kryzysowej / J. Piątek // Zeszyty Interwencji Kryzysowej. – 2005. – № 8.
17. Polanowski, J. Przeciwdziałanie przemocy w rodzinie. Prawo i praktyka / J. Polanowski. – Warszawa, 2008.
18. Pospiszyl, I. Przemoc w rodzinie / I. Pospiszyl // Resocjalizacja / red.: B. Urban, J.M. Stanik. – Warszawa, 2008.
19. Sasal, H.D. Przewodnik do procedury interwencji wobec przemocy w rodzinie / H.D. Sasal. – Warszawa, 2005.

Agnieszka Filipek. The Urgent Help in a Domestic Violence Situation

The urgent care is a special form of short-term psychological assistance to persons experiencing domestic violence. The urgent help in a situation of domestic violence should be provided immediately after each incident of violence or acute situation in the detection of domestic violence. The urgent care is an action aimed at restoring the persons affected by the crisis, their ability to self-overcoming. Actions taken at the time of immediate assistance should focus on: ensuring the safety of the victim, the victim's understanding of the reaction, restore the victim's sense of control, the introduction of its angles (psychological and social) assistance in preparation of the so-called security plan.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2013

УДК 37:0018

Илзе Микелсоне

ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ – ПЕРЕХОД НА ДОСТИЖИМЫЕ И ИЗМЕРЯЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ

Являясь частью единого образовательного пространства Евросоюза и в соответствии с базовой квалификационной структурой, Латвия осуществляет переход на достижимые и измеряемые результаты обучения. Определение результатов обучения дает возможность улучшить и изменить традиционный взгляд на квалификации и способы их разграничения, позволяет пересмотреть принципы создания учебных программ, разработки учебных курсов и соответствующих систем оценки, а также иных видов деятельности. Результаты обучения являются неотъемлемой частью инновационного подхода к преподаванию и процессу обучения, который представлен в виде парадигмы нового обучения. Результаты обучения рассматриваются как определяющий фактор новой образовательной парадигмы, в рамках которой знания студентов не могут быть сведены к содержанию учебного предмета, являющегося частью учебной программы. Результаты обучения становятся определяющими в процессе постановки целей, создания и реализации образовательных программ и систем оценки. Знание достижимых результатов обучения обеспечивает возможность диалога между всеми заинтересованными сторонами: студентами, работодателями, обществом и т.д. Практический аспект реализации результатов обучения может быть выражен в подходе, основанном на результате, т.е. тех знаниях, которые студенты усвоили в конце модуля или программы. Таким образом, высшее образование становится образованием, основанном на результате.

Введение

Будучи вовлечёнными в происходящие процессы глобализации, мы переживаем проявление новых тенденций, которые открывают более широкий простор для действий. Эта новая ситуация даёт возможность непрерывно заботиться также о совершенствовании системы образования и искать пути каким образом включиться в эти общие процессы глобализации. Одним из этих процессов во многих странах является реализация Болонского процесса в образовательных системах. Представители министерств образования европейских государств на встрече в Берлине в 2003 г. подготовили официальное сообщение о ситуации в реализации Болонского процесса [9]. Была акцентирована необходимость создать общую модель высшего образования в Европе и таким образом развивать национальные системы высшего образования: развивая национальные квалификационные рамочные структуры с образованием национальной квалификации в рамках структуры, обеспечить то, что в приобретённых степенях (бакалавр и магистр) были бы описаны также результаты обучения, а не только кредитные пункты и количество часов обучения. *«Министры призвали государства-участники разработать сравнимую и совместимую квалификационную рамочную структуру для своих систем высшего образования, в которой квалификация была бы охарактеризована по нагрузке, уровню, результатам обучения, компетенциям и профилю. Министры также приняли на себя обязанность разработать всеобщую квалификационную рамочную структуру высшего образования в пространстве Европы»* [9].

Латвия, включенная в общее образовательное пространство Евросоюза, реализует переход на достижимые и измеряемые результаты обучения, определяемые соответствующими квалификационными рамочными структурами. Эта установка создаёт необходимость совершенствовать и переструктурировать традиционные взгляды на квалификации и их характерные виды, а также пересмотреть создание программ обучения и разработку принципов курсов обучения и связанную с этим систему оценивания и реализацию самостоятельных работ. Важность этого состоит не в том, как долго, в каком месте или

какие методы использованы в процессе обучения, а в том, что обучающийся знает и что может делать по окончании процесса обучения. В значительной степени результаты обучения являются частью инновационных подходов к преподаванию (*teaching*) и изучению (*learning*), что можно охарактеризовать и как новую парадигму образования.

История развития подходов, основанных на результатах обучения

Начало подходов, основанных на результатах, можно найти в 60-70 гг. XX в. в США в популярном движении *цели поведения*. Один из зачинателей этого вида обучения Р. Мейджер предлагал формулировать конкретные утверждения о наблюдаемых результатах. Эти формулировки он назвал *целями обучения (instructional objectives)* [7]. Р. Мейджер описывал способ обучения, который происходит в конце учебного процесса, и то, как можно оценить полученное. Эти цели позже были преобразованы в более точно сформулированные результаты (*learning outcomes*). В 80-х гг. XX столетия подход, основанный на результатах, начал приобретать всё большее значение также в Германии и во Франции, став частью реформы образования, целью которой было улучшить связь рынка труда с профессиональными квалификациями. Внимание было направлено на профессиональное образование и учащихся, которые были включены в рынок труда и работали на конкретном рабочем месте. В связи с этим был введён функциональный анализ профессий, в котором результаты обучения (названные компетенциями) были главными элементами методологии.

В XXI в. с началом дискуссии об образовательном типе, соответствующем жизни и работе, получило развитие другое понимание результатов обучения. Например, во Франции получил развитие подход (*soclecommun*), в котором главное внимание было обращено к гражданам и к тому, что компетенция – это в значительной степени комбинация знаний, умений и навыков. В этом подходе компетенции приобретаются постепенно, начиная с дошкольного образования и вплоть до конца обязательного образования. Также в Швеции в обязательной системе образования (учащиеся 7–16 лет) наблюдается подход, который характеризуется двумя видами образовательных целей: 1) цели, к которым надо стремиться (определяют общее направление работы, которую надо проводить в школе; эти цели уточняют желаемое качественное развитие школы); и 2) цели, которых надо достичь (определяют минимальный уровень, который надо достичь учащимся по окончании школы).

Похожая ситуация и в Северной Ирландии, в образовательной программе которой имеется такая цель: «Дать молодежи возможность осуществить её потенциал и принимать взвешенные и ответственные решения в течение жизни» [15, с. 11]. В образовательной программе Англии указаны основополагающие элементы компетенций (например, умение читать и писать), но целью образовательной программы является также поощрение молодежи стать «уверенными личностями, которым присуща самооценка и чувство личной идентичности». Однако Европейский центр по профессиональному образованию (Cedefop) в своём докладе «Переход на результаты обучения» (2008 г.) по опыту введения результатов обучения в образовательную систему всеобщего среднего образования указывает, что подтверждающие документы, дающие возможность продолжать обучение в высшей школе, меньше всего влияют на переход на результаты обучения [15]. Таким образом, реализация перехода на результаты обучения доверена высшему образованию. В соответствии с Декларацией министров образования Европейских стран (2007 г.) задачей учреждений высшего образования является «подготовить студентов к жизни как активных граждан в демократическом обществе; подгото-

вить студентов к будущей карьере и поощрять их личное развитие, создавать и поддерживать обширные, глубокие базы знаний, а также содействовать исследованиям и инновациям» [6].

Результаты обучения – фактор, характеризующий новую образовательную парадигму

Достижимые и измеряемые результаты обучения часто характеризуются как элементы новой образовательной парадигмы. Поэтому по существу рассмотрена смена образовательных парадигм, которые отражают позицию обучающегося: почему, где и как он учится и что мотивирует его. Можно противопоставить два различных подхода: традиционный (бихевиоризм и когнитивизм) и новый, или парадигма изучения, (конструктивизм) [2]. Сравнение этих парадигм отражено в таблице 1 [5].

Таблица 1 – Сравнение образовательных парадигм

Традиционная образовательная парадигма (бихевиоризм и когнитивизм)	Парадигма изучения (конструктивизм)
Учение – это непрерывный процесс накопления отдельных знаний и умений, которые преподаватель может дать студентам.	Учение – это избирательный процесс, в котором люди полученную/воспринятую информацию наделяют своим значением, самостоятельно взаимодействуя с различной средой.
Существует один наилучший способ учения.	Люди формируют своё понимание, основываясь на том, что они уже знают и как они воспринимают мир вокруг себя.
Учение – это индивидуальная деятельность.	Разные люди одно и то же интерпретируют по-разному, выделяя разные аспекты, и могут по-разному действовать, основываясь на одной и той же информации.
Учение, которое является неясным или словами необъяснимым, – малоценно.	Учение – это социальная деятельность, и не все её аспекты всегда можно выразить словами.
Учение концентрируется на стабильном и вечном: фактах и доказательствах.	Имеется много способов, как люди могут учиться (педагоги не единственные, кто может предлагать экспертные знания).
Учение повторно.	Учение является динамичным и связано с контекстом, поэтому учение зависит от смысловых обучающих сред.

Когнитивный и бихевиористический подходы акцентируют определённые существующие индивидуальные виды обучения. В свою очередь, конструктивистский подход, который основывается на активных идеях обучения, подчёркивает важность социальных динамических отношений и ситуаций, в которых происходит обучение. Если эти подходы противопоставить, тогда активное обучение обоснованно можно считать новой образовательной парадигмой [2]. Однако в связи с идеей об активном обучении хотелось бы упомянуть ещё один образовательный подход, который определяет сущность основы парадигмы изучения. Это коннективизм (обучающая сеть), который развивал Дж. Сиенен и который частично связан с теорией хаоса. Эта теория утверждает, что человек больше не может предсказать мир вокруг себя. Мир полон случайностей, и обучение проходит в тесной с ним связи. Таким образом, парадигму изучения можно дополнить подходом коннективизма, который предусматривает, что изучение происхо-

дит не только на основе своего опыта, но оно может также быть дополнено другим опытом, и студент является активным участником процесса обучения.

В пространстве европейской образовательной политики активные подходы (конструктивизм, коннективизм) однозначно рассматриваются как важные, однако дискутируемым остаётся вопрос о том, происходит ли фундаментальное изменение в самой парадигме изучения. А. Мишел описывает школьную парадигму обучения нашего времени, которая основана на сельскохозяйственном и промышленном образовании конца XIX в. и которая скрупулезно следовала триединству классицистического театра: единство времени (учебный урок), единство места (класс), единство действия (учитель перед классом) [15, с. 13]. Надо отметить, что эта метафора используется в большей части образовательных систем Европы и других стран [15].

В настоящее время в высшем и в профессиональном образовательном спектре Европы приоритет получили подходы, основанные на результатах обучения. Это отражено во многих Европейских официальных документах и тематике международных конференций. Будучи убеждённым, что результаты изучения являются индикаторами образовательных перемен, С. Адам в то же время показывает, что результаты изучения часто не используются практически и нередко плохо или ограничено понимаются и/или не используются в полном объёме. Высшее образование адаптировало результаты изучения, чтобы выразить различные внешние опорные точки, включая квалификационные уровни рамочных структур Европы и дефиниции квалификационных циклов пространства высшего образования Европы, известных как Дублинские дескрипторы.

Характеристика результатов изучения

Определение перехода на достижимые и измеряемые результаты изучения в высшем образовании связано с существенными организационными реформами и реформами по содержанию образования. Повышающийся спрос на новые спектры компетенций предъявляет высшим школам требования в необходимости гибко реагировать на изменения в данном спросе, одновременно взяв на себя большую ответственность за качество предложенных программ обучения. Исходя из предположения, что результаты обучения являются двигателем изменений, в высшем образовании они существенно влияют на такие сферы, как оценивание, связь с непрерывным образованием, социальными партнёрами и преподавателями. Тюнингový проект для высшего образования Дж. Гонсалеса и Р. Вагенаара трактует результаты обучения как «утверждение того, что студентам надо знать, надо понимать и/или надо уметь продемонстрировать после окончания процесса обучения» [16]. Европейская квалификационная рамочная структура определяет результаты изучения как утверждение о том, что студенты знают, понимают и могут сделать, окончив учебный процесс [10]. О такой дефиниции правительственные и социальные партнёры договорились, участвуя в разработке программы «Образование и обучение – 2010».

Результат изучения можно объяснить как полезный процесс и инструмент общения [17, с. 7], который нужно использовать в разных политических, обучающих и учебных ситуациях. В общем, можно сделать вывод, что в определении всех результатов обучения акцент делается на формировании опыта обучающихся, а не на содержании учебного предмета, которое включено в программу обучения. Зная достижимые результаты, есть возможность вести диалог между заинтересованными сторонами: студентами, работодателями, обществом и между системами на международном уровне. Использование перехода на результаты изучения в большей степени развивает систему,

которая сконцентрирована на студенте и на формировании опыта обучающегося. Точно определённые результаты изучения обеспечивают организаторский фактор, объясняют достижения студентов несмотря на тип учения, вид и длительность. Введение достижимых и измеряемых результатов изменяет акценты в парадигме образования (таблица 2)

Таблица 2 – Сравнение образовательных парадигм

Парадигма обучения	Парадигма изучения
Описаны намерения преподавателя	Описаны полученные студентом знания, умения и компетенции
В центре находится обучение и содержание обучения	В центре – результаты
Совершенствование качества программы подчинено внешним регулярным циклическим оценкам (аккредитации)	В программах на основе результатов обучения происходит непрерывное повышение качества
Каждый образовательный уровень и форма – постоянное единство	Разрешает соединять формальное и неформальное в полученном образовании, обеспечивая возможность непрерывного образования
	Обеспечивает однозначные и объективные критерии для оценки успехов

Использование результатов учёбы в разработке программ и курсов обучения

В разработке традиционных модулей и программ внимание акцентируется на содержании курса обучения. Преподаватели решают, чему они готовы учить, планируя, как это содержание передать студентам и оценивать его усвоение. Подход фокусируется на достижениях преподавателя и его оценки того, насколько хорошо студент усвоил учебный материал. Описание учебных курсов относится к содержанию, которое планируется реализовать на лекциях. Такой подход к обучению называется «педагогоцентрическим». Д. Гозлинг и Дж. Мун, критикуя этот подход, указывают: в нём трудно определить, что студент должен уметь делать, чтобы успешно закончить модуль или программу. В настоящее время мировая тенденция в образовании характеризуется переходом от традиционного «педагогоцентрического» подхода к «студентоцентрическому», в котором внимание обращено на то, чем студенты должны овладеть при окончании модуля или программы. Этот подход был назван подходом, «основанным на результатах». Таким образом, высшее образование от основанного на содержании (*content based*) становится образованием, основанным на результате (*outcomes based*). Сравним: если подход, основанный на содержании, по существу является программной целью (замыслом), которая не может быть измерена, то в подходе, основанном на результате, значение имеют результаты учёбы, которые конкретны и измеряемы (могут быть продемонстрированы). В подходе, основанном на содержании, достигнутый результат (конечная цель) *косвенно связан* с оценкой успеха, а в подходе, основанном на результате учёбы, результат *напрямую связан* с оценкой и выражает требования к окончанию курса, модуля. Приобретённая оценка характеризует степень достижения результатов учёбы. Важно провести грань между результатами учёбы и программой, целями курса обучения и задачами, которые выдвинуты преподавателем и которые характеризуют его замыслы. Цели и задачи программы связаны с преподаванием/обучением, которое осуществляет преподаватель, а не от учёбы, которой занимается студент. Преподаватель решает, какое будет содержание и методика, чтобы достичь предусмотренных результа-

тов учёбы. Цели обычно формулируются с позиции преподавателя с указанием на общее содержание и направление программы. Задачи являются конкретными формулировками обучения и указывают на одну или несколько специфических областей, которые преподаватели планируют включить в учебный блок. Однако на практике использование задач рождает известную путаницу: в одном случае они могут быть сформулированы как замысел обучения, в другом – как ожидаемые итоги обучения. Отсюда возникает вопрос: задачи принадлежат к «педагогическому» или к «студентоцентрическому» подходу [8]. Дж. Мун предлагает отказаться от программных/курсовых/модульных задач из-за вышеуказанной неоднозначности, а предпочтение дать результатам учёбы (*learning outcomes*) как ясно сформулированным показателям, которые помогают программам быть прозрачными как на местном, так и на международном уровне.

Результаты обучения характеризуются:

- 1) системой оценки успеваемости, созданной чтобы констатировать, в какой степени студент достиг этих результатов;
- 2) достижимостью и соответствием результатов обучения, согласованных с требованиями рынка труда (общества, государства);
- 3) возможностью проводить внешнюю оценку качества программ/курсов обучения по соответствию и по достижению результатов учёбы.

На результатах изучения основан цикл качества, обеспечивающий внутреннее качество программ обучения (рисунок).

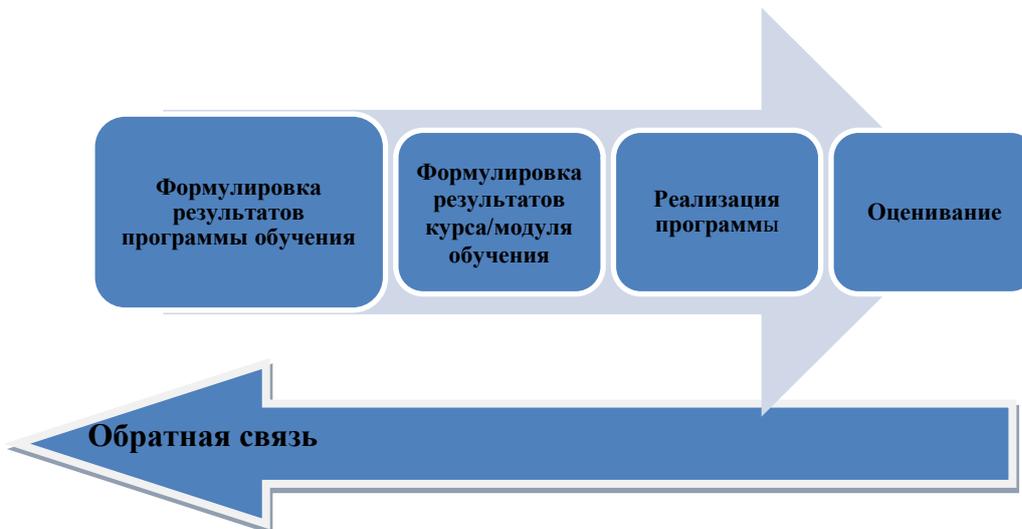

Рисунок – Цикл реализации качества программ

Чтобы осуществлять обучение на основе результатов учёбы, при формировании программы необходимо рассматривать их в целом, а не как ряд курсов отдельно. Результаты курсового/модульного обучения и их содержание подчинены предусмотренным результатам программы. Формулируя как программные результаты, так и результаты курсового/модульного обучения, надо принимать во внимание и дескрипторы цикла (например, что надо уметь как бакалаврам, так и магистрантам), и квалификационные дескрипторы (что надо уметь, например, бакалаврам физики).

Формулируя результаты изучения, необходимо принять решение: сформированы ли они в соответствии с максимальными, минимальными или «средними» требованиями к студентам. Выбирая максимальный уровень необходимо осознавать, что не все

студенты достигнут сформулированных результатов; в свою очередь, минимальные требования соответствуют низкой оценке успеваемости, которая может показаться слишком низкой (обычно считается, что минимальные требования соответствуют усвоению 60% материала) [11]. Средний уровень выполняемых студентами требований заключается в использовании программы в целом, однако необходимо осознавать, что отдельные студенты их превышают, а некоторые студенты не достигают. Содействуя введению в высшее образование перехода на обучение, основанное на результатах, А. Раухваргерс характеризует формулировки критериев измеряемых и достигаемых результатов изучения (*learning outcomes*):

1. Элементы и их порядок, используемые в определении результатов изучения:

По окончании этапа обучения студенты способны...	+ как, каким способом? (под руководством преподавателя; самостоятельно; в группе; руководя группой).	+ глагол (делать что?) показать, что понимают; привести примеры; анализировать; сравнивать; описывать; делать; проектировать; организовывать.	+ пояснительный текст (если есть необходимость).
--	--	---	--

2. Результаты изучения формулируются так, чтобы их можно было проверить (они должны предполагать, в каком виде студент будет демонстрировать, что знает, понимает и может делать).

3. Результаты изучения должны быть конкретными, измеримыми, а не сводиться к пересказу содержания программ.

4. Результаты изучения характеризуют результаты обучения студента, а не задачи или намерения преподавателя.

5. Результаты изучения формулируются так, чтобы они не были пересказом содержания курса обучения.

6. Каждый результат изучения вытекает из цели.

7. Каждой цели соответствует хотя бы один результат изучения.

Хотя введение в высшее образование подхода на основе результатов изучения находится в начале пути, появились конструктивные оценки этого процесса (таблица 3).

Таблица 3 – Приобретения от введения результатов изучения

Студенты	Преподаватели	Институции
Лучше понимают цели отдельных курсов обучения и содержание программы.	Большой объём работы и вложений.	Результаты обучения являются эффективным инструментом развития программы обучения.
Формируется конкретная связь между обучением и экзаменом.	Не даёт результата, если концентрироваться только на своём курсе или модуле.	Конструктивное сотрудничество с работодателями.
Фокусируются на умениях и компетенциях.	Результаты изучения дают материал для дискуссий и коллегиальных форумов.	Обеспечение долговременного развития и качества.
Возможность быть включённым в дискуссию и в оценивание развития программы.	Результаты изучения способствуют связям со студентами, предприятиями, компаниями и обществом.	Результаты изучения являются инструментом к новому обучению и развитию способов оценки и их воплощению.

Примечание: таблица построена на основе исследований: Lars Melin, Aarhus School of Engineering, Aarhus University (Denmark); Agnese Rutkovska, University of Latvia (Latvia)

Заклучение

Воспринимая результаты изучения как индикатор образовательных изменений и понимая то положительное влияние на совершенствование качества высшего образования, надо также отдавать себе отчёт о последствиях изменений. Внедрение в высшее образование подхода на основе результатов изучения находится в начальной стадии, это трудоёмкий процесс, который трансформирует систему образования, например, иерархию кафедр, факультетов. «Студентоцентрический» подход предполагает разработку программы в целом, а не механическое соединение отдельных курсов обучения. Основу курса обучения формируют результаты изучения, которым подчиняются периферийные знания и иллюстративная информация. Не всегда вначале удаётся создать оптимальную комбинацию (сфер, уровней, учебных часов и самостоятельной работы). Поэтому разработка программы в целом основывается на результатах оценки и опросов студентов. В свою очередь, осознав пересечение учебных курсов, есть возможность оценить рабочую нагрузку студентов. В Норвежском университете Бергена признают, что допустимым пересечением курсов обучения является 5–20% [12]. Учебная нагрузка зависит не только от самой учебной программы, но и от вида преподавания и оценки результатов изучения. Результаты изучения основываются на отношениях, возможности критически думать и всеобщей коммуникации, а это осложняет их дефиницию. Дефиниция результатов обучения – это вопрос *о словах*, о том, как мы описываем желаемое, какие слова используем, меняя способ, как думать, работать и понимать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adam, S. Using Learning Outcomes. A consideration of the nature, role, application and implications for European education of employing «learning outcomes» at the local, national and international levels / S. Adam [Electronic resource]. – Mode of access : www.scotland.gov.uk/using-learning-outcomes/0028779.pdf. – Date of access : 16.03.2013.
2. Grootings, P. Policy learning: applying the changing learning paradigm for policy advice on VET reforms in transitions countries / P. Grootings, S. Nielsen // Modernising vocational education and training: fourth report on VET research in Europe / P. Descy, M. Tessering (eds) [Electronic resource]. – Mode of access : www.cedefop.europa.eu. – Date of access : 16.03.2013.
3. Gosling, D. How to use Learning Outcomes and Assessment Criteria / D. Gosling, J. Moon. – London : SEEC Office.
4. How important are Robert Mager's performance based learning objectives in today's world of learning? [Electronic resource]. – Mode of access : www.commlabindia.com/elearning-articles/robert_magers_learning_objectives.php. – Date of access : 17.03.2013.
5. Kolb, D. Experiential learning: experience as the source of learning and development / D. Kolb. – NJ : Prentice Hall.
6. London Communique: towards the European Higher Education Area: responding to challenges in a globalised world. London: Bologna 5th Ministerial Conference, 2007 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.aic.lv/bologna/2005_07/London/LondonCommEN.pdf. – Date of access : 21.03.2013.
7. Mager, R. Preparing instructional objectives / R. Mager. – Belmont, CA : Pitman Learning.

8. Moon, J. The Module and Programme Development Handbook / J. Moon. – London : Kogan Page Limited.

9. Realising the European Higher Education Area. Communiqué of the Conference of Ministers responsible for Higher Education [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.aic.lv/bologna/Bologna/maindoc/Berl_kom_Lat.pdf. – Date of access : 14.03.2013.

10. Proposal for a recommendation of the European Parliament and of the Council on the establishment of the European qualifications frameworks for lifelong learning. Brussels: European Commission, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.aic.lv/bologna/2005_07/London/LondonCommEN.pdf.

11. Rauhvargers, A. Eiropas kvalifikāci juietvar struktūras 5–8 līmenis: augstā kāsižg lītība satbil stība Boloņas procesa kritēri jiem / A. Rauhvargers [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nki-latvija.lv/content/files/Rauhvargers-27.04.2011.pdf>. – Date of access : 20.03.2013.

12. Rutkovska, A. Studiju rezultātu ieviešanas pieredze / A. Rutkovska ; Bergenes Universitāte, Norvēģija. Latvijas Univiersitāte. – Date of access : 2011.25.11.

13. Siemens, G. A learning theory for the digital age / G. Siemens [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.elearnspace.org./Articles/connectivism.htm>. – Date of access : 16.03.2013.

14. The European Higher Education Area – Achieving the Goals. Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Bergen, 2005 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.bologna-bergen2005.no/Docs/00-Main_doc/050520_Bergen_Communique.pdf.

15. The shift to learning outcomes. Conceptual, political and practical developments in Europe. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008–IV [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.cedefop.europa.eu/en/Files/4079_EN.pdf. – Date of access : 17.03.2013.

16. Tuning Educational Structures in Europe II. Universities' Contribution to the Bologna Process. Ed. By J. Gonzalez, R. Wagenaar. Univeristy of Deusto, 2005 [Electronic resource]. – Mode of access : [http://www.kfh.ch/uploads/dobo/doku/Tuning_2___4rd_version\[1\].pdf?CFID=31206368&CFTOKEN=54022570](http://www.kfh.ch/uploads/dobo/doku/Tuning_2___4rd_version[1].pdf?CFID=31206368&CFTOKEN=54022570). – Date of access : 21.03.2013.

Ilze Mikelsona. Change of Paradigms in Higher Education – Transition to Achievable and Measurable Learning Outcomes

While incorporating in Common Education Area of the European Union and in conformity with the Qualifications Framework, Latvia performs a transition to defining achievable and measurable learning outcomes. Defining learning outcomes improve and restructure traditional view to qualifications and the way of characterising them, causes review of development of study programmes and elaboration principles of study courses and the related evaluation system, and implementation of independent activities. Learning outcomes largely constitute part of innovative teaching and innovative learning approaches, which is also described as the paradigm of new learning. In the article learning outcomes are revealed as the characterising factor of the new education paradigm, emphasising development of students' experience not the content of the study subject that is part of the study programme. Learning outcomes become the dominant in systematic setting objectives, organising and ensuring education programmes and evaluation systems. By knowing the achievable learning outcomes, the possibility of a dialogue between all the stakeholders: students, employers, society and others is ensured. Practical aspect of implementation of learning outcomes is focussed on the «outcomes based» approach– on what students can carry out at the end of a module or programme. Therefore higher education transforms from content based to outcomes based.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.09.2013

УДК 373.3

Барбара Дудэль

ПРОИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ОЦЕНКЕ УЧЕНИКОВ ТРЕТЬЕГО КЛАССА НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются результаты исследований, касающихся самооценки проинновационного поведения учеников 3 класса начальной школы. Объясняются ключевые для исследовательской проблемы понятия: инновационность, самооценка. Анализ результатов исследований, проведённых в группе 120 учеников 3 класса начальной школы, является основой для выводов.

Требования современного рынка труда обращают внимание потенциальных работников на важное значение способности поведения в различных жизненных ситуациях, творческого решения проблем, инновационного мышления, самооценки. И. Шэмпрух, анализируя разнородные явления социального и экологического характера, а также подчёркивая непредвиденность изменений и угроз в функционировании современного человека, намечает задачи для науки о воспитании и для учителей. Она указывает на необходимость формирования у людей компетенции активного, сознательного и ответственного участия в этих изменениях [29]. Это не новый вызов, так как уже И.Г. Песталоцци отмечал, что школа не должна исключительно приводить молодого человека к такому состоянию, в котором он сумеет функционировать в обществе. Школа должна помочь ему развиваться как личности, располагающей всеми человеческими возможностями [3, с. 31]. Воспитание и образование служат не только сегодняшнему дню, но человеку вообще. С помощью обучения и воспитания совершается что-то вроде «программирования» человека для его всей дальнейшей жизни [9, с. 105]. Эффекты образования, которых требует рынок труда, создаются на всех уровнях системы образования. Получение требуемого результата – это длительный процесс, который должен начаться как можно раньше. Способность адаптации индивида к требованиям окружающей действительности обусловлена, между прочим, также способностью оценки своих компетенций, черт характера, нужд и возможностей – самооценкой. Важно также то, как ученик оценивает свой потенциал, свои способности. Важно и то, чтобы знал, что подлежит самооценке и в каком объёме, знал критерии оценки, умел найти соответствующую точку отсчёта. Если кто-то правильно оценивает уровень своих умений по отношению к действующим образовательным или экзаменационным требованиям, соблюдая дистанцию по отношению к индивидуальным и внешним факторам, он сумеет определить соответствующую ценность своего познавательного поведения. Адекватная оценка и понимание самого себя благоприятствуют правильному принятию решений [7]. Можем сказать, что умение самооценки учеников влияет на эффективность процесса обучения. Учитель, стремящийся к тому, чтобы процесс оценки, которым он управляет в данном классном коллективе, был правильным, не может пренебрегать проблемой самооценки.

Понятие инновационности

Креативность, инновационность, творчество – это термины, которые часто появляются в педагогическом и учительском языке и часто воспринимаются как синонимы. Анализ определений этих понятий позволяет заметить различие в их понимании. Творческая деятельность предполагает, что индивид каждый раз выходит за рамки умений, которыми до сих пор владел [28, с. 102]. Творчество является целенаправленным про-

цессом; творческий процесс – это «психический процесс, приводящий к созданию новой и ценной идеи» [16, с. 35]. Креативность же – это потенциал, самый низкий уровень творчества, который может быть выявлен индивидом, но, с другой стороны, может стать «невыполнимым обещанием». При таком восприятии креативность понимается как своеобразный элемент, необходимый для творческого функционирования; «не каждый креативный индивид является творческим» [14, с. 18].

Инновационность в понимании эмансипации педагогики является умением альтернативного поведения, особенно в новой ситуации, является также проявлением открытости человека к изменениям и распоряжением, предоставляющим сознательное преодоление и отвержение стереотипов и образцов, а также введение качественно новых состояний [4, с. 132]. Это умение найти себя в новых ситуациях, открытость к другим, чем до сих пор ситуациям, объектам, явлениям. Инновационность как коррелят компетенций по вопросам эмансипации ближе к творчеству и заключается в действиях, направленных на формирование собственного опыта за счет того, что можно почерпнуть из окружающей действительности [4, с. 132]. По мнению М. Черепняк-Вальчак, «организованный соответствующим образом процесс образования и воспитания, в котором у каждого из субъектов (учителя, ученика, родителя) есть возможность расширения объёма автономии, является источником опыта в освобождении от стереотипов и других ограничений. Является также случаем для трансферта опыта в освобождении» [4, с. 133]. С. Палька подчёркивает: творчество, неконвенциональность, инновационность должны характеризовать действия учителя и ученика как во время школьных и внешкольных занятий, так и на экскурсии, а также во время домашних работ [20, с. 4]. Не каждое новшество отвечает требованиям инновационности. Инновационность является активностью, «направленной на определённые эффекты, которые можем благодаря ей получить; плановой – подчинённой продуманному графику действий; организованной – предусматривающей нужные ресурсы, людей и средства; контролируемой – можем наблюдать за ходом инновационной активности, зачисляя её к определённому способу оценки» [15, с. 12].

Сначала понятие инновационности применялось к предприятиям и экономике. Связь инновационности с необходимостью осуществления творческих процессов заметил Г.С. Альтшулер. Он обратил внимание на сложность этого умения и различия в способах организации, синтеза и выражения знаний, восприятия окружающего мира и создания новых идей, перспектив, отношений и продуктов [1]. Ученый высказал идею возможности применения разработанной им теории решения изобретательных задач (ТРИЗ) на уровне 1–3 классов начальной школы. Методика ТРИЗ направлена на систематическое обучение продуктивному мышлению, самостоятельное приобретение знаний путём решения проблем [27].

Понятие и суть самооценки

Самооценка является компонентом образа собственной личности. Издавна она была связана с осознанием абсолютной ценности своей личности или достоинства. Поведение человека, считает Я. Рейковский, особенно в новой ситуации, является выражением того, что он сам думает о себе, и служит отображением его самооценки [24, с. 49]. У. Джеймс ещё в 1890 г. писал, что самооценка является самоудовлетворением либо его отсутствием [12]. Самооценка касается того, как люди оценивают самих себя, определяется как понятие, обозначающее «ценность, которую индивид приписывает своим личным достоинствам, отвечая на вопрос «Насколько я хороший?», обращаясь та-

ким образом к достоинствам и компетенциям, которые индивид испытывает в связи со своими личными атрибутами» [26, с. 78]. Самооценка определяется как «общая оценка своих возможностей» [23, с. 792], «аффективное отношение человека к самому себе» [30, с. 147]. Б. Кая, которая анализировала многие определения понятия «самооценка», подтвердила, что чаще всего в них проявляются три основных качества: во-первых, отношение к самому себе; во-вторых, физические и психические качества индивида; в-третьих, оценка его разных возможностей [13, с. 151].

Самооценка может касаться отдельных аспектов субъекта, например, физической привлекательности, черт характера, интеллигентности. Тогда речь идёт о частичной самооценке. Можно также говорить о полной (общей) самооценке. Воспринимаемую как критерий прочности, самооценку можем рассматривать как относительно прочную, воплощённую в кристально чистом виде личность по отношению к самому себе (глобальная оценка) или как актуально воспринимаемую эмоцию, или аффект, которая может измениться в зависимости от ситуации (временная самооценка) [30]. Из исследований А. Гурицкой вытекает, что заниженная самооценка влияет на социальное поведение [9]. Лица с заниженной самооценкой избегают ситуаций соперничества и коллективного действия, более податливы на стимулы окружающей действительности, подтверждающие их некомпетентность [22]. Положительная самооценка способствует достижению целей, повышает ожидание успеха и побуждает к большим усилиям и лучшим результатам [30]. Исследователи солидарны в том, что самооценку формируют мнения других, особенно важных лиц, а также сравнение себя с другими.

Получаемые индивидом сведения, мнения о самом себе, о своих возможностях, способностях, происходят из двух источников. Первым является опыт индивида, благодаря которому он убеждён в том, на что он способен, каково его место в общественной группе, какого воздействия окружающих его людей может ожидать по отношению к себе. Вторым источником самооценки являются мнения других людей, с которыми индивид встречался [23, с. 796]. Самооценка человека формируется всю жизнь, основа её – осознание человеком самого себя (самосознание) [17]. По мнению Г. Алльпорта, развитие самосознания ребёнка происходит постепенно и зависит от воздействий на стимулы, происходящих из ближайшей среды, а также созревания организма [18]. Дети младшего школьного возраста обращают большое внимание на суждения взрослых, особенно учителей и родителей [8].

Как считают Л.И. Рувинского и А.Я. Арета, дети, поступающие в школу и отличающиеся процессуально-ситуативной самооценкой, не замечают связи между поведением и своими положительными или отрицательными чертами характера [5]. Они оценивают себя ситуативно, способом, обусловленным внешними обстоятельствами, что является мало объективным и нестабильным. Такая самооценка имеет поверхностный характер и касается внешних качеств. Она основывается на сравнении своего внешнего вида с другими, своих произведений с произведениями других.

Л. Таулер и П. Бродфут называют четыре уровня (степени) умений самооценки и считают, что они проявляются даже в группе младшего школьного возраста [21, с. 49].

1. Упорядочение знаний; ученик вспоминает события, приобретённый опыт и приводит их в порядок разными способами (заметка, рисунок, повторение заданий, которые ему понравились). Ученик оценивает свои действия на уровне конкретики.

2. Анализ и понимание; у ученика есть потребность определить то, что он умеет делать, хочет определить свои достижения. Он хочет знать, почему что-то ему даётся легче, а что-то труднее, хочет осознать причины своих трудностей.

3. Оценка результатов собственных действий; ученик самостоятельно определяет ценность полученного результата, итоги своей работы сопоставляет с некоторыми требованиями, пытается объяснить свои выводы.

4. Синтез; ученик сравнивает оценку своих достижений с новым контекстом, когда получает новые знания и умения. На этом уровне он приобретает мотивировку самостоятельного обучения и назначает себе новые цели.

Авторы обращают внимание на важность умений самооценки в процессе обучения, считают, что самооценка углубляет понимание ожидаемого и усиливает мотивировку. Это приводит к чувству гордости за положительные достижения и показывает реальные методы оценки слабых сторон [21, с. 48].

Процесс развития распоряжений, связанных как с инновационностью, так и самооценкой, сосредоточенных в каждом индивиде, является особенно важным на первом этапе школьного обучения. Это время, когда изменяются пропорции между основными формами его деятельности: игрой, учёбой и работой. У ребёнка появляется желание быть компетентным, полезным, заниматься «серьёзным» делом. Возрастает чувство профессионального знания дела, проявляющееся в стремлении к овладению разными умениями, готовности к обучению согласно инструкции, в ощущении удовольствия от прилежно выполняемой работы, а также в стремлении к превосходному исполнению заданий [6]. Исследователи описывают этот период развития человека многими терминами: «возраст разума» (речь идет о динамично развивающейся в этом возрасте возможности познавать окружающий мир); «возраст общественной деятельности» (проявляется в заинтересованности ребёнка общественной жизнью, желании принимать участие в жизни класса и группы); «возраст реализма» (обозначает, что психическая жизнь ребёнка очень конкретна) [25].

Методологические основы исследований

Ниже представлен анализ собранных данных, касающихся самооценки проинновационного поведения учеников 3 класса начальной школы. Исследовательский вопрос следующий: «Каким является уровень самооценки инновационного поведения, выявленный учениками 3 класса начальной школы?».

В исследованиях применялся метод диагностического зондажа. В сборе материала использовался «Опросный лист самооценки инновационного поведения». Теоретической основой исследования было принято понимание инновационности, как «выученной динамической способности субъекта (индивидуального/коллективного), проявляющейся в видении и понимании субъектных ограничений и деприваций, сознательном выражении несогласия на нет, выборе путей их преодоления и достижения новых прав и свобод, а также соответствующего пользования ими с целью совершенствования самого себя и окружения» [4, с. 130]. Воспринимается как «орудие» индивида в принятии самостоятельных и смелых изменений решений, а также настойчивом и соответствующем их осуществлении [4, с. 131].

Опросный лист состоял из 42 утверждений, сгруппированных по 4 категориям поведения. Первая категория называлась *открытость на ситуации*. Таким определением называется тенденция индивида к поиску положительной оценки жизненного опыта, терпимость к новому и любознательность. Вторую категорию описывают выражением *открытость на людей*. Это говорит о том, что характерной чертой личности является тенденция к поиску и положительной оценке опыта, вытекающего из межличностных (интерперсональных) отношений. Третья категория – *открытость на зада-*

ния – связана с положительной оценкой ситуаций, в которых индивид стоит перед необходимостью примириться с заданием, вытекающим из роли ученика (это ситуация, когда у ученика нет выбора вида задания). Последняя категория определяется выражением *изобретательность (находчивость) и храбрость*, которое понимается как тенденция к проявлению индивидом уверенности в себе и решимости, а также способности находить выход в ситуации, в которой может очутиться ученик. Заданием учеников, согласно предъявленной инструкции, было внимательно прочитать утверждения и обозначить по четырёхбалльной шкале, в какой степени описанное поведение касается испытуемого («3» – очень хорошо описывает меня, «2» – подходит ко мне (хотя не всегда), «1» – не очень подходит, «0» – совсем не подходит).

С целью анализа надёжности шкалы был применён метод альфа Кронбаха, который позволяет подтвердить, как интересующее исследователя орудие измеряет то, что было положено в основу. Этот метод основан на статистических свойствах отдельных вопросов. Эта статистика, «упрощённо говоря, является средней коэффициентом корреляции между компонентами. Поэтому она оценивается от 0 до 1, причём ближе к 1 интерпретируется как указывающая на высокую надёжность шкал» [2, с. 154]. Как пишут авторы разработки, «нельзя произвольно обозначить стоимость, от которой можем признать, что шкала надёжна. Иногда альфа-коэффициент 0,5 признаётся достаточным. Чаще всего надёжной считается шкала, для которой альфа-коэффициент составляет 0,7. Конечно, одобряются также коэффициенты альфа Кронбаха ниже, когда шкала короткая и измеряет неоднородные свойства» [2, с. 156]. Для определения уровней самооценки в каждой шкале применены стоимости средней арифметической, а также стандартного отклонения. Таким образом, выделены четыре уровня самооценки: от I (самый высокий) до IV (самый низкий).

Таблица 1 – Статистика надёжности шкал

Шкала 1		Шкала 2		Шкала 3		Шкала 4	
Альфа Кронбаха	Кол-во позиций						
0,635	9	0,681	10	0,726	9	0,622	14

В результате применённого анализа данных полученная стоимость альфа, превышающая 6 для четырёх шкал, позволяет утверждать, что шкалы, используемые в исследовании самооценки проинновационного поведения учеников 3 класса, выполняют условие надёжности. В исследованиях, проводившихся в начальных школах г. Белостока в январе 2012 г., приняли участие 120 учеников третьих классов (65 девочек и 55 мальчиков).

Анализ результатов исследований

Первой проблемой анализа была количественная статистика оценки, проводимой учениками в четырёх категориях, составляющих суть названных шкал: открытость на ситуации (первая категория), открытость на людей (вторая категория), открытость на задания (третья категория) изобретательность и храбрость (четвёртая категория).

Таблица 2 – Описательная статистика исследования самооценки проинновационного поведения учеников 3 класса.

	Открытость на ситуации	Открытость на людей	Открытость на задания	Изобретательность и храбрость
Макс.	21	30	24	42
Мин.	2	3	3	18
Среднее арифметическое	11,25	17,88333	11,50833	32,225
Стандартное отклонение	4,91	5,515727	5,664271	5,25079
Средняя	11	18	11	32
Основная	9	15	3	31
V(x) коэффициент изменчивости	0,44	0,31	0,49	0,16

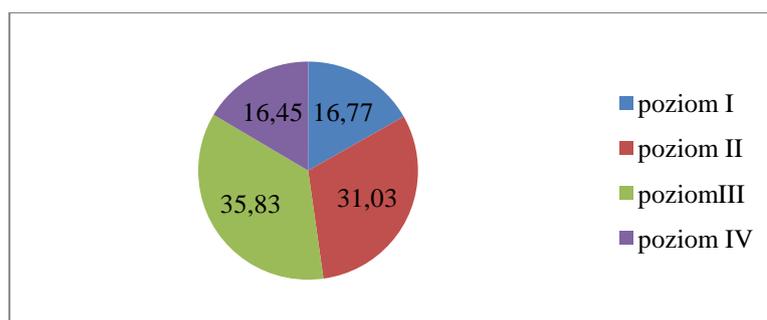
Данные в таблице 2 показывают, что наименее неоднородны результаты исследований, связанные с четвёртой категорией – «Изобретательность и храбрость». В большой степени рассеяны результаты исследований в первой («Открытость на ситуации») и третьей («Открытость на задания») категориях. В них не было получено возможного количества пунктов.

Таблица 3 – Уровень самооценки проинновационного поведения учеников с учётом пола

Категория	Уровень	Всего		Девочки		Мальчики	
		N	%	N	%	N	%
Открытость на ситуации	I	18	15,0	8	12,3	10	18,2
	II	37	30,8	22	33,8	15	27,3
	III	41	34,2	25	38,5	16	29,1
	IV	24	20,0	10	15,4	14	25,5
Открытость на людей	I	23	19,2	10	15,4	13	23,6
	II	40	33,3	24	36,9	16	29,1
	III	39	32,5	24	36,9	15	27,3
	IV	18	15,0	7	10,8	11	20,0
Открытость на задания	I	20	16,7	6	9,2	14	25,5
	II	36	30,0	21	32,3	15	27,3
	III	44	36,7	29	44,6	15	27,3
	IV	20	16,7	9	13,8	11	20,0
Изобретательность и храбрость	I	19	15,8	6	9,2	13	23,6
	II	36	30,0	22	33,8	14	25,5
	III	48	40,0	27	41,5	21	38,2
	IV	17	14,7	10	15,4	7	12,7

Результаты исследований, отраженные в таблице 3, показывают уровень самооценки учеников по четырём исследуемым категориям. Анализ данных с учётом критерия пола показывает, что мальчики демонстрируют более решительную самооценку, преобладают по количеству в самом высоком уровне (I) и самом низком (IV) по трём категориям (кроме четвёртой шкалы). На II и III уровнях самооценки во всех исследуемых категориях выразительно преобладают девочки. Несмотря на разницу в оценке своих действий между девочками и мальчиками, она не является существенной в статистическом отношении. Самый большой процент исследуемых (около 1/5 группы) оценил свою открытость на людей на самом высоком уровне. Низкий уровень самооценки в наибольшей степени проявился в категории «Открытость на ситуации». Это свидетельствует о том, что значительная часть исследуемой группы третьеклассников не проявляет стремлений к положительной оценке новых ситуаций, более склонна оценивать то, что знакомо. Большой процент исследуемых (40%) довольно низко (III уровень) оценили свою изобретательность и смелость как черты поведения в разных ситуациях. Можем предполагать, что эти дети избегают таких ситуаций, когда можно проявить свою находчивость, изобретательность, активность в решении проблемы или решительность в защите своей точки зрения, своего мнения. Распределение результатов самооценки с учётом уровней самооценки представляет рисунок.

**Рисунок – Распределение результатов самооценки
проинновационного поведения, %**

Анализ диаграммы показывает, что самое большое количество учеников (35,83%) оценивают своё проинновационное поведение на довольно низком уровне (III). Около одной трети исследуемых (31,03%) оценили себя на уровне II. Примерно одинаково проявляются самый высокий (I – 16,77%) и самый низкий (IV – 16,46%) уровни самооценки.

Подведение итогов

В заключение надо сказать, что группа исследуемых третьеклассников не демонстрирует высокого уровня самооценки проинновационного поведения. Мальчики проявляют более решительную самооценку, самооценка девочек в большинстве случаев находится на втором и третьем уровнях. Возможно, такая ситуация является результатом отсутствия умений оценивать свои действия, способности или недостатка опыта. В связи с этим рекомендуется, чтобы учителя в процессе обучения и воспитания чаще обращали внимание на создание ситуаций, благоприятствующих проявлению самооценки, поощряли, стимулировали у детей желание видеть в своих действиях положительные аспекты. Самооценка ученика является и ещё одним важным источником ин-

формации для учителя. Даже младшие школьники должны знать, что одобрение учителя не является единственной формой оценки и что существуют разные критерии оценки в зависимости от ситуации. Самооценка побуждает учеников к учёбе, основанной на саморегуляции, и этот принцип актуален для учеников любого возраста [21].

В образовательном процессе надо подчёркивать, что всякий контакт с реальной действительностью является опытом, который обогащает опыт ребёнка. Как в практике образования, так и научной литературе, посвящённой воспитанию детей, большое внимание уделяется созданию ситуаций, расширяющих образовательный опыт. Д. Холт, говоря о возможностях использования естественной любознательности детей в их действиях и творчестве, а также признании их права выбора предмета действия, показывает неоднозначность термина «образовательный опыт» (*learning experience*) [11, с. 37]. Он подчёркивает, что в процессе образования существуют два вида опыта: такой, благодаря которому индивид может научиться чему-либо, и такой, который не учит ничему. Тем временем опыт, который не обогащает человеческих знаний, не существует [11, с. 37]. Д. Холт утверждает, что «каждое наше действие, переживание, учит нас чему-то. Благодаря этому мы становимся умнее или глупее, получаем лучшую или худшую информацию, становимся сильнее или слабее, но всегда чему-то учимся. Чему – это зависит от того, что мы испытали, но прежде всего от наших чувств, ощущений в данной ситуации». Дети лучше всего учатся на своём опыте в соответствии со своими интересами [11, с. 38]. Недооценённый, униженный, обиженный ребёнок не в состоянии научиться тому, чему его хочет научить учитель. То, что ребёнок сумеет запомнить, на короткое время остаётся в голове [10]. Важно целенаправленно моделировать ситуации, в которых ученики могут анализировать свой опыт, своё поведение, свои достижения и поступки с учётом разных критериев, осмысливать их и оценивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Altszuler, G.S. Algorytm wynalazku / G.S. Altszuler. – Warszawa, 1972.
2. Bedyńska, S. Statystyczny drogowskaz : praktyczny poradnik analizy danych w naukach społecznych na przykładach psychologii / S. Bedyńska, A. Brzezicka (red.). – Warszawa : Academica, 2007.
3. Brühlmeier, A. Kształcenie człowieka. 27 kamyczków jednej mozaiki. Impulsy do kształtowania modelu edukacji zgodnie z zasadami sformułowanymi przez Johanna Heinricha Pestalozziego / A. Brühlmeier. – Kraków : Impuls, 2011.
4. Czerepaniak-Walczak, M. Pedagogika emancypacyjna / M. Czerepaniak-Walczak, – Gdańsk : GWP, 2006.
5. Dudzikowa, M. Praca młodzieży nad sobą / M. Dudzikowa. – Warszawa : TERRA, 1993.
6. Erikson, E.H. Dzieciństwo i społeczeństwo / E.H. Erikson. – Poznań : REBIS, 2000.
7. Fila-Jankowska, A. Samoocena autentyczna / A. Fila-Jankowska. – Warszawa : Academica, 2009.
8. Galas, B. Czynniki współwystępujące z samooceną i aspiracjami młodzieży / B. Galas // Psychologia Wychowawcza. – 1994. – № 1.
9. Górycka, A. Struktura i dynamika procesu wychowawczego: analiza psychologiczna / A. Górycka. – Warszawa : PWN, 1979.
10. Holt, J. How Children Fail / J. Holt, 1995.
11. Holt, J. Zamiast edukacji. Warunki do uczenia się przez działanie / J. Holt. – Kraków : Impuls, 2007.

12. Hosogi, M. Importance and usefulness of evaluating self-esteem in children / M. Hosogi [et all.] // *Bio Psycho Social Medicine*. – 2012.
13. Kaja, B. Psychologia wspomagania rozwoju. Zrozumieć świat życia człowieka / B. Kaja. – Sopot : GWP, 2010.
14. Karwowski, M. Zgłębianie kreatywności. Studia nad pomiarem poziomu i stylu twórczości / M. Karwowski. – Warszawa : APS, 2009.
15. Najder-Stefaniak, K. Wstęp do innowatyki / K. Najder-Stefaniak. – Warszawa : SSGW, 2010.
16. Nęcka, E. Psychologia twórczości / E. Nęcka. – Gdańsk : GWP, 2001.
17. Niebrzydowski, L. O poznawaniu i ocenie samego siebie / L. Niebrzydowski. – Warszawa : NK, 1976.
18. Siek, S. Formowanie osobowości / S. Siek. – Warszawa : ATK, 1986.
19. Nowak, M. Normatywność tradycyjna i współczesna względność w wychowaniu. Problemy aksjologiczne / M. Nowak // *Przetrwanie i rozwój jako niezbywalne powinności wychowania* / M. Dziemianowicz, B.D. Gołębnik, R. Kwaśnica (red.). – Wrocław : TWP, 2005.
20. Palka, S. Aktualne tendencje w teorii i praktyce kształcenia szkolnego / S. Palka // *Hejnal Oświatowy*. – 2001. – № 2.
21. Paris, S.G. Stawanie się refleksyjnym uczniem i nauczycielem / S.G. Paris, L.R. Ayres. – Warszawa : WSiP, 1997.
22. Pervin, L. Teoria celów i problem woli : studia z psychologii w Katolickim Uniwersytecie Lubelskim / L. Pervin. – 1996. – № 8.
23. Reykowski, J. Osobowość / J. Reykowski // *Psychologia* / T. Tomaszewski (red.). – Warszawa : PWN, 1978.
24. Reykowski, J. Współzależność mechanizmów emocjonalnych i poznawczych – regulacyjna rola «pojęcia własnego ja» / J. Reykowski // *Psychologia* / T. Tomaszewski (red.). – Warszawa : PWN, 1975.
25. Roszkiewicz, I. Młodszy wiek szkolny / I. Roszkiewicz. – Warszawa, 1983.
26. Schaffer, H.R. Psychologia rozwojowa. Podstawowe pojęcia / H.R., Schaffer. – Kraków : Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010.
27. Stańczak, I. TRIZ – pedagogika w procesie aktywizacji poznawczej uczniów klas początkowych / I. Stańczak // *Prorozwojowe aspektu kształcenia językowego dzieci w wieku przedszkolnym i wczesnoszkolnym* / Z. Ratajek, Z. Zbróg (red.). // *Studia Pedagogiczne*. – T. 20. – Kielce, 2011.
28. Stasiak, M.K. Twórczy i harmonijny rozwój człowieka / M.K. Stasiak. – Łódź : Wyd-wo Wyższej Szkoły Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi, 2000.
29. Szempruch, J. Szkoła i nauczyciel wobec przemian społeczno-kulturowych / J. Szempruch // *W trosce o nauki pedagogiczne i rozwój polskiej edukacji : księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Czesławowi Banachowi w 80. rocznicę urodzin* / J. Szempruch, M.J. Szymański (red.). Lublin – Kraków : Innovatio Press, 2011.
30. Wojciszke, B. Człowiek wśród ludzi. Zarys psychologii społecznej / B. Wojciszke. – Warszawa : Scholar, 2002.

Barbara Dudel. Proinnovative Behaviour in the Primary School Third Class Students' Evaluation

The article discusses the results of the research concerning the self-assessment of proinnovative behaviour by primary school third class students. In the first part the key concepts of the analysed problem were interpreted, the terms: innovativeness and self-assessment were explained. The conclusions were drawn based on the research conducted on the group of 120 third class students.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.06.2013

УДК 373.3

Малгожата Глосковска-Солдатов

ДИАГНОЗ ЧУВСТВА КОНТРОЛЯ УЧЕНИКОВ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматривается чувство контроля как один из факторов, влияющих на мотивацию обучения. Теоретические рассуждения касаются внешнего и внутреннего контроля как результата субъективного восприятия связи между последствиями и собственным действием или внешними факторами. Результаты исследований представляют собой характеристику чувства контроля детей младшего школьного возраста.

Введение

Педагогов и психологов всегда волновала проблема факторов эффективности процесса обучения. Мотивация играет существенную роль в развитии познавательной и социально-общественной жизни индивида и воспринимается как совокупность мотивов, побуждающих к определённом поведению. Мотив – это психическое состояние индивида, вызванное определёнными стимулами, выражающими его нужды. Он является фактором, стимулирующим активность. Мотивация может быть внешней (экстринсивной) и внутренней (интринсивной). Как отметил Г. Метцель, на человека действует внутренняя мотивация, когда выполняются два условия: 1) он должен воспринимать самого себя компетентным и 2) чувствовать, что в значительной мере может осуществлять контроль над самим собой и тем самым определять себя [10].

Чувство контроля

Контроль обозначает способность к полному осуществлению принятого намерения и приведение его к реализации. Можем ещё говорить о понятии *чувство места локуса контроля*. Г. Бартковьяк понимает его как личностный конструкт, описывающий создание мнения о собственном исполнении событий и состояний, происходящих в окружающей действительности [1, с. 18]. Понятие *чувства контроля* берёт начало в теории социального научения Д. Роттера. По его мнению, чувство контроля является индивидуальной чертой человека, которую можем воспринимать как черту личности, поддающуюся представлению в упорядоченный ряд от чувства внутреннего контроля до чувства внешнего контроля. Д. Роттер утверждает, что в процессе развития человек учится воспринимать взаимозависимость между поведением и последствиями, которые производят на него положительное или отрицательное влияние. Он действует в ситуациях, которые, с точки зрения возможностей влияния на результат, можем объективно разделить на такие, в которых действующий субъект осуществляет контроль за результатами, а также такие, в которых результат зависит от судьбы, везения, случая либо воли других людей [9; 12]. Д. Роттер считает, что для ожидания поведения индивидуума важнее то, как он субъективно воспринимает ситуацию, чем то, какими эти ситуации оказываются на самом деле. От этой субъективной перцепции индивида зависит, как человек относится к своим успехам или промахам как результату собственного поведения; тогда можем говорить о чувстве внутреннего контроля. Если речь идёт о воздействии внешних факторов, таких как воля других людей, везение, судьба, случай, тогда говорим о чувстве внешнего контроля [7; 8; 12]. Lawrence і Winschel в 1975 г. описали стадии, которые, по их мнению, проходит развитие чувства контроля:

I стадия: внешнее чувство контроля по отношению к ситуациям как успеха, так и неуспеха;

II стадия: внешнее чувство контроля по отношению к ситуациям неуспеха, а также внутреннее чувство контроля по отношению к ситуациям неуспеха, равно как и внутреннее чувство контроля по отношению к ситуациям успех;

III стадия: относительное равновесие чувства контроля по отношению к ситуациям успеха и неуспеха, формирование обобщённого чувства контроля, присущего данному индивиду с преобладанием чувства внутреннего или внешнего контроля [15, с. 9].

Теоретической основой проблемы контроле является концепция *чувства собственной эффективности* А. Бандуры [11]. Согласно этой концепции, человеческое поведение мотивировано не только внешними факторами, но и познавательной деятельностью индивида, который имеет доступ к своему поведению, может его предвидеть, контролировать, а также модифицировать. По мнению учёного, между поведением и факторами, которые его контролируют, происходят постоянные интеракции. В этом процессе в равной степени среда находится под влиянием индивида, а индивид под влиянием среды. А. Бандура доказывает, что осуществление поведенческого и познавательного контроля является необходимым, если мы намерены предпринять новые действия. Понятие познавательного контроля, предлагаемое А. Бандурой, перекликается с категорией внутреннего локуса контроля Д. Роттера. Именно внутренний контроль способствует тому, что люди начинают совершенствоваться. Человек принимается за новое дело только тогда, когда у него сформировано положительное отношение и надежда на надлежащее его завершение. Если у людей не хватает убеждённости, что действия принесут ожидаемые эффекты, тогда нет мотивации к совершенствованию или борьбе за успех [5].

Человек в своём развитии вследствие разных жизненных ситуаций формирует разные обобщённые ожидания, касающиеся связей между поведением и последствиями поведения. Можем принять, что ожидания являются обобщением опыта индивидуума взаимоотношений между действиями и последствиями. Кроме обобщённых ожиданий, существуют конкретные ожидания, касающиеся только некоторой категории ситуаций, связанных, например, с профессиональной или школьной работой. Обобщённые и конкретные ожидания взаимодействуют. Значение обобщённых ожиданий важно в относительно новых для индивидуума ситуациях. В свою очередь, в ситуациях привычных и знакомых, в которых человек определённым образом ориентируется, он будет действовать согласно ожиданиям, характерным для ситуации [15].

О появлении в процессе развития личности внутреннего или внешнего локуса контроля свидетельствуют приобретённый в жизни опыт, а также психологическая ситуация. В связи с этим стоит сказать несколько слов о теории самоопределения Деси и Райана (E.L. Deci и R.M. Ryan) [4]. Эта теория посвящена избранным аспектам мотивации и сосредоточивает внимание на внешних факторах (главным образом, вытекающих из социального окружения), которые могут её подкреплять или ослаблять. Теория самоопределения указывает на существование разного типа мотиваций в зависимости от степени самоопределения действий: от амотивации (отсутствие мотивации), через внешнюю мотивацию к внутренней (характеризуется самой высокой степенью самоопределения). Существуют разные типы внешней мотивации, которые можем поместить на оси по степени самоопределения. Этот continuum распространяется от внешней мотивации самой низкой степени самоопределения к самой высокой её степени, с помощью мотивации, вытекающей из т.н. интроекции и мотивации через мотивацию с помощью идентификации, к мотивации через интеграцию [2; 4].

Наличию внешних подкреплений присваивается субъективное изменение локуса причинности из внутреннего во внешний и ослабление чувства компетенции. Чувство внутренней причинности отличается от локуса контроля тем, что первое понятие касается опыта факта и процесса начала поведения субъекта, чувство контроля касается обобщения убеждений индивидуума о связи между поведением и результатом. Обобщая, можем сказать, что контроль заключается в максимизации положительной корреляции между действиями и положительными подкреплениями и уменьшением, минимизацией участия отрицательных подкреплений [6]. Кроме того, Деси и Райан утверждают, что внутренняя мотивация является врождённым стремлением к реализации потребности компетенции исполнительства и констатации собственного влияния. Внутренняя мотивация лучше развивается в условиях относительного отсутствия внешних подкреплений. Она развивается с помощью процессов интроспекции, идентификации и интеграции. Деси и Райан описали, каким образом индивидуум переходит от внешней регуляции к «автономному самоуправлению»:

- 1) внешняя регуляция (управляемая): ученик начинает действия с целью получения награды или избежания наказания;
- 2) интроспекционная регуляция (умеренно управляемая): ученик исполняет данное задание, так как считает, что это его обязанность или он не хочет разочаровать учителя;
- 3) регуляция с помощью идентификации (отождествлённая): ученик воспринимает определённую ценность, правило, норму как существенную для него (например, учиться потому, что хочет попасть в хорошую гимназию);
- 4) интегрированная регуляция (автономная): касается восприятия данных ценностей, норм к собственному канону и отношения к ним как к части собственной личности.

На внутреннюю мотивацию положительно может влиять социальная среда (семья, школа, сверстники), которая предоставляет индивидууму реализацию трёх существенных психических потребностей: автономии, компетенции, соотношения. Регуляция собственного поведения внутреннего характера в развитии индивида не появляется первой. Поведение ребёнка управляется внешними факторами, т.е. стимулами и воздействием окружающей среды. Преобразование внешней регуляции во внутреннюю происходит постепенно, процесс преобразования внешней мотивации обусловлен многими факторами, зависящими от типа регуляции. Одновременно индивид благодаря самоконтролю может, вопреки внешним сигналам и навязываемым схемам поведения, изменять ход своих познавательных процессов и целенаправленного поведения, которые без участия самоконтроля не были бы достигнуты. Объяснение отдельных проявлений познавательных функций человека (таких как перцепция, обучение) не даёт полной картины того, как человек воспринимает действительность и влияет на неё. Ключевым является понимание того, как отдельные познавательные функции контролируются и координируются, составляя общее и целенаправленное поведение [3]. Уверенность в том, что действие зависит от нас самих и мы можем управлять собственным поведением, вызывает чувство удовлетворения, повышает мотивацию поступков, а также ценность полученных результатов. Внутренний локус контроля указывает на положительную самооценку и хорошую приспособленность. Как уже упоминалось, люди с внутренним локусом контроля верят в свои возможности влиять на ход событий, благодаря чему определяют высший уровень честолюбивых стремлений, быстрее забывают о своих неудачах, лучше справляются со стрессами, создают конструктивные формы преодоления трудностей. Совсем по-другому это происходит у лиц с внешним локусом контроля: пассивность и отсутствие уверенности в своих возможностях. Индивиды с внешним ло-

кусом контроля более чувствительны к критике, быстрее и легче подвергаются давлению и легко поддаются уговорам.

Исследования

В исследованиях был использован опросный лист шкалы чувства контроля у детей дошкольного возраста Б. Шмигельской, который адаптирован к детям младшего школьного возраста [15]. Шкала исследует уровень чувства контроля у детей и состоит из 18 заданий, представляющих собой утвердительные по форме предложения, описывающие разные ситуации из жизни ребёнка. Половина описанных ситуаций завершается положительным результатом и составляет шкалу «У» (успехов), вторая половина завершается отрицательным результатом и создаёт шкалу «Н» (неудач). Каждый раз у ребёнка альтернатива ответов: выбор одного указывает на чувство внутреннего контроля, другого – на чувство внешнего контроля. Среди внутренних факторов перечисляются способности, настойчивость, а также образ поведения ребёнка. Внешние факторы, с которыми ребёнок связывает результат описываемого события, – это описание ситуаций, предметов, черт и поведения других людей, случай или судьба. Итак, половина заданий относится к шкале «У», половина – к шкале «Н». Результаты по шкале чувства контроля у детей дошкольного возраста шкале могут исчисляться для всех заданий, а также отдельно для шкалы «У» и для шкалы «Н». Ответы ребёнка позволяют оценить, какое чувство контроля он проявляет по отношению к разным событиям, описанным в шкале. Высокий результат, полученный в шкале, свидетельствует о чувстве внешнего контроля; дети, у которых низкий результат в шкале, проявляют чувство внутреннего контроля.

Представленные результаты являются частью исследований, посвящённых обусловленности мотивации к учёбе. В исследованиях принял участие 1 031 ученик (505 девочек и 526 мальчиков) 3 класса начальных школ Подлясского воеводства Польши. Целью этой части исследований было определение чувства контроля у детей младшего школьного возраста: 1. Какое чувство контроля проявляют дети младшего школьного возраста? 2. Какое чувство контроля в ситуациях успеха? 3. Какое чувство контроля в ситуациях неуспеха? В проводимых исследованиях авторы отказались от формулирования гипотезы, так как в случае диагностических исследований, которые не касаются зависимости и тем самым не разрешают предвидеть определённые эффекты, формулирование гипотезы, несмотря на сформулированные проблемы, считается ошибочным.

Таблица – Статистическая характеристика результатов

Шкала	Пол	n	%	Средняя	Стандартное отклонение	min	Медиана	max	p*
«У»	Ж	505	49	2,86	1,65	0	3	8	0,039
	М	526	51	2,65	1,63	0	2	9	
	Все	1031	100	2,75	1,65	0	3	9	
«Н»	Ж	505	49	2,85	1,90	0	2	9	0,121
	М	526	51	2,67	1,74	0	2	9	
	Все	1031	100	2,76	1,82	0	2	9	
Общий	Ж	505	49	5,71	2,78	1	5	14	0,020
	М	526	51	5,32	2,55	0	5	14	
	Все	1031	100	5,51	2,67	0	5	14	

Примечание: * – стоимость р теста t-Studenta

Из анализа этих данных вытекает, что результаты, полученные мальчиками и девочками в шкале «У» (успеха) разные, и разница между ними в статистическом отноше-

нии существенна. Несущественными в статистическом отношении оказались результаты, касающиеся шкалы «Н» (неуспеха). Прежде чем приступить к анализу результатов, стоит напомнить, что результаты по шкалам «Н» и «У» подаются в центилях, и высокий результат свидетельствует о чувстве внешнего контроля. Дети, получившие низкий результат по шкале, проявляют чувство внутреннего контроля. Таким образом, результаты размещаются на континуум от внутреннего контроля (1 центиль) к внешнему контролю.

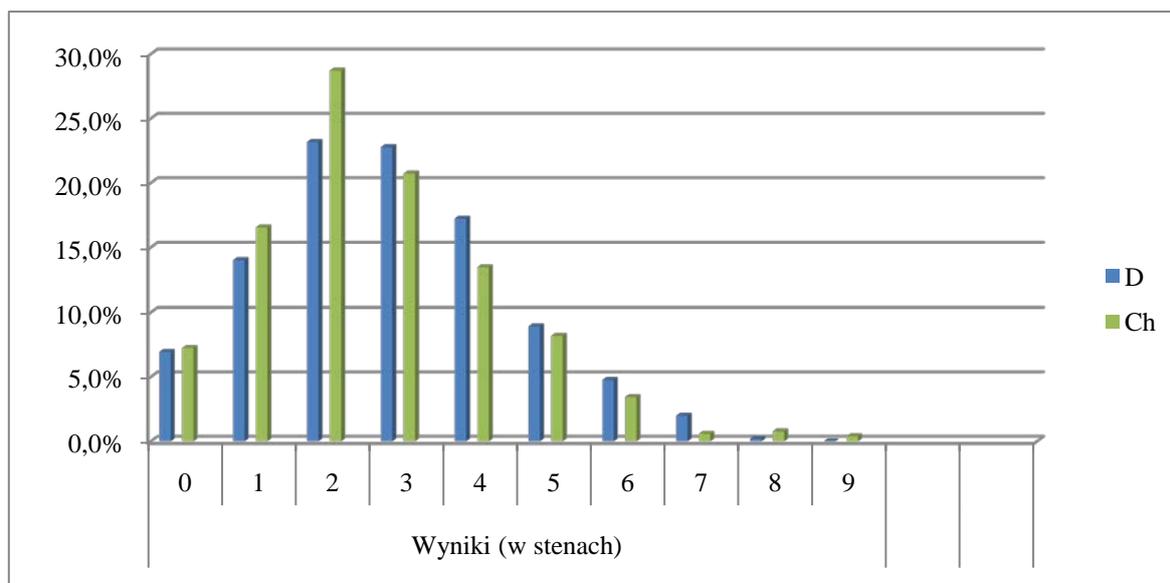

Диаграмма 1 – Шкала «У» (девочки (D), мальчики (Ch))

Результаты, представленные на диаграмме 1, показывают, что по шкале успехов ученики третьих классов получили низкие результаты. Это значит, что успехи они приписывают себе и не подвергают внутреннему контролю. Однако есть разница между мальчиками и девочками: в группе низких результатов доминируют мальчики (от 0 до 2 центиля). Потом, в более высоких стоимостях реестра, положение меняется.

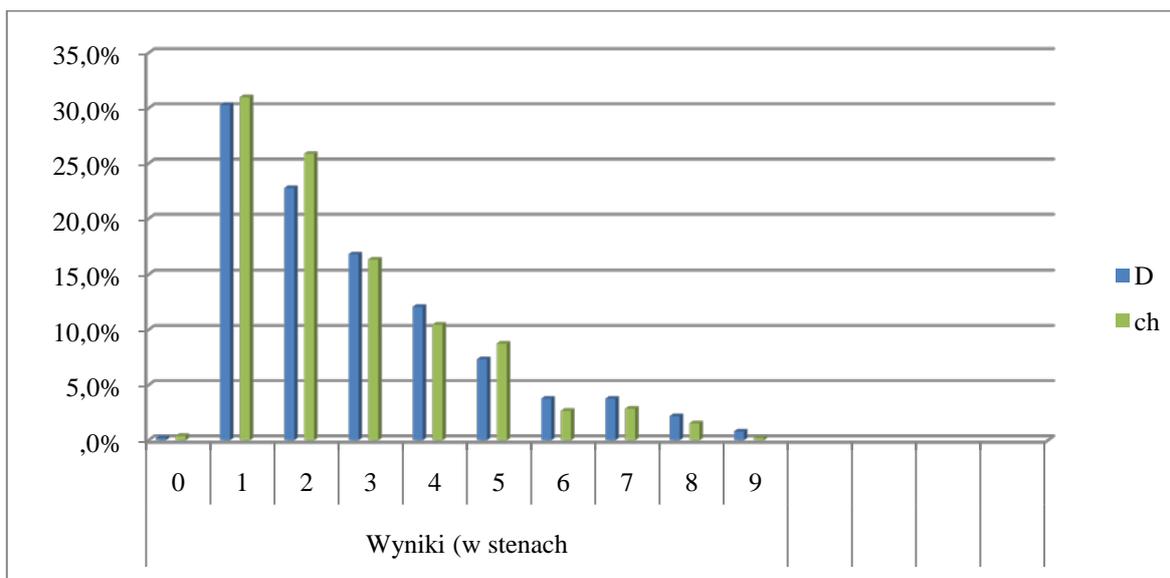

Диаграмма 2 – Шкала «Н» (девочки (D), мальчики (Ch))

Совсем по-другому представляются результаты по шкале «Н». Здесь нет существенной статистической разницы между девочками и мальчиками. Исследуемые получили результаты намного выше. Большинство результатов находится в пределах от 0 до 5 центилей: несомненно, по отношению к контролю неуспехов доминирует внутренний контроль. В ситуациях, представленных в тесте, ученики не искали обоснования для своих действий в случаях, действиях других лиц или в качествах предметов.

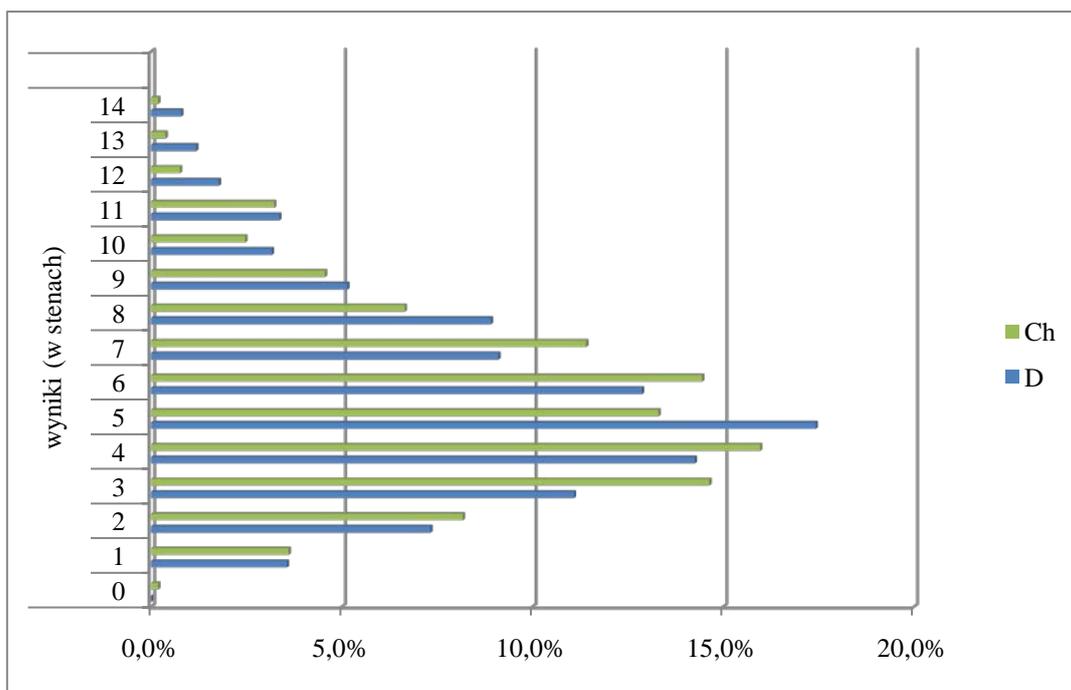

Диаграмма 3 – Шкала чувства контроля (девочки (D), мальчики (Ch))

Шкалу чувства контроля и графическое распределение результатов указывает диаграмма 3. Здесь вместе изображены результаты, полученные по шкалам «У» и «Н». Они убеждают в том, что среди 10-летних детей преобладает внутреннее чувство контроля. Более высокий показатель этого контроля у мальчиков. Не отмечено результатов на самом высоком уровне (от 15-18 центилей), что свидетельствует о том, что преобладающее большинство результатов находится на той части continuum, которая свидетельствует о принятии контроля над своими действиями и их последствиями.

Результаты противоречат также ситуации, когда мы часто приписываем успех постоянным внутренним факторам, над которыми теоретически осуществляем контроль; источники же поражений ищем во внешней атрибуции, независимой от нас. Ученики третьих классов убеждены в собственном участии в событиях, происходящих в окружающей действительности, и чувствуют ответственность за их последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартковяк, Г. Избранные детерминанты профессионального успеха / Г. Бартковяк // Психологические детерминанты успеха в управлении / С.А. Витковски (ред.). – Познань, 2000. – С. 18.
2. Брофи, Д. Мотивация ученика к учебной деятельности / Д. Брофи. – Варшава, 2002.

3. Худерски, А. Самоконтроль: особенности, функции, механизмы и ограничения / А. Худерски // Разработки по когнитивистике и философии разума. – 2010. – № 4 (1).
4. Deci, E. Intrinsic on self-determination in human behavior / E. Deci, R. Ryan. – New York, 1985.
5. Франкен, Р. Психология мотивации / Р. Франкен. – Гданьск, 2005.
6. Галонзка, А. Мотивационная обусловленность творчества / А. Галонзка // Психопедагогика творческих действий / К.Я. Шмидт, М. Моджеевска-Свигульска (ред.). – Краков, 2005.
7. Галдова, А. Избранные проблемы по психологии личности / А. Галдова. – Краков, 1999.
8. Глищиньска, К. Конкретность и неопределённость чувства контроля / К. Глищиньска // Психологический обзор. – 1990. – Т. 31, № 1. – С. 169.
9. Хильгард, Э. Введение в психологию / Э. Хильдгард. – Варшава, 1972.
10. Метцель, Г. Психология образования / Г. Метцель. – Гданьск, 2002.
11. Островска, К. Психологические детерминанты преступности несовершеннолетних. Криминологический анализ / К. Островска. – Варшава, 1981.
12. Rotter, J.B. Internal Versus External Control of Reinforcement / J.B. Rotter // American Psychologist. – 1990. – № 45.
13. Rotter, J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J.B. Rotter // Psychological Monographs: General and Applied. – 1966.
14. Соколовска, И. Предположения и выборы и убеждение в собственном контроле / И. Соколовска. – Варшава, 1993.
15. Шмигельска, Б. Шкала чувства контроля у детей дошкольного возраста SPK – DP / Б. Шмигельска. – Варшава, 1996.

Malgozhata Gloskovska-Soldatov. Sense of Control among Children in Early School Age

The text refers to a sense of control as one of the factors influencing motivation to learn. Theoretical considerations relate to internal and external control as a result of the subjective perception of the relationship between the effects and operation of its own, or the external factors. The study presents a characteristic of a sense of control among children in early school age.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.06.2013

УДК 331.101.262:332.01

З. Цекановский, Т. Силюк

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены понятия «регион» и «развитие», определены причины региональной дифференциации и роль инвестиций в региональном развитии. Выделены эндогенные и экзогенные факторы регионального развития, среди которых отмечается ведущая роль человеческого капитала. Акцентируется внимание на характеристике современных подходов к управлению человеческим капиталом (на примере моделей Мичиганского и Гарвардского университетов). Выявлены преимущества и недостатки инвестирования в человеческий капитал. Подчеркивается необходимость целенаправленной и системной работы региональных органов власти в сфере развития человеческого капитала.

Введение

XXI век изобилует динамическими изменениями в рамках мировой экономики. В настоящее время региональное развитие является одной из основных целей всех государств. Используя ресурсы отдельных регионов, государственные органы обеспечивают экономический рост всей страны. Политика развития и, соответственно, целенаправленный план деятельности создают основу для эффективно функционирующей всей системы государства. Сегодня самым важным элементом регионального развития является человеческий капитал. Впервые в XIX в. роль человеческого капитала отметил Гарри С. Беккер. С тех пор все исследователи считают, что это самый важный ресурс страны. Деятельность человека с древнейших времен отождествляется с развитием. За несколько тысяч лет жизнь человека в корне изменилась: от попыток добычи огня, через создание колеса, до отправки человека на Луну. Потенциал, заложенный в человеческих ресурсах, показывает, какую роль они играют в развитии любой сферы жизни. Увеличение человеческого капитала приносит значительные положительные эффекты. Поэтому развивающиеся и развитые страны инвестируют в данный фактор. Строительство школ в Африке, а также модернизация большого адронного коллайдера являются примерами такого инвестирования, хотя и реализуются на разных уровнях сложности. Увеличение при этом человеческого капитала означает рост возможностей для всей экономики. Поэтому значение человеческого капитала в развитии региона, страны и даже континента огромно.

Региональное развитие

Понятие «регион» трактуется как отдельная область, имеющая четко определенные и характерные черты [1, с. 9]. Одно из самых популярных определений регионального развития дал Казимир Куциньский в книге «Предпринимательство и региональное развитие в Польше». По его мнению, «региональное развитие зависит от многих переменных, но прежде всего это процесс, основанный на трансформации факторов и региональных ресурсов в товары и услуги, который служит повышению уровня различных аспектов жизни населения, а также является основным условием роста экономики всей страны» [2, с. 54–55]. Значение регионального развития в современном мире огромно. Крупные промышленные и технологические области, например, американская Кремниевая долина, немецкая Рурская область или индийская Damodar, объединяет одна особенность: их региональное развитие. Районы, имеющие наибольшее количество добывающих, промышленных и технологических центров, развиваются значительно быстрее, чем другие. Расширение инфраструктуры, сферы образовательных и научных ус-

луг – примеры позитивных изменений в данных регионах. Это обусловлено экономическим потенциалом данных областей, т.е. наличием природных ресурсов, промышленности, а также человеческим капиталом. Местные власти не могут повлиять на размещение природных ресурсов в регионе. Полезные ископаемые, такие как каменный уголь, железная руда, медь и, прежде всего, нефть, размещены случайным образом по всему земному шару независимо от потребностей стран и регионов. Данное положение вещей местные власти не способны изменить. Однако отсутствие месторождений полезных ископаемых не перечеркивает шансов на развитие региона. Такой регион может стать ведущим в области тяжелой промышленности, технологий, производства и услуг. Наиболее важным фактором, который обуславливает такую возможность для региона, является человеческий капитал. Регионы, бедные природными ресурсами, посредством инвестирования в человеческий капитал становятся конкурентоспособными. Повышение значимости человеческого фактора приводит к развитию всего региона, как и в случае обнаружения там золота или нефти. Многие ученые именно данный фактор считают наиважнейшим ресурсом. В то время, когда технологии доминируют во всех сферах, увеличивается спрос на человеческий капитал. Сегодня предприятия ищут не людей, работающих физически, как это было много лет назад, а, в первую очередь, работающих умственно. Экономике развитых и большинства развивающихся стран увеличивают рыночную долю сектора услуг, эта же тенденция характерна и для спроса на человеческий капитал. Благодаря этому регионы, в прошлом нищие из-за отсутствия доступа к месторождениям полезных ископаемых, посредством развития человеческого капитала могут подняться на новые высоты и сделать так, что другие регионы будут зависеть от его деятельности.

Предприятие является самым важным субъектом в регионе. Местные власти полагают определенными инструментами, оказывающими влияние на региональное развитие. Однако главную роль играют местные предприятия, поскольку их инвестиции являются наиболее важным элементом в развитии региона. Именно предприятия, стремясь увеличить доходы, инвестируют свой капитал в развитие человеческих ресурсов путем организации многочисленных тренингов и семинаров, которые способствуют росту компании. Уже в XIX в. Петер Друкер, один из крупнейших специалистов в сфере управления, сформулировал семь характеристик управления и отметил, что «люди являются самым важным ресурсом организации» [3]. Это утверждение отражает прямую зависимость между региональным развитием и человеческим капиталом.

В эпоху капитализма развитие как региона, так и всего государства невозможно без частных инвесторов и предпринимателей. Это они, инвестируя в человеческий капитал, в сущности, обеспечивают улучшение качества жизни жителей региона. Фирмы и предприниматели производят значительную часть валового регионального продукта (ВРП). Огромное влияние, которое они оказывают на экономику, позволяет предприятиям пользоваться многочисленными местными льготами. Наличие значительных льгот в регионах дает им определенные преимущества.

Значительное место в региональном развитии занимает политика занятости. Безработица в Польше составляет 14,3% (по состоянию на март 2013 г.). Многие люди хотят работать, но для них нет свободных рабочих мест. В некоторых воеводствах, например, Варминско-Мазурском, Подляском и некоторых других, уровень безработицы еще более высокий. Там идет жесткая борьба за получение работы, потому что людям нужно выживать и обеспечивать свои семьи. Поэтому создание на таких территориях предприятий и рабочих мест является спасением, а также стимулом для достижения уровня

жизни, как в более зажиточных регионах Польши и во всей Европе. Кроме того, в условиях высокого уровня безработицы можно наблюдать рост преданности и благодарности работника по отношению к работодателю.

Внешние и внутренние инвестиции могут кардинально изменить сложную экономическую ситуацию в регионах. Местные власти не могут игнорировать имеющихся проблем. Поскольку человеческий капитал имеет огромное влияние на развитие региона, действия властей должны быть сосредоточены в данном направлении. Органы местного самоуправления посредством использования различных инструментов могут заинтересовать потенциальных инвесторов и тем самым изменить экономическое положение в своих регионах. Предприниматели, инвестируя деньги в такие регионы, не только выплачивают заработную плату работникам, но и развивают человеческий капитал, предлагая людям обучение, и, следовательно, повышают их стоимость на рынке труда. Обеспечение доступности для инвестиций и привлечение предпринимателей для ведения бизнеса на территории региона является одним из путей регионального развития. Местные власти должны помнить о важности предпринимательства в процессах развития. Благодаря сотрудничеству с частным бизнесом, проводимой политике открытости, они могут получать большие прибыли, при этом главным субъектом развития преимущественно будет сам человек.

На развитие каждого региона влияют различные факторы. Определить те из них, которые могут положительно или негативно влиять на будущее данного региона и его жителей, – это цель местной власти. Правильно определенный фактор и инвестиции в него способствуют улучшению ситуации в функционировании региона и продолжении его развития. Важным аспектом такого выбора является подробный анализ потребностей предприятий, а также ресурсов, имеющихся в распоряжении данного региона. Факторы, влияющие на деятельность территории, делятся на экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние). Во многих случаях они переплетаются, их трудно разделить. Эндогенные факторы – это собственные ресурсы региона, а экзогенные факторы – ресурсы, которые привлекаются в данный регион из других областей. К важнейшим эндогенным факторам относятся:

- 1) структура экономики региона (особое значение имеет сектор сферы услуг);
- 2) инновационность данного региона, включающая в себя внедрение технологий и создание благодаря им современных продуктов и услуг, а также совершенствование производственных процессов;
- 3) доступность капитала и финансовая поддержка инвестиций, наличие инвестиционных фондов;
- 4) инфраструктура, которая создает условия для развития региона и включает в себя сферу образования, коммуникации, дороги и т.п.;
- 5) человеческий капитал, являющийся важнейшим условием развития и включающий в себя всех жителей региона, обогащенных определенными знаниями и умениями, и оказывающий влияние на каждый из вышеназванных факторов [2, с. 177–178].

Наиболее важными экзогенными факторами являются:

- 1) приток инвестиционного капитала, достижений технологического прогресса, а также новых технологий из другого региона в тот, где они будут использованы;
- 2) внешний спрос на продукцию и услуги региона;
- 3) внешние прямые инвестиции – денежные средства от инвестора на определенные им цели, которые будут реализованы в данном регионе [2, с. 180].

Наибольшее значение из всех вышеперечисленных факторов в региональном развитии имеет человеческий капитал, который можно определить как совокупность ресурсов, знаний, навыков, инновационности и способностей отдельных работников предприятия и региона для эффективного выполнения задач. Также он включает в себя ценности предприятия и региона, организационную культуру и философию [4, с. 17].

Показателями человеческого капитала являются:

- 1) набор сотрудников, имеющих потенциал для развития;
- 2) система управления персоналом, направленная на укрепление сотрудничества и кооперации работников;
- 3) инвестиции в развитие сотрудника;
- 4) создание и укрепление связей между сотрудником, компанией и регионом.

Теория человеческого капитала предполагает, что различия в размере заработной платы объясняются увеличением производительности труда, обусловленной более высоким уровнем развития человеческого капитала. Это показывает преимущества роста человеческого капитала. Сотрудники, развивая свои навыки и знания, могут рассчитывать на более высокую зарплату, но при этом получают ее за более эффективную работу, что отражается и на прибыли предприятий. Известно, что рост благосостояния жителей региона происходит в результате его развития. Чем богаче люди, проживающие в пределах данной области, тем большими финансовыми средствами местные органы власти смогут воспользоваться. На это также влияет налоговая система, от которой зависит, в каком объеме отчисляются средства, возвращающиеся потом косвенно в виде многочисленных инвестиций, повышения экономической безопасности и в целом способствующие повышению уровня жизни. Поэтому значение человеческого капитала в развитии региона так важно.

Значение человеческого капитала

Человеческие ресурсы влияют на рост конкурентоспособности не только предприятий, но и всего региона. Человеческий фактор как основной элемент регионального развития может оказать положительное влияние на изменение общей ситуации на определенной территории. Человеческий капитал влияет на привлекательность региона и притягивает новых инвесторов. В таком случае создается устойчивая причинно-следственная связь, которая отражает увеличение доступа к капиталу и финансовой поддержке, улучшение структуры экономики региона, что проявляется в строительстве и модернизации инфраструктуры. Человеческий фактор посредством роста интереса инвесторов обеспечивает региону постоянное развитие, потому что когда обладатели денежных средств готовы направить их на улучшение инфраструктуры, то целью местных властей становится перенаправление части этих сумм на строительство университетских центров и научных баз. Благодаря этим действиям человеческий капитал растет одновременно с ростом денежного потока и уровня инфраструктуры.

Наличие или отсутствие необходимого количества и качества человеческого капитала является одной из причин региональной дифференциации. Лица, занимающиеся планированием развития, имеют значительные возможности при определении целей политики регионального развития и контроля и за их выполнением. Важным элементом развития человеческого капитала, а следовательно, и развития всего региона, является его окружение, т.е. социальный капитал и особенности его организации. К социальному капиталу относятся социальные институты жителей данного региона, такие как доверие, нормы и связи, социальные навыки, делающие возможным сотрудничество. Эти

социальные факторы повышают общественную эффективность и уменьшают затраты на осуществление транзакций (деловых операций), так как сотрудникам не нужно проверять действия и информацию, которые касаются их должностей. Существует тесная связь между социальным капиталом и традициями, экономической культурой региона [5, с. 94]. Граждане должны понимать, что инновации и увеличение их объема способствуют экономическому росту, и, следовательно, улучшению жизни жителей данного региона. Привлеченные инвестиции увеличивают число рабочих мест и возможности для развития персонала. Конкурентоспособность региона зависит в значительной степени от благосклонности общества по отношению к инновациям. Если люди противятся новым инвестициям, то действуют себе в ущерб, поскольку косвенно снижают привлекательность своего региона для других инвесторов.

Крупные компании заботятся не только об условиях работы, обучении и медицинском обслуживании своих работников, но также строят инфраструктурные объекты. Ярким примером, подтверждающим значение данного фактора в сочетании с человеческим капиталом, является развитие районов крупных фабрик и шахт. Предприниматели, обеспечивая соответствующие условия труда и обучения, улучшая уровень жизни своих сотрудников, заботятся о своих интересах, потому что мотивация и благополучие сотрудников влияют на рост производства и продуцирование новых идей. Это происходит потому, что социальный капитал в значительной мере влияет на человеческий капитал. И наоборот, отсутствие развития может привести к отрицательным эффектам, в т.ч. к снижению технологического уровня по сравнению с современными стандартами.

Использование потенциала человеческого капитала возможно только тогда, когда имеется соответствующая научно-исследовательская база и физический капитал. Без специализированных лабораторий и средств на научные исследования развитие региона невозможно. Инновации влияют на развитие региона, потому что компании, создавая современные продукты и услуги, повышают свой доход, часть которого идет на новые инвестиции, увеличивая занятость [6, с. 132–135]. Последствия роста инноваций в экономике трудно переоценить. Ведь всего одна идея и ее реализация могут обеспечить благосостояние общества в целом на много лет. Обязанностью местных властей является направление инвестиций в научную, научно-исследовательскую и образовательную сферы, что впоследствии повлияет на рост инноваций. Органы местного самоуправления не должны забывать о влиянии других факторов на человеческий капитал. Инвестиции в инфраструктуру не только повышают уровень жизни населения, но также способствуют развитию человеческого капитала посредством поощрения предпринимателей к инвестированию на данной территории. Бизнесмены, создавая компании в регионе, чаще всего нанимают на работу людей, проживающих в окрестностях. Занятость и получение вознаграждения за труд – только первичные преимущества, ведь предприниматели и регион, в котором они ведут бизнес, желают дальнейшего развития, а лучший способ развития – это инвестиции в человеческий капитал. Компаниям, повышающим квалификацию своих сотрудников посредством организации различных тренингов и семинаров, открываются новые возможности. В итоге жители региона получают деньги на содержание семьи, а также знания, опыт и навыки, повышающие их стоимость на рынке труда.

Преимущества развития человеческого капитала

Получение преимуществ от инвестиций в человеческий капитал и их положительное влияние на поступательное развитие региона должны рассматриваться как ос-

новные направления в региональной политике. Решительное стремление властей к достижению такой всеобъемлющей цели, какой является развитие человеческого капитала, а следовательно, и всего региона в целом, приносит огромные преимущества. Причем это касается не только аспекта инновационности региона, но и самого процесса производства. Такими преимуществами являются повышение эффективности и производительности человеческих ресурсов, которые приводят к расширению возможностей региона, что, в свою очередь, способствует улучшению жизни населения.

Согласно теории Кобба–Дугласа, производительность инвестированного капитала имеет значительное влияние на потоки финансов. Средства перемещаются из регионов с более высоким уровнем развития, где факторы производства полностью использованы, в регионы, которые менее развиты. Целесообразность такого перемещения капиталов определяется ценой факторов производства. Чем ниже затраты на инвестиции, тем конкурентоспособность и возможная прибыль выше [7, с. 25–28]. Однако низкая стоимость факторов производства в слаборазвитых или развивающихся странах обусловлена отсутствием соответствующего человеческого капитала. И наоборот, развитые регионы могут поощрять предприятия к финансированию новых проектов на их территории посредством имеющегося человеческого капитала. Компании направляют туда исследовательские и творческие группы, которые в настоящее время имеют значительное финансирование. Более того, производство, требующее высокой квалификации работников, не может быть организовано в слаборазвитых странах. Это связано с тем, что стоимость труда там хотя и ниже, но работники недостаточно подготовлены технологически, поэтому их труд малоэффективен. Ярким примером такого положения являются такие страны, как Китай, Тайвань и некоторые страны Африки, где работники выполняют большую часть работы исключительно вручную с помощью примитивных средств труда, что малоэффективно. Поэтому там создают фирмы по пошиву одежды, обуви и другой продукции с низкой степенью сложности производства. Зато развитые регионы, где есть квалифицированные работники, являются просто спасением для современных компаний, нуждающихся в новых технологиях и специализированном оборудовании для производства. Примерами таких компаний являются предприятия, производящие миниатюрные детали для электронных устройств (Intel, Dell), а также передовую военную технику и автомобили. О скрытом потенциале в развитии человеческого капитала говорит тот факт, что ежегодно США тратят почти треть своего дохода (1,62 триллиона долл.) на создание и внедрение новых технологий. Этот пример показывает, насколько большой рынок могут получить регионы с высокоразвитым человеческим капиталом.

Деятельность местных властей может принимать различные формы поддержки и управления развитием человеческого капитала в регионе. С этой целью могут быть использованы финансовые инструменты и налоговые льготы. Такая политика региона привлекательна для предприятий любого размера. Для малых и средних компаний это большой шанс для роста их конкурентоспособности [5, с. 95]. А инвестирующие в данном регионе промышленные гиганты могут существенно сократить свои расходы. Как уже упоминалось выше, предприятия, инвестирующие в регион, увеличивая прибыль, выделяют средства на здравоохранение, образование, благотворительность и создание инфраструктуры. В свою очередь, местные власти путем отказа в данный период от части прибыли способствуют наращиванию человеческого капитала, и, как показывает практика, такое решение оправдывается в будущем. Кроме снижения налогов, власти региона могут уменьшить стоимость аренды земли или плату за другие объекты недвижимости. Эффект такой политики дает преимущества в будущем, когда человеческий

капитал будет обогащен новыми знаниями и навыками. Когда же со временем конкурентоспособность региона возрастет, то станет не нужным использование стимулов в виде отказа от части доходов (налогов и аренды). Новые компании, отмечая наличие в регионе научно-исследовательских учреждений, будут стремиться к использованию его преимуществ и размещению здесь своих филиалов.

Каждая эффективно функционирующая организация имеет соответствующее управление. В настоящее время способ управления и видение будущих целей является одним из основных признаков хорошего предприятия. Сегодня менеджеры играют роль оракула и вождя в одном лице. Принимая решения о направлении развития, они влияют на достижение поставленных целей через управление имеющимися человеческими ресурсами. Власти региона должны ориентироваться на такие личности, как Билл Гейтс, Мэг Уитмен, Майкл Делл и Карлос Гон. Последний из них получил звание «менеджера года» по оценкам журнала «Таймс». Его точные решения позволили компании «Nissan» выйти из кризисной ситуации, отягощенной многомиллионными долгами. Органы местного самоуправления, конечно, не имеют возможностей нанимать известных топ-менеджеров, но для того, чтобы обеспечить развитие региона, они должны приложить усилия и правильно направлять имеющийся человеческий капитал, помогать эффективно управлять им. Соответствующее управление человеческими ресурсами в регионе способствует экономии человеческого капитала.

Эффективные принципы управления региональным развитием основаны на тех же принципах, что и управление временем. Четкое планирование и равномерное распределение во времени своих задач позволяет решать проблемы более эффективно. Управление человеческим капиталом относится не только к аспекту управления людьми, но и к управлению деньгами, предназначенными для развития человеческих ресурсов. Определение потребностей рынка в человеческих ресурсах и восполнение пробелов в их компетентности повышают конкурентоспособность региона. Такие задачи решают менеджеры, работающие в сферах, отвечающих за развитие.

Администрация компании, работающей в регионе, должна помнить о нескольких типах управления человеческими ресурсами. А органы местного самоуправления, заботясь о благосостоянии сотрудников и жителей региона, должны поощрять предприятия к максимальному использованию человеческого капитала своих граждан. В современной науке управления одним из важнейших этапов в развитии считается подбор штатных сотрудников. Он определяется как стратегический, однородный и согласованный метод управления самым ценным из капиталов любой организации – людьми, которые личными и общими усилиями способствуют реализации всех поставленных организацией целей и тем самым укрепляют ее конкурентное преимущество [8, с. 14]. Именно во время выбора будущих сотрудников происходит поиск талантливых людей, выделяющихся своими достижениями и способностями. Это очень важный элемент в управлении человеческими ресурсами, так как прием на работу людей, недостаточно честолюбивых или медленно обучающихся и адаптирующихся в организации, негативно отражается на финансовом положении предприятия. Местные власти через инвестиции в человеческий капитал, способствуют тому, что регион становится экономически более привлекательным, что повышает уровень занятости. Работа в развивающейся компании обогащает как самих сотрудников, так и их окружение, весь регион в целом. Если в компании отмечают, что на данной территории встречаются люди, выделяющиеся своими навыками и знаниями, то чаще всего для работы привлекают именно их.

В современных подходах к управлению человеческим капиталом существуют две основные теории:

1. Модель Мичиганского университета, которая предложила революционные методы в управлении человеческими ресурсами. В данной модели можно выделить четыре основные функции управления человеческим капиталом: подбор персонала, оценка результатов работы, награждение сотрудников и их развитие [9, с. 14].

2. Модель Гарвардского университета, в рамках которой выделяются четыре основных сегмента управления человеческим капиталом: участие сотрудников, мобильность персонала (прием, перемещение и увольнение), система поощрений (стимулы, заработная плата, доли), организация труда (структуризация труда) [9, с. 15].

Преимущества от инвестирования в человеческий капитал так же важны, как и недостатки, которые возникают из-за отсутствия таких инвестиций. Одним из самых главных недостатков является снижение цены фактора труда в данном регионе, что, в свою очередь, тесно связано с падением уровня заработной платы. В течение последних нескольких лет в регионах преобладает тенденция роста цен и снижения зарплат, что приводит к снижению жизненного уровня населения. Данный эффект вызван недостаточными инвестициями в человеческие ресурсы, что ухудшает ситуацию в обществе. Лучшей иллюстрацией этого является пример двух соседних регионов, один из которых инвестирует в человеческий капитал, а другой – нет. Допуская, что оба региона располагают одинаковыми ресурсами и научно-исследовательскими учреждениями, можно утверждать, что в долгосрочной перспективе ситуация на территории, где инвестируют средства в человеческие ресурсы, улучшится, несмотря на то, что человеческие ресурсы будут дороже, чем в соседнем регионе. Заработная плата в первом регионе будет расти, а во втором сохранится на неизменном уровне. Учитывая ситуацию в экономике и повышение цен на товары и услуги, индикаторы благосостояния потребителей первого региона будут гораздо выше, чем в тех областях, где не инвестируют в человеческий капитал. Еще один недостаток – это «закрытие» региона от возможностей развития. Этот недостаток приводит к уменьшению конкурентоспособности региона и отсутствию потенциала для динамичного развития. Все возможности человека сложно определить, но имеющийся потенциал для развития чаще всего выражается в реализации крупных и очень амбициозных целей. Одна инновация может кардинально изменить ситуацию не только в одной компании, но и во всем регионе.

В настоящее время предприятия в разных странах имеют огромные возможности для развития человеческого капитала. Возникает все больше компаний, предметом деятельности которых является организация мастер-классов, семинаров и тренингов. Большой выбор предложений обеспечивает реализацию политики в области развития. Наиболее приемлемые для Польши – это программы Европейского Союза (Программа «Человеческий капитал»; отдельные проекты регионального развития, такие как «Восточная Польша», цель которой – развитие восточной части Польши посредством инвестиций в человеческий капитал). Благодаря подобным программам предприятия и местные власти, используя средства, достигающие 2,5 млрд евро, могут продолжать финансировать свое развитие [10, с. 19–23].

В настоящее время содействие развитию человеческого капитала стало обязанностью местных органов власти. Многочисленные рекламные ролики, показывающие реализацию программ ЕС, помогают жителям понять то, что они видят каждый день. Темп жизни людей увеличивается, они все больше работают, все меньше времени остается на осмысление происходящих вокруг изменений. Путешествуя новыми поездами, пользу-

ясь автомагістралямі або наведаючы прыватны ўніверсітэт, людзі, як правіла, не задумваюцца аб тым, як гэта было раней, адкуль з'явіліся грошы на гэтыя дабрачыні. Популярызацыя дзейнасці, накіраванай на развіццё рэгіёнаў, дазваляе людзям бачыць тэ магчымасці, якія выцякаюць з удзелу Польшчы ў праектах і праграмах ЕС. Гэта стала магчымым з 1 мая 2004 г., калі інфармацыйныя стэнды фондаў ЕС, размешчаныя ў агульных месцах, на будынках офісаў кампаній, дэманструюць магчымасці, якія існуюць у наш час. Мэтаю такой візуалізацыі з'яўляецца напамінаць кожнаму грамадзяніну, што ўсё сёння залежыць толькі ад яго. Такія апраўданні, як недастаток капітала і адсутнасць магчымасцей, у наш час з'яўляюцца неаб'яўжанымі [11, с. 189–195]. Злейшы вораг любога эканамічнага суб'екта – адсутнасць развіцця. Таму канцэнтрацыя ўвагі на развіццё чалавечага капітала як найбольш важнага фактара рэгіянальнага развіцця з'яўляецца вельмі важным. Местныя ўлады павінны шырока інфармаваць жыхароў рэгіяна аб рэалізацыі новых інвестыцыйных праектаў і выкарыстанні грошай падатчыкаў, паказваючы мноства магчымасцей і шансаў для развіцця асобы.

Заклученне

Падводзячы вынікі, можна адзначыць, што ўплыў чалавечага капітала на рэгіянальнае развіццё з'яўляецца вельмі значным, можна нават сказаць, неацэнным. Развітыя чалавечыя рэсурсы забяспечваюць эканамічны рост рэгіяна. Чалавечы капітал рэгіяна прыцягвае інвестараў, якія, размешчваючы свае сродкі, спрыяюць яго развіццю. Інвестары косвенна павышаюць узровень жыцця грамадства праз павелічэнне зарплат, абумоўленага павышэннем кваліфікацыі, майстар-класамі і тренінгамі, якія абгаджаюць навыкі і веды мясціных жыхароў. В выніку узровень жыцця ўсяго грамадства павышаецца. Рэгіянальнае развіццё як асноўная мэта большасці дзяржаў прыводзіць да жорсткай барацьбы за інавацыі і канкурэнтаздольнасць рэгіяна. Імітацыя вялікіх прамысловых цэнтраў, такіх як Рурская вобласць або Сілікоўная даліна, з'яўляецца вельмі важным для атрымання станоўчых вынікаў. Найбольш відавочныя поспехі ў развіццю тэх рэгіянаў, дзе ёсць падобныя прамысловыя і тэхналагічныя цэнтры, здольныя стаць эпіцэнтрам маштабнай працы. Пашырэнне інфраструктуры, рост адукацыйных і медыцынскіх паслуг, а таксама іншыя фактары, павышаючыя узровень благасостаяння рэгіяна, з'яўляюцца стымулам да развіцця. Таму адсутнасць прыродных рэсурсаў не можа быць прычынай, побуждаючай мясціныя ўлады здавацца. Завсёды ёсць альтэрнатыва, і ў гэтым выпадку – гэта чалавечы капітал. Не трэба забываць аб важнасці прадпрымальнасці для развіцця чалавечага капітала ў рэгіяне. Прадпрымальнікі, інвестуючы, павялічваюць чалавечы капітал рэгіяна, чым сутэсна ўплываюць на эканамічную сістэму, таму што нівелююць безработніцу. Праз рэалізацыю цэленакіраванай палітыкі рэгіянальнага развіцця мясціныя ўлады павінны паахрыць арганізацыю перасялення безработных з пераабудаваных у пераабудаваныя вобласці. Улічваючы маштаб пераваг ад развіцця бізнесу ў рэгіяне, мясціныя органы ўлады павінны клапаціцца аб гаспадарчых суб'ектах, побуждаць іх да інвестыцый, выкарыстоўваючы наяўныя ў іх уладанні фінансавыя інструменты і льготы. Вялікае значэнне ў доўгасрочнай перспектыве маюць чётка вызначаныя мэта палітыкі рэгіянальнага развіцця. Эфектыўнае кіраванне прадпрымальнасцю і цэлымі тэрыторыямі не будзе прыводзіць да страт чалавечага капітала. Мясціныя ўлады павінны стымуляваць развіццё чалавечага капітала. Наблюдая за іх дзеяннямі, жыхары ўзнаюць

о реализации разнообразных проектов, направленных на региональное развитие, а также отмечают возможные преимущества от участия в них. В настоящее время человеческий капитал играет важную роль в развитии региона. Один человек или одна идея могут кардинально изменить положение всего общества. Поэтому власти, инвестируя в человеческие ресурсы, способствуют качественным изменениям к лучшему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Szymba, Z. Determinanty rozwoju regionalnego / Z. Szymba. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2000. – 127 s.
2. Kuciński, K. Przedsiębiorczość a rozwój regionalny w Polsce / K. Kuciński. – Warszawa : Difin, 2010. – 188 s.
3. Griffin, R.W. Podstawy zarządzania organizacjami / R.W. Griffin. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1996. – 243 s.
4. Edvinsson, L. Kapitał intelektualny / L. Edvinsson. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 2001. – 250 s.
5. Kamińska, A. Regionalne determinanty rozwoju małych i średnich przedsiębiorstw / A. Kamińska. – Warszawa : Difin, 2011. – 196 s.
6. Jałowiecki, B. Rozwój lokalny i regionalny / B. Jałowiecki, M. Szczepański, G. Gorzelak. – Tychy : Wyd-wo WSZiNS, 2007. – 256 s.
7. Czarny, E. Makroekonomia / E. Czarny, E. Nojszewska. – Warszawa : Polskie Wyd-wo Ekonomiczne, 2000. – 334 s.
8. Armstrong, M. Zarządzanie Zasobami Ludzkimi: strategia i działanie / M. Armstrong. – Kraków : Wyd-wo Profesjonalnej Szkoły Biznesu, 1996. – 212 s.
9. Poczowski, A. Zarządzanie Zasobami ludzkimi / A. Poczowski. – Wrocław : Wyd-wo Akademii Ekonomicznej w Krakowie, 1996. – 237 s.
10. Kudrycka, I. Wpływ funduszy unijnych na wzrost gospodarczy rozwoju regionalnego w Polsce / I. Kudrycka. – Warszawa : Skrytorium, 2009. – 169 s.
11. Kozusznik, B. Kapitał ludzki w dobie integracji i globalizacji / B. Kozusznik. – Warszawa : CEDEWU, 2009. – 268 s.

Tsekanovski Z., Silyuk T. Human Capital Assets as a Factor of Regional Development

The notions «region» and «development» are considered in the article, the reasons for regional differentiation and the role of investments in the regional development are defined. Endogen and exogenous factors of regional development, among which the main role of human capital assets is distinguished, are emphasized. The attention is paid to the characteristics of contemporary approaches to the management of human capital assets (on the example of Michigan and Harvard universities' models). The advantages and disadvantages of the investment to human capital assets are revealed. The necessity of goal-oriented and systematic work of regional power bodies in the sphere of the development of human capital assets is underlined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2013

УДК 338.2

О.Я.Седель, А.В. Шкорупа

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Актуальность статьи обуславливает тот факт, что конечные результаты экономических преобразований оцениваются не только по критериям макро- и микроэкономической стабилизации, но и по тем реальным изменениям, которые непосредственно происходят в уровне материального и духовного благосостояния людей. Осуществляемые преобразования, связанные с формированием рыночных отношений, актуализацией вопросов регулирования социально-экономических процессов, в рамках которых особое значение приобретают проблемы регулирования доходов населения, обеспечивающие рост его благосостояния.

Введение

На начальном этапе коренных экономических преобразований в бывших республиках СССР заметно снизилась роль государства в регулировании социально-экономических процессов. В итоге происходило резкое падение реальных доходов населения, рост бедности, наблюдалась резкая отраслевая и территориальная дифференциация в уровне доходов населения, снижалась роль благосостояния людей и т.п. Следовательно, механизм регулирования доходов населения является необходимым условием успешного функционирования экономики государства. Доходы членов общества являются важнейшим фактором благосостояния, т.к. определяют возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Причем государство призвано способствовать усилиям человека по обеспечению его благосостояния, в основе которого лежит получение стабильно высоких доходов.

Регулирование доходов населения осуществляется в тесной увязке со сводными макроэкономическими показателями и в частности с валовым внутренним продуктом (ВВП). Расчет ВВП на душу населения позволяет дать самую общую характеристику уровня жизни населения, а также отразить состояние и развитие экономики.

Таблица 1 – Валовой внутренний продукт на душу населения (2009–2011 гг.)

Валовой внутренний продукт	2009	2010	2011
В текущих ценах, млрд руб.	137 442	164 476	274 282
В сопоставимых ценах, % к предыдущему году	110,2	107,7	105,3
ВВП на душу населения, тыс. руб.	14 456	17 331	28 953

Наблюдается тенденция роста ВВП на душу населения, что положительно сказывается на развитии экономики. Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения в Республике Беларусь за период с 2009–2011 гг. показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Доходы населения Республики Беларусь (2009–2011 гг.)

Статья дохода	2009	2010	2011
Денежные доходы на душу населения, тыс. руб. в месяц	766,1	952,4	1457,7
Реальные денежные доходы, % к предыдущему году	102,7	115,1	99,7
Реальные располагаемые денежные доходы, % к предыдущему году	103,7	114,8	98,9

Продолжение таблицы 2

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника, тыс. руб.	981,6	1217,3	1899,8
Реальная заработная плата, % к предыдущему году	100,1	115,0	101,9
Средний размер назначенных пенсий (на конец года), тыс. руб.	429,5	584,7	940,4
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	100,2	123,9	77,1

Из таблицы 2 видно, что денежные доходы в расчете на душу населения в 2011 г. по сравнению с 2009 г. возросли почти в 2 раза (на 90,3%). Но из общей картины структуры доходов вытекает, что реальные денежные доходы и реальные располагаемые доходы, реальный размер назначенных пенсий снизились, что негативно сказывалось на благосостоянии населения.

Задачей первоочередной важности при регулировании доходов населения является выработка мер воздействия на процессы образования доходов, их использования, покупательскую способность и распределение доходов между различными группами населения. В системе государственного регулирования доходов населения в условиях формирования рыночных отношений центральное место занимает социально справедливое распределение доходов. Рынок не обеспечивает социальной справедливости в обществе, а, наоборот, способствует углублению социальной дифференциации населения, увеличивает разрыв между богатыми и бедными, и государство берет на себя регулирование распределением доходов. Эта задача решается различными приемами и методами, например, путем вмешательства в функционирование рынка с помощью системы налогов и других платежей. Через механизм налогообложения и государственные расходы на социальное обеспечение все большая часть национального дохода переходит от относительно богатых к относительно бедным. На рисунке 1 представлена кривая распределения доходов населения в Республике Беларусь.

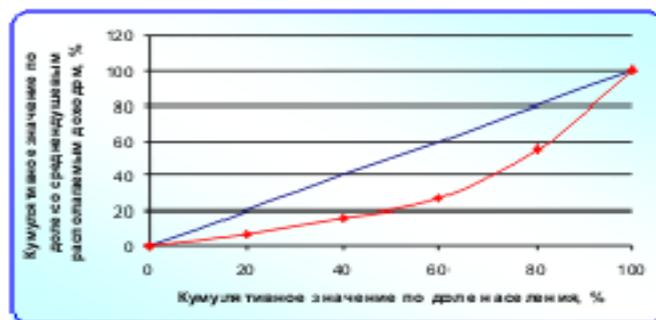

Рисунок 1 – Кривая Лоренца для Республики Беларусь

Рассчитав коэффициент Джини, получаем, что в целом по всей республике он составляет – 0,34, по Брестской области – 0,43, по Витебской – 0,40, по Гомельской – 0,43, по Гродненской – 0,44, по Могилевской – 0,43, по Минской – 0,38, по г. Минску – 0,31. То есть наиболее неравномерно распределены доходы в Гродненской области, а наименьшая степень их дифференциации наблюдается в Минске. В Республике Беларусь данные критерии не превышали установленных пределов, что свидетельствует о достаточно взвешенной социальной политике государства в области распределения доходов. Структура денежных доходов населения Республики Беларусь показана на рисунке 2.

Рисунок 2 – Структура денежных доходов населения Республики Беларусь

Наибольший удельный вес в денежных доходах населения занимает оплата труда, которая призвана выполнять стимулирующую функцию в соответствии с полезностью труда, его качеством и количеством и обеспечивать воспроизводство рабочей силы.

Важная роль в регулировании оплаты труда отводится минимальной заработной плате, выступающей важнейшим социальным нормативом (на октябрь 2012 г. она составляла 1 109,1 тыс. рублей). Государство законодательно устанавливает нижний предел (минимальный размер) заработной платы, которая призвана:

- 1) гарантировать минимальный уровень оплаты труда;
- 2) обеспечивать воспроизводство рабочей силы;
- 3) служить исходной величиной для дифференциации оплаты труда в зависимости от его сложности, квалификации работающего, условий и сферы приложения труда, а также при заключении договоров между наемными работниками и работодателями.

В доходах населения значительную долю занимают социальные трансферты, основу которых составляют пенсии и пособия. При формировании социальных трансфертов определяются их общие объемы, среднедушевые уровни, контингент получателей.

Что касается иных источников доходов населения, то, например, доходы от предпринимательской деятельности в 2011 г. составили 10,6%, что указывает на спад этого вида дохода в структуре доходов населения.

Государственное регулирование доходов населения предполагает также расчет их покупательской способности, которая, по сути, и отражает реальное содержание доходов. Покупательная способность показывает, какое количество конкретных продовольственных и непродовольственных товаров можно приобрести в конкретный период времени на каждый вид дохода. Покупательную способность доходов населения определяют посредством фиксированного набора товаров и услуг.

Таблица 3 – Реальная покупательная способность заработной платы рабочих и служащих

Наименование продукта	Декабрь 2010 г.	Май 2011 г.
Хлеб ржано-пшеничный, кг	885	817
Свинина, кг	138	122
Мясо птицы, кг	183	136

Продолжение таблицы 3

Колбаса вареная I сорта, кг	149	138
Рыба мороженая, кг	171	104
Молоко, л	965	901
Масло сливочное, кг	85	77
Масло растительное, л	265	191
Сахар, кг	570	344
Картофель, кг	921	693

Наряду с регулированием доходов населения регулируются и процессы использования доходов. В этих целях государство предпринимает меры воздействия на объемы, динамику, структуру расходов и сбережений населения. Расходы населения связаны с покупкой товаров по всем каналам их реализации, оплатой услуг и другими расходами (квартирная плата, платежи за коммунальные услуги, оплата бытовых услуг и т.п.), обязательными платежами и добровольными взносами, денежными сбережениями. Структура расходов населения в целом зависит от величины дохода, уровня цен и от потребностей членов домашних хозяйств. С повышением уровня доходов сокращается доля средств, направленных на приобретение жизненно необходимых товаров.

Заключение

Вмешательство государства в доходно-расходную сферу жизни общества должно осуществляться в оптимальных размерах. Выравнивание доходов, признанное необходимым в силу целого ряда причин, может привести к сокращению эффективности экономики в результате чрезмерного роста налогов и, как следствие, подрыву стимулов к предпринимательству, инвестициям, а также снижению стимулов к труду у самих получателей трансфертных выплат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственное регулирование экономики : учебник / Н.Б. Антонова – Минск : Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2002. – 775 с.
2. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.belstat.gov.by.

Sedel O.Y., Shcorupa A.V. Government Control of Profits of Population of the Republic of Belarus

Actuality of theme of the article stipulates circumstance that the end-point of economic transformations are estimated not only on criteria macro - and to the microeconomic stabilizing but also on those real changes that directly take place in the level of material and spiritual welfare of people. The carried out transformations related to forming of market relations actualize the questions of adjusting of socio-economic processes, within the framework of that the special value is acquired by problems adjusting of profits of population, providing the height of his welfare.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2013

УДК 334.72

*Д.А. Петрукович, Е.Н. Дубина***ОЦЕНКА СТОИМОСТИ БИЗНЕСА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассмотрены теоретические и методологические основы оценки стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства в Республике Беларусь. Выявлены основные проблемы оценки стоимости бизнеса, предложены способы устранения отдельных проблем и недостатков. Предложены дополнительные требования к оценкам, обеспечивающие удовлетворение принципа наиболее эффективного использования.

Введение

Субъекты малого предпринимательства играют важную роль в социально-экономическом развитии Республики Беларусь. Они способствуют развитию сферы услуг и производства товаров, созданию новых рабочих мест, что приводит к созданию благоприятных условий для повышения инвестиционной активности и придания дополнительной стабильности экономике страны. В последние годы в Республике Беларусь малые предприятия характеризуются высокими темпами роста по основным экономическим показателям, наблюдается значительное увеличение их количества, что неизбежно приводит к активизации рынка продажи готового бизнеса (рисунок).

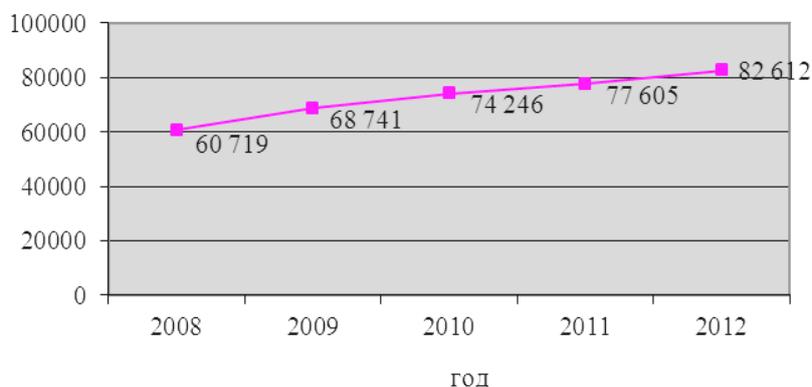

Рисунок – Количество малых предприятий и микроорганизаций на конец года

В условиях современного развития рыночной экономики все более актуальной проблемой становится оценка стоимости бизнеса в процессе его купли-продажи; особую значимость оценка стоимости бизнеса получает в процедурах банкротства и при его ликвидации. Оценка стоимости субъектов малого предпринимательства позволяет определить значимость и успешность предприятия среди конкурентов, а также служит индикатором развития организации. Оценка стоимости бизнеса является одним из рычагов управления и регулирования экономики в макроэкономическом аспекте.

Система оценки стоимости бизнеса

В соответствии с законодательством Республики Беларусь оценка стоимости – это определение стоимости объекта оценки, а оценочная деятельность – это предприни-

мательская деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, связанная с оказанием услуг по проведению независимой оценки [1].

Методологические основы оценки включают принципы оценки, подходы к оценке и методы оценки. Принципы оценки разделены на отдельные группы: 1) принципы, связанные с землей, 2) принципы, связанные с рыночной средой и 3) принципы, связанные с представлениями собственника. Подходы к оценке включают в себя совокупность способов и форм расчетов, сгруппированных по вариантам использования объекта оценки. Методами оценки являются конкретные способы расчета того или иного вида стоимости исследуемого объекта оценки. В работе М.О. Ильина предлагается к рассмотрению еще один принцип – принцип наиболее эффективного использования [5]. Наиболее эффективное использование экономического актива – это использование, выбранное из достаточного числа альтернативных вариантов, рационально оправданных и правомочных, которое юридически допустимо, физически возможно, финансово оправдано, наиболее рентабельно (т.е. дает оптимальные стоимостные результаты, обеспечивает наивысшую текущую стоимость объекта на дату оценки) [5, с. 18]. Этот принцип, по мнению автора, одновременно относится ко всем группам и является продуктом общения всех принципов.

Будем рассматривать реализацию данного принципа в части оценки стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства в Республике Беларусь. Действительно, суть принципа следует отождествить с теми необходимыми задачами, решение которых требуется при оценке стоимости бизнеса рассматриваемых объектов. При этом очевидно, что оценка, удовлетворяющая принципу наиболее эффективного использования, должна обладать свойством предельной определенности (т.е. должен существовать способ определения оптимального значения оценки из перечня альтернативных оценок стоимости бизнеса, найденных различными методами на одну дату или близкие даты оценки), а также свойством устойчивости (устойчивость здесь понимается не как определенность оценки как постоянной величины, а как существование системы получения оптимального значения оценки с точки зрения принципа наиболее эффективного использования для диагностики изменений объекта оценки – предприятия малого предпринимательства).

Приступая к процессу оценки стоимости бизнеса, необходимо определить ее цель, ведь для каждого субъекта экономических отношений в один и тот же момент времени она будет различна. Правильно сформулированная цель в последующем позволяет правильно определить вид рассчитываемой стоимости и выбрать соответствующий метод оценки. Стороны, заинтересованные в оценке того или иного бизнеса, и их основные цели отражены в таблице.

Таблица – Основные цели оценки стоимости бизнеса различных субъектов экономических отношений

Субъекты экономических отношений	Цели оценки стоимости бизнеса
Государственные органы	1. Определение налогооблагаемой базы. 2. Судебные цели. 3. Приватизация. 4. Ликвидация предприятия.
Кредитные учреждения	1. Определение кредитоспособности организации. 2. Оценка стоимости залога.

Продолжение таблицы

Страховые организации	Определение размеров страховых взносов и страховых выплат.
Инвесторы	Определение целесообразности инвестиций.
Собственники	1. Повышение эффективности текущего управления организацией. 2. Выбор варианта распоряжения собственностью. 3. Разработка плана развития организации. 4. Реструктуризация предприятия.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 13.10.2006 г. № 615 «Об оценочной деятельности в Республике Беларусь», учитывая различия в целях субъектов оценочной деятельности, можно различать:

1) внутреннюю оценку (оценку стоимости, проводимую самостоятельно юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, на основании собственного решения без привлечения исполнителя оценки);

2) независимую оценку (оценку стоимости, проводимую исполнителями оценки на основании договоров либо постановлений (определений), вынесенных судом, органом уголовного преследования или органом, ведущим административный процесс, с соблюдением требований, определенных в законодательных актах);

3) обязательную оценку (оценку стоимости, обязательность проведения которой установлена законодательством) [1].

После формулирования целей и вида оценки можно приступить к выбору метода оценки. В Республике Беларусь используются следующие методы оценки стоимости субъектов малого предпринимательства:

1. Рыночные методы оценки:

1) сравнительный метод (основан на сравнении основных экономических, технических, технологических и иных характеристик объектов);

2) доходный метод (основан на расчете величины доходов, которые ожидаются от использования объекта оценки в будущем);

3) затратный метод (основан на определении величины затрат, необходимых для воспроизводства либо замещения объекта оценки с учетом его износа, или на разнице активов баланса и обязательств по пассивам баланса).

2. Иные методы оценки:

1) индексный метод (основан на применении коэффициентов и индексов);

2) метод балансового накопления активов (основан на определении рыночной стоимости каждого актива и пассива баланса и вычитании из суммы активов всех задолженностей предприятия);

3) метод кадастровой оценки (основан на использовании при определении стоимости субъекта малого предпринимательства сведений из земельного и градостроительного кадастра) [1].

Развитие методологических основ оценки бизнеса, происходящее в настоящее время в Республике Беларусь, диктует необходимость использования новых подходов и методик к организации процесса оценки стоимости бизнеса [3]. При проведении оценки стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства не следует ограничиваться только традиционными приемами. Использование сравнительно новых методик позволит приблизиться к процессу оценки стоимости бизнеса в западных странах и сгла-

дить имеющиеся различия. Наиболее популярными и применимыми методами на территории СНГ являются модель оценки реальных опционов, имитационная модель и метод дерева решений.

В настоящее время оценка стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства, используемая в Республике Беларусь, имеет ряд недостатков:

1. *Несовершенство методологических подходов.* Существует сложность при выборе и использовании методов в рамках каждого из существующих подходов [4]. Бизнес является достаточно сложной структурой, и некоторые его элементы невозможно напрямую оценить, так как могут отсутствовать соответствующие методики. Методология оценки стоимости бизнеса хорошо проработана в западных странах. Простой перенос и применение данных методик для субъектов малого предпринимательства Республики Беларусь не приведет к адекватным и полным результатам оценки. Возникает необходимость адаптации данных методик или разработка новых, которые будут учитывать особенности ведения бизнеса и финансовой отчетности нашей страны.

2. *Затруднительность самостоятельной оценки каждого участника сделки купли-продажи бизнеса,* так как существует необходимость в формировании информационной базы, приобретении компьютерных программ, которые используются, как правило, один раз, наличии специальных знаний, что приводит к значительным расходам участников сделок. Таким образом, возникает необходимость прибегать к услугам профессиональных оценщиков, которые имеют достаточно высокую цену [6].

3. *Высокая степень неопределенности ситуации и разобщенность интересов участников оценочного процесса.* Необходимость оценки стоимости бизнеса обусловлена:

- а) проведением купли-продажи бизнеса;
- б) страхованием;
- в) определением кредитоспособности в процессе кредитования;
- г) повышением эффективности управления.

4. *Необходимость создания полноценного рынка ценных бумаг.* В процессе приобретения акций того или иного предприятия возникает необходимость оценки собственности предприятия и доли этой собственности, приходящейся на приобретаемый пакет акций [2].

5. *Неустойчивость субъектов малого предпринимательства:* они чувствительны к изменениям внутренней и внешней среды организации.

6. *Необходимость автоматизации и применения информационных технологий.*

Для обоснования заключений о стоимости компании важную роль играет информация, которая, как правило, представлена массивами данных и разнообразным математическим аппаратом. В процессе оценки приходится неоднократно использовать одну и ту же исходную информацию, что обуславливает необходимость применения компьютерных технологий автоматизации процесса оценки.

В ходе автоматизации процесса оценки стоимости бизнеса используются специализированные компьютерные программы. В настоящее время рынок программного обеспечения предлагает класс открытых информационных систем, которые способны выполнять широкий круг прикладных экономических функций. Как правило, каждая компьютерная программа позволяет произвести оценку, используя только узкий круг методов и не учитывая результатов оценки по другим. Такая оценка не может до конца считаться объективной, так как для наиболее точных и полных результатов необходимо использовать смешение различных подходов и методов. Большинство компьютерных программ, используемых в процессе оценки стоимости бизнеса субъектов малого пред-

принимательства, родом из Соединенных Штатов Америки или Российской Федерации, что вызывает необходимость их адаптации к условиям Республики Беларусь. Решение проблемы определения и разработки программных продуктов оценки стоимости бизнеса малого предпринимательства в Республике Беларусь позволит решать проблему затруднительности самостоятельности оценки. Обладание субъектами малого предпринимательства такими программными продуктами позволит придать оценке свойство устойчивости, рассмотренное ранее, что также является шагом на пути решения проблемы несовершенства методологических подходов.

7. *Проблема подготовки кадров соответствующей квалификации.* В настоящее время в Республике Беларусь фактически отсутствует система подготовки оценщиков, что объясняет их небольшое количество. Обучение специалистов-оценщиков осуществляется посредством проведения бизнес-курсов, повышения квалификации, а также тематических научно-методических и научно-практических семинаров. В 2007 г. только в пяти учреждениях высшего образования страны осуществлялась подготовка кадров для рынка недвижимости по специальностям «Менеджмент недвижимости», «Экспертиза и управление недвижимостью», «Земельный кадастр», а это менее 10% от общего числа учреждений высшего образования. По состоянию на 2013 г. ситуация по подготовке высококвалифицированных оценщиков существенно не изменилась.

Как уже отмечалось, самой главной из выявленных проблем является проблема определения итогового результата (показателя), который отражает конечную стоимость бизнеса субъектов малого предпринимательства. Даже применяя одни и те же общепринятые методики оценки, возможны расхождения в конечных результатах, т.к. каждый оценщик может интерпретировать данную методику по-своему: для одного важное значение будут иметь одни показатели, для другого – совершенно иные. Да и полученная в итоге величина дает только количественную характеристику, а не качественную. Целесообразным для решения данной проблемы является разработка системы единых коэффициентных показателей.

В современном мире широкое распространение получило понятие «рейтинг». Рейтинг – это оценка объекта по шкале показателей. Примером применения рейтинговых оценок в нашей стране являются банки. Кредитный рейтинг – это индикатор деловой активности, который достаточно адекватно отражает конъюнктурную ситуацию на рынке банковских услуг и позволяет сделать довольно точный прогноз ее изменения. Присвоенный рейтинг позволяет любому субъекту экономических отношений без особых усилий оценить объект для своих определенных целей. Таким образом, оценка рейтинговых агентств до сих пор остаётся важнейшим критерием надёжности финансовой организации или финансово-кредитной системы целого государства. Практика применения сводного рейтинга при оценке стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства в Республике Беларусь отсутствует. А, как показывает современная отечественная и зарубежная практика, применение рейтинговой системы в банковском секторе является своевременным и весьма эффективным средством оценки.

Рассмотрим подробнее проблемы наделяния оценки стоимости бизнеса свойством предельной определенности. Предположим, что оценивается субъект малого предпринимательства, который обладает программным продуктом, позволяющим получать оценку, удовлетворяющую необходимым принципам и не требующую при этом существенных финансовых, временных, трудовых и других затрат, оказывающих заметное влияние на состояние предприятия в целом. Тогда за определенный период на предпри-

ятии может быть накоплена последовательность оценок во времени (s_{t_i}) , где t_i – дата (время) получения оценки, $i = 1..n$, n – количество оценок:

$$(s_{t_i}): s_{t_1}, s_{t_2}, s_{t_3}, \dots, s_{t_n}. \quad (1)$$

Фактически (1) – числовая последовательность, которую можно рассматривать как бесконечную, потому что оценки будут получены в будущем в неограниченном количестве.

$$(s_{t_i}): s_{t_1}, s_{t_2}, s_{t_3}, \dots, s_{t_n}, \dots \quad (2)$$

Допустим, последовательность (2) имеет предел, т.е. $\lim_{i \rightarrow \infty} s_{t_i} = s^*$. В соответствии с математическим определением предела это означает, что для любого определенного заранее уровня разбежки оценки Δ , лишь конечное число оценок оказалось за пределами интервала $(s^* - \Delta, s^* + \Delta)$, а подавляющее большинство оценок оказывается внутри этого интервала. В реальности это свидетельствует, что бизнес действительно имеет достаточно «точную» цену. В этом случае в качестве оценки, удовлетворяющей свойству предельной определенности, следует выбрать оценку s^* .

Конечно, рассмотренный случай идеален. Рассмотрим теперь случай, когда (2) не имеет предела (по крайней мере, имеющаяся последовательность оценок (1) и инструменты ее получения не позволяют определить наличие предела за исследуемый период). Тогда логично рассматривать попадание оценки в числовые промежутки и выявлять тенденции этих попаданий. Для этого в каждой отрасли требуется определить шкалы уровней (классов) стоимости бизнеса. Участникам сделок купли-продажи бизнеса будет проще ориентироваться. Продавец, зная тенденцию попадания оценки в определенный промежуток, принимает решение об отнесении объекта оценки к соответствующему классу. Покупатель, в свою очередь, осознает уровень значимости объекта, пределы торга, а в случае обнаружения существенных недостатков – необходимость привлечения сторонних организаций для получения независимой оценки. В этом случае система оценки стоимости бизнеса приобретает черты рейтинговой системы.

Выявление тенденций оценок для определения соответствующих классов можно осуществлять методами математической статистики. Хорошие практические результаты дает применение корреляционно-регрессионного анализа. По перечню оценок (1) в предположении о виде зависимости оценки от времени строится уравнение регрессии (3):

$$s = f(t, s_{t_1}, s_{t_2}, s_{t_3}, \dots, s_{t_n}). \quad (3)$$

Построенная линия регрессии, максимально приближенная к полученным оценкам, дает объективную информацию о принадлежности стоимости объекта оценки к «своему» классу. Также появляется возможность прогнозирования – расчета оценочной стоимости бизнеса в будущем при условии сохранения имеющихся тенденций. Прогноз оценочной стоимости $s_{t^*}^*$ в момент времени t^* получается как значение функции регрессии:

$$s_{t^*}^* = f(t^*, s_{t_1}, s_{t_2}, s_{t_3}, \dots, s_{t_n}). \quad (4)$$

Заклучение

Таким образом, в Республике Беларусь требуется решение имеющихся проблем построения системы оценки стоимости бизнеса. Необходима разработка единой методики оценки стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства, учитывающей экономические, политические, социальные и другие особенности страны, а также ее практическая апробация. Особое место в построении и практической реализации системы оценки предприятий малого предпринимательства, по нашему мнению, занимает решение задач усовершенствования методологических подходов, преодоление проблем затруднительности самостоятельной оценки, сглаживание факторов неопределенности оценки. Макро-проблемами пока является отсутствие полноценных рыночных отношений на рынке субъектов малого бизнеса и рынке ценных бумаг в частности, а также неустойчивость малых предприятий. Фактором преодоления проблем считаем расширение применения компьютерной автоматизации в оценке, а также совершенствование подготовки кадров соответствующей квалификации.

Предложены подходы к решению отдельных выявленных проблем при использовании рейтинговой системы оценки стоимости бизнеса, обеспечивающих построение системы оценки, соответствующей всем общим методологическим принципам и принципу наиболее эффективного использования, в частности. Оценка стоимости бизнеса субъектов малого предпринимательства при реализации элементов рейтинговой системы будет эффективной при условии наделения оценки характеристиками предельной определенности и устойчивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оценочной деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 13 окт. 2006 г. № 615 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 14.06.2013.
2. Ахтямов, М.К. Оценка стоимости бизнеса для субъектов малого предпринимательства: цели и проблемы / М.К. Ахтямов, А.В. Боброва, Л.Г. Ильинская // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – 2012. – № 1. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/101-5600>. – Дата доступа : 01.10.2013.
3. Долженков, А. Регулирование оценочной деятельности в Республике Беларусь / А. Долженков, Н. Милошевич // Земля Беларуси. – 2009. – № 3. – С. 11–17.
4. Дрозд, С.С. Методологические аспекты оценки стоимости предприятия / С.С. Дрозд, Е.В. Трейтъякова // Вест. ГГТУ им. П.О. Сухого. – 2012. – № 3. – С. 107–113.
5. Ильин, М.О. Оценка стоимости бизнеса : курс лекций / М.О. Ильин. – М. : Всерос. акад. внешней торговли Минэкономразвития России, 2013. – 89 с.
6. Ларченко, А.П. Оценка бизнеса. Подходы и методы / А.П. Ларченко. – СПб. : Unionlab. – 2008. – 59 с.

Petrukovich D.A., Dubina E.H. Business Valuation of Subjects of Small Entrepreneurship in the Republic of Belarus

The article considers the theoretical and methodological basis of evaluation of business value subjects of small entrepreneurship in the Republic of Belarus. The basic problems of business valuation, and suggests ways to resolve individual problems and shortcomings. Proposed additional requirements to estimates that are capable of satisfying the principle of the most effective use.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.11.2013

УДК 338.476:622.694

Марек Яскевич, Кишиштоф Олейник, Гжегож Возняк

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО НАБОРА «СЕДЕЛЬНЫЙ ТЯГАЧ – ТРЕЙЛЕР УВЕЛИЧЕННОЙ ДЛИНЫ НА 1,3 м» НА ДОРОЖНУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ, СРЕДУ И СИСТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ

В статье представлены и подвергнуты оценке экономические аспекты воздействия автомобильного набора «седельный тягач – трейлер с увеличенной длиной на 1,3 м». Исследования проведено на 44 автомобильных наборах, используемых разными фирмами. Транспортные средства эксплуатируются на территории Польши в типичной дорожной инфраструктуре и транзитно на территории Германии, Чехии, Словакии, Голландии и Дании. Авторы доказывают обоснованность применения этого типа набора.

Введение

Тягач марки Kogel Big Maxx типа SB 24 по длине транспортного средства превышает допустимую величину на 1,3 м, а также требование, касающееся ширины коридора движения. Эта новаторская конструкция, основной идеей которой является создание нового стандарта длины трейлера, рама которого способствует перевозке двух стандартных съёмных контейнеров 7,45 м или контейнера High Cube (45 футов). При других вариантах кузова (например, фургон) удлинение грузового пространства на 1,3 м позволяет поместить добавочный ряд европоддонов.

Проект постройки такого транспортного средства возник по инициативе фирмы Kögel Trailer GmbH&Co. Транспортное средство, согласно расчетам, должно оптимизировать перевозку груза относительно небольшой плотности и одновременно не будет противоречить эксплуатационным дорожным требованиям. Был создан удлиненный на 1,3 м трейлер, грузопместимость которого не изменилась, а возможность объема транспорта возросла примерно на 10%.

С целью рассмотрения возможности применения удлиненного трейлера и определения связанных с этим последствий собрана общая информация на основе анализа литературы, касающейся стандартной и прогнозируемой ситуации при транспортировке грузовиками. Это позволило оценить концепцию транспортного средства и возможные интеракции с другими участниками дорожного движения, а также рентабельность эксплуатации такого автопоезда. Транспортным предприятиям и их водителям было предложено заполнить подготовленные анкеты, что обогатило наблюдения и расчеты авторов опытом водителей в повседневной жизни. Были изучены ходовые качества транспорта и возможные угрозы в дорожном движении, также его совместимость с дорожной инфраструктурой. На этой основе были смоделированы некоторые важные дорожные ситуации. Например, в результате моделирования стало возможным непосредственно сравнить удержание автопоезда с удлиненным трейлером с удержанием других транспортных средств, участвующих сейчас в дорожном движении. Отдельные манёвры были проведены на специально подготовленном для этих целей участке.

Уже сегодня производительность транспорта находится выше наибольшей предвиденной стоимости (интеграционный сценарий). Прогноз дорожного движения в будущем указывает на значительную проблему производительности [4; 5]. Доля автодорожного товарного движения (в наиболее развитой немецкой экономике) в транспортной системе составило в 2005 г. уже 66%, железнодорожные перевозки – 20%, а доставка

товаров морским транспортом – 14%. Общая транспортная производительность немецких коммуникационных линиях составила около 100 млрд тонно-километры (т.км).

Если число транспортных средств и транспортная производительность в последнее время значительно возросли, то дорожная сеть еще не приспособлена к этому в соответствующей степени. Правила, предписывающее в странах Европейского Союза соблюдение допустимых габаритных размеров и регулирующие грузоперевозки, были сформулированы и утверждены, опираясь на параметры габаритов транспортных единиц (европоддонов) [1; 2; 7].

Во второй половине 90 гг. прошлого века была увеличена допустимая ширина грузовых автомобилей на 5 см (с 2,50 м до 2,55 м) с целью облегчения погрузки трёх европоддонов в одном ряду. Идея удлинения трейлера до размеров, дающим возможность перевозки двух стандартных съёмных контейнеров 7,45 м или контейнера High-Cube (45 футов), является продолжением действий в этом направлении. Надо отметить, что идея удлинения трейлера не направлена на повышение его грузопместимости (и на повышение осевого давления), а на повышение ёмкости грузового пространства, что позволяет лучше использовать автопарк, так как, согласно статистическим исследованиям, среднее использование допустимой грузопместимости в крупных грузовых автомобилях колеблется в пределах от 60 до 70%.

Итак, данная статья должна авторитетно и достоверно дать ответ на некоторые вопросы эксплуатации удлинённых трейлеров, допущенных к эксплуатации на польских дорогах. Для системного получения исследовательских материалов число субъектов, участвующих в нашем проекте, было ограничено. Фирмы, отобранные для проведения эксперимента по эксплуатации удлинённых трейлеров, должны были соответствовать следующим требованиям:

- 1) наличие опыта выполнения транспортных услуг;
- 2) наличие документации, гарантирующей использование удлинённых трейлеров и передвижение их по постоянным маршрутам;
- 3) высокий организационный уровень предприятия, дающий возможность проведения измерений и получения данных с эксплуатируемых трейлеров;
- 4) финансовая стабильность фирмы, свидетельствующая о возможности закупок удлинённых трейлеров.

Фирмы, отобранные для нашего исследования (далее – Проект), гарантировали также соблюдение взаимных договоренностей, вытекающих из эксплуатационных ограничений, оговоренных Проектом под угрозой потери разрешения на эксплуатацию трейлеров.

Цель исследования

Цель Проекта – всестороннее изучение концепции использования удлинённого трейлера в польских эксплуатационных условиях и получение достоверного сравнительно-исследовательского материала, который может стать основой для решения о возможности широкого привлечения в эксплуатацию этого типа удлинённых трейлеров. Кроме того, целью исследований (наряду с изменением технических требований относительно длины набора транспортных средств, принятых в Польше) была разработка предложений (на европейском форуме) по вопросу изменения требований, касающихся требований по массе и габаритах дорожного транспорта.

Предпосылки

Участниками исследований были водители, эксплуатировавшие трейлеры увеличенной длины. Фирмы, принимавшие участие в Проекте, рекомендовали участников, которые в рамках реализации программы исследований информировали о ходе эксплуатации автопоездов увеличенной длины. Водители были ознакомлены с ограничениями и способом эксплуатации транспортных средств, участвующих в исследованиях. В исследовательской программе применялись трейлеры, промышленно изготовленные и допущенные к движению на дорогах общего пользования. Потребители не имели права на претензии в случае вступления ограничений в транспортной инфраструктуре, возникающих из-за увеличения длины автосостава. Проект осуществлялся в несколько ограниченном объёме ввиду трудной ситуации на транспортном рынке и ограничений по продажам таких трейлеров отдельным фирмам. Каждый участник исследований прошёл профессиональную подготовку у производителей транспортных средств и заполнял анкеты об эксплуатационном пробеге автомобильного состава увеличенной длины.

Моделированные и эксплуатационные исследования

На автомобильных средствах, принимавших участие в реализации Проекта, спереди и сзади была нанесена маркировка по образцу, помещённому ниже, размером 700 × 400 мм (рисунок 1).

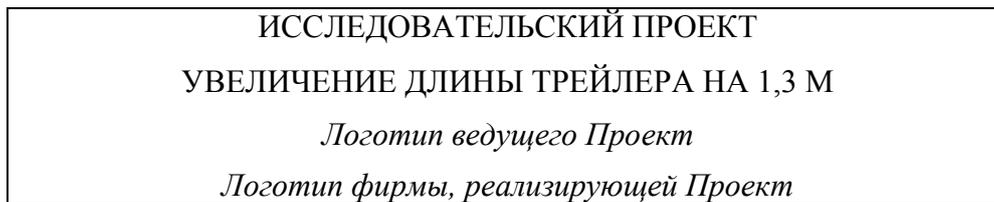

Рисунок 1 – Табличка, информирующая о проведении исследования

Участники Проекта заполнили специально разработанные для его целей анкеты. Заполненные анкеты перевозчики отправили производителям трейлеров. Надо было ответить на следующие вопросы:

1. Какие трудности вызывает у Вас движение автомобильным составом увеличенной длины на перекрёстках улиц?
2. Стало ли более трудным вождение автомобильного состава при совершении манёвров (обгон, объезд, проезд, движение задним ходом)?
 - а) какие ситуации вызывали трудности для водителя автопоезда?
 - б) когда движение автопоезда создавало помехи для других участников уличного движения во время манёвров на дороге?
3. Заметил ли водитель автомобильного состава повышение угрозы столкновения? (Если дорожно-транспортное происшествие имело место, пожалуйста, кратко опишите его обстоятельства и объём повреждений)?
4. Отмечались ли при управлении автопоезда увеличенной длины необычные явления по сравнению с вождением обычного (стандартного) автомобильного состава (неустойчивость, влияние бокового ветра и т.п.)?
5. Заметил ли водитель увеличение износа шин трейлера в связи с изменением длины автомобильного состава «седельный тягач – трейлер» (например, по причине увеличения радиуса поворота)?

6. Не является ли удлинение автомобильного состава проблемой видимости в зеркалах заднего вида при маневрировании? Если да, то какой?

7. Не создаёт ли удлинённый автомобильный состав проблем при подъезде к погрузочной платформе для погрузки-разгрузки трейлера?

8. Не вызывает ли удлинение автомобильного состава проблем при перемещении груза для транспортировки другими транспортными средствами (морское судно, железнодорожная платформа, портовый кран)?

9. Влияет ли на эксплуатацию седельного тягача присоединение к нему удлинённого автомобильного состава (увеличение расхода топлива, и т.п.)?

Лабораторные исследования проводились на модели состава автопоезда. Была проведена проверка возникновения помех при преодолении элементов дорожной инфраструктуры при поворотах налево и направо. Схемы проанализированных дорожных ситуаций представлены на рисунках 2–8:

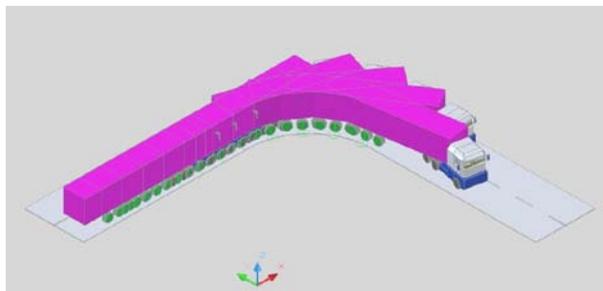

Рисунок 2 – Траектории движения транспортного средства с трейлером при движении на закруглении дороги (вид справа)

Рисунок 3 – Траектории движения транспортного средства с трейлером при движении на закруглении дороги (вид слева)

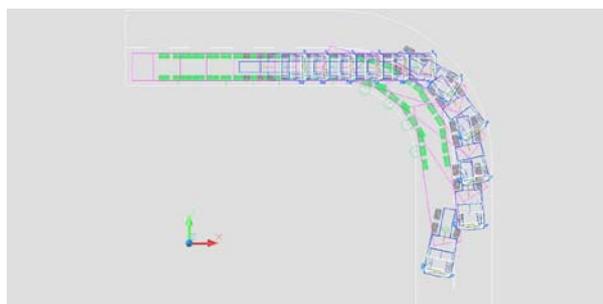

Рисунок 4 – Траектории движения транспортного средства с трейлером при движении на закруглении дороги (вид сверху)

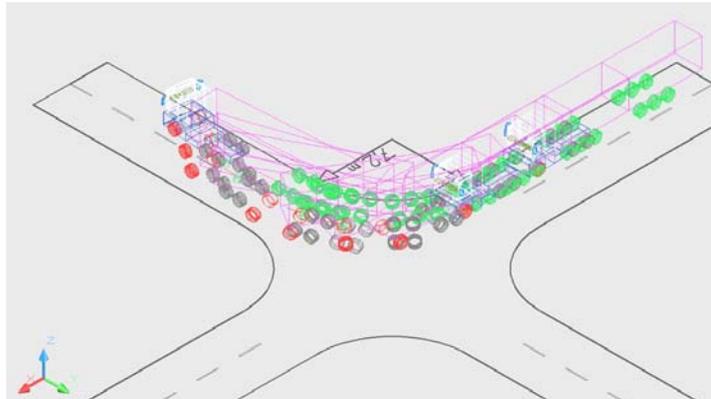

Рисунок 5 – Траектории движения транспортного средства с трейлером при повороте на перекрёстке направо

Во время движения на поворотах колёса трейлера движутся по совсем другой траектории, чем колёса тягача (рисунки 2–5). При этом можно выделить по крайней мере три типичных случая (три дорожные ситуации):

- 1) движение удлиненного транспортного состава на перекрёстке при повороте направо или налево;
- 2) объезд пешеходов или велосипедистов, которые перемещаются ночью по шоссе и которые неосвещены (водитель ночью в темноте не видит боков трейлера);
- 3) движение автопоезда по дорожной кривой на повороте.

В первом и третьем случаях при движении по закруглению дороги водитель управляет седельным тягачом «на ощущение», чтобы колёса объехали бордюрный камень или другие препятствия. Во втором случае аналогично, однако на узкой дороге приближающееся с противоположной стороны транспортное средство заставляет водителя автопоезда возвратиться на свою полосу движения. Это может вызвать столкновение трейлера с пешеходом и велосипедистом, которые находятся в неосвещённой зоне. Водитель не может контролировать расположения его транспортного средства относительно пешехода или велосипедиста.

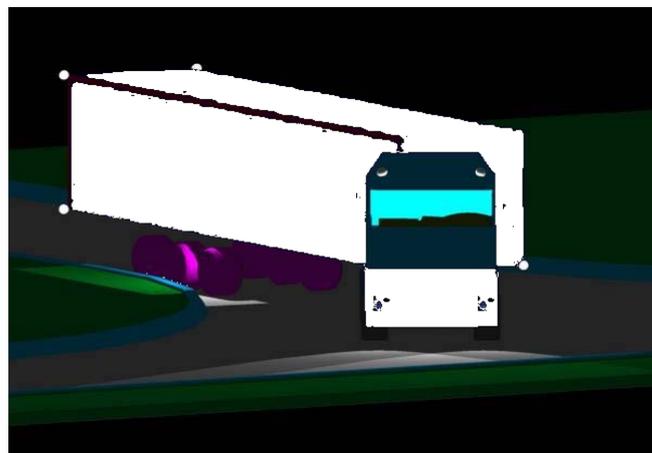

Рисунок 6 – Движение седельного тягача с трейлером на перекрёстке (модель)

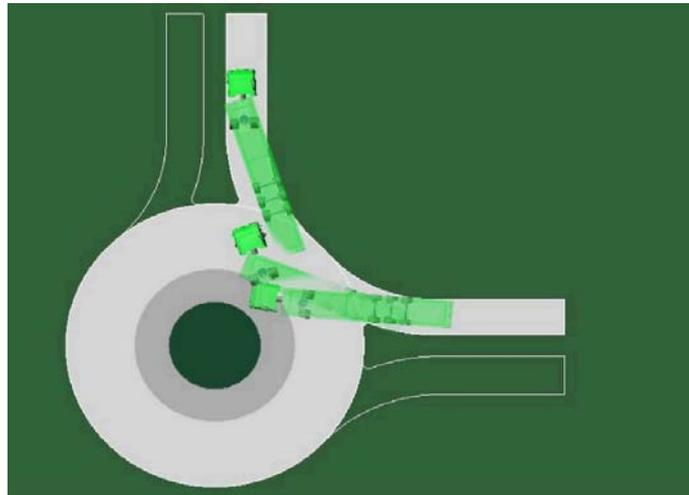

Рисунок 7 – Моделирование нарушения ограничителя полосы движения при повороте направо на перекрёстке дорог с кольцевым движением

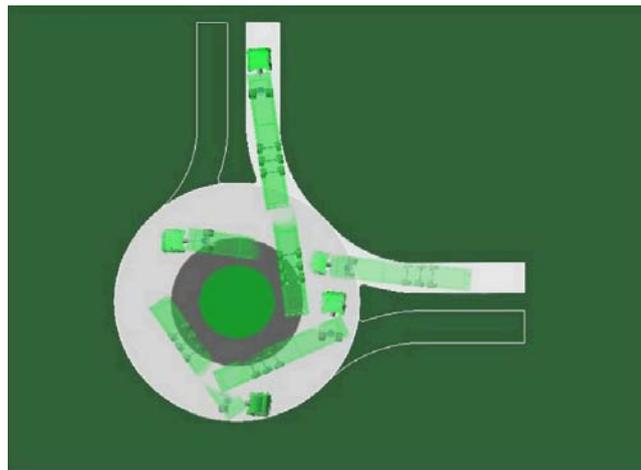

Рисунок 8 – Моделирование поворота направо на перекрёстке с кольцевым движением при езде по пяти четвёртым перекрёстка

Смоделированные ситуации были подвергнуты проверке в реальных условиях: 1) въезд на перекрёсток и выезд с перекрёстка с кольцевым движением и 2) въезд на стоянку. Результаты исследования проездных качеств автопоезда были проверены также в реальных условиях и сравнены с результатами пробных поездок. Описанный перекрёсток с кольцевым движением сопоставим с малыми перекрёстками с кольцевым движением, которые построены во многих местностях. Результаты изучения смоделированных ситуаций и пробных поездок и показали, что движение по перекрёстку после поворота направо не было возможным без контакта с расширенной полосой движения, обозначающей размер островка. Движение по перекрёстку по кольцу с выездом с перекрёстка не составляет проблем. Для движения через перекрёсток с кольцевым можно рекомендовать использование пяти четвёртых перекрёстка; тогда водители имели бы возможность объезжать узкие места (рисунки 7 и 8).

В реализации Проекта приняли участие 44 автомобильных состава «тягач – трейлер». Автопоезда эксплуатировались на территории Польши в типичных условиях дорожной инфраструктуры и транзитно на территории Германии, Чехии, Словакии, Голландии и Дании.

Анализ и синтез результатов

Результаты анализа анкет, отправленных перевозчиками во время выполнения исследовательской программы, представлены в форме таблицы.

Таблица – Результаты изучения анкет водителей

Выявленные замечания	Да	Нет мнения
1. Повышенное перекрывание задней части транспортного средства при повороте направо относительно стандартного средства	15	3
2. Увеличенный расход топлива	12	6
3. Повышенный износ шин	11	7
4. Восприимчивость к боковому ветру	6	12
5. Проблемы с маневрированием на небольших площадях	5	13
6. Проблемы, связанные с недостаточной длиной рамп, при боковой загрузке	3	15

Увеличенная длина трейлера требует повышенной осторожности во время езды по узким дорогам в застроенных районах. Мнения водителей разделились: одна группа не отметила изменений в управлении удлинённым автопоездом, другая же посчитала, что управляемость ухудшилась.

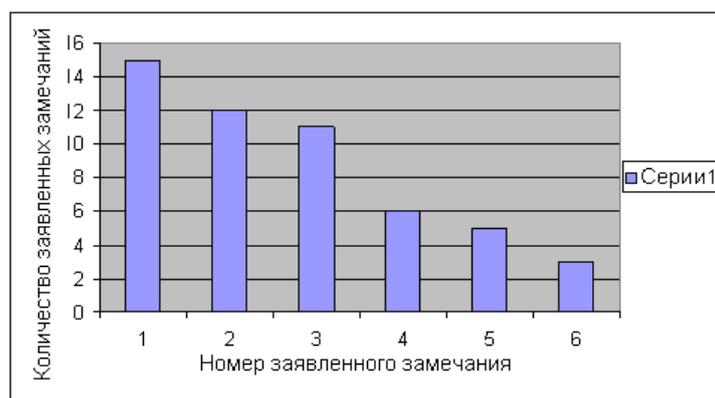

Рисунок 9 – Графическое представление заявленных ответчиками замечаний

В связи с более длинной колесной базой манёвры поворота в застроенных районах осуществлять стало труднее, чем в случае с нормальным автомобильным составом, так как удлинённый трейлер больше углубляется в поворот, чем стандартный. Однако о серьёзных проблемах речь не шла. Некоторые водители утверждают, что опасность уменьшается, поскольку при частых перевозках длинных элементов (лес, железо) задние двери трейлера остаются закрытыми и груз не выступает за габариты трейлера. На рисунке 9 графически представлены результаты анализа ответов водителей, эксплуатировавших изучаемые трейлеры.

Рисунок 10 – Автомобильный состав, поворачивающий на перекрёстке направо

Рисунок 11 – Автомобильный состав, поворачивающий на перекрёстке налево

Наибольшую угрозу создаёт значительное перекрытие проезжей части удлинённым транспортным средством при повороте по сравнению со стандартным автопоездом. Выше представлены фотографии (рисунки 10, 11), на которых видно поведение автомобильного состава на перекрёстке при повороте состава направо и налево. Транспортное средство создаёт нежелательную ситуацию – значительно перекрывает проезжую часть, хотя водители транспортных средств выполняют установленные требования при движении на поворотах.

Рисунок 12 – Автомобильный состав, преодолевающий перекрёсток с кольцевым движением (вид спереди и сзади)

Трудности могут появляться при плотно расставленных автомобилях, потому что манёвр поворота требует занятия двух полос движения. На рисунке 12 представлены реальные ситуации проезда перекрёстка с кольцевым движением транспортным средством увеличенной длины. Опасность несчастных случаев и столкновений, имеющих место при дорожном движении, требуют более тщательно анализировать все аспекты эксплуатации удлинённого трейлера.

Рисунок 13 – Стандартный и удлинённый на 1,3 м трейлеры

Подведение итогов и выводы

Результаты, полученные в исследовательской программе, были детально проанализированы в отношении возможных отрицательных последствий эксплуатации удлинённого автомобильного состава на дорогах Польши. Рассмотрены также положительные аспекты такого решения. Анализ результатов исследований позволил принять решение о возможном предложении изменений в правилах эксплуатации транспортных средств относительно максимальной длины автомобильного состава.

Результаты экспериментов с учётом вопросов безопасности участников дорожного движения говорят в пользу применения составов транспортных средств с трейлерами увеличенной длины. По сравнению с традиционным транспортом, перевозящим грузы подобного веса или объёма, полная длина состава (тягач с удлинённым трейлером) составляет 17,8 м и превышает допустимую длину, определённую в действующих правилах, – 16,5 м, но не превышает длины, допустимой для состава «грузовой автомобиль с прицепом» (18,75 м). Это имеет особое значение во время обгона такого состава на дорогах с одной полосой движения в каждом направлении ввиду менее короткого времени для выполнения этого манёвра.

Длина автомобильного состава «тягач – удлинённый трейлер» не больше состава транспортного средства «грузовой автомобиль – прицеп», поэтому можно признать, что для других участников дорожного движения манёвр обгона не будет представлять большой проблемы. Также парковки для грузовиков приспособлены к длинным составам и будут достаточными для удлинённого автопоезда. Эксплуатация обсуждаемых автомобильных составов не вызовет повышения давления колёс на дорогу, так как увеличение длины не повышает максимальной массы транспортного средства, а даже может разгрузить дороги без дополнительных капиталовложений в дорожную инфраструктуру, поскольку производительность транспортных средств возрастает примерно на 10%. В аспекте воздействия на окружающую среду увеличение объёма загрузки на 10% полностью компенсирует повышенный расход топлива (водители отмечают: расход топлива в среднем вырос примерно на 5% по отношению к расходу топлива при эксплуатации стандартных автомобильных составов). Это даёт возможность адекватно сократить выбросы двуоксида углерода [3; 6]. Экспедиторы, которые могли воспользоваться эксплуатацией удлинённого трейлера на основе специального разрешения, проявили явный экономический интерес к этой концепции.

В итоге, концепция удлинённых автомобильных трейлеров, инициированная фирмой KÖEGEL, является перспективным решением, и следует поддержать желание транспортных фирм о допуске этого типа автомобильных составов к движению в более широком формате.

Положительным эффектом в реализации этого Проекта является сокращение выбросов токсичных компонентов за счёт уменьшения количества автомобилей. Кроме того повышение эффективности дорожного транспорта повлияет на уменьшение заторов на дорогах и на снижение опасности для участников дорожного движения.

Также результаты исследования эксплуатации удлинённых трейлеров в условиях польских дорог дают возможность нашим представителям авторитетно представлять свою позицию на форумах Европейской Комиссии с целью инициирования внесения изменений в правила эксплуатации дорожной инфраструктуры и транспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директива Совета 96/53 Евросоюза от 25 июля 1996 г по вопросу допустимых размеров и нагрузок автомобильных средств в отечественных и международных перевозках.

2. Decree of Ministry of Infrastructure of 31st December 2003 in the matter of the technical conditions of the vehicles and the range of their necessary equipment.

3. Liścak, Ś. The problems of natural environment pollution hazard resulting from the hasty development of the road transport in the East-European countries // Эксплуатация и надёжность. – 2008. – № 1/99. – S. 61–63.

4. Olejnik, K. Estimation of the project of Modular European System in the conditions of road transport in Poland / K. Olejnik // IV Conference LOGITRANS 2007 г. in Szczyrk.

5. Pilskog, L. EU road transport situation. Seminar Volvo Truck Corporation. – Варшава, сент. 2006 г.

6. Stokłosa, J. Intermodal transport for short and medium distance / J. Stokłosa, T. Cisowski. – Maintenance and Reliability. – 2008. – № 3 (39).

7. Право о дорожном движении – единый текст : Закон от 20 июня 1997 г. ст. 908.

Marek Yaskevich, Kshishtof Oleinik, Gzhegozh Vozhnyak. Economic Aspects of the Impact of a Set: Truck – trailer, with an Increased Length of 1.3 m, for Road Infrastructure, Environment and Safety in the Transport System

Paper presents and assesses the impact of the economic aspects of a set: truck – trailer, with an increased length of 1.3 m. Research was carried out on 44 sets used by different companies. Vehicles were operated in Poland, in the typical elements of the road infrastructure and in transit in Germany, Czech Republic, Slovakia, Netherlands and Denmark. In the paper authors have demonstrated the validity of using this type of system.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.09.2013

УДК 398.3

И.А. Швед

**ОБ АРХАИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЛЮДИ – ПТИЦЫ»
В БЕЛОРУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

*Птички-то хитрые. У нас была такая птичка:
сама большая, а клюв таки длинный.
И всё сначала прилетала к нам.
– Чего ты к нам прилетаешь, птичка?
– Чего ты к нам пришла?
– Чы на добро, чы ты на плохое, птичка жэ?
И смотрю на нее...
(зап. в 2012 г. от С.Ф. Вирчик, д. Леплевка)*

В работе показано, что человек традиционалистской культуры жил вместе (во всех смыслах этого слова – ‘в соединении, общении’) с птицами. До наших дней сохранились (в частности, в Полесье) реликты представлений о птицах как воплощениях (форме, субстанции) душ; объектах вселения человеческих душ; переносчиках детей из мира природно-космического в мир человеческий; биологических «родителях» человеческих детей, появляющихся из яиц; существах, находящихся в теле человека в качестве его души; медиаторах между человеком и природно-космическим миром, Богом либо нечистой силой; ипостасях колдуна, ведьмы, иных демонов и др.

Введение

Что есть человек, каковы его отношения с нечеловеческими формами жизни, каковы особенности исторического взаимодействия человека и природы – это проблемы и вечные, и очень современные. Отвечая на эти вопросы по-своему, традиционалистские культуры с их отличными от современных жизненными смыслами, особым пониманием природы и своего места в ней воспроизводили себя тысячелетиями. И сегодня, когда научно-технологический подход к проблеме взаимодействия человека и природы (точнее, господства человека над природой, которое спровоцировало обеднение биоты, разрушение экосистем, утерю ряда направлений и уровней их развития) постепенно сменяется диалогическим, возрастает интерес к глубинным основаниям бытия культуры, ориентирующим человека на сотрудничество с природой, равноправный диалог с ней. В центре внимания этносемиотики, фольклористики оказываются «субъект-субъектные» отношения человека и природы, «отприродная», в частности, *птичья* составляющая человека (орнитологическому коду мифопоэтической модели мира славян посвящены исследования Л. Виноградовой, А. Гуры, А. Плотниковой, С. Толстой и др.). Важная роль в этом плане принадлежит изучению белорусского фольклора, который сохранил сведения о том, что его творец и носитель находился в живом общении с природой, в сочувственном познавательном-действенном отношении к большинству личностно и социальнозначимых воображаемых и непосредственно воспринимаемых представителей не-человеческих форм жизни, в том числе птицам (работы Е. Боганевой, Т. Володиной, С. Санько, Л. Соловей, И. Швед, в частности, статьи в энциклопедическом словаре «Міфалогія беларусаў» [1]). Такому сочувственному отношению не мешала постулируемая многими исследователями смена первоначального «невыведения человека из природы» (ср. «двуприродность» центральных персонажей архаического мифа, выступающих то в человеческой, то в животной, *птичьей* ипостасях; полесские верования о колдунах, оборачивающихся в животных и птиц) позднейшей противопо-

ставленностью ей. (Здесь важно заметить, что в фольклоре новое не отменяет старое, в нем отражаются разные эволюционные стадии развития мировоззрения). Как справедливо отмечается в литературе, живое общение человека с животными и птицами, на которых он воздействовал, поиск компромиссов в отношениях между человеческим и нечеловеческим имели место и тогда, когда жизненно-практические потребности человека в сохранении и размножении своего вида вынудили его опредмечивать (пусть даже неосознанно) окружающих «субъектов» и взаимодействовать с ними не как с родственными душами. Но это не низвело представителей природного окружения до положения мертвых вещей, перед которыми не стоит извиняться за причиняемое преобразование и/или благодарить за полезный эффект, необходимый для обеспечения человеческого существования. Согласно белорусским записям первого десятилетия XXI в., женщины, выходя из леса, благодарили его за то, что «наградзіў, ягад сабралі, грыбоў сабралі...»; «А ўжо як выходзілі з лесу, то сваімі славамі благадарылі, абязцельна» [2, ч. 2, с. 319, 324]. Как бы то ни было, человек традиционалистской культуры продолжал (и продолжает!) вести диалог с миром, воспринимать его составляющие в категориях бытия/небытия: ср. отнесенность глагола «жить» к явлениям и предметам окружающего мира, а также к пространству и времени (праздник «живз» тогда-то). Соответственно, не утрачивает своего значения опыт приспособления «соприродного» человека к миру, а не господства над природой [3].

Такое приспособление к конкретному типу окружающей среды хотя и не исключает вмешательства в нее, но является скорее не способом управления соответствующей экосистемой, а множественностью парных отношений между определенными людьми и не-людьми (в частности, птицами), наделенными статусом лица с теми либо иными психическими свойствами. В белорусском фольклоре до сегодняшнего дня сохранились тексты, актуализирующие архаическую модель «люди – птицы». Но несмотря на то, что эта модель выступает одним из определяющих элементов мифопоэтической картины мира белорусов и других славянских и неславянских народов, пока что отсутствовало ее специальное исследование. Целью этой работы является попытка реконструкции архаической модели «люди – птицы», как она представлена в белорусском фольклоре (с привлечением материалов других славянских традиций). Для достижения поставленной цели историко-генетическое изучение, ориентирующееся на диахроническое и парадигматическое рассмотрение представлений о взаимосвязи людей и птиц, дополняется функционально-семантическим исследованием.

Мифологическая коммуникация «человек – птица»

В условиях диффузного взаимопроникновения человеческого и не-человеческого начал, их «взаимобратности» и взаимозависимости, необходимости поддержания и творческого участия нечеловеческого мира в жизнедеятельности социума без ритуального обращения к нечеловеческому, в том числе *птичьему*, не мыслились никакие более-менее важные начинания, преодоление энтропийности, ликвидация любого кризиса в мире человека, в частности, путем ритуального обмена. Например, на Благовещение, 7 апреля, чтобы обеспечить благополучие в предстоящем году, пекли хлебцы (иногда в виде ноги аиста), выносили их на улицу и обращались к птице-медиуму, подателю благ: «*Бусько, бусько, на тоби галёту, // Дай мыни жыта копу*» [ФЭАБ; Лесники, Дрогичинский р-н]. Аист (*бусько*) – не-человеческий участник взаимодействия – наделен сакральным статусом, ему приписывается святость, генетическая связь с человеком и особенности последнего: у птицы человеческие пальцы, она имеет душу, мо-

лится Богу, любит и ревнует партнера и т.д. Такие представления на Брестчине живы и по сей день: *«Был случай в Спорово, тоже сделали буслы гнездо на сарае, а дед думает: возьму я в это гнездо положу гусиное яйцо, да пусть он выведет мне. Он положил, когда никого не было, потом прилетели. И что-то бусел с этой буслихой начали драться. Оказывается, он начал её ревновать. Чего? Потому что они несут по 3–4 яйца, и яйца гусиные ж отличаются от аистовых. И, короче, он начал ревновать, что она нагуляла это яйцо, и он её дзёбал, дзёбал. И она, бедная, поднялась высоко и упала сразу и разбилась. И то-то же было этому деду, что яйцо положил!»* [ФЭАБ; Спорово, Березовский р-н]. Согласно многочисленным фольклорным свидетельствам, в том числе современным, «добрым» либо «злым» (обычно мстящим) птичьего партнера делают качества самого человека, проявленные в его поведении как отправителя текста (в семиотическом значении). Показательные в этом плане запреты и их мотивировки: *«Ны можна ласточкины гнёзда разбураты, кажуть, шо ласточки ульцяць і дожді унысуть. І нэ будэ урожаю»* [ФЭАБ; Радовня, Ивановский р-н]; *«Аістам нельга врэдіць, таму што яны могуць прынесці якую-небудзь палку ці ўгалёк і могуць спаліць дом»* [ФЭАБ; Большая Турна, Каменецкий р-н]; *«Кулы бусён зробіць гныздо на хаты, то будэ дустаток у сям'і. Разбураты гныздо бусня – вылыкі гріх, бо то вэльмэ опасно. Гавораць, шо у адный нозе ў бусня огонь, а в другуй – вуда. В удплату за рузбуранэ гнёздо можэ прынесці гулувешку на стрэху і подпалыты хату. А шчэ гіршыі гріх – забыты бусня. То тое ж самэ, шо забыты чулувіка, бо він сам пуходыць уд чулувіка»* [ФЭАБ; Кустын, Брестский р-н].

Согласно фольклорным материалам, представители птичьего мира могли непосредственно воздействовать на жизнь людей. Действенной (созидательной, оплодотворяющей или разрушительной) магической силой наделялись звуки птиц: по украинскому поверью, сойка своим криком выкликает, выманивает душу тяжело больного человека, по польскому – кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников [4, с. 96–97]. По сообщениям из Глубоцкого р-на, *«сава, як кугакаець, яшчэ баба не бярэменная, усёроўна накугакаець»; «тады ўжо гэта птушка дзюбкай б'еца [у вакно], відаць, скоро забярэць яго [хворага чалавека] гэта птушка»* [2, ч. 2, с. 327]. Часто птицы транслируют в человеческий мир важную информацию, предвещают определенные события, сигнализируют о необходимости начала различных действий, как правило, полевых работ, что требует человека соответствующей корректировки своего поведения (и/или поведения птиц). Так, с пением прилетевшего жаворонка начинают пахоту, первый крик удода весной означает, что пора сеять бобы, крик перепелки возвещает начало жатвы [4, с. 96]; (появление/исчезновение голосов некоторых птиц можно считать универсальным маркером границ календарного цикла, средством измерения времени и структуризации хозяйственного календаря). Вслед за интерпретацией посланий птицы-медиума обычно следовала определенная реакция человека, который, как считалось, своим ответным актом может в корне изменить ситуацию в свою пользу. Так, в Полесье верят, что стук воробья в окно предвещает горе (которое, видимо, из потустороннего «заморского» мира приносит негативно аксиологизированная птица-медиум). Услышавшему стук предписывалось обратиться к персонифицированному горю и его «переносчику» – воробью – с посылом в виде нейтрализующей формулы: *«Горэ, нашэ горэ! Іды за сынэ морэ! Гарабей-пташка, як бы тобі ны було цяжко, нэсы нашэ горэ за сынэ морэ, за білы хвалі, далэкі далі»* [ФЭАБ; Борки, Пинский р-н]. В этом и многих других контекстах имплицитно содержится представление о том, что птицы могут выполнять пожелания людей, испрашивая при этом помощи как у Бога, так и у нечистой силы. На-

пример, рассказывая о праздновании Благовещения, информатор объясняет, зачем птиц выпускали на волю: «Цііі птахі просяць шчэстя, удачі в Бога тому, хто іх выпус- тыв» [ФЭАБ; Ковердяки, Брестский р-н]. По заговору «на приручение парня», птица выступает медиатором между человеком и нечистой силой: «Попрошу я белого крече- та: слетал бы он в чистое поле, в синее море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота и попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она ему помощи...» [ФЭАБ; Дягелец, Березовский р-н].

Интересно, что в определенных коммуникативных ситуациях люди и птицы могли объединяться и вместе противопоставляться имплицитно присутствующему и наделенному полномочиями кары либо поощрения субъекту действия – сакральному адре- сату. В этом плане любопытны известная календарная паремия, относящаяся к Благовещению: «Птыца гнязда не в'е, дывіца касы не пляце» [ФЭАБ; Славное, Кобринский р-н], поверье, что в Страстную пятницу вместе с людьми скорбит вся природа и затихают птицы. Как поведение человека, так и представителей птичьего мира интерпретировалось с точки зрения нормативности/ненормативности, нарушение кодекса звукового поведения любым из них вносило дисбаланс в природную и общественную сферы.

В славянском мире широко известны представления о птицах (кукушке, соловье), запевших раньше времени («на голый лес»), как предзнаменовании голодного, неурожайного года, падежа скота (соответствующие материалы повсеместно фиксируются в Беларуси по сей день). Также бытуют запреты (в частности, на Могилевщине) начинать пение людям (особенно вблизи полей), пока «лес не оденется»; в Полесье запрещалось петь до Благовещения, иначе «корень не оживаэ» [ПА]. Исследователями фольклора неединожды указывалось, что энергия голоса людей, животных и птиц имеет тождественное значение в плане воздействия на вегетацию культурных растений, плодovitость домашних животных, а значит ее распространение должно быть регламентировано.

Важную роль при построении коммуникативной ситуации играет следование человека выработанным традицией правилам отбора и интерпретации значимых звуков, а также нормам поведения в рамках контакта с этими звуками. К «сбоям» в «нормальной» коммуникации неприменно приводит неверно дешифрованный звуковой код. Так, во многих традициях «пение курицы петухом» трактуется как предвестие беды, но иногда человек неверно расценивает конкретные сообщения не-человеческого партнера, в чем птица (уже не на своем, а на человеческом языке) упрекает человека во сне: «Еслі курыца запяець, дрэнна. Кажуць, тады нада галаву ёй адсякаць, каб не на бяду. Курыца сматра як і на бяду, і на вяселле пяець. Мужык вёз жыта першы воз. Ну і вароты былі закрытыя, так ён каня аставіў, адкрываць вароты, а курыца “гоп” на вароты і за- паяла. Ён як даў гэтай курыцы! І ўбіў курыцу гэту. Тады яму ноччу сасніўся сон: “Ты ж загубіў маіх дзетак”. А яна сядзела і выседзела цыплят, як мы эта завем – бахуры. І яна ўжо з радасці [запаяла], што ён вязець і будзе чым цыплят карміць. А ён забіў. А тады знайшлі ў хляве цыплят, выйшаўшых ўжо» [ФЭАБ; Зеленки, Мядельский р-н].

Происхождение птиц от людей

О нерелевантности для мифологического сознания резкого разделения и противопоставления сфер человеческого и *птичьего* свидетельствуют многие антропогонические и арнитогонические легенды. Согласно довольно многочисленным записям, в том числе современным, такие птицы, как кукушка, аист и др., произошли от людей. Этим, кстати, часто мотивируется запрет убивать птиц, разрушать их гнезда: «А буськів, знаіш, іх ныльзязабываты, бо гэто ж чоловік. Він став буськом, бо колысь, ек много

всякіх гадыў было на зымлі, Бог собрав іх у горшэчок і прыніс, отдав чоловіковы, шоб заніс іх і кынув в болото. Сказав, шоб ны открывав, бо накажэ ёго. Чоловік послухав, лёг спаты, а ў ёго була жінка, і вэльмэ ж любопытна. Вона подпільновала, ек він за-снуб, і рышыла заглянуты, одкрыла, а воны ек попруть оттуда, вона ек закрычыць... Мужык вскочыв, а божэ ж мій, давай іх собыраты, а воны расповзаюця. Бог побачыв і кажэ: «Я ж тобі казав ны открываты. А за тое, шо ны послухав, ты і твоя жінка будытэ іх собыраты, пока усі ны позбыраетэ». Так і пырыкынув іх у буслыв. А шо чоловік був у білому споднёму і чорный світы, шо накынув, так і зробывся: грудына біла, а спына чорна» [ФЭАБ; Трилиски, Ивановский р-н]. Подчеркнем, что метаморфоза человека в птицу обычно является формой его наказания за грех, невыполнение определенных правил и предписаний.

Птица как податель детей, предсказатель их появления

На довольно репрезентативном фольклорном материале реконструируются представления о птице-медиаторе – подателе человеческих детей, трактуемых как дар природы. Для этих целей трудно найти более показательные данные, чем известные и по сей день в Беларуси и других странах Европы в качестве шуточных формулы типа «детей приносит аист». Они призваны объяснить детям факт их появления на свет («А как у вас объясняли детям, откуда они взялись? – Ну, бусынь прыніс, у комын кынуў, кажуть, такой замазаны буд, помылы ёго – і став чыстынькый» [ФЭАБ; Еремичи, Кобринский р-н]). Модель «подателями детей выступают птицы» в различных вариантах, по точным наблюдениям Л. Виноградовой, широко представлена в полесской традиционной культуре [5]. Характерно, что многочисленные тексты не ограничиваются констатацией того, что птицы – представители природно-космического мира – просто приносят младенцев людям. Минимальные формулы «аист (ворона, журавль, ястреб и др.) принес» нередко сопровождаются уточнениями, что ребенок был извлечен птицей из воды, листьев, травы (ср.: «Буська з кубла выкынуў») и покинут (обронен) в природном (как освоенном, так и не освоенном человеком) пространстве: «Бусел нясеть ў клюви. Сел на болото и упустиў яго ў воду – я забрала» [5, с. 182]. Согласно кашубским записям, аист вытаскивает новорожденных младенцев из болота, моря («первосубстанций»), он же бросает в дом лягушек (хтонических существ, имеющих мифопоэтическую связь с душами умерших людей и с матерью, которая может также считаться местом зарождения и проживания земноводных). Лягушки, пролетая в дымоходе, превращаются в грудных детей [5, с. 174] (ср. кашубские фразеологизмы, относящиеся к периоду до рождения ребенка, когда он «еще с лягушками играл» или его «аист на хвосте носил»). В связи с рассматриваемым аспектом семиотизации птиц интересны песни белорусов и украинцев, по которым рожденного на природе ребенка мать (часто жнея) оставляет на попечение птицам – своеобразным заместителям родителей, нянек.

Кроме того, что птица является подателем, «средством доставки» и «нянькой» ребенка (как законнорожденного, так и бастарда), она предвещает его появление в человеческом мире. Так, упомянутое выше кугукание совы на Полесье считается «предупредительным сигналом» того, что родится внебрачный ребенок, также как и крик кукушки около дома (имеющей, по народным представлениям, безбрачный статус) интерпретируется как известие о скором появлении в нем «байструка»: «Як кукушка кукуе ...прыйдэ до мэнэ на дэрэво, сядэ тут на мое, знай, шо дивка байструка зробыць, як шо е дивка в хати. Як вжэ дэ в лисэ, нэдалёко кукуе, то гэто еи пытають, а як куе ...на дэрэво сядэ свое – знай, шо як дочка е, то будэ з байструком!» [ФЭАБ; Спорово,

Березовский р-н]. Кстати, эта порвавшая связь с детьми птица приносит «человеческим» родителям печальную весть о том, что их повзрослевшие дети порвут с ними связь: *«Кого кукушка, пролетая, обгадит, тот брошенный детьми будет»* [г. Береза].

Неизбыточность «чужого в своем», или *птичья* компонента человека

Искомой ценностью родильных ритуалов, как известно, является человеческий, т.е. социализированный ребенок. После рождения детей – пришельцев из природно-космического мира – посредством целого комплекса ритуалов старались возвести границу между природно-космическим, не-человеческим и человеческим, по возможности избавить всех новорожденных от «отприродных», в том числе *птичьих*, признаков (которые часто трактовались как детские болезни) и наделить признаками культурными, т.е. природных детей переделать (доделать) в человеческие. Социализация ребенка – дара природы – включала среди прочего возвращение его «отприродных» характеристик природным же существам, в наследство от которых он их получил, в частности ненормированный крик отдавался курам (домовым духам, связанным с ночницами, появляющимися вместе с рождением ребенка). Соответственно, ритуальная терапия базировалась на идее символического раздела и обмена, перераспределения общей доли между человеком и не-человеческим, в том числе *птичьим*, партнером по коммуникации нового утверждения сфер влияния [6, с. 294]. Отметим, что в наличии значительной аномативной «отприродной» компоненты у ребенка нередко винили его мать, которая, нарушив традиционные нормы, предписания и запреты, отправила (пусть даже произвольно, т.е. это не был посыл) неприемлемую для партнера *птичьей* природы информацию. Появление волосков, пятен (знаков) на теле ребенка часто понималось как результат несоблюдения беременной норм контактирования с домашними птицами, в частности, курицей (ср. белорусское наименование детской болезни *крылішчы*). Характерно, что куры – медиумы между мирами – фигурируют в лечебных ритуалах, направленных на удаление болезни в не-человеческий мир, возвращение ее *птичьим* хозяевам.

Тем не менее для комплекса родильной (как, кстати, и похоронной) обрядности и многих жанров фольклора реконструируются представления о избыточности в человеке *птичьей* (шире – «отприродной», иномирной) компоненты. Да и как же от нее избавиться, если птица и есть средоточие жизненной силы человека, его душа? В этом плане характерны представления, что ребенок в материнском чреве опасен для беременной, поскольку он забирает орнитоморфную душу матери. По поверьям жителей польской Силезии, роженица во время родов лишается души, т.е. ее душу забирает ребенок. С целью компенсации недостачи предписывается сварить курицу или голубя и дать съесть роженице [7, с. 68].

Птичье (шире – «отприродное», зоодемоническое, «чужое») мыслится в человеческом, «своем» точно так же, как и человеческое в *птичьем* (человек, превращенный в птицу; мстящие, ревнующие аисты). Соответственно, даже «правильное» включение ребенка в этот мир, его перерождение и доделывание посредством комплекса ритуальных действий не исключают возможности актуализации/возвращения его «отприродных» данных. Причем это возвращение характерно не только периоду раннего детства (детские болезни), но и зрелости (хотя она наиболее близка понятию нормы). Другими словами, «отприродные» (в данном случае *птичьи*) признаки возвращаются в ситуациях демонизации, «одичания» (например, в результате проклятия) взрослого человека. *Птичьи* (шире – зооморфные) признаки, «проступающие по краям» человеческой личности, обычно отличают человека от не-человеческого существа (птичьи лапы, хвост

как показатели демонической сущности). Птицы, животные, бесы могут находиться и внутри человека, имеющего отклонения от нормы. Они выдают свое присутствие среди прочего не-человеческим – птичьим – голосом. Так, согласно севернорусским свидетельствам, икота (кликушество) проявляется в том, что больной человек поет петухом. Возвращение человека в гармонизированное состояние, избавление его от порчи, воздействия демонических сил мыслится как извлечение из него перечисленных существ. Но всегда ли это так?

Птица-душа

Согласно ряду народных представлений, птица (реже – животное), находящаяся в теле человека, – это не что иное, как его душа. Естественно, что без такой птицы тело человека становится безжизненным. Выше уже упоминались польские представления о птице-душе, которую ребенок забирает у матери при рождении. Душа имеет *птичью* природу и в полесской быличке об упыре, ходившем ночью по домам и убивавшем спящих людей. Упырь засовывал в горло спящему руку по самый локоть и начинал колотить, добывая душу, и только на третий раз сумел душу «добыть» – «такую птичку, пташечку такую билью, такую блискучую пташечку. А то душа була ёго» [7, с. 71]. В виде желтой птицы могла представляться и душа черта, например, в сюжете о преследовании его Богом: Бог посылает молнию в желтого воробья – «это чортова душа сидзиць» [8, с. 51].

Из всех зооморфных образов и с рождением человека, и с моментом его смерти, и посмертного посещения живых чаще связаны именно птицы (о преобладании птиц и насекомых говорит и самый частый «предикат», соотносимый с душами, расставшимися с телом, – они, как правило, летают) [7, с. 76–77]. В самых различных фольклорно-мифологических традициях исследователями зафиксированы представления о *птичьем* облике духов умерших во время перехода между сферами мироздания и при появлении в человеческом мире, о вселении души умершего в птицу. Жительница д. Леплёвка, похоронившая мужа, рассказывает о его душе-птице: «После смерти прилетала, перед годовщиной. Она прямо в окно полетит, она не стучит. Она заглядывала в окно, птичка. Хвост длинный, красивый, клюв на сантиметров 5. Мы сами так с детьми решили, что это, может, наш папа, потому что месяц и даже больше она к нам в окно заглянет и всё прилетает» [ФЭАБ; Леплёвка, Брестский р-н]. Посмертный облик, воплощение/вселение души часто зависят от праведности/греховности ее обладателя, при этом обычно «предпочтительно» *птичье* существование души. Согласно полесским верованиям, «птичкой може сделаться душа только у праведного, у грешного нет» [ПА; Бостынь, Лунинецкий р-н]; «если Бог полюбит, то посылает его душу у хорошую птицу, лошадь, корову, а як Бог не любил – его ў собаку, у вредную корову» [7, с. 72]. Злые души, души умерших некрещеных детей летают в виде ночных птиц, а также показываются в виде черных ворон («чистые» же души появляются как белые птицы).

В некоторых нарративах в образе птицы (или мыши) может совмещаться или смешиваться представление о душе и о смерти (душа-смерть): об этом свидетельствует появление птицы (или мыши) при умирающем до того, как наступила смерть, т.е. до выхода души из тела [7, с. 77]. В связи со сказанным интересны народные объяснения снов с образами птиц как предвестников смерти, а также совмещение представлений о крике птицы и вое собаки как знаменьях смерти: «Калі чулувік балеет і ноччу на яго забор сядыць птіца і будыць выты, як субака, тугды хучэй за всё чулувік пумрэ. Это то правда, я на субі испытала» [ФЭАБ; Колодно, Каменецкий р-н].

Встречаются верования, по которым душа может принимать предметный образ, так либо иначе связанный с орнитоморфным кодом культуры, например, показываться в виде яйца. Предположительно, образ «души-яйца» коррелирует с представлениями о появлении людей из яиц. В этой связи интересны легенды из Галиции о людях из яиц, которые после смерти обречена нести Ева [8, с. 247], сказки о высиживании бабой или курицей сыновей из птичьих яиц и белорусские народные объяснения снов, согласно которым увиденное во сне яйцо предвещает женщине рождение дочери [ФЭАБ; Стайки, Ивацевичский р-н]. По мере десакрализации текстов с мотивами зачатия и рождения людей «предметные» образы переходили в детский фольклор и припевки типа «Я не папина, я не мамина. // Я на улочке расла, // Меня курочка снесла» [ФЭАБ; Малеч, Березовский р-н].

Заклучение

В традиционной картине мира белорусов глубоко укоренились представления о своеобразном диффузном взаимопроникновении, «взаимообратимости» человеческих и *птичьих* форм жизни. Отношения между человеком и его *птичьим* партнером по коммуникации носили характер взаимозаинтересованности, эквивалентности, договоренности. Птицы оказались включены в духовные переживания и жизненные ценности, в вековечный дискурс о природе человека (которая ни традиционным, ни современным сознанием не воспринимается как надвременная онтологическая константа). По разножанровым данным фольклора, до наших дней в живом бытовании (в частности, в Полесье) дожили реликты мифологических представлений о птицах как воплощениях (форме, субстанции) душ, которые могут находиться как в этом, так и потустороннем мире, а также в теле человека; как объектах вселения человеческих душ; переносчиках младенцев из мира природно-космического в мир человеческий (или из потусторонней сферы в мир окружающей природы) и даже как биологических «родителях» (т.е. снесших яйца) и «няньках» человеческих детей. Сохранились также представления, что *птичьё* живет в человеке, иногда проступая из-под его личины. Вместе с тем человеческое, личностное, имеющее внутреннюю способность вступать в отношения, не чуждо *птичьей* форме жизни, с которой на эколого-эмпатических, не-антропоцентрических началах представители традиционалистских культур считали необходимым вести живой диалог с целью преодоления энтропийности, разрешения широкого круга кризисных ситуаций. Причем *птичьего* партнера «добрым» (поддерживающим жизнедеятельность социума) либо «злым» (отвечающим неприемлемым для человека способом на его коммуникационную ошибку) часто делают качества самого человека, проявленные в его поведении как адресанта. А это придает первостепенную значимость нравственному контролю.

СОКРАЩЕНИЯ

ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва)
ФЭАБ – Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории БрГУ им. А.С. Пушкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Міфалогія беларусаў : энцыклапед. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

2. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. / склад. А.У. Лобач, У.С. Філіпенка. – Наваполацк : ПДУ, 2011.

3. Пузыревский, В.Ю. Проблема палеопсихологических основ мифологического мышления / В.Ю. Пузыревский // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – СПб., 2001. – С. 300 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://filosfak.ru/biblio>. – Дата доступа : 27.02.2013.

4. Гура, А.В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях / А.В. Гура // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого / РАН, Ин-т славяноведения ; ред. кол.: Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. – М. : Индрик, 1998. – С. 95–102.

5. Виноградова, Л.Н. Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей / Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – С. 173–187.

6. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.

7. Толстая, С.М. Славянские мифологические представления о душе / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / РАН, Ин-т славяноведения ; ред. кол.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая (отв. ред.). – М. : Индрик, 2000. – С. 52–95.

8. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой; отв. ред. В.Я. Петрухин. – М. : Индрик, 2004. – 576 с.

Shved I.A. About Archaic Model «People – birds» in Belarusian Folklore

The article affirms that people of traditional culture lived together (in all senses of the word – in the connection communication') with birds. Relics representations of birds have survived (particularly in Polesie), such as: incarnations (form, substance) souls; objects in the universe of the human soul, and the carriers of children from the world of nature-space to the world of human; biological «parents» of human children, which go out of the eggs; creatures, in the human body as his soul or demonize illness or healer cleaner (snake); mediators between man and nature and the cosmic world, God or evil spirits; guises warlock, witch or «spoiled» their man, other demons, etc.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.05.2013

УДК 316.344.5

И.И. Котляр

**РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
СЕМИНАР ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОМУ
ОБЩЕСТВУ КАК ЯВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ**

С 2009 г. в Брестском государственном университете А.С. Пушкина работает Межвузовский (республиканский) научно-методологический семинар прав человека и гражданского общества. Учредители семинара – кафедра политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина и Департамент общественной информации Представительства ООН в Республике Беларусь. За истекшее время рассмотрены такие проблемы, как «Преподавание прав человека в высших учебных заведениях: опыт, проблемы, перспективы» (2009 г.), «Опыт, методика, проблемные вопросы изучения Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и Хартии основных прав Европейского Союза в учебном курсе “Права человека”» (2010 г.), «Совершенствование системы обучения правам человека. Права человека: понимание и роль в современном обществе» (по концепции и методике профессора И.И. Котляра)» (2011 г.), «Гражданское общество как среда для реализации прав человека» (2012 г.).

3–4 апреля 2013 г. обсуждена проблема «Основные механизмы защиты и обеспечения прав человека». В работе семинара приняли участие преподаватели из БГУ; Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого; Гродненского государственного аграрного университета; Барановичского государственного университета; Могилевского государственного университета продовольствия; Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова; Брестского государственного технического университета; Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина; Института философии НАН РБ; Белорусского национального технического университета; Академии управления при Президенте Республики Беларусь; Европейского гуманитарного университета (г. Минск); представители Брестского облисполкома, ряда общественных организаций, действующих в г. Бресте и Брестской области. Участие в семинаре также приняли представители БДИПЧ ОБСЕ; Украинской секции Международного общества прав человека; Главного управления многосторонней дипломатии МИД Республики Беларусь. Активное участие в работе семинара приняли преподаватели БрГУ имени А.С. Пушкина. Проблемное поле семинара: международная и региональная система защиты прав человека; роль общественных организаций и гражданского общества в защите и обеспечении прав человека; проблемы совершенствования национальной системы защиты прав человека в Республике Беларусь; опыт, деятельность Уполномоченного по правам человека в странах СНГ и Евросоюза; права человека и двойные стандарты; защита и обеспечение прав социальных общностей: детей, молодежи, женщин.

На семинаре было заслушано более 30 докладов и сообщений по различным аспектам рассматриваемой проблемы. С большим вниманием на пленарном заседании были заслушаны доклады «Права и свободы граждан как элементы государственной идеологии Республики Беларусь» В.А. Мельника, доктора политических наук, профессора Академии управления при Президенте Республики Беларусь; «Учреждение института Уполномоченного по правам человека в Беларуси как важнейший фактор обеспечения

прав и свобод» Г.А. Василевича, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного права БГУ; «Уполномоченный по правам человека – ключевой институт в реализации Всеобщей Декларации прав человека и соответствующих норм Конституции Республики Беларусь» В.А. Божанова, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой мировой и национальной культуры Белорусского национального технического университета; «The EU and Human Rights» Р. Ришара, первого советника, руководителя отдела политики, прессы и информации Представительства Европейского Союза в Республике Беларусь; «ОБСЕ и права человека» О. Фишера, заместителя главы Департамента по правам человека БДИПЧ ОБСЕ; «О национальной системе защиты и обеспечения прав человека в Республике Беларусь» И.И. Котляра, профессора кафедры политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина.

Семинар, как отметили его участники при подведении итогов, прошел успешно. Обсуждены проблемы совершенствования механизмов защиты прав человека, состоялась творческая дискуссия по проблеме «Уполномоченный по правам человека», участники которой высказались за учреждение института Уполномоченного в нашей стране. Принципиально важно, что в рамках семинара состоялся диалог между представителями университетской среды, государственных органов и неправительственных организаций, в том числе и международных. По общему мнению, диалог оказался конструктивным и полезным. Полезным, в том числе и потому, что были заслушаны оценки разных сторон: Представительства ООН и Евросоюза в нашей стране, Международного общества прав человека, БДИПЧ ОБСЕ и Главного управления многосторонней дипломатии МИД Республики Беларусь. Стоящие перед семинаром задачи выполнены, выработаны рекомендации, направленные на дальнейшую реализацию прав человека. По итогам семинара состоялась пресс-конференция для журналистов и средств массовой информации. Семинар высоко оценил роль Представительства ООН в Республике Беларусь в его подготовке и проведении, а также работу оргкомитета. Было принято решение издать материалы семинара в издательстве БрГУ имени А.С. Пушкина под редакцией профессора кафедры политологии и социологии И.И. Котляра (председатель оргкомитета) и создать на базе университета Республиканский образовательный научно-методический центр по изучению и преподаванию прав человека.

Семинар состоялся, стал явлением научной жизни страны. Состоялся потому, что деятельность его активно поддержало Представительство ООН в Республике Беларусь, которое оплачивает командировочные расходы многим его участникам, издание материалов семинара. Глава Департамента общественной информации Представительства ООН в Республике Беларусь В.В. Радивиновский проявляет постоянную заинтересованность, оказывает практическую помощь, лично принимает участие в работе семинара. Семинар состоялся и потому, что имеет место поддержка со стороны ректора университета, доктора исторических наук, профессора М.Э. Чесновского. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что мы в практической деятельности следуем рабочим принципам семинара:

1. Семинар является формой научного осмысления поставленной проблемы.
2. Мы учитываем специфику формы семинара и прежде всего тот факт, что его работа проходит место в учебном заведении, государственном высшем учебном заведении.
3. Мы не претендуем на всеобщий охват всех аспектов обсуждаемой проблемы, понимая, что нельзя объять необъятное.

4. Наш принцип – это малые конкретные дела. Мы несем знания. Многие этого недооценивают. Но не будем забывать, что сумма этих конкретных дел может дать нечто большее – другое качество.

5. Мы за диалог всех общественных сил, тем более на научном уровне. Мы содействуем и будем содействовать, чтобы он имел место и чтобы не оказался «диалогом глухих».

6. Важнейший принцип семинара – обсуждать возникшие проблемы в спокойной атмосфере. Нас не пугают хлесткие слова и фразы, ярлыки, шумовой эффект, который нередко создается вокруг проблемы прав человека. Известный немецкий философ Ф. Ницше писал: «Не вокруг творцов нового шума, а вокруг творцов новых ценностей вращается мир». Права человека – величайшая ценность XXI в., и шум только вредит.

7. Мы против политизации прав человека, абсолютизации их роли в жизни общества. Мы рассматриваем права человека как явление мировой культуры и цивилизации.

Мы за рассмотрение прав человека прежде всего как явления мировой культуры и цивилизации. Такой подход находит все больше сторонников. Учет ценностей традиционных культур позволяет расширить и активизировать деятельность по защите прав человека. При этом учитывается, что все культуры пронизаны определенными общими принципами: ни одна культура не допускает эксплуатации человека; ни одна религия не разрешает убивать невиновных; ни одна цивилизация не принимает издевательства и террора; издевательства противоестественны человеческому сознанию; жестокость и беспощадность считаются неприемлемыми явлениями в любой культурной традиции.

Материалы проведенного семинара изданы благодаря поддержке Представительств ООН и Евросоюза в Республике Беларусь. С ними можно ознакомиться в Национальной библиотеке РБ, библиотеках БрГУ имени А.С. Пушкина, Академии наук Беларуси, на кафедре политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина.

15 мая 2014 г. состоится очередное заседание республиканского семинара на тему «Научно-методические аспекты образования в области прав человека».

*И.И. Котляр, руководитель республиканского семинара,
профессор кафедры политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина*

Звесткі аб аўтарах

- Алейнікава С.М.** – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага кіравання сацыяльнай сферай і беларусазнаўства Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, дактарант Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь
- Алейнік К.** – доктар інжынерных навук, прафесар, супрацоўнік Польскага навукова-тэхнічнага эксплуатацыйнага таварыства ў Варшаве (Рэспубліка Польшча)
- Александровіч Т.В.** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Бардун А.Ю.** – кандыдат геаграфічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры турызма Львоўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя І. Франка (Украіна)
- Бяляева А.В.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Васілевіч Г.А.** – доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Возьняк Г.** – магістр, асістэнт, супрацоўнік Інстытута аўтамабільнага транспарта ў Варшаве (Рэспубліка Польшча)
- Гарбацкі А.А.** – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна; прафесар звычайны Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)
- Гласкоўска-Салдатаў М.** – доктар гуманістычных навук у галіне педагогікі, выкладчык факультэта педагогікі і псіхалогіі Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)
- Гурнікевіч Я.** – доктар гуманістычных навук у галіне педагогікі, выкладчык факультэта педагогікі і псіхалогіі Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)
- Дабрадум В.В.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры журналістыкі Адэскага нацыянальнага ўніверсітэта імя І.І. Мечнікава (Украіна)
- Дубіна К.М.** – выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Дудэль Б.** – доктар гуманістычных навук у галіне педагогікі, выкладчык факультэта педагогікі і псіхалогіі Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)
- Жыдкоў А.У.** – студэнт V курса факультэта фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Зданевіч А.А.** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Кавалевіч М.С.** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Котляр І.І.** – кандыдат філасофскіх навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Кузьмін А.Д.** – магістр гістарычных навук, выкладчык кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання
- Лагуноўская А.А.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Лысюк А.І.** – доктар палітычных навук, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Ляпешка А.Б.** – аспірант кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мікельсонэ І. – доктар педагагічных навук, асацыятыўны прафесар, віцэ-прэзідэнт Міжнароднай акадэміі гуманізацыі адукацыі, дэкан факультэта педагагічных і сацыяльных навук Універсітэта г. Ліепая (Латвійская Рэспубліка)

Петруковіч Д.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Піваварук Т.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры методыкі выкладання матэматыкі і інфарматыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Сакалоўская М.Р. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Севарын С.М. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі, дэкан факультэта замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Седзель А.Я. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Сілюк Т.С. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Філіпэк А. – магістр гуманістычных навук ў галіне педагогікі, супрацоўнік псіхалага-педагагічнага факультэта Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)

Храмаў С.М. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Цеканоўскі З. – доктар гуманістычных навук ў галіне эканомікі, дацэнт Дзяржаўнай вышэйшай тэхніка-эканамічнай школы імя ксяндза Б. Маркевіча ў Яраславе (Рэспубліка Польшча)

Часноўскі М.Э. – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чмыга А.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Швед І.А. – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускага літаратуразнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шкарупа Г.В. – студэнтка V курса спецыяльнасці «Дзяржаўнае кіраванне і эканоміка» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шукевіч Л.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ярмолік А.У. – магістрант кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Яскевіч М. – кандыдат інжынерных навук, ад’юнкт Свентакшыскага політэхнічнага інстытута ў Кельцах (Рэспубліка Польшча)

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 03.02.2014. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 30,69. Ул.-выд. арк. 24,15.

Тыраж 100 экз. Заказ № 49.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.